проф. П. Я. Черных

Историческая грамматика русского языка

УЧПЕДГИЗ - [illegible]

проф. П. Я. Черных

Историческая грамматика русского языка

Краткий очерк

ПОСОБИЕ
ДЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
И УЧИТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА · 1952

Художник
Б. С. Никифоров

I. ВВЕДЕНИЕ

1. „ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА". ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЭТОЙ НАУКИ

§ 1. „Историей, или исторической грамматикой, русского языка" называется наука о внутренних законах развития русского языка, о том, как сложился современный русский язык, его грамматический строй и словарь, его фонетическая система и письмо, как в результате постепенных изменений из того качественного состояния, в котором находилась восточнославянская речь на заре истории нашей страны, возникло современное качественное состояние русского языка.

Развитие языка, постепенное накопление элементов нового качества заключается в том, что элементы „структуры", или, иначе, строя языка: „звуки речи", или фонемы, словообразовательные морфемы (например, суффиксы), формы склонения и спряжения, наконец, сами слова с их значениями, с течением времени одни исчезают, другие появляются, одни раньше, другие позже, меняется их место в целом, их участие, их роль в выражении мысли.

Не все эти изменения в одинаковой степени заметны для людей, говорящих на том или другом языке. Более всего заметны лексические изменения и, в особенности, новые явления в словаре, новые слова и новые значения слов. Темпы лексического, словарного обновления языка являются более быстрыми, чем темпы обновления других сторон языка. Однако и здесь следует различать, с одной стороны, основной словарный фонд языка, заключающий в себе все основные слова (*вода, земля, гора* и т. п.), необходимые для того, чтобы язык мог служить средством общения между людьми, и, с другой,— группы

слов, находящихся за пределами основного словарного фонда. Тогда как группы неосновных слов словарного состава отличаются большой и постоянной подвижностью, основной словарный фонд накапливается очень медленно, в течение веков. Ещё медленнее протекают изменения в области собственно грамматического строя языка (морфологии и синтаксиса), в области словообразования, склонения и спряжения, в структуре предложения. Поэтому и заметить их труднее, и часто человеку в конце его жизненного пути не без основания кажется, что язык, на котором он говорит, в грамматическом отношении не подвергся никаким изменениям.

Очень медленными темпами (если, конечно, развитие языка не нарушается изменениями „внешнего" характера, обусловленными исторической жизнью народа, следствием чего является, например, полное или частичное вытеснение территориального диалекта литературным языком или даже другим территориальным диалектом) отличается также развитие звуковой стороны слов и форм. Фонетические изменения обыкновенно становятся заметными только в течение длительного отрезка времени, выходящего далеко за пределы одной человеческой жизни. Эта устойчивость фонетической системы языка, фонетической стороны слов и форм, конечно, находится в прямой связи с устойчивостью основного словарного фонда и грамматического строя языка.

Только на первый взгляд может показаться, что изменения, происходящие с течением времени в языке, имеют беспорядочный характер. Если бы так обстояло дело, то, конечно, в этом случае никакой язык невозможно было бы изучать в его развитии. Но дело обстоит иначе.

В результате долгого, кропотливого и упорного труда языковедам удалось доказать, что изменения, наблюдающиеся в языке, происходят закономерно. При этом было обнаружено, что закономерности развития разных сторон языка (звуковой, или фонетической, морфологической и т. д.) не являются одинаковыми. Другими словами, звуковая сторона того или иного языка изменяется по своим законам (фонетические законы), которые по своему характеру и природе отличаются от законов развития, например, морфологической стороны языка (законы грамматической ассимиляции (аналогии) и диссимиляции, или „омонимического отталкивания", контаминации, пере-

разложения основы и пр.); своими собственными закономерностями характеризуются изменения реальных значений слов (сужение и расширение значений и др.) и развитие словаря и т. д. В то же время наблюдается взаимодействие разных сторон языка: фонетические и лексические изменения часто влекут за собою изменения в области грамматического строя, морфологические изменения оказываются связанными с синтаксическими, не говоря уже о связи, например, фонетических изменений с изменениями в алфавите и в орфографии.

В итоге действия всех этих законов, как уже сказано, одни элементы языка („звуки речи", слова, грамматические формы и пр.) исчезают, каждый в своё время, другие вновь возникают, изменяется их место и роль в процессе речи. Но это не есть беспорядочная замена одних элементов другими. Развитие языка не есть бесцельное и бессмысленное топтание на месте. В конечном счёте одни элементы языка вытесняются другими потому, что новые элементы, при новом их использовании в целом, в предложении, позволяют людям выражать свои мысли лучше, чем прежде. Таким образом, внутренними законами развития языка следует считать не любые закономерности его изменения, а законы его усовершенствования, законы, которые управляют движением языка вперёд, по восходящей линии, от низшего к высшему.

Язык как общественное явление развивается по своим внутренним законам, которые существенно отличаются от законов развития других общественных явлений.

Другие общественные явления (например, политический строй, право, искусство, литература и пр.) развиваются как надстройки. Язык же не является надстроечной категорией. Как общественное явление, он характеризуется рядом специфических особенностей. Эти особенности,— учит И. В. Сталин,— „состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной

науки,— языкознания. Без этих особенностей языка языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование"[1].

Язык не является надстройкой. Следовательно, его жизнь, его развитие не являются простым преломлением развития экономического строя общества.

„Язык порождён не тем или иным базисом,— говорит товарищ Сталин,— старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков"[2].

На примере истории русского языка со времени смерти Пушкина, за период свыше ста лет, И. В. Сталин разъяснил, что развитие языка не определяется развитием экономического строя общества и сменой общественных формаций, что смена базисов, замена одного экономического строя другим не влечёт за собою замену одного языка, с его грамматическим строем и основным словарным фондом, другим языком, не влечёт за собою коренной перестройки языковой системы. Изменения в языке, вызванные сменой базисов, конечно, имеют место, но они касаются, как правило, словарной стороны языка, да и то лишь — неосновных частей словаря.

„За это время,— говорит товарищ Сталин,— были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина"[3].

Не являясь надстройкой, не будучи надстроечной категорией, язык (с его основным словарным фондом и с его грамматическим строем) всегда принадлежал и принадлежит всему народу в целом, даже в обществе с антагонистическими классами, и в этом смысле всегда является общенародным. „Он создан,— учит товарищ Сталин,— не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 36.

[2] Там же, стр. 7.

[3] Там же, стр. 9.

Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать всё общество, все классы общества. Этим собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, подымающийся строй; как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых" [1].

Главный порок, коренная ошибка так называемого „нового учения о языке", созданного Н. Я. Марром и его учениками, как раз и заключается в том, что язык был объявлен этими вульгаризаторами марксизма надстроечной и одновременно классовой категорией. Во всяком явлении языка (фонема, грамматическая форма, слово) стали искать отражения классовой идеологии людей, говорящих на том или другом языке, идеологии, связанной с тем или иным уровнем развития экономического базиса. Стали насильничать над языком, видеть в явлениях языка то, чего в них на самом деле не было. Изучение языка было направлено по ложному пути. В языкознании возник тяжёлый кризис. Из этого кризиса науку о языке вывел И. В. Сталин, гениальные труды которого по вопросам языкознания являются основополагающими для нашей науки.

Одним из важнейших положений сталинского учения о языке следует считать то положение, что язык (звуковой язык, или язык слов), несмотря на то, что он не является ни надстроечной, ни классовой категорией, представляет собою *общественное явление, жизнь и развитие которого неразрывно связаны с жизнью и развитием общества*, которое в свою очередь также не может существовать без языка — важнейшего средства общения людей.

„Язык,—учит товарищ Сталин,—относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять

---

[1] И. *Сталин*, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 7—8.

лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка"[1].

Принимая во внимание, что „главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка"[2], и подводя итоги всему, что было сказано выше, мы таким образом можем в окончательном виде определить задачи и содержание истории русского языка как научной дисциплины: история русского языка есть наука о внутренних законах, о закономерностях развития русского языка, развития всех его сторон и элементов, в течение его многовековой жизни, начиная с древнейшего его качественного состояния, в неразрывной связи с историей русского народа, с историей его государственной жизни, его культуры и т. д.

Термин „русский язык" в данном случае понимается в самом широком смысле. В наши дни мы обыкновенно употребляем этот термин только в смысле „великорусский язык". Исторически — это язык Великой Руси, начало формирования которого было обусловлено возникновением новой Руси на северо-востоке распавшейся в XIII столетии „великой империи Рюриковичей". Ввиду того, однако, что историю русского языка невозможно построить отдельно от истории языка восточного славянства в целом, в отрыве от изучения языка восточнославянского населения древней Руси, история русского языка (как и история украинского и белорусского языков) обыкновенно начинается с изучения языка восточных славян древнерусской эпохи, сначала — племенных диалектов восточнославянских племён, потом — языка древнерусской народности, когда ещё не сформировались братские восточнославянские народы — русский (великорусский), украинский и белорусский. Потом прослеживают развитие уже собственно русского (великорусского) языка вплоть до наших дней.

§ 2. Из сказанного можно сделать также некоторые выводы относительно тех связей, в которых „история русского языка" как научная дисциплина находится с другими, в первую очередь, — с другими языковедческими, или лингвистическими научными дисциплинами.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 22.

[2] Там же, стр. 30.

Поскольку история русского языка как наука строится главным образом путём сравнения древнерусского (древневосточнославянского) языка с современным русским (великорусским), она теснейшим образом связана с наукой о современном русском языке во всём его многообразии: с наукой о письменно-литературном и разговорно-литературном общерусском языке образованных людей (научная грамматика), с наукой о современных русских говорах (диалектология), о профессиональных и вообще социально-групповых русских диалектах и пр. Обе науки — о развитии русского языка и о современном его состоянии — настолько тесно связаны одна с другой, что трудно себе представить учёного, который задумал бы специализироваться в области истории какого-нибудь живого языка, не имея чёткого представления о современном состоянии этого языка, или, наоборот, специализироваться в области, скажем, научной грамматики, в области изучения „системы", строя современного русского или какого-либо другого языка на данном этапе его развития, не желая знать его истории и не понимая её. Правда, такое изучение языка иногда бывает вызвано необходимостью (отсутствие памятников древней письменности, родственных связей и пр.). Но результаты такого изучения не являются полноценными: они не дают полного понятия об этом языке.

Как учил В. И. Ленин, основным правилом научного подхода к каждому вопросу является „... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь" [1].

В свою очередь наука о русском языке в той и другой её разновидности находится в связи с общим учением о языке, как явлении общественной жизни людей, — с „общим языкознанием", с „философией языка", т. е. с наукой, обобщающей опыт изучения отдельных языков разного типа в их развитии.

С другой стороны, наука о развитии русского языка не в меньшей степени связана с науками исторического цикла, прежде всего с историей СССР, особенно с историей русского народа, — с экономической и политической историей, с историей культуры и прежде всего материальной (орудия производства,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4-е, стр. 436.

постройки, одежда и пр.), с археологией, как важной отраслью истории материальной культуры, а также с этнографией и фольклором.

Изучение русской лексики в её развитии в течение веков, пожалуй, немыслимо без теснейшей увязки лексических данных с данными истории Русского государства, истории культуры русского народа и других народов СССР.

Такие исторические события, как возникновение древнерусского государства под властью Рюриковичей и, как одно из следствий этого факта, крещение Руси и развитие христианской культуры, повлёкшей за собой утверждение старославянского языка в качестве нового литературного языка в древней Руси; такие исторические явления, как, в более позднее время, возвышение Москвы и процесс собирания русской земли вокруг этого нового мощного центра народной жизни, образование великорусской нации, получившей вскоре ведущую роль в жизни страны, процессы, повлёкшие за собой, в свою очередь, возникновение великорусского языка, и, на основе народной московской речи, возникновение нового литературного языка с его всё увеличивающимся воздействием на язык деревни; такие исторические факты, как многонациональный состав населения нашей необъятной родины, как экономические и политические отношения с древнейших времён русского народа с его соседями внутри страны и за её пределами, как колонизационные движения русского народа и т. д.,— всё это вместе взятое непосредственно и коренным образом повлияло на русский язык, глубочайше отразилось на самом направлении и темпах его развития.

Термин „древнерусский язык" (под которым мы понимаем язык восточнославянского населения древней Руси) требует, однако, уточнения ещё в другом отношении.

Древнерусские люди, построившие Киевское государство, создавшие много культурных ценностей непреходящего значения, не только говорили, т. е. произносили слова, разговаривали на своём древнерусском языке,—они также писали, создавали литературные произведения на этом языке, имели письменность. Но они не всегда писали только на своём родном восточнославянском языке. После крещения Руси они стали пользоваться для этой цели также старославянским языком, т. е. тем общеславянским литературным языком, который сложился в IX—X столетиях на базе славянских говоров Македонии. Правда, на этом литературном

языке в древней Руси писали главным образом книги церковного содержания, связанные с христианским культом. Так или иначе, у древнерусских людей была своя литература, отличавшаяся заметным разнообразием в жанровом отношении.

Таким образом, в старину существовало, собственно говоря, два древнерусских языка: литературный (книжно-литературный и канцелярский, деловой) и разговорный — народный, или, точнее говоря, различные жанры (виды) письменного языка, на который господствующие классы склонны были смотреть как на свою привилегию, и устная общенародная речь.

История русского языка является наукой о народном древнерусском языке и его судьбах и прежде всего о разговорном языке восточнославянского населения древней Руси, о народном языке в его коммуникативной функции, как важнейшем средстве общения, а, кроме того, также о формах и способах литературной обработки народной речи, о нормах литературного языка в древней Руси и о его развитии, тем более, что о живом разговорном языке восточнославянского населения древней Руси мы имеем возможность судить главным образом постольку, поскольку он получил отражение в памятниках нашей древней письменности.

В новейшее время, однако, в связи с усложнившимся пониманием задач лингвистического анализа литературных текстов (труды акад. В. В. Виноградова и др.), история литературного русского языка у нас мало-помалу начинает выделяться в самостоятельную лингвистическую дисциплину, связанную почти в одинаковой мере, с одной стороны, с историей народного „просторечия", а с другой — с историей русской литературы и русского искусства вообще.

§ 3. Из того, что было сказано выше о связи истории русского языка с наукой о современном русском языке, вытекает, что и в школьной практике преподавание основ научной грамматики современного русского литературного языка не может быть оторвано от основных данных и выводов науки о прошлом русского языка.

Этот вопрос об историзме в преподавании русского языка в средней школе впервые в полной мере был поставлен более ста лет назад Ф. И. Буслаевым в его замечательной книге „О преподавании отечественного языка" (1844 г.). Позже по этому вопросу последовал целый ряд развёрнутых высказываний как со стороны ведущих языковедов, историков русского языка, дея-

телей высшего образования — И. И. Срезневского, А. А. Шахматова и др., так и со стороны работников средней школы. К началу Великой Октябрьской социалистической революции, в результате длительной дискуссии, вопрос о введении элементов исторического изучения в преподавание русского языка в средней школе принципиально был решён в положительном смысле, но не было достигнуто полного соглашения относительно способов реализации этого важного решения: в форме ли введения в учебные планы средней школы отдельного курса русского языка, или путём „пронизывания" школьных занятий по языку принципом историзма.

После Великой Октябрьской социалистической революции этот вопрос был снова поставлен в связи с перестройкой всей системы народного образования и выдвижением основной задачи советской школы — коммунистического воспитания молодёжи на основе диалектико-материалистического мировоззрения.

Идея историзма, идея развития, идея вечного движения, как следствия борьбы внутренних противоречий, борьбы противоположностей, идея поступательного движения, „как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему" [1], является одним из основных положений диалектического материализма. Отсюда и понимание языка как поступательно, прогрессивно изменяющегося явления общественной жизни, постоянно пребывающего в движении, постоянно развивающегося, в течение ли столетий или в течение того короткого промежутка времени, которые мы имеем в виду, когда говорим, например, „современный русский язык". Чем продолжительнее период жизни языка, тем более полно и всесторонне обнаруживаются сущность и характер языкового развития. Вот почему и в средней школе, для того чтобы учащиеся могли составить достаточно ясное представление о языке как поступательно развивающемся явлении, необходимо дополнять изучение основ науки о *современном* русском языке некоторыми важнейшими данными, касающимися *древнерусского* языка и его *истории*.

Как это сделать, в *какой* дозе, на *котором* году обучения и пр., — всё это вопросы чисто педагогического свойства. Рас-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, Госполитиздат, 1951, стр. 102.

смотрением этих вопросов занимается методика преподавания русского языка. Но одно обстоятельство всё же необходимо отметить и подчеркнуть: историзм в преподавании русского языка в средней школе не есть нечто постороннее, не увязанное органически с изучением современного русского языка — бесспорно главной и основной задачей школьных занятий по языку. Если преподавание русского языка в средней школе действительно строится на научных началах и, следовательно, на объяснении рассматриваемых фактов, то сознательное, осмысленное (а не основанное только на механическом запоминании) изучение норм современного русского языка просто невозможно без исторического освещения.

В особенности это относится к разного рода пережиточным явлениям в морфологии и в синтаксисе, которых всегда бывает достаточно во всяком живом языке на каждом этапе его развития. Являясь пережитками иногда весьма отдалённого прошлого, осколками прежней, изжитой системы данного языка, они противоречат его современной системе (а иногда и просто здравому смыслу).

Почему, например, мы говорим *два стола, две книги* и т. п., употребляя форму родительного падежа единственного, а не множественного числа существительного, как следовало бы по смыслу, поскольку речь идёт не об одном предмете? Недаром украинцы говорят *два столы* и т. п., да и мы в косвенных падежах употребляем формы множественного числа: *двух столов, двум столам* и т. д. — Только потому мы так говорим, что в русском языке когда-то существовало двойственное число, и словосочетания, о которых было упомянуто, представляют собой своеобразный осколок этой разрушенной с течением времени старой системы чисел в склонении существительных.

Почему у нас не спрягаются (т. е. не изменяются по лицам) глаголы в прошедшем времени (*я писал, ты писал* и пр.), тогда как в настоящем и будущем спрягаются, и всегда ли так было? — Потому что в древнерусском языке носителем спряжения в прошедшем времени был вспомогательный глагол *есмь*, который присоединялся к причастным формам с суффиксом *л* от спрягаемого глагола и который по ряду причин вышел из употребления в более позднее время (см. § 100). Поэтому нам и приходится теперь пользоваться личными местоимениями в прошедшем времени (**я** писал, **ты** писал, **мы** писали, **вы** писали и пр.), без кото-

рых мы легко обходимся в настоящем и в будущем (*пишу, пишешь* и т. д.).

Почему нельзя сказать о себе: „войдя в комнату, Ваня сидел у окна"? — Потому, что получается не „когда я вошёл в комнату, а „когда Ваня вошёл в комнату, он же (Ваня) и сидел у окна". У Л. Н. Толстого, например, в „Хаджи Мурате" встречается такая фраза, заимствованная им из просторечия: „накурившись, между солдатами завязался разговор". Следовало бы сказать: „накурившись, солдаты завязали разговор". Иначе получается, что разговор может курить. Дело в том, что в личном предложении (т. е. с подлежащим) деепричастие всегда у нас тяготеет к подлежащему, согласовано с ним по смыслу. Происходит же это потому, что наше деепричастие исторически представляет собою краткое причастие в форме именительного падежа, употреблявшееся в личном предложении как член сложного сказуемого и впоследствии утратившее способность изменяться по падежам, родам и числам (см. § 108).

Трудно, даже невозможно по-настоящему наладить в школе изучение правил литературного произношения и правил правописания, не прибегая к помощи исторической грамматики. Нельзя ограничиться одной лишь констатацией глубокого расхождения между орфографией и орфоэпией, между правильным н а п и с а н и е м слов и правильным их п р о и з н о ш е н и е м.

Известно, например, что слово ***ещё*** пишется так, что по его письменному изображению нельзя составить правильного понятия о его произношении в л и т е р а т у р н о м языке *(иш'ш'ó)*. По большей части мы вообще пишем теперь слова не так, как их произносим, а так, как их произносили наши предки в более или менее отдалённое от нас время. Наше письмо, наше правописание является по своему характеру до некоторой степени и с т о р и ч е с к и м, т р а д и ц и о н н ы м. Оно почти не отражает тех фонетических изменений (кроме „падения глухих", изменения ***ѣ*** в ***е*** и некоторых других), которые произошли в историческое время. Мы пишем *моего,* а произносим *мъивó*; пишем *легко,* а произносим *л'ихкó;* пишем *что,* а произносим *што* и т. д. Вот почему даже простое сравнение н а п и с а н и я слов с их п р о и з н о ш е н и е м (в современном русском литературном языке) само по себе до некоторой степени уже может служить введением к школьным занятиям по „историзированной" грамматике родного языка.

Действительно, как говорит Ф. Энгельс, „...материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“ [1]. Автор „Анти-Дюринга“ решительно и горячо выступал против старомодной, выкроенной в стиле древней классической филологии, технической грамматики, „со всей её казуистикой и произвольностью, порождаемыми отсутствием в ней исторического основания“ [1].

Разумеется, данные исторической грамматики русского языка могут и должны найти себе место не только на уроках русского языка. Без этих данных нельзя обойтись также и на уроках по русской литературе и русской устной народной словесности. Не говоря уже о таких произведениях, как „Слово о полку Игореве“, и вообще о памятниках допетровского времени, анализ которых (если они изучаются не в переводе на современный русский язык) немыслим без основательного знания древнерусского языка, преподавателю русской литературы, в сущности, постоянно приходится иметь дело с наблюдениями и выводами, относящимися к истории русского (особенно литературного) языка и к русской диалектологии.

2. ПОНЯТИЕ „РУССКИЙ ЯЗЫК“. ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ГОВОРЫ

§ 4. В предыдущей главе уже было отмечено, что понятие „русский язык“ более сложно, чем, может быть, это кажется с первого взгляда. Во-первых, этот термин неодинаково понимается в зависимости от того, говорим ли мы о древнерусском языке или о современном русском. В первом случае имеется в виду язык восточного славянства древнерусской эпохи, когда ещё не существовало современных восточнославянских языков. Во втором случае речь идёт об одном из трёх современных восточнославянских языков — о великорусском, о языке русской нации.

Но „современный русский язык“ представляет собою сложное явление прежде всего потому, что не существует русского языка, совершенно одинакового для всех, говорящих по-русски

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327.

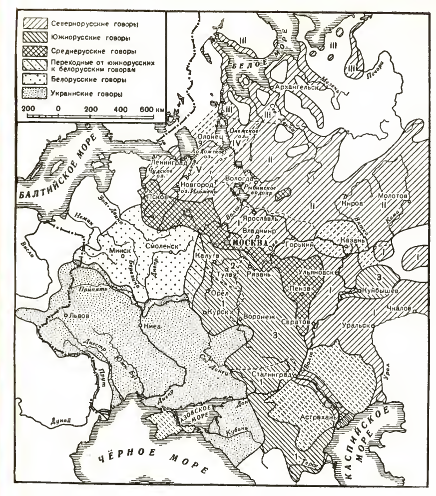
в городе и в деревне. Обыкновенно в обиходной разговорной речи с термином „русский язык" соединяют представление о литературном русском языке,— иначе говоря, образцовом, обработанном мастерами слова, нормированном русском языке, который поэтому и рекомендуется для общего употребления на всей русской национальной территории,— о едином общерусском языке, который прежде всего является языком литературы, откуда и происходит его название. Но кроме литературного русского языка, имеются ещё говоры, на которых не только не печатают, но и не пишут никаких литературных произведений. Это главным образом язык деревни, язык тех людей преимущественно старших поколений, которые ещё не успели почему-либо усвоить нормы литературного языка или плохо владеют ими, хотя было бы глубоко неправильно думать, что в нашей советской колхозной деревне литературный язык не имеет большого распространения (см. § 10). Ошибочно также думать, что в городе все говорят только на хорошем литературном языке.

По словам А. М. Горького, „деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой язык" и обработанный мастерами"[1]. Этот „сырой", необработанный, нелитературный русский язык отличается от литературного не только в том отношении, что на нём не пишут литературных произведений, нет письменности, но и в том смысле, что на разных участках национальной русской территории он характеризуется своими местными особенностями, что он довольно многообразен в территориальном отношении. Необработанный русский язык—это главным образом русские говоры, объединяемые диалектологами по тем или иным признакам в наречия, поднаречия, диалектальные группы.

§ 5. Так, все русские говоры (в Европейской части РСФСР) принято делить на две основные группы: северную и южную, которые обычно называют наречиями. Северорусскими называются говоры к северу от Москвы, а южнорусскими — к югу от Москвы. На севернорусской территории находятся такие большие и старые наши города, как (с запада на восток) Новгород, Вологда, Архангельск, Ярославль, Кострома, Киров (б. Вятка), Молотов (б. Пермь), Горький (б. Нижний Новгород), Владимир и др. На южнорусской территории — Калуга, Тула, Орёл, Курск, Воронеж, Рязань и др.

---

[1] В статье „О том, как я учился писать" (1928 г.).

Диалектологическая карта русского языка в Европейской части СССР.

Группы севернорусских говоров: I — Владимирско-поволжская; II — Вологодско-кировская; III — Поморская; IV — говоры Карело-Финской ССР; V — Новгородская. Группы южнорусских говоров: 1 — Курско-орловская; 2 — Тульская; 3 — Рязанско-воронежская.

Севернорусские говоры отличаются от южнорусских главным образом тем, что 1) на севере повсеместно говорят на ***о***, „окают“, в частности, сохраняют ***о*** в предударном слоге: ***водá, могý***; в большинстве говоров сохраняется также и то ***’о***, которое получилось из ***е*** в положении перед твёрдыми согласными (***ĕ***): ***сĕстра, нĕсу*** и пр.; в южнорусских говорах ***о*** в предударном слоге обычно звучит, как ***а***: ***вадá, маγý;*** такие говоры

называются а к а ю щ и м и (см. § 54); 2) только н а с е в е р е, хотя и не повсеместно, наблюдается употребление *и* на месте старого *ѣ* при неодинаковых условиях в разных говорах; например, в говорах вологодского типа: *сúять* (из *сѣяти*), *пúсня, мúсець,* но: *хлеб, сéно* и пр. (см. § 52); в говорах новгородского типа также: *хлиб, сúно* и пр.; в ю ж н о р у с с к и х говорах *и* на месте старого *ѣ* никогда и нигде не употребляется: *сéять* и пр. (см. § 52); 3) н а с е в е р е во многих говорах вследствие исчезновения неслогового *и (j)* между гласными звуками, а затем ассимиляции и стяжения гласных возникли сокращённые формы в таких случаях, как: *злá* собака (из *злая,* т. е. *злá-й-а*), *большó* село, *деревéнски* йзбы, *какú такú* лошади, он *игрáт* (из *игра-й-эт*), *дýмат, стрелят,* мы не *умéм* и т. п.; для ю ж н о р у с с к и х говоров это явление можно считать совершенно нехарактерным; 4) н а с е в е р е согласный *г* почти везде и всегда произносится как взрывной (мгновенный) звук; в случае оглушения, например, в конце слова, он чередуется с *к: гусь, нога, друк, лёк (л'ок);* в ю ж н о р у с с к и х говорах этот согласный произносится только как фрикативный, который в случае оглушения чередуется с *х: γýсь, наγá; друх, лёх* (см. § 59); 5) только н а с е в е р е получило широкое распространение так называемое ц о к а н ь е, т. е. употребление *ц,* по большей части мягкого, вместо *ч,* и значительно реже—чёканье, т. е. употребление *ч* вместо *ц* и вообще смешение этих звуков; например, в говорах вологодского типа: *цясто,* в *рúцьке, ноць* (ср. *лицё, мúсець* и пр.) (см. § 57); в ю ж н о р у с с к и х говорах этого явления не наблюдается; 6) только н а с е в е р е в склонении существительных, прилагательных и т. д. наблюдается совпадение формы творительного падежа с дательным во множественном числе: ходят *с пúсням,* царапат *кохтям,* снимú *вúлам, с ширóким рукавáм, с мáлым дéтушкам, полнó с краям, с вам* и т. д.; в ю ж н о р у с с к и х говорах форма творительного на *-ми* сохранилась. Кроме того, только н а с е в е р е встречаются такие формы существительных, как род. мн. типа *песен* (с твёрдым *н*), типа *времян* (на *-ян*), такие формы, как им. ед. *мати, дочи* и пр., тогда как, напротив, только в ю ж н о р у с с к и х говорах возможны такие формы, как *свекры* (свекровь), как им. мн. существительных мужского и женского рода *жукà, соловья, зеленя* и т. п. (см. § 67); 7) н а с е в е р е, как правило, местоимения *я, ты* и возвратное оканчиваются в род.-вин.

ед. ч. на **'а** (= **я**): *меня, тебя, себя;* в южнорусских говорах — на **е**: *у мене́* (обычно: *мине*), вижу *тебе́, у себе́* (см. § 83); 8) на севере личные окончания глаголов в 3-м лице ед. и мн., если они сохраняются, обычно за некоторыми исключениями, употребляются с твёрдым **т**: *несёт, идёт, сидит, берут, глядят;* южнорусские говоры сохранили мягкое **т** в этих окончаниях: *сиди́ть, несу́ть* (или *нясу́ть*), *беру́ть, сидя́ть, γлядя́ть* (отсюда „дразнилка": *у нас в Ряза́ни γрибы з γлаза́ми: их ядя́ть, а ани γлядя́ть*) (см. § 97).

Кроме того, 9) в южнорусских говорах получила широкое распространение форма деепричастия прошедшего времени на **-мши**: *взя́мши* (из:възьмъши), *не спа́мши, уе́хамши, разу́мши;* „он *памяша́мши*" (помешался); на севере эта форма на **-мши** почти неизвестна; там говорят: *взявши* и т. д., причём и здесь, и там возможно употребление деепричастия в роли сказуемого: *он уехавши, мы не выспавшись* и т. п. (см. § 117); 10) только в южнорусских говорах наблюдается, как правило, явление утраты грамматической категории среднего рода: *больша́я сяло́, мая́ плячё* (или *пличё*), или: *мая́ пличя́, кака́я γря́зная стякло́, всю бильё* (и *бяльё*), *энта адна́ письмо́,* про *казачью жытьё-бытьё, пряма́я саапшшэ́ния* и т. п.; на севере этого явления не наблюдается; но с другой стороны: 11) на севере (однако не повсеместно) с давнего времени употребляется оборот типа *косить трава* (с дополнением в именительном падеже при переходных глаголах в форме инфинитива): *закрыть труба, купить корова, топить печка, живая молодовая вода достать* и т. д. (см. § 119); в южнорусских говорах этого явления не наблюдается; 12) только на севере получил распространение оборот со страдательным причастием от переходных и непереходных глаголов прошедшего времени на **о** и дополнением в родительном падеже с предлогом **у**: *у него уе́хано* (он уехал), *у ей сколько было ро́жано* (она рожала) и т. д. (см. § 114); в южнорусской области так не говорят.

Наконец, можно отметить, что: 13) на севере на широком пространстве с давнего времени употребляются изменяемые по родам и числам постпозитивные частицы, восходящие к указательному местоимению *тъ, та, то* (см. § 85): *старик-от, ключ-от где, сестра-та, село-то, через море-то, убить муху-ту, на ночь-ту, в Москву-ту, продавать огурцы-те, рядом озёра-те* и пр. На южнорусской территории эти формы встречаются редко.

Менее показательными, не только вследствие недостаточной их изученности, но и вследствие неустойчивости, „мобильности" словарного состава языка, приходится считать л е к с и ч е с к и е признаки. Несомненно, однако, что некоторые слова (обыкновенно — из основного словарного фонда) известны только на севере, а некоторые употребляются лишь в южнорусских говорах, что, с другой стороны, имеются слова, которые п р е и м у щ е с т в е н н о известны на севере, или наоборот, причём нет основания говорить о их широком распространении к северу или к югу от Москвы. Это относится прежде всего к терминам сельского хозяйства (которые в крестьянских говорах относятся к основному словарному фонду), к предметам домашнего обихода и т. д. Так, слова *хата* (изба), *рогач* (ухват), *дежа* (квашня), *виски́* (волосы), надо полагать, известны только (или главным образом) на территории южнорусского наречия, тогда как на севере в этом отношении дело обстоит так же, как в литературном языке. Преимущественно к ю г у от Москвы говорят: *скородить* (бороновать), *трясти сено*; а на севере — *бороновать, боронить, волочить, грабить сено* и пр. Только на севере, хотя далеко не повсеместно, употребляется быстро выходящее из употребления слово *орать* (пахать), тогда как *пахать* — примерно в тех же севернорусских говорах — значит мести (иногда *орать* значит „пахать плугом", а *пахать* говорят о сохе). Пожалуй, только в южнорусских говорах возможно слово *кочет*, которому на севере соответствуют „петух", „пеун". Только южнорус мог бы сказать (как крестьянин у Л. Н. Толстого в „Анне Карениной") о ком-нибудь: „как сигает!" или „как сиганул!" в смысле: прыгает, прыгнул и т. д.

Таким образом, севернорусские говоры в ц е л о м могут быть противопоставлены южнорусским говорам в ц е л о м же, как два наречия русского языка.

§ 6. Но если взять эти два наречия в отдельности, то окажется, что они сами по себе также не представляют полного единства. С е в е р н о р у с с к о е наречие, например, отличается большой пестротой в диалектологическом отношении.

Самой большой и наиболее обособленной на севере является В о с т о ч н а я, или В о л о г о д с к о - к и р о в с к а я, диалектальная группа (см. карту). Говоры этой группы (по крайней мере, в более западной их части) характеризуются:

1) употреблением ***и*** на месте старого ***ѣ***, особенно под ударением, в положении перед мягким согласным и ***й (j)***:

мисець, сиеть и пр., но в остальных случаях *'э* (*е*), иногда *ê* или *ие*;

2) вместо *о* под старым (общеславянским) восходящим ударением возможно *ô* или *уо*: *кужа, вуоля, коруова, сёлуо*, но *полё* (здесь ударение было нисходящее) и пр. (это явление, как и произношение *ѣ* в виде дифтонга *ие*, небезызвестно и некоторым другим архаическим говорам, в частности южнорусским);

3) мягким произношением *ц*, которое при этом употребляется обычно и вместо *ч*: *лицё, мисецъ, цясто, в рицьке, ноць* и пр.;

4) вместо *в* в положении не перед гласными звуками, особенно в конце слога, произносится *у* (неслоговое): *дўука, корóу, зубóу*, а в некоторых говорах — в начале слова возможно и слоговое *у*: *удова, усех, у лес* (см. § 58);

5) вместо твёрдого *л* в положении после гласного звука в конце слога также звучит *у*: *стоу, воук, шоу, поузау* и т. п.;

6) местоимение *что* возможно в форме *шчё* (*щё, що*) и *штё*: „щё есь в печи, всё на стоу мечи" (см. § 87).

К Восточной группе с севера примыкает Северная, или Поморская, диалектальная группа, которая в некоторых отношениях отличается от Восточной и от других севернорусских.

Так, в говорах Поморской группы, как отчасти и в говорах Карело-Финской ССР, в частности Заонежья:

1) в родительном падеже ед. ч. мужск. и средн. р. родовых слов вместо *в* (как в Восточной группе и в других севернорусских говорах) в окончании *о*|*его* произносится *г* (или иногда, особенно в говорах Карело-Финской ССР, — соответствующий фрикативный): *слепого, синего, того* и пр. (см. §§ 80—81).

Имеются и другие расхождения:

2) старый *ѣ* звучит здесь, в Поморской группе, как *е*, обычно „узкое", напряжённое; в конце слова вместо *ѣ* произносится *и*: *на двори, в* моём *сундуки* (предл. ед.), *гди, ко мни* и т. п.;

3) согласные *в* и твёрдое *л* в большинстве говоров, кроме заонежских, сохраняются (не изменяются в *у*);

4) местоимение *что* употребляется или в форме *што*, или в форме *чё* (*чо, цё*).

С запада к Восточной группе примыкает группа говоров новгородского типа, которая и называется Западная, или Новгородская, диалектальная группа. В этих говорах:

1) на месте старого звука *ѣ* под ударением произносится *и*: *хлиб* (хлип), *сино, ниту, писня, сиять, ко мни* и т. п.;

2) звуки ***ц*** и ***ч*** или (в одних говорах) различаются этимологически правильно (при твёрдом произношении ***ц***), или (в других говорах) вообще не различаются, причём вместо ***ч*** употребляется ***ц***: *цысто, ноц* и пр.; в некоторых говорах только в слове *у(при)шотцы* (из *шедчи<шедши*);

3) местоимение *что* употребляется в форме *што*.

Русские говоры Карело-Финской ССР являются, в сущности, переходными от говоров Западной группы к говорам Северной и Восточной групп, к которым они всё-таки значительно ближе. Можно отметить, между прочим, что говоры олонецкого типа, как и поморского, характеризуются открытым произношением неударенного ***о***: *вода́, голова́* (на слух: оᵃ).

Особую группу составляют говоры Заонежья, характеризующиеся такими чертами, как яканье, особенно в заударных слогах *(де́нях, ви́дяу)*, употреблением γ вместо ***г*** в определённых случаях: *мноγо, ноγа, γолову;* употреблением γ: ***х*** в качестве предлога вместо ***в***: γ *во́ду*, γ *золоту́ орду́*; мягким окончанием ***-ть*** в 3-м лице глаголов первого спряжения: *идуть, поють, сказывають* и т. д.

От этих севернорусских говоров заметно отличаются говоры Поволжья (особенно под Торжком и ниже; по обоим берегам Волги) и ближайшие примыкающие к ним, например, говоры Владимирской области и другие, составляющие Владимирско-поволжскую диалектальную группу.

От других севернорусских говоров они отличаются:

1) „неполным" оканьем: ***о*** не под ударением сохраняется только в предударном слоге; причём ***о*** произносится с некоторой долготой и несколько закрыто; в остальных неударяемых слогах наблюдается редукция гласных ***а, о, е***, почти как в литературном произношении: *гълова́, зълото́й, в мълоке́, го́ръд* и пр. (см. § 54);

2) совпадением старого звука ***ѣ*** с ***е***, как в литературном произношении: *лес, хлеб, месяц* и пр.;

3) отсутствием изменения ***а*** в положении между мягкими согласными (***я***) под ударением в ***е*** (впрочем, этого изменения не знают также говоры новгородского типа);

4) этимологически правильным употреблением ***ц*** и ***ч***;

5) употреблением местоимения *что* только в форме *што* и т. д.

Говоры этой группы и в лексическом отношении отличаются от остальных севернорусских. Здесь говорят: *пахать* (а не *орать*),

зола́ (а не *по́пел, пепе́л*), *лошадь* (а не *конь*). Здесь отсутствуют такие слова (обычные, например, в говорах Восточной и Северной групп), как: *оби́лье* — хлеб на полях, на корню, *ша́ньга* — печёный хлебец, обмазанный сметаной, *ло́поть* — верхняя одежда, *баско́й* (или *ба́ской,* наречие: *ба́ско*) — пригожий, *лони́сь* — в прошлом году и т. д. Следует, однако, ещё раз отметить, что лексические данные, вследствие их недостаточной изученности, пока ещё не могут служить надёжным основанием для классификации русских говоров.

§ 7. Южнорусские говоры в диалектологическом отношении представляют ещё бо́льшую пестроту, чем северные. Поэтому установить диалектальные зоны (хотя бы и без определённых и чётких границ) к югу от Москвы гораздо труднее, чем на севере. Во-первых, на фоне других южнорусских говоров выделяются говоры Курско-орловской группы (или Юго-западной). На эту группу следует обратить особенное внимание.

В письме к тов. Санжееву в „Ответе товарищам" И. В. Сталин говорит о том, что иногда тот или иной местный диалект может лечь в основу национального языка в процессе его образования. „Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь") русского языка, который лёг в основу русского национального языка" [1].

Как известно, процесс объединения тех восточнославянских племён, на базе которых впоследствии сложилась сначала великорусская народность, а потом и нация и, следовательно, процесс образования общерусского языка, начался с воссоединения значительной части древнерусских племён, первоначально „сидевших" в верховьях Оки, а также по верхнему и среднему течению Дона и в Приазовье, но потом, под напором кочевников, продвинувшихся в северном и западном направлениях, с северной, словенско-кривичской древнерусской племенной группой, и, следовательно, со слияния говоров вятичско-северских, прямыми „потомками" которых являются нынешние говоры курско-орловского типа (т. е. говоры Орловской и Курской областей и прилегающих к ним соседних, а также донские) с говорами словен и кривичей. В средней части великорусской территории, на линии Псков — Москва и далее на восток, в частности в самой Москве, вятичско-север-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 43—44.

ские говоры восприняли с севера целый ряд особенностей, характерных для севернорусских говоров: взрывное произношение ***г***, твёрдое личное окончание ***-т*** в третьем лице глаголов и т. д.

Между тем развитие говоров Курско-орловской группы продолжалось по своим внутренним законам. В настоящее время эти говоры характеризуются (то в большей, то в меньшей степени) такими чертами, как:

1) диссимилятивный характер яканья, т. е. употребление в предударном слоге после мягких согласных вместо ***е*** и ***'а (я)*** то ***'а (я),*** то ***и*** (или ***ь***) в зависимости от качества ударенного гласного, причём ***'а (я)*** употребляется в случае, если под ударением находится один из гласных верхнего подъёма: ***у, ы*** или ***и***: *нясу́, сястры́, нясú, часы́* и т. п., а ***и*** (или ***ь***), если под ударением ***а, 'а (я):*** *нисла́, систра́, пита́к* и пр. Следует, однако, иметь в виду, что на этой территории (особенно в пределах Орловской обл.) возможны и другие виды яканья, а также — иканье (см. § 54);

2) вместо ***в*** при тех же условиях, что и на севере, звучит ***у̯*** (неслоговое): *ауца́, де́у̯ка, каро́у̯, любо́у̯, рaho̯у̯* и пр. и (в начале слова) ***у̑*** (слоговое): *уся́, у̑ну́к, у ля̑су́, у по̑лю* и т. д.;

3) произношение в части говоров ***с*** вместо ***ц***: *яйсо́, канcы́, ку́риса;*

4) сохранение старого окончания ***о/его*** (с фрикативным ***г***): *зло́γъ* (или *до́браγа*), *таγо́, яγо́, мъяγо́;* в других южнорусских говорах в этом окончании по большей части употребляется ***в***;

5) употребление формы предл. ед. на ***-у, -ю*** (особенно при отсутствии ударения) в среднем роде: *у полю, на о́зиру, аб училишту* (см. § 71).

Остальные южнорусские говоры, за вычетом говоров юго-восточных — казачьих, донских, которые очень близки к говорам Орловской и Курской областей, принято делить на две группы: Северо-западную и Восточную, которую по её географическому положению правильнее было бы назвать Центральной (см. карту).

Восточная, или Рязанско-воронежская, группа характеризуется:

1) сильным и так называемым ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, т. е. употреблением в одних говорах в предударном слоге только ***'а (я)*** вместо ***е, 'а (я)*** после мягких согласных независимо от каких-либо фонетических условий:

нясу́, нясú, сястра́, сястры́, пята́к, чясы́ и пр.; в других говорах — почти всегда *'а (я)*, за вычетом положения перед ударенными *е* и *о*, когда в предударном слоге произносится *и*: *висёлай* и т. д.;

2) отсутствием изменения *в* в *у, у̯*; в конце слова и перед глухими согласными произносится *ф̑*: *де́фка, каро́ф* и пр.

Северо-западная (или Тульская) группа характеризуется: умеренным яканьем, т. е. употреблением в предударном слоге *'а (я)* или *е*^а вместо *е, 'а (я)* в положении перед твёрдыми согласными, но *и* или *е*^и — перед мягкими: *нясли, нясу*, но: *нисёть, нисú; пятак*, но: *питú, питью́* и т. п. Однако этот тип яканья иногда встречается и в говорах Рязанской и Орловской областей, и в говорах среднерусских.

§ 8. Южнорусские говоры не имеют общей границы с севернорусскими, не соприкасаются с ними непосредственно. Их разделяет узкая, местами (особенно на востоке) расширяющаяся полоса так называемых среднерусских говоров, смешанных по происхождению. Они также не представляют чего-либо цельного и единого в диалектологическом отношении, причём в одних говорах преобладает южнорусская (а на западе — белорусская) стихия, в других — севернорусская.

Наиболее устойчивою чертою среднерусских говоров следует считать аканье (и яканье недиссимилятивного типа); эта черта сближает среднерусские говоры с южнорусскими. Но другие особенности нельзя считать, в такой же степени, как аканье, характерными для всех среднерусских говоров.

Говоры центральной части той среднерусской диалектальной зоны, которая простирается примерно от Пскова на западе через Москву до Пензы, говоры московского типа, характеризуются, кроме таких особенностей, как: аканье и и́канье (*нису́, систра́, питу́х, зилёный, пита́к*), произношение *е* вместо *ѣ*, различение *ц* и *ч*, возникших на базе южнорусского произношения, также некоторыми севернорусскими чертами: 1) взрывным *г*; 2) формами: *меня, тебя, себя;* 3) твёрдым *т* в третьем лице глаголов.

Эти черты характерны и для литературного русского языка, который сложился на основе московского просторечия.

§ 9. Современный русский литературный язык в фонетическом отношении почти ничем не отличается от средне-

русских говоров московского типа, в частности, подмосковных („почти" относится к таким явлениям, как, например, произношение *h* вместо *г* в словах церковнокнижного происхождения: *бог* (произносится: *бох*, род. ед. ч. *боhъ*), *господи*, *благо* и производных (см. § 59) и некоторым другим).

Но его богатейшие и искусно разработанные грамматические и лексические средства выражения мысли — вплоть до тончайших её движений — заставляют отделять „литературную речь" от „просторечия" и говорить о качественно новом и лучшем русском языке, употребление которого справедливо и по праву предпочитается употреблению любого русского территориального диалекта (наречия, поднаречия, говора).

Говоря о литературном языке, иногда недоучитывают одного важного обстоятельства, которое поэтому необходимо здесь подчеркнуть. Будучи общерусским, представляя собою известное единообразие в географическом смысле и цельность, монолитность, литературный язык в то же время заметно дифференцирован в жанровом отношении. Письменный литературный язык, монологический по своей природе, во многом отличается от устного, диалогического, разговорного языка образованных людей, умеющих пользоваться и нормами письменного. Письменно-литературный язык, в свою очередь, представляет несколько вариантов, различающихся главным образом в синтаксическом и лексико-фразеологическом отношениях: язык художественной литературы, в частности, художественной прозы, отличается от языка научной прозы; язык деловой письменности (административно-юридического или иного характера) имеет свою специфику, свои особенности. Но этим не исчерпывается дифференциация письменно-литературной речи. Можно говорить о газетно-публицистической разновидности письменно-литературного языка и т. д. Но и устно-литературный язык может дифференцироваться в зависимости от того, при каких условиях мы пользуемся им. Мы не совсем одинаково говорим в домашней, семейной обстановке, в общении с близкими или хорошо знакомыми, людьми (обиходно-разговорный язык, „просторечие") и в условиях общественной жизни (общественно-разговорный язык). Ораторская речь является особой разновидностью устно-литературной речи.

Впрочем, с явлением жанровой дифференциации необходимо считаться и при изучении языка деревни. Хотя объектом диалектологических наблюдений обыкновенно является обиходно-разговорный язык деревни, деревенское просторечие, понятие „язык деревни“ на самом деле гораздо более сложно. Язык устной народной словесности (сказок, былин, песен, пословиц, загадок и пр.) почти повсемстно в той или иной степени отличается от деревенского просторечия в лексико-фразеологическом и в других отношениях и в то же время характеризуется некоторым (конечно, весьма относительным) единообразием на всей территории распространения русского языка.

§ 10. После Великой Октябрьской социалистической революции в развитии русского языка наблюдаются новые явления. В отношении диалектальной речи новый исторический период характеризуется прежде всего более быстрым, чем это было ранее, процессом унификации (объединения) диалектов, сглаживания диалектальных различий. Процесс „унификации“ языка, конечно, находится в связи с ликвидацией неграмотности и малограмотности в Советской России. В царской России грамотных было менее четверти всего населения. В Советском Союзе в настоящее время неграмотность полностью ликвидирована. Ставший народным достоянием литературный общерусский язык с его устойчивыми нормами произношения, с его хорошо разработанным грамматическим строем, с его неисчерпаемыми лексико-семантическими возможностями всё в большей и большей мере, всё быстрее распространяется повсеместно на русской территории, включая сюда даже самые отдалённые от столицы и больших городов населённые пункты, в частности, на севере и в Сибири. Местные особенности произношения (***и*** вместо ***ѣ***, цоканье и пр.) и вообще местные особенности языка (формы вроде *с рукам, за грибам,* местоимения *шчо, чо,* глагольные формы *даси* (дашь), *иси* (ешь) и т. п., местные речения вроде *корец* — ковш, *сигать* — прыгать и т. д.) мало-помалу исчезают, заменяются соответствующими литературными формами и словами. Разговорная речь колхозной деревни под влиянием разговорной речи передовой, ведущей группы колхозного населения во всех отношениях сближается с литературным языком, языком Ленина и Сталина, языком Горького и советской литературы. Следует полагать, что в недалёком будущем в нашей необъятной стране, которая на наших

глазах стала не только страной сплошной грамотности, но и самой культурной страной в мире, диалекты, диалектальные расхождения повсюду исчезнут, будут окончательно перемолоты в едином общенациональном языке, и русский литературный язык станет в одинаковой мере как языком города, так и языком новой колхозной деревни.

В статье „Относительно марксизма в языкознании" И. В.Сталин, подчёркивая, что никакой коренной ломки в самой структуре русского языка после Октября не произошло, следующим образом говорит об изменениях в словаре и значениях слов в послеоктябрьскую эпоху:

„Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов"[1].

Действительно, одним из наиболее замечательных явлений в области местных диалектов в наши дни является употребление в широких масштабах новых слов, отражающих новые формы общественной жизни, новые формы труда и быта: *колхоз, МТС, трактор, комбайн, культуры* (сельскохозяйственные), *яровизация, трудодень, бригадир, пятисотница, стахановец, президиум, пленум, соревнование, клуб, вуз, пионер, радио, электричество* и т. д.

С другой стороны, некоторые устаревшие слова, вроде какого-нибудь *уповод* (отрезок рабочего времени во время полевых работ), или такие слова, как *соха, цеп, страда* и т. п., почти повсюду выходят из употребления. Если иногда в деревне ещё и скажут о женщине или о жене *баба,* то это теперь уже характерно не для языка колхозной деревни в целом, а только для отсталых групп деревенского населения. Колхозник из пожилых, который по старинке вместо *метр* иногда употребит слово *аршин*, теперь уже рискует быть осмеянным односельчанами.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 6.

3. РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ

§ 11. Русский язык отличается от других восточнославянских языков, особенно украинского, главным образом в лексико-семантическом и фразеологическом отношениях. И в литературном русском языке, и в говорах находится в обращении большое количество слов, которые совсем неизвестны или необычны в украинском, и наоборот. Это относится и к бытовой лексике, и к политической терминологии и т. д., — ко всем случаям, когда одно и то же понятие по-разному выражается в современных восточнославянских языках. В украинском, например, отсутствуют такие общерусские слова, как: *бросать, бро́сить* (по-украински: *ки́дати, ки́нути, метнути*), *ужин* (по-украински: *вече́ря*), *деньги* (по-украински: *гроші*), *роща* (по-украински: *гай*), *вор* (по-украински: *зло́дій*), *забота* (по-украински: *турбо́та, кло́піт*), *вопрос* (по-украински: *пита́ння*), *председатель* (по-украински: *голова́*), *бумага* (по-украински: *папір*), *печальный* (по-украински: *сумни́й*), *очень* (по-украински: *ду́же*), *если* (по-украински: *коли́*) и т. д. Русскому *совет, советский* в украинском соответствует *рада, радянський;* русскому *красный* (о цвете) в украинском соответствует *черво́ний* и т. д.

В фонетико-грамматическом отношении русский язык в целом (литературный и говоры) отличается от украинского и белорусского, может быть, менее заметно, но на самом деле не менее существенным образом. Речь идёт не об отдельных фонетических или грамматических расхождениях, а о различных языковых системах. В частности, от украинского и белорусского языков, вместе взятых, русский язык отличается:

1) изменением прежних сочетаний ***-ый, -ий*** в ***-ой, -ей*** в таких случаях, как: *злой* (из *зълый*), *слепой* (из *слѣпый*); на севере также: *до́брой* (человек), *прежней* (дом) и пр.; *мо́ю* (из *мыю,* т. е. *мы-й-у*), *пей* (из *пий*) и т. д. (см. § 50). Ср. в украинском: *злий*; *мию, пий* и т. д.; в белорусском: *злый, добрый*; *мыю, пий* и пр.;

2) изменением старых сочетаний ***ръ, лъ, рь, ль*** в ***ро, ло, ре, ле*** в таких случаях, как: *кровавый* (из *кръвавый*), *блоха* (из *блъха*), *слеза* (из *сльза*) и пр. Ср. в украинском: *кривавий, слиза* и пр., в белорусском: *кривавый, блыха* и пр. (см. § 48);

3) сохранением начального ***и*** (по большей части из *jь*) в таких словах, как: *иголка* (из *jьгълъка*), *играть*; в говорах:

имать и др. Ср. в украинском: *голка, грати, мати* и т. д.; также в белорусском (см. § 51);

4) употреблением ***к, г, х*** вместо ***ц, з, с*** в таких грамматических формах, как: *на руке* (из *на руцѣ*), *на дороге* (из *на дорозѣ*), *в кожухе* (из *въ кожусѣ*), *пеки* (из *пеци*) и пр. (см. §§ 55, 66). Ср. в украинском: *на руці, на дорозі, в кожусі, печи* и пр.; в белорусском: *на руцэ́* и т. д.;

5) отсутствием звательного падежа, уцелевшего в украинском и белорусском. Ср. в украинском: *брате, синку, Иване, сестро; ой, місяцю мій, місяченьку* и т. п. (см. § 65);

6) употреблением в широких масштабах новой формы именительного-винительного падежа мн. ч. на ***-á, -я́*** в склонении существительных не среднего рода: *острова́, города́, берега́, края́, учителя́* и пр.; в говорах: *ветра́, староста́, деревня́* и т. п. Но в украинском: *острови, городи, береги, краі, учителі* и пр.; в белорусском: *дамы́, гарады́* и пр. (см. §§ 64, 67);

7) употреблением существительных в форме род. ед. ч. в сочетании с два, две и оба, обе, а также с три и четыре: *два стола, две сестры* и т. п. В украинском и в белорусском в этом случае или употребляется именительный (и винительный) мн. ч. в мужском роде, а иногда в женском и среднем: *два столи, вовки,* или сохраняются старые формы им.-вин. падежа двойственного ч. в женском и среднем роде: *дві сестрі, рибі, дві селі, вікні* и пр. (см. § 64).

Кроме того, можно отметить ещё целый ряд сравнительно поздних[1] явлений, которые в русских говорах известны теперь и на севере, и на юге, хотя не повсеместно, и которые совершенно чужды украинскому и белорусскому языкам:

1) дифтонгизация исконного ***о*** (т. е. не из ***ъ***) под старым восходящим ударением: *вуоля, куожа* и пр.;

2) смягчение заднеязычных согласных в положении после мягких согласных и ***й***: *мале́нькя, па́лочкя, Ванькя, Ольгя, чайкю* (в севернорусских говорах: *на верьхю́*) и т. д.;

3) употребление инфинитива от *иду* в форме *итить* или *идить* (см. § 110) и др.

§ 12. Русский язык (в целом), как и белорусский (литературный и белорусские говоры в их большинстве), отличается от украинского:

[1] По памятникам — только с XVI в.

1) сохранением исконных (то-есть не из *ъ* и *ь*) гласных ***о*** и ***е*** в новом закрытом слоге (т. е. закрывшемся после падения глухих); в украинском литературном языке (и в большей части говоров) в этом случае употребляется ***і*** (со смягчением предшествующего согласного): *кінь* (но *коня*), *сіль* (но *соли*), *піч* (но *печи*) и т. д. (см. § 44);

2) изменением гласного ***е*** (из ***е, ь***) в ***'о(ё)*** перед твёрдым согласным в положении не только после шипящих и ***й*** (*j*), но и после других мягких согласных; в украинском языке в таких словах, как *зелений* (= *зэлэ́ный*), *веселий* (= *вэсэ́лый*), *береза* (= *бэрэ́за*), *овес* (= *овэ́с*), произносится ***е (э)***, согласные перед которым, как вообще в украинском, звучат твёрдо; ср.: *день* (= *дэнь*) и др. (см. § 53);

3) отсутствием такой весьма характерной для украинского языка сложной формы будущего времени, как: (*и*)*гратиму*, 2-е л. ед. ч. *гратимеш* и пр.; *ходитиму, писатиму, робитиму* и пр.

§ 13. От белорусского языка русский язык в целом, как и украинский (литературный и большая часть украинских говоров), отличается главным образом:

1) отсутствием того отвердения ***р***, которое так характерно для белорусского языка: *тры, карэ́ння* (коренья), *бяро́за, гавару́, ракá* (река) и пр.;

2) отсутствием „цеканья“ и „дзеканья“, т. е. изменения мягких ***т, д*** в мягкие ***ц, дз***, как в белорусском языке: *дзе́ци, дзед, адзі́н, крычы́ць, спиць, ці́хо, у лапцёх* и т. д. (изредка, впрочем, возможного и в отдельных русских говорах).

§ 14. Как бы, однако, ни были существенны расхождения, имеющиеся в настоящее время между русским, украинским и белорусским языками, всё же они не настолько значительны, чтобы русский, украинец и белорус не могли при желании свободно разговаривать друг с другом и понимать друг друга, потому что общего, сходного в этих языках гораздо больше, чем расхождений.

Это сходство в особенности становится ощутимым, когда восточнославянские языки мы начинаем сопоставлять со славянскими языками других групп. Так, например, все восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) с давнего времени отличаются такими фонетическими особенностями, как:

1) „полногласие“, т. е. наличие сочетаний ***оро, оло, ере, ело*** в определённой группе слов, которые в других славянских языках произносятся с сочетаниями или ***ра, ла, рѣ, лѣ***, или ***ро, ло, ре, ле*** и пр. Напр.: *город, голова* и т. д. при: *град, глава* и пр. в сербском, при: *gród, głowa* и пр. в польском и т. д. (см. § 33);

2) употребление начального ***о*** в таких словах, как *один, осень, озеро* и др., которые в инославянских языках произносятся с начальным ***е*** (=***je***), напр. в сербском: *један, јесен, језеро* и пр., в польском: *jeden, jesien, jezioro* и пр. (см. § 32);

3) изменение первоначальных ***тj, кт'*** в ***ч*** и ***дj*** в ***ж***: *свеча* (из *свѣтjа*), *межа, вижу* (из *видjǫ*) и т. д. Иначе в других славянских языках. Ср. в сербском: *свећа, мећа,* в польском: *świeca, miedza, widzę* и т. д. (см. § 35);

4) одинаковое во всех восточнославянских языках отражение сильных ***ъ*** и ***ь*** в виде ***о*** и ***е***: *сон* (из *сънъ*), *день* (из *дьнь*) и пр. Ср. в сербском: *сан, дан,* в польском: *sen, dzień* (=*дзень*), в болгарском: *сън, ден* и т. д. (см. § 43);

5) произношение числительного **7** в виде *семь*, без ***д,*** которое сохраняется в этом слове во всех других славянских языках: сербском *седам,* польском *siedm* и т. д. И некоторые другие.

В морфологическом отношении:

1) распространение окончаний ***-ам, -ами, -ах*** за счёт исконных окончаний дательного, творительного и предложного пад. мн. ч. в склонении существительных: вместо *по мѣстомъ — по местам,* вместо *въ городѣхъ — в городах* и т. д. (см. § 75); в других славянских языках это явление получило слабое развитие или вовсе отсутствует;

2) возникновение общей формы для всех трёх родов в им.-вин. множественного числа родовых слов: *новые, синие, те, мои, они* и пр.; в других славянских языках полностью или частично (польский) сохраняются старые формы мужского, женского и среднего рода или мужского и женского рода (см. § 80);

3) исчезновение кратких (энклитических) местоимений *ми, ти, си, мę, тę, сę* (см. § 83), сохраняющихся в других славянских языках;

4) сохранение личного окончания ***-ть*** (на севере ***-т***) в третьем лице глаголов наст. и буд. вр.; в других славянских языках оно отсутствует; в сербском: *он плете, види, они плету, виде* и т. д. (см. § 97);

5) устранение связки (глагола ***есмь, еси*** и пр.) в перфекте, сохраняющейся в том или ином виде в других славянских языках. Русскому (и украинскому, и белорусскому) *я пил* соответствует, например, в сербском: *пио сам,* в польском: *piłem* (из *пилъ есмь* и пр.) (см. § 100).

В общем можно сказать, что в морфологическом и вообще грамматическом отношении восточнославянские языки в целом сохраняют гораздо меньше старины, чем другие славянские языки.

В лексическом отношении русский, украинский и белорусский языки обнаруживают много сходства. Имеется целый ряд слов, широко распространённых в восточнославянских языках, причём, по большей части с давнего времени, но больше нигде в других славянских языках неизвестных. Например: *семья,* укр. *сім'я,* белор. *сямья* (ср. в польском: *familia*, *rodzina*, в чешском: *rodina*, в сербском: *фамилиjа* и пр.), *хороший* (ср. в польском: *ładny*, *dobry*, *piękny*), *дешёвый* (ср. в польском: *tani*, в чешском: *laciny*, *levny* и т. д.), *ковш* (ср. в польском: *czerpak*, в чешском: *naběračka*, т. е. то, чем набирают, и т. д.), *собака* (в укр. — мужского рода: *мій собака*; в других славянских языках: *пес*, в польском: pies, в сербском: *пас*) и т. д. К этой группе слов относятся также: *сорок* и *девяносто* (во всех других славянских языках понятия 40 и 90 выражаются словами, восходящими к *четыре(и) десęти* и к *девęть десęтъ* (см. § 91).

Далеко не все явления, объединяющие теперь восточнославянские языки, восходят к доисторическому периоду. Некоторые из них получили развитие в историческую эпоху, в более или менее позднее время. Например, изменение сильных ***ъ, ь*** в ***о, е***: *сон, день* и пр., распространение окончаний ***-ам, -ами, -ах*** и др. То же самое можно утверждать и относительно некоторых общих явлений в лексике.

§ 15. Таким образом, восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) могут рассматриваться как нечто цельное, как „языковый союз", а не просто как одна из групп (восточная) родственных славянских языков.

Как известно, славянские языки, к числу которых относится и русский язык, принято делить на три группы: восточную, западную и южную.

К западнославянской группе относятся языки: польский и кашубский (в Польше), чешский и словацкий (в Чехословакии),

верхне- и нижнелужицкий (в восточной Германии, между Одрой (Одером) — в районе Франкфурта на Одере и Лабой (Эльбой) — в районе Дрездена).

К южнославянской группе относятся языки: болгарский (в Болгарии), сербский (в Югославии с её частями, т. е. в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории) и словенский (в Югославии, Словении).

Русский язык (и другие восточнославянские) находится в одинаково близких отношениях как с южнославянскими языками, так и с западнославянскими.

§ 16. С южнославянскими языками русский имеет такие общие черты, как:

1) наличие „вставочного" ***л'*** (***l*** epentheticum) в положении после губных в таких случаях, как *земля* (из *земjа*), *капля, сабля, люблю* (из *любjǫ*) и пр. Ср. в сербском: земља, капља и пр. В западнославянских языках ***l*** epentheticum в этих словах отсутствует; в польском: *ziemia* (= *зéмя*), *lubię* (= *любę*, т. е. *люблю*) (см. § 36);

2) изменение первоначальных сочетаний ***кв, гв*** в ***цв, зв*** перед ***ѣ*** в таких словах, как: *цвет* (из *квѣтъ*), *звезда* (из *гвѣзда*) и пр. Ср. в сербском: *цвет, звезда*. Также в болгарском и словенском. В западнославянских языках этого изменения не произошло: в польском: *kwiat* (= *квят*), *gwiazda* (= *гвя́зда*), в чешском: *květ* (= *квйет*), *hvězda* и пр. (см. § 37).

3) утрата ***т*** и ***д*** в сочетаниях ***тл, дл*** во многих словах вроде: *молить* (из *модлúти*), но в польском: *modlić* (*мóдлиць*); вроде: *сало, вел, плел* и т. п., ср. в сербском: *сало, вео* (из *вел*), *плео* (из *плел*), но в польском: *sadło, wiódł* (= *вюдл*), *plótł*. В западнославянских языках изменения ***тл, дл*** в ***л*** не произошло (см. § 38).

К этому следует прибавить ещё некоторые общие явления в лексике. Так, слово *коровай* употребляется не только в восточнославянских, но и в южнославянских языках, конечно, с сочетанием ***ра*** (например, в сербском в форме *каравај*), и совсем чуждо западнославянским языкам. Также и некоторые другие слова: *пир* при сербском *пир*, словенском *pir*, отсутствующее, однако, в западнославянских языках, например, в польском: *gody* (= *гóды*), *uczta* (= *ýчта*); далее: *соты* (из *съти*, им. ед. *сътъ*); ср. в сербском: *сат*, в словенском: *set*

или *sat*, но в западнославянских: в польском *plaster miodu*, в чешском *voštiny* и т. д.

§ 17. С западнославянскими языками русский язык имеет такие общие (с доисторической эпохи) черты, как: начальные сочетания ***ро, ло*** в определённой группе слов: *ровный, рост*, приставка *роз-* (*ро́звальни, ро́ссыпи* и пр., на севере: *розбойник* и т. п.), *лодка, локоть* и пр. Ср. в польском: *rowny, roz-* (*rozbojnik*), *łodka, łokieć* (=*ло́кец'*) и пр.

В южнославянских языках эти слова начинаются с сочетаний ***ра, ла***. Например, в сербском: *равни, раст, лађа* (=*ладжя*=*ладья*), *лакат* (см. § 34).

Особо следует упомянуть о некоторых других явлениях этой же группы, в прошлом общих для языка всех восточнославянских племён, но в настоящее время уже не характерных для собственно русского (великорусского) языка:

1) окончание **-ѣ** в род. ед. и им.-вин. пад. мн. ч. в склонении существительных типа „земля" и вин. мн. ч. в склонении существительных типа „конь": изъ *землѣ*, (вижу) *конѣ*. Ср. в украинском: *землі* (<*землѣ*), *вишні* и пр., *коні* и т. д. Ср. в польском: *ziemie* (имен.-вин. мн. ч.), *konie*. В южнославянских языках этому **ѣ** в прошлом соответствовало *ę* (носовое ***е***, в старославянском ѧ), которое потом изменилось в ***е***;

2) формы дат.-предл. ед. ч. с гласным ***о***: *тобѣ, собѣ*. В русском языке они теперь известны только в говорах. Эти формы, совсем неизвестные в южнославянских языках, являются нормальными в западнославянских (см. § 83).

И в лексическом отношении восточнославянские языки имеют немало общего с западнославянскими. Так, например, слова: *пирог, правый* (о руке), *пыль* и др., употребительные в западнославянских языках в такой же мере, как и в восточных, неизвестны в южнославянских языках. Вместо *пирог* (польского *pirog*, чешского *piroh*) южные славяне, например, сербы, говорят: *ко̑ла̑ч* или *пита*, болгары: *млин* или тоже *пита;* вместо *правый* (о руке) сербы говорят *десни*, болгары — *десен;* нашему *пыль* в сербском и болгарском соответствует слово *прах* (или в сербском: *прашина*), тогда как в западнославянских языках это слово известно (в польском: *pył*, в чешском: *pyl*, в значении „пыльца").

4. ДРЕВНЕЙШИЕ СУДЬБЫ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

§ 18. Товарищ Сталин учит, что „элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства"[1]. Это значит, что многие черты, характерные для современных нам языков, например, русского, как и других славянских, существовали уже в древнейшую эпоху их развития.

Общепризнано, что славянские языки являются родственными языками и, следовательно, в основном восходят к какому-то единому источнику.

Родственными принято называть языки какой-нибудь одной определённой группы, настолько близкие друг к другу в их современном состоянии, настолько похожие друг на друга, прежде всего в отношении грамматического строя и основного словарного фонда, что эту близость невозможно объяснить иначе, как предположив, что в отдалённом прошлом, в доисторическое время, они составляли единое целое, один язык, который с течением времени распался. Этот процесс распадения первоначального языкового единства представляет собою обычное явление в истории народов и языков. Ф. Энгельс в книге „Происхождение семьи, частной собственности и государства" говорит: „На северо-американских индейцах мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племён, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства"[2].

Именно такими родственными языками являются славянские, которые даже в их современном состоянии поражают своей близостью: „... нельзя отрицать, — говорит товарищ Сталин,— что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению..."[3].

Всё это обязывает нас, прежде чем мы перейдём к специальной части курса, вкратце остановиться на вопросе о древнейших судьбах славянства.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 26.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, 1947, стр. 108.

[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 33—34.

История русского языка начинается с доисторической, дописьменной эпохи, со времени до появления письменности у восточных славян, с той эпохи, когда восточнославянские племена окончательно отделились от других (западно- и южнославянских) племён и когда, вследствие этого, прекратились некоторые важные языковые переживания, общие для всего славянства, касающиеся самого строя, структуры славянских языков. Было время, когда фонетические и прочие изменения переживались всеми славянскими племенами: возникшие на одном участке славянской территории, они сразу или постепенно получали широкое распространение, становились общеславянскими. Например, из более раннего *сēмĕн* возникает *сѣмę* (с *ѣ* после ***с*** и с ***е*** носовым после ***м***), из *ăвйкā* возникает *овьца* и т. д. Наиболее важные изменения, отличающие теперь все славянские языки в целом от других индоевропейских (балтийских, или аистских, — литовского, латышского, древнепрусского; германских — немецкого, скандинавских, древнеготского и др.; романских — древнелатинского, французского и т. д.; греческого; кельтских — бретонского, ирского и др.), по большей части относятся именно к этому времени.

Невозможно со всей точностью определить, как долго продолжалась эта эпоха общеславянских языковых переживаний. Закончилась она в начале первого тысячелетия нашей эры.

Первые бесспорные показания, данные, касающиеся славян,— таких же старых, исконных жителей Европы, как и германские, романские и другие средне- и западноевропейские народы,— относятся (если не считать весьма неясного упоминания о неврах и будинах — у греческого историка Геродота) к первым столетиям нашей эры. Римский историк Плиний Старший, живший в I столетии, упоминает о славянах под именем „венедов“. Под тем же именем знает славян и другой римский историк Тацит (I—II вв.) и александрийский географ Птоломей Клавдий (II в.), свидетельствующий о многочисленности „венедов“-славян, называющий „Венедскими“ Карпатские горы и „Венедским“ Гданский (Данцигский) залив.

Под именем „венетов“ упоминает о славянах готский историк Йордан, живший в середине VI в., но с той существенной разницей, что, кроме этого славянского имени, он знает и другие, и говорит также о славянах-„антах“ и о „словенах“ (Sclaveni). Но современники Йордана, византийские историки Прокопий

Кесарийский и Маврикий, говоря о славянах, называют только „антов“ и „словен“ (Σκλαβηνοι).

Полагают, что в VI столетии славянские племена, многочисленность которых и раньше поражала и беспокоила соседние народы, занимали настолько обширную территорию, пересечённую большими реками, горами, лесами и болотами, что новые общие переживания в языке уже стали невозможны, хотя, может быть, ещё не закончились (и продолжали развиваться в одинаковом направлении) некоторые изменения, начавшиеся в предшествующий период. Любопытно, что и Йордан, и Прокопий одновременно подчёркивают славянскую общность в прошлом. „Происходя из одного корня,— говорит Йордан,— они (т. е. славяне) имеют теперь три имени...“ По словам Прокопия,— „словене и анты в прошлом имели одно имя..., назывались спорами“.

Полагают далее, что „венедами“ („венетами“) в VI в. называли *западных* славян, „словенами“ („склавенами“, „склавинами“) — *южных*, „антами“ же — *восточных*. Несомненно, однако, что первые два имени: „венеды“ („венеты“), придуманное, вероятно, для славян какими-то их соседями, и „словене“ („словѣне“), позже: „славяне“, — имя, которым славяне сами себя называли, употреблялись и как общеславянские. Финны и до сих пор называют нас, русских, „венетами“: „venāja, venā(t)“, подобно тому, как немцы и теперь называют лужичан „Wenden“, а словенцев — „Winden“ (оба слова — из древневерхненем. vinida).

Не исключено, что название одного из восточнославянских племён — „вятичи“, из „вęтичи“ (с **е** носовым), находится в какой-то связи со словом „венеты“. Было высказано предположение, что корнем этого слова является *вęт-*, сохраняющийся в старославянском „вѧщии“, древнерусском *вячьший* — бо́льший, высший — и в личном (древнерусском) имени *Вячеслав*. Возможно, существовало слово *вęт(ъ)*,— откуда и „вятичи“ и „венеты“. Оно могло значить „человек выдающегося роста“, „высокий“.

Припомним кстати, что русское „исполин“ и старославянское „сполинъ“ в фонетическом отношении представляет собой, повидимому, вариант имени „споры“, которое, по словам Прокопия Кесарийского, было некогда общим именем для всех славян.

Загадочным по происхождению можно считать имя „анты“, под которым восточнославянские племена впервые стали известны в истории. Может быть, оно представляет собою чужеземную

переделку того же предполагаемого общеславянского слова *вętъ*, откуда: *вętичи*.

Что „анты" были славянами, в этом теперь никто не сомневается. Об этом свидетельствуют, между прочим, и антские личные имена, встречающиеся (в слегка искажённом виде) в исторических источниках: Мегимир (= Межимир, Мечимир?), Всегорд, Бож (божий?) и др.

§ 19. Многочисленный народ антов в VI в. занимал обширные пространства от Карпатских гор до Северного Донца и от низовьев Дуная до Таманского полуострова.

На этой громадной антской территории время от времени возникали племенные союзы, — возможно, вызванные к жизни внешней опасностью, — например, королевство антского вождя Божа, в IV в. погибшего, по словам Йордана, в борьбе с готским королём Винитаром. Позже, в VI в., возникло, по свидетельству арабского писателя Масуди, новое племенное объединение антов, во главе которого некоторое время стояли „волыняне" („валинан").

В VII в. имя „анты", как общее, собирательное название для всех восточнославянских племён[1], исчезает в исторических источниках. На смену ему вскоре появляется новое имя „русь", или „рось", происхождение которого пока ещё остаётся неясным. Ясно только, что это имя, известное и на севере, и на юге древней Руси, по крайней мере, с середины IX в. как общевосточнославянское, не могло быть, как полагали некоторые учёные, заимствовано (в качестве одного из названий варягов) у финнов.

Таким образом, вслед за эпохой общеславянских языковых переживаний, закончившихся, во всяком случае, к VI в., если не раньше, последовал такой этап в развитии славянской речи, когда отдельные группы славянских племён и, в частности, самая многочисленная из них — „анты", позже — „русы" или „русичи", как называет их автор „Слова о полку Игореве", вступают в период обособленного (от других славян) языкового развития.

В начале этого периода восточнославянские племена продолжали своё расселение на территории Восточной Европы. К IX в.

---

[1] Некоторые историки, впрочем, считают антов предками только украинцев, южной отрасли восточного славянства.

они уже освоили большую часть нынешней восточнославянской территории в Европе.

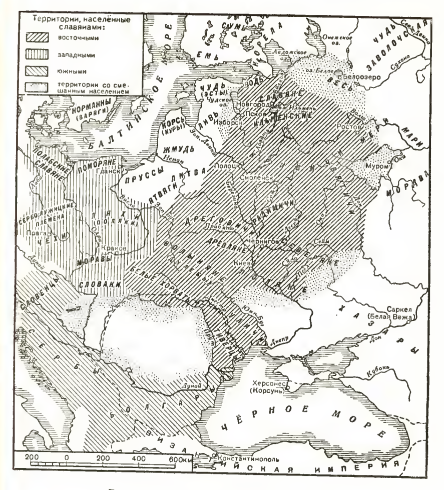
По данным „Повести временных лет“, в IX в. восточные славяне „сидели“ и в бассейне озера Ильмень, — по рекам Волхову, Ловати, Мсте (словене), и в верховьях трёх рек — Волги, Западной Двины и Днепра (кривичи). По верхнему и среднему течению Оки до самой Москвы-реки и на юго-восток от верхней Оки не только в верховьях Дона, но и дальше по течению этой реки на широком пространстве раскинулись поселения вятичей.

К западу от вятичей по реке Сожу сидели радимичи, близость которых к вятичам летописец подчёркивает, сообщая, что по преданию те и другие происходят от братьев Радима и Вятко. Ещё дальше на запад, за Днепром, на пространстве между Припятью и Западной Двиной, поселились дреговичи (повидимому, от слова *дрегва* < *дрьгва*, отмечаемого Далем, как „смоленское“, в форме *дрягвá* — „болото“, „зыбун“, „трясина“).

К югу от дреговичей, по реке Припяти, до самого Днепра, главным образом по правому её берегу, в лесах, находились поселения древлян (или деревлян). Ещё южнее, по правому берегу Днепра, в окрестностях Киева, по соседству с „полем“, со степью, сидели поляне. Летописец, автор „Повести временных лет“, производит это имя от „поле“ (*„зане в поли сѣдяху“*), хотя занятая ими местность была лесная и холмистая. Возможно, что с этим именем поляне пришли сюда из других мест, с юга, из „поля“, из степных просторов Причерноморья.

По другую (от полян) сторону Днепра, главным образом по рекам Десне и Сейму (Семи) и, возможно, дальше на восток, жили северяне, или севера, со столь же непонятным именем, едва ли от „сѣверъ“, потому что южнее северской земли в это время славянских поселений не было, и начинались безбрежные степные просторы, по которым кочевали восточные народы: печенеги, потом половцы и др. Если бы имя „северяне“ можно было возвести к *сѣверъ*, то это название указывало бы на другое расположение восточнославянских племён в более раннюю эпоху, чем та, о которой, по преданию, было известно летописцу.

К западу от древлян и полян, в верховьях Западного и Южного Буга, по соседству с поляками (=ляхами) жили волыняне-бужане, сменившие здесь дулебов (по Далю, это

Расселение славянских племён в IX веке.

слово долгое время сохранялось в народной речи, особенно южно-великорусской, как бранное слово: невежа, простофиля и т. п.). Наконец, на юго-западе, преимущественно по течению Днестра, сидели племена уличей и тиверцев.

Все эти восточнославянские племена, с их первобытно-общинным строем, на стадии разложения, на грани возникновения новых, классовых отношений, находились в период, предшествующий возникновению Киевской державы, судя по тем же летописным данным, не на одинаковой ступени культурного развития и не в одинаково близких отношениях друг с другом.

Словене и кривичи на севере, предки севернорусов, составляли одну племенную группу, один союз. С течением времени к этой словенско-кривичской группе примкнули вятичи, северяне (по крайней мере, частично) и, возможно, ещё какое-то племя, не названное летописцем, но, по археологическим и иным данным, некогда обитавшее на юго-востоке, в бассейне Дона и Донца и в окрестностях Азовского моря (может быть, отрасль вятичского племени). Под напором кочевников в X—XII вв. это славянское племя отошло с юго-востока, увлекая в своём движении на север и северо-запад вятичей и отчасти северян. Именно на почве объединения словен, кривичей, вятичей, северян и других племён, несколько столетий спустя, в связи с новой исторической обстановкой, сложившейся на северо-востоке древней Руси, и возникло новое этническое образование — русская народность с её двумя основными группами — севернорусской и южнорусской.

С другой стороны, рано наметился и состав другого племенного объединения, в пределах нынешней правобережной (т. е. на запад от Днепра) Украины. Поляне, древляне, волыняне, уличи и тиверцы и, возможно, часть северян — вот состав этой этнической группы, на основе которой с течением времени сложилась украинская народность.

В центральной части современной Белоруссии в древние времена, как упомянуто выше, „сидели“ дреговичи и радимичи. На юге их поселения смыкались: к востоку от Днепра — с поселениями северян, а к западу от Днепра — с поселениями древлян. На севере территория дреговичей и радимичей соприкасалась с территорией кривичей, в частности, на северо-западе, с поселениями их отрасли — „полочан“. Возможно, что в более позднее время, в связи с передвижением восточнославянских племён на юго-востоке, вятичи частично были вынуждены несколько продвинуться на запад. Белорусская народность сложилась как следствие слияния этих племён в связи с возникновением новых исторических условий на западной окраине древней Руси, в связи с образованием союза западнорусских земель, вскоре захваченных Литвой.

Таким образом, вместо нескольких, даже многих мелких восточнославянских племён и племенных диалектов в конечном счёте образовались три крупные восточнославянские народности и три новых языка, с явно центростремительными, объедини-

тельными тенденциями в пределах новой языковой территории, тенденциями к слиянию диалектов и к установлению единых языков: общерусского, общеукраинского и общебелорусского.

§ 20. Но прежде чем образовались эти народности, в жизни восточного славянства произошло много важных событий, которые серьёзно отразились на развитии языка.

К таким крупным событиям относится, во-первых, возникновение Киевского государства, объединившего в своих границах все восточнославянские племена и приобщившего их к новой, передовой по тому времени, христианской цивилизации (в её византийских формах), втянувшего их в единое русло общественной жизни. В связи с крещением Руси (в 988 г. по летописным данным) находится появление письменности на старославянской (древнеболгарской) основе, единого литературного языка, понятного народу, всему многочисленному населению древней Руси. Эта письменность быстро вытеснила, вместе с другими пережитками языческой культуры и языческого мировоззрения, другие системы буквенного письма, существовавшие у восточных славян в IX столетии, а может быть, и раньше.

Всё это не могло не отразиться на судьбах древнерусского языка. Общие для всех восточнославянских племён переживания в языке, имевшие место в антскую эпоху (IV — VII вв.) и позже (широкое распространение полногласных сочетаний и пр.), но потом, в период расселения восточного славянства и перегруппировки племён, надо полагать, прекратившиеся, снова стали возможны после IX столетия и продолжались до самого распадения Киевской державы. Такие явления, как изменение во всех восточнославянских говорах сильных *ъ, ь* в *о, е* и исчезновение слабых и т. п., наблюдаются ещё в XII и XIII столетиях.

В историческое время имеют место также фонетические и прочие изменения, не получающие широкого распространения на восточнославянской территории, охватывающие только ту или иную её часть, в рамках той или иной области или даже на ещё более ограниченном участке. Такие диалектальные изменения в языке были возможны и в дописьменный период, хотя трудно привести достоверные примеры подобных изменений[1].

---

[1] Повидимому, сюда относится возникновение цоканья на севере восточнославянской территории в языке словен и восточной части кривичей.

Но они стали обычным явлением в историческое время, по мере укрепления феодально-крепостнических отношений в древней Руси, — нового общественного строя, особенно же в период феодальной раздробленности, когда каждое княжество, каждая древнерусская область: Новгородская, Ростово-Суздальская, Муромо-Рязанская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая и т. д., в экономическом и политическом отношении начали жить своей обособленной жизнью, причём процесс дробления этих уделов всё углублялся с течением времени. Если в дописьменный период распространение новых явлений в языке могло ограничиваться пределами племенной территории, то в период феодальной раздробленности Руси новые явления в языке, вероятно, не часто переходили границы того или иного удельного княжества. Неудивительно поэтому, что ещё и до сих пор, например, граница между среднерусскими и южнорусскими говорами южнее Москвы приблизительно совпадает со старой границей между Ростово-Суздальской областью, с одной стороны, и Муромо-Рязанским и Черниговским княжеством, — с другой, что граница между умеренно якающими говорами „тульского" типа и сильно якающими „рязанского" типа совпадает со старой границей между Муромо-Рязанским княжеством, с одной стороны, и Черниговским, — с другой, которая проходила некогда где-то на полпути между Тулой и Пронском, и т. д.

Татарское нашествие и народная борьба с захватчиками способствовали возникновению на северо-востоке сильного, централизованного Русского государства.

Новая концентрация народных сил началась в Ростово-Суздальской области. Но ни Ростов, ни Суздаль, ни Владимир, ни какой-либо другой город, а именно Москва, в значительной степени благодаря её выгодному географическому положению на пересечении торговых дорог, вблизи удобных речных путей, благодаря её относительной безопасности в смысле внешних нападений и другим благоприятным историческим условиям, стала „основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством" [1].

В XIV—XV вв. происходит быстрое возвышение Москвы и начинается формирование на северо-востоке Руси вокруг этого

[1] См. „Приветствие И. В. Сталина", опубликованное в день 800-летия Москвы („Правда" от 7 сентября 1947 г., № 235).

нового мощного центра новой, великорусской народности, — и потом, примерно с XVII в., нации — и русского (великорусского) языка.

Этот процесс прежде всего выразился в том, что целый ряд новых явлений в языке, возникших на русской почве в разное время, к XVIII столетию получает широкое распространение в пределах Московского государства, точнее говоря, русской национальной территории. Сюда можно отнести, например, новые сочетания ***-ой, -ей*** из ***-ый, -ий*** в таких случаях, как *злой* (из *зълый*), *слепой* (из *слѣпый*), *мою* (из *мыю*), *пей* (из *пий*) и т. д., новые формы им.-вин. множ. ч. имён существительных не среднего рода на ***-а, -я***: *городá, краѝ* и целый ряд других.

Если, с другой стороны, в эту эпоху где-нибудь, на какомнибудь участке Московской государственной территории выходит из употребления та или иная старая грамматическая форма, то употребление её иногда может прекратиться и на других участках, во всех русских говорах. Так случилось, например, со звательным падежом: *брате, учителю, сестро* и т. п.

Некоторые из этих языковых переживаний охватывают не все русские говоры, а только их большинство, на север и на юг от Москвы, как, например, окончание ***о/ево:*** *злово* (или *злова, зловъ*), *синево, тово* и т. п.

Возникновение нового государственного письменного языка на основе московского просторечия, разговорной речи исконного населения Москвы, — языка московских „приказов" (государственных канцелярий), который вскоре стал употребляться в качестве литературного языка в широком смысле этого слова, — в свою очередь способствовало усилению процесса образования общерусского языка [1].

---

[1] Уже с XIV столетия северо-восточную Русь соседи начинают именовать „Великой Русью" в отличие от „Малой Руси" (юго-западной) и „Белой Руси" (западной). Это последнее название („Белая Русь") несомненно народного происхождения. Ср. „Червенская" или „Червонная Русь" (Западная Украина), „Чёрная Русь" и др. Но особого распространения ни в XIV в., ни позже, в период собирания русской земли вокруг Москвы, термин „Великая Русь" у нас не получил. Новое государство долго называли просто „Русь" (ещё при Иоанне III), а позже стали называть его „Русия", и лишь со времени Ивана Грозного — „Росией". Только с середины XVII в., после воссоединения левобережной Украины с Москвой входит окончательно в употребление в официальном языке термин „Великая Росия". С двумя *с* это слово („Россия") стали писать с конца XVII — начала XVIII в.

5. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 21. Данные живой речи. Как отчасти уже было отмечено выше, иногда простое сопоставление письменной формы слова с его произносимой, фонетической формой (*вода: вада, легко: л'ихкó* и т. п.) может положить начало историческим изучениям в области русского языка. Когда же литературную форму того или другого слова (письменную и произносимую) мы начинаем сравнивать с его произносимой формой по говорам данного языка и далее — по родственным языкам, мы уже, в сущности, по-настоящему занимаемся историей языка, потому что такое сравнение неминуемо должно привести к определённым заключениям относительно развития этой формы.

Так, например, когда мы сравниваем по говорам, как произносятся там слова *лень* и *олень*, мы устанавливаем, что в то время как слово *олень* повсюду произносится с ***е*** после ***л***, слово *лень* в одних говорах звучит с ***е*** после ***л***, в других — с ***и*** (*линь*), в третьих — с дифтонгом ***ие*** (*лиень*) или с гласным, близким к нему. Естественно думать поэтому, что первоначально эти слова (*лень* и *олень*) произносились неодинаково в том отношении, что *олень* звучало с ***е*** после ***л***, а *лень* — с каким-то другим гласным, скорее всего с дифтонгом ***ие***, из которого могли развиться и ***е***, и ***и***. То обстоятельство, что в литературном языке слово *леность* (едва ли книжное) произносится с ***е***, а не с ***ё***(***'о***) перед твёрдым ***н*** (ср. *лён*), косвенно подкрепляет наш вывод, что в слове *лень* первоначально после ***л*** не было ***е***, потому что перед твёрдыми согласными под ударением оно у нас обыкновенно переходит в ***ё*** (***'о***). Чтобы окончательно убедиться в этом, следует обратиться к памятникам письменности и к показаниям родственных (славянских) языков, которые в данном случае не только полностью подтверждают наши наблюдения, так как слово *лень* в древнейших памятниках письменности имеет ***ѣ*** после ***л*** (да и по старой орфографии, до 1917 — 1918 гг., писалось с „ятем"), а слово *олень* имеет ***е*** после ***л***, — но ещё и помогают нам установить хронологию изменения ***ѣ*** в ***е*** или в ***и***, а также установить и многое другое: что слово *олень* в древнее время употреблялось с начальным ***е*** вместо ***о*** (*елень*) и т. д.

§ 22. Письменные памятники. Памятники древней письменности (книги, грамоты, надписи и пр.), когда изучают их в связи и в сопоставлении с данными современной нам живой речи, могут служить чрезвычайно важным источником наших познаний о прошлом языка, о его древнейшем состоянии, об этапах его развития. Чем больше датированных памятников письменности сохранилось от прошлого времени, чем они древнее (т. е. раньше начинаются), чем они содержательнее, значи-

тельнее по объёму и разнообразнее в жанровом отношении, чем лучше они отражают живую народную речь своей эпохи, — тем больше их значение.

Письменных памятников древнерусского языка, вообще говоря, сохранилось много, но они относятся, в большинстве своём, к сравнительно позднему времени, к XIII—XIV столетиям и ещё более поздним. Правда, очень важным обстоятельством является то, что письменность на Руси возникла довольно рано. Наши древнейшие памятники восходят к XI в., причём известно, что и до XI в. развитие древнерусского (восточнославянского) языка происходило уже в течение нескольких столетий. Можно было бы ожидать письменных памятников (и они действительно существовали) от более раннего времени, по крайней мере, от X столетия (договорные грамоты древней Руси с Византией, начиная с 907 г., пересказанные автором „Повести временных лет"), а может быть, даже от IX в. (евангелие и псалтырь, „русскими письменами" написанные, о которых упоминается в „Житии Константина Философа"), но этих более ранних памятников или вовсе не сохранилось, или не сохранилось в подлинном виде.

Кроме того, памятники древнерусской письменности не всегда отвечают и другим требованиям, которые предъявляет к ним историк языка. Во-первых, памятников датированных, т. е. заключающих точное указание на время, место и обстоятельства появления данной рукописи и на лицо или лиц, которые над нею трудились, у нас меньше, чем недатированных. Правда, на основании датированных рукописей можно приблизительно определить, по крайней мере, к какому столетию может быть отнесена та или другая недатированная рукопись. Но известная вероятность ошибки при определении даты написания такой рукописи заставляет с осторожностью относиться к языковым данным, которые могут заключаться в этой рукописи. Так, например, от XI в. древнейших наших датированных книг сохранилось не больше 7, а недатированных, предположительно относимых к этому столетию, около 20.

Во-вторых, самая датировка рукописей (в „послесловиях", в „записях" и т. д.), принадлежащая людям, которые над ними трудились, писали их или переписывали, с нашей точки зрения, оставляет желать лучшего. Часто древнерусский книжник ограничивался только сообщением своего имени и социального положения. В лучшем случае он называл ещё год напи-

сания рукописи и даже день и месяц начала и окончания работы. Так поступил, например, дьякон Григорий (со своими помощниками), переписавший со старославянского оригинала евангелие-апракос для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 гг. (см. послесловие к этому памятнику). Но он не счёл нужным сообщить о себе, был ли он новгородцем или киевлянином, и о том, где была проделана эта работа, — в Новгороде или в Киеве — стольном городе, куда богатый новгородский посадник Остромир, родственник киевского князя Изяслава, мог обратиться со своим заказом. А между тем знать, где была написана рукопись, для историка языка иногда не менее важно, чем знать, когда она была написана.

Но главное, никогда не следует упускать из виду того обстоятельства, что древние рукописи, особенно книги, являются памятниками не народного просторечия, а литературного языка древней Руси. Литературный же язык, если даже он сложился на народно-речевой основе, всегда в той или иной степени является продуктом специальной обработки, произведением „мастеров слова", даже если это только официально-канцелярский язык.

Ещё сложнее обстоит дело, если древний литературный язык, памятники которого случайно более или менее сохранились, к тому же не является народным на данной почве. А ведь почти так дело и обстоит с языком нашей книжной письменности.

Наши древнейшие книги, памятники книжной письменности XI в. и первой половины XII в., в своём большинстве представляют собою произведения литературы церковно-богослужебной (евангелия, псалтыри, служебные минеи и пр.) и церковно-учительной и написаны на старославянском языке, хотя и подвергшемся уже некоторому воздействию со стороны народной восточнославянской речи. И вообще говоря, памятников древнерусской книжной литературы светского характера от XI—XIV столетий, периода, представляющего особенный интерес для историка языка, сохранилось очень мало [1].

---

[1] По данным Н. К. Никольского (1902), из 708 пергаменных книг XI—XIV столетий 470 являются богослужебными, остальные (не меньше 218) — богословскими и церковно-четьими (прологи, палеи, четьи-минеи и т. п.). Только около 20 не имеют прямого отношения к церкви, к религии.

Но то, что сохранилось из нецерковной книжной литературы (летописные своды, „Русская Правда", сочинения Владимира Мономаха, „Слово о полку Игореве" и др.), можно считать самой ценной частью древнерусского литературного наследства.

В результате изучения языка некоторых из этих памятников письменности академик С. П. Обнорский в наши дни пришёл к выводу о существовании в древнерусскую эпоху наряду со старославянским книжным языком другого литературного (книжного и делового) языка на народной восточнославянской основе, который в своих основных чертах сложился значительно раньше крещения Руси.

К сожалению, ни одна из этих рукописных книг на собственно древнерусском литературном языке не сохранилась в подлиннике. Все они дошли до нас в позднейших списках, на языке, уже подвергшемся известной переделке при списывании.

Что касается произведений деловой, актовой письменности древней Руси (главным образом грамот: дарственных, вкладных, духовных, договорных, судных, купчих и т. д.), то они почти всегда писались на языке, очень близком к народной речи той или другой древнерусской области, той или другой местности, потому что этого требовало содержание и самое назначение документа. Следует, однако, учитывать их небольшой объём и малоподвижную структуру, изобилующую застывшими, трафаретными стилистическими формулами, почти без изменений передававшимися из поколения в поколение.

§ 23. Перечислим некоторые памятники, преимущественно северо-восточного происхождения, книжной и актовой письменности, главным образом XI—XIV вв., наиболее важные с точки зрения исторического изучения русского языка.

К XI столетию относятся только книги; ни одной грамоты не сохранилось:

1) Остромирово евангелие — книга евангельских чтений, расположенных в том порядке, в каком они читались в церкви в течение года, начиная с пасхи (евангелие-апракос). Написано в 1056—1057 гг., для новгородского посадника Остромира (по летописи: Стромила) дьяконом Григорием, как полагают, киевлянином. Возможно, однако, что дьякон Григорий проделал эту работу в Новгороде, будучи специально вызван

ЕВА · ОТ ИОАНА · ГЛА · А

ИСКОНИ БѢ СЛОВО
И СЛОВО БѢ ОТЪ
БА · И БЪ БѢ
СЛОВО · СЕ БѢ
ИСКОНИ У
БА · И ТѢМЬ ВСА БЫ
ША · И БЕЗ НЕГО НИ
ЧЬТО ЖЕ НЕ БЫСТЬ
ИЖЕ БЫСТЬ · ВЪ ТО
МЬ ЖИВОТЪ БѢ · И
ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
ЧЛОВѢКОМЪ · И СВѢ
ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВЬТИ
ТЬСА · И ТЬМА ЕГО
НЕ ОБАТЪ · БЫСТЬ
ЧЛВКЪ ПОСЪЛАНЪ
ОТЪ БА · ИМА ЕМОУ
ИОАНЪ · ТЪ ПРИДЕ
ВЪ СЪВѢДѢТЕЛЬ
СТВО · ДА СЪВѢДѢТЕ

Первая страница Остромирова евангелия.

туда из Киева, и что у него были помощники. Он пользовался при этом оригиналом на старославянском языке, — за исключением первых 24 листов, которые были списаны с древнерусского текста.

Сначала рукопись хранилась в Новгороде, потом попала в Москву, а при Петре I — в Петербург и в конце концов (в начале XIX в.) была передана в рукописное отделение Публичной библиотеки (ныне имени Салтыкова-Щедрина), где она хранится и в настоящее время. Это евангелие — древнейшая из наших сохранившихся рукописных книг; оно может служить великолепным образцом древнерусского книжного искусства.

2) Два Изборника князя Святослава — 1073 и 1076 гг. Две большие книги, написанные дьяконом Иоанном, которому в 1073 г. помогал ещё какой-то другой писец.

Первая книга представляет собою сборник разнообразных статей, сведений и пр. (например, о размерах Соломонова храма, о драгоценных камнях на одежде ветхозаветного первосвященника, о тро́пах и фигурах художественной речи, о том, какую пищу в каком месяце можно употреблять и т. п.). Она была написана (точнее, переписана со старославянского подобного же Изборника) для великого князя Святослава, по всей видимости, в Киеве. По праву считается одной из наиболее роскошных по оформлению древнерусских книг.

Второй Изборник — сборник статей религиозно-нравственного, назидательного содержания, составленный также в Киеве, на основе каких-то „княжих книг", видимо, из библиотеки великого князя Святослава, предназначался для широкого круга неискушённых в философии и богословии читателей-мирян. Написан и оформлен очень просто.

Первый Изборник, 1073 г., хранится в Москве, в рукописном отделении Гос. Исторического музея. Второй, 1076 г., — в Ленинграде, в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в рукописном отделении.

3) Архангельское евангелие (апракос) 1092 г., написанное где-то на юге древней Руси, но попавшее каким-то образом в Архангельск; было оттуда привезено в Москву, где оно и хранится в настоящее время в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина, в рукописном отделении.

Над этим евангелием трудилось несколько переписчиков, но главным образом — двое, причём второго (лл. 77—175) звали Мичько. Дату (1092 г.) поставил третий писец.

4) Новгородские служебные Минеи 1095 или 1096 (сентябрь), 1096 (октябрь) и 1097 (ноябрь) гг. — сборники церковных песен в честь святых, почитаемых в православной церкви, религиозных гимнов, расположенных по дням и месяцам. Первая (сентябрьская) Минея не заключает даты, но писал её тот же книжник-новгородец, монах Яков, по-мирскому Дъмъка, который написал и октябрьскую Минею и поставил дату (1096 г.). Минею 1097 г. писал не Дъмъка, а другой монах-переписчик, и даже не один, а несколько. Все три Минеи хранятся в Москве, в рукописном отделении Гос. Исторического музея.

4*

Другие рукописные книги, обыкновенно относимые по особенностям письма и языка к XI в., не имеют даты. Среди них такие памятники, как, например:

1) Чудовская Толковая псалтырь (толкования на псалмы Давида, приписываемые Феодориту Киррскому), принадлежавшая некогда Чудову монастырю в Москве, теперь хранящаяся в Историческом музее.

2) Путятина Служебная минея на май месяц, написанная каким-то Путятой, судя по данным языка, в Новгороде („Путята писалъ да че криво да исправите, а не кльните").

3) Кирилловская часть (16 листов) знаменитого Реймского евангелия, хранящегося в Реймсе (во Франции). На этом евангелии в течение ряда столетий, вплоть до революции 1789 г., в Реймском соборе во время коронации приносили присягу французские короли.

Книг, которые были написаны в XI столетии, несомненно, было гораздо больше, чем сохранилось, если даже включить сюда все недатированные книги, а также и те книги (как, напр., „Книга пророков" новгородского попа Упыря Лихого 1047 г.), которые дошли до нас только в позднейших списках. Что этих книг было написано много, об этом прямо говорится в летописи. Например, под 6544 (1036) годом имеется такая запись: „И собра (Ярослав Мудрый) письцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо, и списаша книгы многы".

От XII в. рукописных книг сохранилось несколько больше, но и это почти исключительно церковные книги. Среди них роскошное Мстиславово евангелие, написанное около 1117 г. для новгородского, а позже — киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, хранящееся в Историческом музее в Москве, и там же хранящееся очень бедное в смысле оформления Юрьевское евангелие, написанное, вероятно, в Киеве около 1120 г. для Юрьевского монастыря близ Новгорода. От второй половины этого столетия дошло до нас Добрилово евангелие, написанное, возможно, не на юго-западе, как многие думают, а на севере, в 1164 г.,— ценнейший памятник с орфографией, отражающей падение глухих гласных. Большое значение для истории русского языка имеют разнообразные сборники церковных песен: служебные минеи, трефолои (избранные религиозные гимны), триоди, стихирари, кондакари,

Духовная грамота великого князя Симеона Гордого. 1353 г.

(Размеры подлинника)

в том числе Нижегородский нотный кондакарь (с нотными знаками), хранящийся в Ленинграде, в Публичной библиотеке. Сохранились также „апостолы" (или „деяния апостольские" с толкованиями на них), псалтыри (собрания псалмов), прологи и другие сборники житийной литературы (в частности, Успенский сборник, заключающий „Сказание о Борисе и Глебе" и „Несторово житие Феодосия Печерского"; хранится в Историческом музее в Москве); „Ефремовская кормчая" (сборник церковно-юридического характера) и другие (всего около 70).

Из памятников светского (нецерковного) характера к концу XII в. относится „Слово о полку Игореве", дошедшее до нас, однако, не в оригинале, а в одном из позднейших списков, погибшем во время московского пожара в 1812 году.

Важно отметить, что от первой половины XII в. сохранился также единственный, надо полагать, памятник актовой письменности, так называемая „Мстиславова грамота" — дарственная грамота упомянутого выше киевского князя Мстислава Владимировича и его сына новгородского князя Всеволода Юрьевскому монастырю под Новгородом. Можно полагать, что Мстиславова грамота написана в Киеве, повидимому, в 1130 г., когда оба князя встретились в стольном городе (во всяком случае не позже 1132 г., потому что в этом году Мстислав умер). Эта грамота — наш древнейший памятник актовой письменности, самая старая грамота из всех сохранившихся. Написанная золотом на пергамене, она хранилась в упомянутом Юрьевском монастыре, разрушенном немцами в 1941 г.

Некоторые учёные относят к XII в. также „Вкладную грамоту" чернеца (монаха) Варлаама Хутынскому монастырю (близ Новгорода), где она и хранилась до последнего времени. Полагают, что эта (недатированная) грамота была написана (в Новгороде) около 1192 г. или вскоре после этого года, но, пожалуй, следует считать более правильным мнение, что она была написана Варлаамом перед смертью, около 1211 г.

От XIII и XIV вв. памятников книжной письменности сохранилось значительно больше, чем от предшествующего столетия. Среди них — написанные (возможно, даже одними и теми же книжниками) в Ростове Великом (ярославском) „Житие" Нифонта 1219 г. и Апостол 1220 г.; суздальские Пандекты (справочник юридического характера) Никона Черногорца 1296 г. и др. Далее: Лаврентьевский список летописи,

составленный нижегородским монахом Лаврентием в 1377 г., заключающий в себе среди других источников наиболее ранний список „Повести временных лет“, утраченный оригинал которой был составлен в начале XII в.; хранится Лаврентьевский свод в Ленинграде в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, евангелие 1354 г., написанное в Переяславле-Залесском; московские: евангелие 1339 г. (принадлежавшее сначала Сийскому Антониеву монастырю, теперь хранящееся в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, первый памятник с отражением акающего произношения); Чудовский Новый завет XIV в., древнейший рукописный памятник с ударениями над словами; ряд новгородских: евангелие 1270 г., Кормчая 1282 г., одной из составных частей которой является Русская Правда (в так называемой пространной редакции), составленная, как полагают, в середине XI в., если не раньше, но ни в подлиннике, ни в более ранних списках (до 1282 г.) не известная; хранится в Москве, в Историческом музее; Синодальный список 1-й Новгородской летописи (первая часть (до середины 62 листа) — XIII в., остальные написаны позже); псковский (по другому мнению — новгородский) Паремейник 1271 г. (сборник назидательных чтений, преимущественно на темы из „Ветхого завета“, из Библии), первый памятник, отражающий процесс распространения окончаний ***-амъ, -ами, -ахъ*** во множественном числе из склонения типа *сестра, земля* на другие склонения; ряд других псковских рукописей (более поздних) с характерным „псковским“ смешением свистящих и шипящих согласных: Апостол 1307—1312 гг., Шестоднев 1374 г., Пролог 1383 г. и др.

К XV в., между прочим, относится Ипатьевский (южный) список летописи, составленный около 1425 г., а также ранний список Задонщины, созданной в XV в. в Москве.

Важной отраслью древнерусской литературы являются описания путешествий, или „хожения“, русских людей. Следует отметить в особенности „Хожение за три моря“ тверского купца Афанасия Никитина (1466—1472) XV в., сохранившееся в списках XVI—XVII столетий.

От XIII и XIV столетий, не говоря уже о более поздних, сохранилось много разнообразных по содержанию и по месту написания грамот: а) смоленские, начиная с большой договорной грамоты Смоленска с Ригой 1229 г., древнейшие списки

Оуказъ главамъ книги сея .

Глава, а҃, ѿ богохулникахъ, и ѿ црко|вныхъ мѧтежникахъ . а в ней, д҃ статей .

Кто возложитъ хулоу, на Хрта, и на пречтую Бцу, и на ихъ оугодниковъ . а҃

Кто пришедъ в црковь бжїю, и бжтвеныя литургїи совершити не дастъ . б҃

Кто в церкви во время црковнаго пѣнїя оучинитъ мятежь, при патрїархе, и при иныхъ властехъ . г҃

Кто пришедъ в црковь бжїю кого оубїетъ до смерти . д҃

Кто пришедъ в црковь бжїю кого бивъ ранитъ, а не до смерти оубїетъ . е҃

Кто в црквы же бжїи кого оударит а не ранит . ѕ҃

Кто в црквы же бжїи кого ѡбесчестнтъ сло|вомъ, а не оударитъ . з҃

В црквы бжїи во время церковнагѡ пѣнїя, гдрю, и патрїарху, и инымъ властемъ, ни кому, ни ѡ каком дѣле, не бити челомъ . и҃

Кто в црквы бжїи, чрезъ заповѣдь оучнетъ гдрю, и патрїарху, и инымъ властемъ, ѡ каком дѣлѣ, бити челомъ . ѳ҃

Уложение 1649 года. Первая страница оглавления.

которой (А и Б), сделанные около этого же времени, хранятся в Риге, в городском архиве; б) новгородские, начиная с договорной грамоты Александра Невского с немцами 1262—1263 гг.; в) северодвинские XIV и XV столетий; г) тверские; д) ярославская Жалованная князя Василия Давидовича до 1345 г.; е) рязанская Жалованная князя Олега Ивановича 1356 г. и др., а также ж) большое количество московских грамот, начиная с двух духовных великого князя Ивана Калиты 1339 г., хранящихся в Москве, в Центр. Гос. Архиве древних актов (ЦГАДА). Ещё больше сохранилось грамот, особенно московских, от XV и следующих столетий.

Во второй половине XVI в., при Иване Грозном, в Москве дьяконом Иваном Фёдоровым и его сотрудниками была основана книгопечатня. В 1564 г. в этой типографии была напечатана первая книга „Апостол", за которой последовали и другие книги на церковнославянском языке, называемые „старопечатными". В XVII в., впрочем, были напечатаны (церковным кирилловским шрифтом) в Москве и две светские книги на московском приказном языке: „Учение и хитрость ратного строя" 1647 г., наш первый учебник военного дела, и Соборное Уложение 1649 г., свод законов Московского государства, утверждённых Земским собором.

Но вместе с тем и в XVI в., и позже продолжали появляться и рукописные книги. Например, в XVI в.: Судебник царя Ивана Грозного 1550 г., дошедший в списках, начиная с XVII в., большое рукописное сочинение „Домострой" и др.; в XVII в.: „Книга Большому Чертежу" 1627 г. (по спискам со второй половины XVII в.), „Повесть об Азовском осадном сидении" донских казаков в 1641 г., появившаяся вскоре после падения Азова; написанное в Швеции сочинение „О России в царствование Алексея Михайловича" бывшего московского приказного человека Гр. Котошихина (относящееся к 60-м годам), „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" (между 1667 и 1682 гг.) и многие другие.

§ 24. Наши древнейшие рукописные книги и грамоты XI — XIV вв. написаны на специально выделанной тонкой коже (обыкновенно телячьей), обычно называемой „пергаменом", а в древней Руси называвшейся по-разному: „кожей" или просто „телятиной", „мехом", „хартией" или „харатьей" (греческое слово, откуда выражения „харатейная грамота" и „харатейное письмо"). С середины XIV столетия постепенно входит в употребление бумага, сначала ближневосточного происхождения, потом — западного. Самое слово „бумага" (неизвестное в зарубежных славянских языках, где ему

соответствуют: у южных славян, болгар и сербов, то же „хартия“, у западных славян — у чехов „papír“, а у поляков „papier“, — слова, восходящие к названию папируса), вероятно, в наш язык попало с востока. Впрочем, уже с половины XVI столетия у нас начинаются попытки наладить отечественное производство бумаги.

Первой, самой старой рукописной книгой на бумаге считается „Поучение Исаака Сирина“ 1381 г., а первой бумажной грамотой — Договорная грамота великого князя московского Симеона Гордого около 1350 г.

Иногда в старину в качестве писчего материала пользовались, между прочим, берёстой — в Новгороде (как показали раскопки 1951 г.), возможно, в Пскове, где такие писаницы, повидимому, назывались „досками“, и даже под Москвой. В Сибири, в глухих местах, берёстой иногда пользовались ещё в XVIII в. („свёртки на деревце“).

Кстати о свёртках. Следует иметь в виду, что в старину, например, в Москве, в московских правительственных канцеляриях („приказах“) дела — акты, документы — с текстом только на одной стороне листа хранились не в виде книг и не в папках, а подклеивались один под другим, и потом „свивались“, свёртывались в рулоны или, по-старинному, „столбцы“, которые могли быть различного объёма, иногда до полуметра в диаметре. Так, например, рукопись Уложения 1649 г. с подписями членов Земского собора, хранящаяся в Москве, в Центр. Гос. Архиве древних актов (ЦГАДА), представляет собою рулон из 959 отдельных листов-склеек, с текстом только на одной стороне, длиною 300 с небольшим метров.

Писали в древней Руси книги и грамоты чернилами (или, как тогда говорили, „чернилом“) — „железистыми“ или „растительного“ происхождения (например, из ольховой коры или из дубовых „чернильных орешков“ и т. д.) чёрного цвета, со временем, однако, несколько рыжевшими. Кроме чернил, пользовались иногда киноварью (слово греческое) — красной краской из ртути и серы. Она обыкновенно употреблялась для заглавий, начальных букв, заставок и пр. главным образом как элемент украшения рукописи. Отсюда выражение „красная строка“, отсюда и слово „рубрика“ (от латинского ruber — красный), в смысле „отдел“, „глава“, „абзац“.

В исключительных случаях пользовались киноварью как чернилами. Так, сплошь одной киноварью написана грамота Ивана IV (Грозного) в Казань архиепископу Гурию 1555 г.

Ещё реже употребляли для этой цели золото (на клею). Как уже было отмечено выше, золотом написана Мстиславова грамота около 1130 г.

Орудием письма служили перья с расщепом, обыкновенно гусиные, реже — павьи. Конечно, эти перья особым образом приготовлялись, закаливались, очищались от перепонок и пр. Стальные перья, как известно, у нас вошли в обращение только с 40-х годов XIX столетия. Карандаши появились раньше, в петровское время.

Письмо наших древнейших рукописей (книг и грамот XI — XIII вв.) по характеру букв и способам их сочетания заметно отличается от письма последующих столетий: буквы, как правило, стоят прямо[1], каждая сама по себе, друг с другом не сцепляются и не сливаются, чрезвычайно редко

[1] Если не считать лёгкого наклона в Изборнике 1073 г.

поднимаются над строкой. Соединительная черта у сложных букв, например йотированных гласных ѥ, ѩ, ю и др., приходится на середину вертикали |, например, у ю она совпадает с язычком є. Такое письмо называется „уставом", „уставным письмом". Примерно с середины XIV столетия „устав" постепенно начинает вытесняться „полууставом", а ещё позже — „скорописью", которые характеризуются отсутствием признаков, перечисленных выше, характерных для устава: буквы получают наклон (в правую сторону), начинают наступать и падать друг на друга, исчезает прежняя тщательность в рисунке отдельных букв, которые начинают изображаться по-разному, иногда даже в одном и том же тексте, соединительная черта у йотированных гласных начинает подниматься, доходя до вершины вертикали |, появляются выносные буквы, и чем дальше, тем всё в большем количестве.

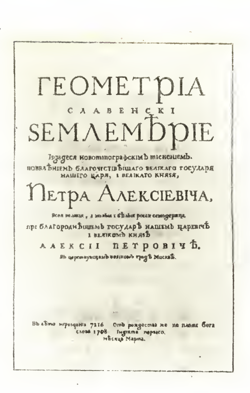
Эти явления сначала обнаруживаются в деловой канцелярской письменности — обстоятельство, которое, конечно, находится в связи с развитием общественной жизни, с ростом государственной мощи Московской Руси, с усложнением административного аппарата, с ускорением темпов жизни.

Таким образом, период „уставного" письма сменяется периодом „полуустава", который, в свою очередь, примерно с XVI в., переходит в „скоропись", получившую своё высшее развитие в XVII столетии. Этот процесс развития письма не распространился, однако, на церковную письменность. Церковный, кирилловский полуустав, после некоторого упорядочения, во второй половине XVI в. был закреплён в печати (обычно его и называют старопечатным шрифтом).

В начале XVIII столетия этот старопечатный шрифт был реформирован Петром I. С 1708 г. книги начинают печататься новым русским гражданским шрифтом, русской „гражданкой", которою в настоящее время, кроме восточнославянских народов, пользуются (с некоторыми изменениями и дополнениями) также болгары и сербы. Русская типографская „гражданка" в свою очередь оказала сильное влияние на скоропись в смысле её упорядочения и удобочитаемости. На основе русского алфавита строят в настоящее время своё письмо многие неславянские народы СССР.

§ 25. Письменность (в широком смысле слова) не ограничивается книгами и грамотами, т. е. литературными произведениями. Памятниками письменности также являются всякого рода надписи: на камнях, на стенах древних храмов, на крестах, на монетах, на глиняных сосудах и т. д. Так, совсем недавно при раскопках Гнездовского кургана (под Смоленском), относящегося к первой четверти X в., были обнаружены осколки глиняного сосуда с надписью, сделанной кирилловскими буквами: „горушна", т. е. „(зёрна) горуш(ь)на",— горчичные зёрна.

К середине XI столетия относится короткая надпись на „Тмутороканском камне" (беломраморной плите, хранящейся теперь в Ленинграде, в Эрмитаже), высеченная в 1068 году. Здесь

ГЕОМЕТРІА
СЛАВЕНСКІ
ЅЕМЛЕМѢРІЕ

Іздадеся новотіпографскимъ тісненіемъ.
повелѣніемъ благочестівѣйшаго велікаго государя
нашего царя, і велікаго князя,

Петра Алексіевіча,

всея велікія, і малыя і бѣлыя россіи самодержца.
прі благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевічѣ
і велікомъ князѣ

Алексіі Петровічѣ.

Въ царствующемъ велікомъ градѣ Москвѣ.

Въ лѣто мірозданія 7216 отъ рождества же по плоті бога
слова 1708 індікта перваго,
мѣсяца Марта.

Заглавный лист «Геометрии» 1708 г., одной из первых книг, отпечатанных гражданским шрифтом.

сообщается, что князь Глеб производил измерение Керченского пролива. Как ни коротка эта надпись, всё же она представляет интерес для историка русского языка (отсутствие *ъ* в слове *князь,* отсутствие связки в перфекте: *мѣрилъ,* форма *по леду,* т. е. по льду, и др.). Но в общем значение этих надписей как источника исторического изучения русского языка не особенно велико, главным образом вследствие их краткости. Большее значение они имеют для истории п и с ь м а.

Сохранились надписи XI — XII столетий на жертвенниках, на гробнице Ярослава Мудрого в Киеве и в ризнице Софийского собора в Киеве и надписи X — XI вв. и позже (отчасти — глаголические) на столбах и стенах Софийского собора в Новгороде; надписи на крестах (например, на так называемом Стерженском, в истоках Волги, кресте 1171 г.), на колоколах, на предметах домашнего обихода, например, на киевской амфоре XI в.; на

кресте полоцкой княгини Евфросинии 1161 г.; на чаре черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г., хранящейся в Ленинграде, в Эрмитаже; на печатях, например, на печати Смоленской грамоты 1229 г. (А) и др.; на разного рода украшениях и амулетах (змиевиках), например на так называемой „Черниговской гривне", золотом змиевике XI в., и т. д. Сюда же, конечно, относятся и надписи на золотых и серебряных монетах времени в. кн. Владимира Святославича (978—1015), его сына Ярослава Мудрого (1019—1054) и др. Некоторые из этих надписей, например на монетах Владимира, сделаны на старославянском языке.

Большой интерес представляет подпись французской королевы, вдовы Генриха I, Анны Ярославовны, дочери Ярослава Мудрого, сделанная кирилловскими буквами на одной латинской грамоте 1063 года: ана ръина (т. е. Anna re(g)ina = Анна королева), — подпись, свидетельствующая, что с буквой ъ (ръина) в сознании киевлян связывалось представление о гласном звуке, похожем на латинское *e* в слове „regina", и что произношение латинского взрывного ***g*** (*г*) для Анны представляло непреодолимые трудности, потому что в XI в. в Киеве *г*, вероятно, произносилось как фрикативный звук.

§ 26. Иногда в качестве источника исторического изучения языка могут быть использованы старые местные названия стран, рек, гор, городов, сёл, деревень, улиц и пр. Ф. Энгельс в широкой мере пользовался этим источником в своём исследовании „Франкский диалект".

Топонимия (от греческого topos — место и onyma — имя) имеет значение прежде всего для истории лексических средств языка, для построения исторической лексикологии. Возьмём, к примеру, топонимию Москвы. Во многих случаях старые названия московских улиц, площадей и пр. нередко восходят к обиходным словам, некогда бытовавшим в московской речи, но впоследствии вышедшим из обращения: „Хамовники" („хамовниками" в старину назывались в Москве мастера, изготовлявшие „белую казну": ткачи, полотнянщики, — повидимому, от восточного, может быть, индусского „хаман" — полотно); „Басманная" (от „басман" — дворцовый хлеб с печаткой, откуда и „басманщик" — дворцовый пекарь); „Таганка" (здесь жили когда-то „таганщики"; от „таган" — треножник с обручем для котлов и горшков); „Бутырки" (в старину: „бу-

тырки" — дом, посёлок в стороне, на отшибе; в Бутырках в старое время находилась университетская типография, отсюда „бутырщик" — печатник); „Сивцев вражек" (= овражек; в старину говорили „вьрагъ" — вместо „овраг", от „вьрѣти" — бурлить) и т. д. Сюда же относятся названия некоторых подмосковных населённых пунктов: „Мытище" (в прошлом место, где собирали „мыт" или „мыто" — особый вид торговой пошлины — на Яузском водном пути) и др.

Некоторые старые московские топонимические термины дошли до нас в искажённом виде. Так, исчезнувшее теперь название „Вшивая горка" (местность у устья Яузы) восходит к древнерусскому „ушь" — сорная трава, откуда прилагательное „ушивъ".

В качестве географических терминов иногда сохраняются грамматические формы и категории, давно уже вышедшие из употребления в живом языке. Например, притяжательные прилагательные на ***ь, я, е:*** „Ярославль" город (= Ярославов город) и пр., „Стан Боянь" (под Можайском) и т. д. (см. § 76). Иногда местные названия доставляют материал и для исторической фонетики. В этом отношении представляют интерес, например, такие факты, как название одной из московских улиц „Маросейка" (из „Малоросейка"; ср. *знаменосец* из *знаменоносец* и т. п.; в XVII в. в упомянутом районе находилось „Малороссийское подворье", нечто вроде украинского представительства в Москве; поблизости, в районе Старосадского переулка, стоял „Гетманский двор"). Представляет интерес название одного населённого пункта Московской области „Белый Раст" (на картах иногда неправильно: „Рост"), явно старославянского, южнославянского происхождения (см. § 34), возможно, лишний раз свидетельствующее о широком распространении старославянского языка в древней Руси.

§ 27. Некоторую пользу для воспроизведения старого русского языка, пройденных этапов его развития, в частности, фонетического развития, может принести также изучение слов, заимствованных русским языком из других языков, и слов, заимствованных в прошлом из русского языка другими языками, особенно неславянскими, где они употреблялись или до сих пор употребляются. Известно, например, что слова, явно заимствованные, попавшие в доисторическую или раннюю историческую эпоху в язык восточных славян из других языков с сочетаниями *ар, ор, ал, ол,* стали звучать с *оро, оло,* а в других

славянских — с сочетаниями *ра, ла* и *ро, ло,* например, *король* из германского *Карл* (Карл Великий) и т. п. Это может служить косвенным доказательством того, что и в других случаях сочетания *оро, оло* при тех же фонетических условиях возникли из первоначальных *ор, ол. город* из *гордъ, голова* из *голва* и т. д., как и предполагают историки языка (см. § 33). С другой стороны, в финских языках с давнего времени употребляются слова, некогда заимствованные, по всей видимости, из общеславянского языка или из языка восточных славян до того, как в этом языке получило развитие полногласие. Эти слова оказываются с сочетаниями *ар, ал.* Так, в финском -суоми: *palttina* из: **полтьно,* откуда у нас: *полотно; varpu* из: *ворбии*, откуда: *воробей* и т. д.[1]. Тогда же были заимствованы финнами и другие восточнославянские слова. Например: *kuontalo*— пакля, явно из *кǫдъль* (с *о* носовым), откуда у нас: *кудель;* эстонское *und* — удочка, явно из *ǫдъ* (с *о* носовым), откуда у нас: *уда, удочка*. Таким образом, финские языки косвенно подтверждают давно установленный языковедами (см. § 31), факт существования в доисторическую эпоху во всех славянских языках носовых гласных звуков.

§ 28. С давнего времени в разных сочинениях иностранных авторов о нашей стране и нашем народе иногда в большей, иногда в меньшей степени встречаются древнерусские слова в иностранной транскрипции и в том виде, в каком они были восприняты тем или другим чужеземцем, не знавшим древнерусского языка или знавшим его более или менее поверхностно,— следовательно, как правило, всегда в искажённом виде.

Тем не менее, некоторые из таких иноязычных литературных источников исторического изучения русского языка получили широкую известность и всё чаще привлекают к себе внимание исследователей. Сюда относится прежде всего сочинение Константина Порфирородного, впоследствии византийского императора, „О народах" (или, по другому названию, „Об управлении империей"), написанное в 949 г. Константин Порфирородный побывал в древней Руси, которую он называет „Рос" и о которой рассказывает в 9-й и 37-й главах своей знаменитой книги. У него

---

[1] Звёздочка вверху перед словом означает, что данная фонетическая форма слова лишь предполагается и не засвидетельствована ни памятниками письменности, ни местными диалектами.

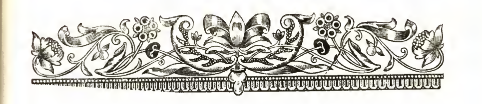
мы находим немало древнерусских слов, записанных по-гречески: названия городов, днепровских порогов, имена князей и пр. Анализ этих слов позволяет делать некоторые предположения относительно их произношения в древней Руси, если они действительно являются древнерусскими, т. е. восточнославянскими словами. То обстоятельство, например, что имя *Святослав* автор сочинения „О народах" записал в форме *Sfentoslavos*, с сочетанием *en* в первой части, очевидно, свидетельствует о том, что это имя в X в. произносилось ещё с *ę* носовым. Можно, однако, полагать, что так произносилось это имя, собственно говоря, по-южнославянски, а не по-древнерусски, и что Константина Порфирородного в его путешествии сопровождал какой-то южный славянин, болгарин или серб, от которого он записал и названия некоторых днепровских порогов, например, *Ostrovuni prach* („Островьный прах", т. е. пыль, водяные брызги). Любопытно, что древнерусских слов с полногласием у Константина Порфирородного совсем не встречается. В соответствии с ожидаемыми полногласными сочетаниями мы находим у него или *ра*, или *ар*, или *ер*: *Nemogardas* (=Новгород), *dervlenini* (деревляне) и т. п. Некоторые слова, однако, представляют собою попытку передать именно д р е в н е р у с с к о е произношение, например, название днепровского порога *Verutzi* (т. е. *Вьручии* — запирающий), о чём см. § 31.

Такого же рода и, может быть, ещё менее надёжный материал заключается и в других иностранных сочинениях о Киевской Руси (например, у арабских и персидских географов IX, X и последующих столетий) и позже о Московской Руси. Насколько м у т н ы м источником наших сведений о прошлом русского языка являются подобные записи русских слов, сделанные иностранцами, можно судить, например, по „Парижскому словарю" 1586 г., составленному капитаном Жаном Соважем из Дьеппа, некоторое время жившим в Архангельске. В этом словаре многие русские (возможно, севернорусские) слова записаны в совершенно неузнаваемом виде: *seto* — что, *tourmachig* — тюремщик(?), *vocheman* — вотчина(?), *zeclaynisicq* — стеклянщик(?), *seuyetay* — цветы(?), и т. д. Кроме того, мы обыкновенно ничего не знаем о том, кто являлся объектом наблюдений, при каких условиях производилась запись и т. д.

В общем то же можно сказать и о других данных в этом роде, например, о словаре Ричарда Джемса (1619 — 1620) и др.

Grammatica russica Г. Лудольфа, на латинском языке, напечатанная в Оксфорде в 1696 г., заключающая, между прочим, целый ряд записей разговорной русской речи в кирилловской транскрипции, несколько отличается от других подобных сочинений своей содержательностью, но и этот материал может быть использован для истории русского языка только с величайшей осторожностью и прежде всего постольку, поскольку он подтверждается письменными памятниками русского языка этой эпохи.

II. РАЗВИТИЕ ЗВУКОВОЙ СТОРОНЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

(В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ПИСЬМА)

§ 29. Звуки речи и их связь с грамматическим строем и словарём языка. Товарищ Сталин учит: „Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд“ [1]. Таким образом, „звуки речи“ представляют интерес для науки о языке не сами по себе, а лишь по тому участию, которое они принимают в выражении мысли, и прежде всего как средство закрепления и различения понятий.

Но именно поэтому вопросы исторического изучения звуковой стороны языка всё время переплетаются с вопросами исторического изучения то грамматического строя языка, то словаря и значений слов. Фонетические изменения, когда, например, они влекут за собою совпадение в звучании слов или форм, продолжающих различаться по своему реальному или грамматическому значению, и во многих других случаях, нередко являются причиной новых явлений в грамматике и словаре, важных новшеств в формах склонения и спряжения, появления новых аффиксов, возникновения новых корней и, стало быть, новых слов и т. д. Благодаря фонетическим изменениям обогащаются средства выражения грамматических значений в языке (чередование звуков: *с'истра́: с'о́стры*).

С другой стороны, с фонетическими изменениями находятся в теснейшей связи изменения в системе письма, история письма, т. е. алфавита и орфографии.

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 28.

Таким образом, фонетические изменения, в сущности, следовало бы рассматривать в разных частях курса истории русского языка: или в исторической морфологии, или в разделе, посвящённом изучению лексических и семантических изменений, или в главе о развитии алфавита и орфографии. Но из соображений прежде всего методических, для того чтобы избежать бесконечного повторения одних и тех же наблюдений и выводов, в исторической грамматике давно уже установилась традиция выделять фонетические изменения в особую группу и изучать отдельно от других изменений в языке, тем более, что фонетические явления и по самой своей природе (главным образом благодаря своей связи с физиологией произношения) резко отличаются от грамматических и прочих явлений.

1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

§ 30. Когда восточнославянские племена около VI столетия окончательно оторвались от своих западных и южных сородичей и вступили в период отдельного от них, самостоятельного существования, они говорили на языке, который, хотя и не был абсолютно одинаков и варьировал по племенам и родовым общинам, всё же характеризовался целым рядом общих для всех племенных диалектов черт в произношении, в формах склонения и спряжения и пр. Эти общие черты сложились раньше, в предшествующую эпоху, когда все славяне ещё жили одной языковой жизнью.

В фонетическом отношении язык восточного славянства в то время, около VI столетия, весьма заметно отличался, например, от современного русского языка (литературного и диалектов).

Гласных словоразличительных „звуков речи" (фонем) первоначально было значительно больше. Кроме ***а, о, у, е(э), и, ы*** к гласным фонемам относились ещё: 1) носовые гласные ***ǫ*** и ***ę***, например: *зǫбъ, пęть;* 2) глухие гласные ***ъ*** и ***ь***, например: *сънъ (сон), дьнь (день);* 3) ***ѣ***, которое произносилось как долгое узкое ***е(ê)***, близкое к дифтонгу ***i͡e*** или даже как дифтонг, например: *лѣсъ, сѣяти, къ мънѣ.* Ударение при этом не играло роли: гласные могли быть употреблены как под ударением, так и в неударенном положении. В частности, в неударенном положении были возможны гласные ***о*** и ***е (э)***: *водá, головá, веснá* и т. п.

(в современном русском литературном: *вадá, гълавá, в'иснá* и пр.).

Из „твёрдых" (т. е. непереднего ряда) гласных ***(а, о, у, ы, ǫ, ъ)*** некоторые были недопустимы в положении после ***j*** и мягких согласных. Прежде всего это относится к гласному ***о*** (слово *лёд*, которое теперь произносится у нас *л'от*, тогда звучало *л'едъ*; слово *моё* звучало *моjе* и т. д.). Не употреблялись после ***j*** и мягких согласных также ***ы*** и ***ъ***.

Кроме того, следует учесть, что гласные звуки в общеславянскую эпоху различались не только качественно, но и „количественно", т. е. по долготе и краткости. Гласные ***а, у,*** старые ***ы, и*** (не из ***ъ, ь***), а также ***о*** и ***е*** носовые и ***ѣ*** были долгими, а ***о*** и ***е*** неносовые — краткими. Гласные же ***ъ*** и ***ь*** были короче нормальных кратких ***о*** и ***е***. То же можно сказать и относительно ***ы, и*** из ***ъ, ь*** (в *слѣпый, синий, костий* и т. п.).

Некоторые гласные не были возможны в начале слова и слога: не только ***ы***, которое невозможно в начале слова и слога и в современном русском языке, но также ***а*** и ***е (э)***. Дело в том, что перед начальными ***а*** и ***е***, если эти гласные сами по себе не являлись односложными словами (союз ***а***, местоименный элемент ***е (э)***, ср. наше *э-тот*, в говорах *э-вот, э-столько* и т. д.), очень рано развился ***j*** (йот) или ***и̯*** (неслоговое *и*). Так, вместо более раннего *агнę* (ягненок), ср. в латинском *agnus*, установилось произношение с начальным ***ja***: *jагнę*, откуда: *ягня́, ягнёнок* и т. д. Если в современном русском имеется немало слов с начальным ***а***: *август, ад, алмаз* и т. д., то все эти слова, как правило, более позднего происхождения и являются заимствованными из других (неславянских) языков (латинского, греческого, восточных и пр.), отчасти из старославянского (*агнец*), где ***j(и̯)*** в начале слова в IX — XI столетиях мог в известных случаях исчезать. Не было возможно и начальное нейотированное ***е (э)***, так что, например, слово *ель* произносилось, как и в современном русском, с *jэ*: *jэ̀ль*. Местоименный элемент ***е*** (***э***) в *этот* и т. п. первоначально звучал, как полагают, с гортанным звонким придыханием: *hэ*, как звучит он в современном белорусском. Начальное ***э*** в заимствованных словах: *эксперт, экстра, этаж, экспедиция* и т. п., у нас, конечно, позднего происхождения.

Консонантизм, т. е. состав словоразличительных согласных „звуков речи" (фонем), также отличался от консонантизма в современном русском, особенно литературном языке. Не было звука ***ф***

(в славянских, ниоткуда не заимствованных словах). Шипящие *(ч, ж, ш)* и *ц* произносились только мягко: *жяба (= ж'аба), душя (= душ'а), отьць* и т. д. Согласные *к, г, х,* напротив, были возможны только твёрдые. В таких словах, как *нести* и т. п., согласные *н* и *т* не произносились с такой же полной степенью мягкости, как в современном русском, и были вполне похожи в этом отношении на однотипные согласные звуки в положении перед гласными переднего ряда в некоторых современных славянских языках (сербском, чешском) и в западноевропейских (ср. в немецком *Nestel* — шнурок и т. п.). В частности, не было резкой разницы в произношении твёрдого и мягкого *л*: нашему твёрдому *л* в *лапа* и мягкому *л* в *липа* соответствовало среднее „европейское“ *л (l)*: *lapa, lipa*. Таким образом, эти слова звучали примерно так, как они теперь произносятся в некоторых славянских языках (сербском, чешском).

В этот период развития славянских языков, как полагают, действовал „закон открытого слога“, заключавшийся в том, что слог, как правило, не мог оканчиваться согласным; обыкновенно он оканчивался гласным звуком: *вода, лѣсъ, сънъ, жьньць* и т. д. Поэтому и такие слова, как *нести,* для этого времени следует делить на слоги так: *не-сти.*

Ударение было „свободное“, т. е. оно не было закреплено за каким-нибудь одним определённым слогом в слове: первым, предпоследним, последним, как это наблюдается в некоторых современных нам языках, в частности, некоторых славянских (в чешском, где ударение приходится на первый слог, в польском, где ударение бывает всегда на предпоследнем слоге).

Характер ударения в славянских языках был музыкально-экспираторный, или интонационный, т. е. ударенный слог каждого слова выделялся не только благодаря усилению выдыхательного толчка воздуха, как, например, в современном русском, в современном польском и др., но также благодаря движению тона, в одних словах восходящему *(во́ля, наро́дъ, си́ла),* в других — нисходящему *(са̂дъ, по̂ле, ло̂дъка, ви̂дъ),* причём это движение тона не имело никакого отношения к общей интонации предложения (например, вопросительной, повелительной и пр.). Такой характер ударения из современных славянских языков сохранился в сербском и словенском языках.

Наша современная русская система фонем установилась в результате разнообразных фонетических изменений в течение

многих столетий. Важнейшие из этих изменений нам и предстоит теперь рассмотреть.

В первую очередь мы остановимся на древнейших фонетических изменениях, закончившихся, надо полагать, до XI в., пережитых всеми восточнославянскими племенами, — изменениях, оторвавших их по языку от других славянских племён.

2. ДРЕВНЕЙШИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

§ 31. Судьба носовых гласных. Во всех славянских языках первоначально, в эпоху до появления письменности, кроме нормальных, чистых гласных, какими являются гласные звуки в современном русском языке, существовали ещё особого рода носовые гласные, произносившиеся „в нос", т. е. с участием носовой полости. Таких гласных, впрочем, было немного, — по всей видимости, только два: ***о*** и ***е***. В научной транскрипции они обыкновенно обозначаются: ǫ и ę. Эти носовые звуки ***о*** и ***е*** произносились в словах, которые в современном русском языке уже звучат с чистыми гласными ***у*** и ***'а(=я)***. Например: *зǫбъ* (зуб), *сǫдъ* (суд), *гǫсь* (гусь), *лǫкавый* (лукавый), *водǫ* (воду), *водојǫ* (водою); *несǫ* (несу), *слыш'ǫ* (слышу), *любл'ǫ* (люблю), *појǫ* (пою); *пęть* (пять), *мęсо* (мясо), *нач'ęти* (начать), *кънęзь* (князь), *имę* (имя), *вйдę* (видя), *јęзыкъ* (язык).

Таким образом, в слове *зобь* (корм), также *зобати* (есть) ***о*** было чистым гласным, а в слове *зǫбъ* (зуб) — носовым; в слове *рокъ* — чистым, а в слове *рǫка* (рука) — носовым; в слове *печь* ***е*** было чистым гласным, а в слове *пęть* — носовым и т. д.

Носовые ***о, е*** развились в славянских языках ещё в доисторическое время, в общеславянскую эпоху, из первоначальных общеиндоевропейских сочетаний ***о, а, у, е, и*** с носовыми согласными ***н*** или ***м*** в закрытом слоге. Следовательно, возникновение носовых гласных было вызвано стремлением к открытию закрытого слога.

Поэтому нашему *зуб* из *зǫбъ* в литовском соответствует *žámbas* — „конец", „край", а нашему *пять* из *пęть* — в литовском *penkì*, в греческом *pente*, в немецком *fünf*; нашему *гусь* из *гǫсь* в немецком соответствует *Gans*, а нашему *семя* из *сѣмę* в латинском — *sēmĕn*. В положении перед гласными звуками эти сочетания сохранились: от *сѣмę* — родительный ед. звучал: *сѣмене* (с сочетанием *ен*) и т. д.

Из всех славянских языков в настоящее время носовые гласные **о, е** сохраняются в польском: *sąd (суд)* (буквой ą в польском обозначается ǫ), *pięć* (пять; произносится: п'эⁿ цч'), *imię* (имя). При этом не всегда современные польские ą, ę точно соответствуют древним общеславянским ǫ, ę. Например, *ręka* (рука, вместо ожидаемого *rǫka*, с твёрдым **r** перед ę). Ср.: *rǫczka* (ручка, с исторически правильным ǫ; **cz = ч**).

Некоторое подобие носовых гласных (слогообразующие **н, м** на месте старого **о** носового) имеется также в славянских говорах Македонии (о чём см. § 42).

В восточнославянском произношении носовые **о** и **е**, о существовании которых, между прочим, свидетельствуют финские заимствования из древнерусского (см. § 27), с течением времени перестали произноситься с участием носовой полости, утратили свой „гнусавый" оттенок, превратились в чистые гласные, причём одновременно изменилось и качество их. Вместо носового **о** установилось произношение **у**, а вместо носового **е** — сначала, повидимому, **е** (сохраняющееся в некоторых северноукраинских говорах), а потом — **'а** (с мягкостью предшествующего согласного): *зǫбъ* (сначала с гласным ъ на конце > *зубъ*), *лǫкавый* > *лукавый*, *несǫ* > *несу; пęть* (произносившееся в два слога, с гласным ь на конце) > *п'ать* (т. е. пять), *jęзыкъ* > *jазыкъ* (= язы́къ) и т. д.

Таким образом, в словах *дух, друг, муха, капуста* и т. п. **у** в русском языке восходит к общеславянскому **у**, тогда как **у** в *зуб, путь, несу* и пр. получилось из ǫ; в словах *земля, всякий, стоять* и др. **'а(я)** восходит к общеславянскому **'а(я)**, между тем как **'а(я)** в *пять, мясо, имя* и пр. возникло из ę.

Это важное фонетическое изменение, охватившее все восточнославянские говоры, закончилось сравнительно рано, до того, как в древней Руси, после её крещения, возникла письменность на старославянской основе. Оно получило известное отражение уже в наших древнейших (из сохранившихся) памятниках письменности, в Остромировом евангелии 1056—1057 гг. и других.

Дело в том, что в старославянском (в фонетическом отношении — древнеболгарском) языке носовые гласные **о** и **е**, которые там держались в произношении долгое время, обозначались в кириллице буквами ѫ и ѧ, т. е. юсами большим и малым: зѫбъ, сѫдъ, лѫкавыи, несѫ, пѧть, ѩзыкъ и т. д. Эти юсы были усвоены

и древнерусскими книжниками эпохи формирования у нас письменности на старославянской кирилловской основе после крещения Руси и употреблялись сначала на старославянский образец, но не очень последовательно: вместо ѫ, по большей части, ставили оу или ꙋ, а вместо ѧ иногда писали а, ꙗ. Так, в Остромировом евангелии: *лоукавый* (ст.-сл. лѫкавꙑи), *водоу* (ст.-сл. водѫ), *могоу* (ст.-сл. могѫ), *ꙗзыкъ* (ст.-сл. ѩзыкъ), в послесловии: *почахъ* же писати (ст.-сл. почахъ от инф. почати). Вообще в этой рукописи зарегистрировано более 500 случаев неправильного употребления юсов: оу, ю, а, ꙗ вместо ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, и наоборот.

Таким образом, в древнерусском п р о и з н о ш е н и и н о с о в ы е гласные з в у к и исчезли сравнительно рано, тогда как буквы ѫ, ѧ, так называемые „юсы“, некогда придуманные Кириллом и Мефодием для обозначения носовых гласных в старославянском языке, сохранялись в древнерусской п и с ь м е н н о с т и довольно долго, особенно ѧ, хотя уже не обозначали носовых гласных.

Если бы письменные памятники древнерусского языка уцелели от б о л е е д р е в н е г о времени, например от конца X века, то можно полагать, что и в этом случае они представляли бы ту же картину. Имеются основания думать, что носовые гласные в древнерусском произношении исчезли или, по крайней мере, начали исчезать к середине X столетия. Так, например, в сочинении византийского (греческого) императора Константина Порфирородного „О народах“ (см. § 28), написанном в 949 г., среди древнерусских названий Днепровских порогов, переданных греческими буквами, встречается, между прочим, Verutzi, т. е. *Веруци* <*Вьручи(й)*, причастная форма от глагола **верети* (1-е л. ед. ч. *вьру*) — запирать (ср. *верея, завор, ворота*), причём восточнославянское ***ч*** было передано по-гречески сочетанием *tz*, потому что в греческом языке нет шипящих согласных. Это и значило: „запирающий“. Но ***у*** стоит здесь на месте ***о*** носового (ст.-сл. вьрѫщи, с суффиксом ѫщ)[1]. Этот факт (как и другие подобные случаи в этом сочинении) свидетельствует, что к середине X столетия (949 г.) носовые гласные в языке восточных славян (древнерусском) уже изменились в чистые ***у*** и ***'а***.

[1] Некоторые языковеды сближают это слово со старославянским вьрѣти — кипеть, бурлить. Но от этого глагола причастная форма звучала вьрѭщи (писалась с йотированным юсом большим).

§ 32. Изменение гласного *е* в *о* в начале слова. В таких словах с ударением на первом или на втором слоге, как *óсень, олéнь, óзеро, осéтр*, имеющих во втором слоге ***е***, во всех восточнославянских языках (русском, украинском и белорусском) с древнейшего времени употребляется ***о*** в начале, тогда как во всех других славянских языках эти слова начинаются с ***je*** (***jэ***): в сербском: *јесен, јелен, језеро, јесетр;* в чешском: *jeseň* (*ň* — мягкое ***н***), *jelen, jezero* (ударение всегда на первом слоге); в польском: *jesień* (*ń* — мягкое ***н***), *jeleń, jezioro, jesiotr* (сочетания ***ie, io*** после согласных служат для обозначения ***е, о*** после мягких согласных; ударение в польском всегда на предпоследнем слоге).

Точно так же и в слове *один* (где во втором слоге ***и***) в других славянских языках имеется ***je:*** в сербском — *један*, в чешском — *jeden*, в польском — *jeden*.

Надо полагать, что первоначально во всех славянских языках (значит, и в языке восточных славян) эти слова произносились с начальным ***je*** (***=jэ***) или, что более вероятно, с ***и͡е*** (т. е. с ***и*** неслоговым). Но очень рано, ещё до того, как в древней Руси стала распространяться письменность на старославянской основе, повсеместно в восточнославянской речи сочетание ***и͡е***, вследствие отпадения ***и***[1] и диссимиляции (расподобления) начального ***е*** (***э***) с ***е*** (***э***) в следующем слоге, гласный ***е*** (***э***) в начале таких слов, как ***есень*** (из ***и͡есень***), был вытеснен гласным ***о: осень, олень*** и пр. То же произошло и в слове ***и͡единъ***, хотя на этот раз в следующем слоге имелось ***и***, другой гласный, но также переднего ряда.

В памятниках древнерусской письменности слова вроде *осень* и др. с начальным ***о*** встречаются уже с XI в. Так, формы *одиному, одиною* отмечены в Изборнике Святослава 1076 г.; слово *одинъ* встречается в Архангельском евангелии 1092 г. и других древних книгах; слово *осеньнее* имеется в нашей древнейшей грамоте — Мстиславовой, написанной в 1130 г., и т. д.

Следует отметить, что условия изменения начального ***е*** из ***и͡е*** в ***о*** ещё не выяснены полностью. В некоторых случаях начальное ***и͡е*** в положении перед слогом с ***'е*** или с ***и*** не изме-

[1] Как свидетельствуют письменные памятники древнерусского языка, ***j*** в начале слова исчез, отпал не только перед ***е***, но также перед ***у*** (в сочетании ***jу***). Поэтому старославянскому югъ в древнерусском соответствует *угъ*, старославянскому юный — *уный* и т. д. В современном русском языке мы произносим эти слова по-старославянски.

нилось в ***о***. Например, в словах: *есте* (2-е л. мн. ч. от *есмь:* вы *есте*); ты *еси* (2-е л. ед. ч. от *есмь:* ты *еси*); *ели* (род. ед. от *ель*) и т. п. Нетрудно, однако, догадаться, что в этих и подобных случаях отсутствие изменения начального ***ие*** в ***о*** вызвано задерживающим влиянием других форм: *есмь, е͡сть, есмъ* или, в последнем примере: *ель*. Во всех этих случаях не было условий для изменения начального ***ие*** в ***о.***

В говорах наблюдаются, однако, и другие пока ещё не объяснённые случаи исключения из этого правила: *есенью́, есеня́сь,* фамилия *Есенин.* В одном из северо-западных русских говоров в прошлом столетии М. Л. Колосовым было отмечено *лезеро* (из *езеро*).

Легче объяснить, почему отсутствует такое изменение в *ежевика, ерепе́ниться* и др. Во-первых, эти слова не относятся к числу очень старых, хотя известны не только в русском языке, но и в украинском. Во-вторых, они имеют ударение не на первом или втором слоге.

С другой стороны, в современном русском языке употребляется ***о*** в формах *одного, одному* и т. д. от *один,* вместо ожидаемого *едного (=иедного),* потому что, если в им. ед. начальное ***е*** из ***ие*** изменилось в ***о,*** согласно правилам, то в род ед. ч. и других падежах начальное ***ие*** должно было сохраниться, так как на этот раз в следующем слоге находился гласный ***ь:*** *едьного*. И действительно, в диалектальной речи, например в отдельных севернорусских говорах, встречаются формы: *е́дного (=jэ́дново; ни е́дново не осталось...)*. Но как же получилось ***о*** в *одного* и т. д.? Несомненно, под влиянием именительного падежа. Не исключена также возможность влияния параллельных форм: *одиного, одиному* и т. д. (см. выше).

Наречие *ещё* в говорах, например севернорусских, возможно и с начальным ***о:*** *ощё (ошчё, ошшо)*. Но это слово с начальным ***о*** возможно и в других славянских языках, например в болгарском: *още (=оште)*. В сербском оно звучит *јоште*, в словинском *jošče* и *jišče*. Поэтому его нужно отделять от таких слов, как *есень*.

Следует отметить, что некоторые учёные (слишком настроенные против фонетических законов) вообще не склонны рассматривать древнерусское ***о*** (в *осень* и пр.) как следствие фонетического изменения ***е*** > ***о,*** а видят здесь простое чередование, известное с общеиндоевропейской эпохи, гласных ***е*** : ***о,*** как и в словах *нести, носити* и т. п.

Наконец, ещё одно замечание. Изменение начального *э* из ***ие,*** о котором до сих пор была речь и которое относится к числу древнейших общевосточнославянских фонетических изменений, следует отличать от похожего явления во многих словах, заимствованных из греческого языка в более позднюю эпоху, чем та, о которой идёт речь. Отчасти это собственные имена: *Олена,* откуда потом *Алёна* (вм. „Елена“). Уже в Остромировом евангелии, в календаре: *матери его Олены.* Далее: *Овдотья* (вм. „Евдокия“), откуда потом *Авдотья; Овгенья* (вм. „Евгения“); *Остап* (вм. „Евстафий“); *Офремъ* (вм. „Ефремъ“) и др.; отчасти нарицательные: *охидна* (вм. „ехидна“), *опитемья* (вм. „епитимия“), *оклисиастъ* (вм. „екклесиаст“) и др.

Некоторые учёные (например, А. И. Соболевский) полагают, что эти слова могли быть заимствованы из греческого языка не с начальным ***е*** или ***ие,*** а с начальным ***о,*** потому что подобное вытеснение начального гласного ***е*** гласным ***о*** иногда наблюдается в новогреческом языке. Следует, однако, принять во внимание, что изменение ***е*** (э) > ***о*** в начале слова встречается также в собственном имени *Ольга,* заимствованном едва ли не из языка норманнов, где ему соответствовало *Helga.* Константин Порфирородный в упомянутом сочинении середины X в. передаёт имя киевской княгини Ольги греческими буквами с начальным ***е:*** *Elga.* Можно думать, что это написание является передачей древнерусского произношения этого имени. Если это так, то в середине X в. в Киеве ещё можно было сказать *Эльга.*

§ 33. Развитие полногласия. Очень важным новшеством в области вокализма, сильно изменившим фонетический облик восточнославянской речи, является полногласие: первоначальные сочетания ***ор, ол, ер, ел*** между согласными, существовавшие у славян в общеславянскую эпоху, изменились (вследствие ликвидации слогообразующего произношения ***р, л,*** возникшего в закрытом слоге) в ***оро, ере, оло*** (сочетания ***ор, ер, ол***): *гордъ* > *городъ, ворна* > *ворона, голсъ* < *голосъ, голва* > *голова, солма* > *солома, бергъ* > *берегъ, пердъ-* > *передъ-* и т. д., и в ***оло, ело*** (сочетание ***ел***): *мелко* > *молоко, пелнъ* > *полонъ* (плен), *шелмъ* > *шеломъ* (шлем; отсюда: *ошеломить* в современном русском); достоверных примеров с ***еле*** из ***ел*** не имеется.

Полагают, что сочетание ***ел*** в говорах восточной отрасли славянства в таких словах, как *мелко,* изменилось в сочета-

ние ***ол*** в связи с отвердением ***л*** не в положении перед гласными переднего ряда. Дело в том, что плавный ***л*** (если за ним не следовал *j*) сначала произносился во всех славянских языках как среднее европейское ***l***, но потом произошло его „расщепление" на мягкое ***л*** перед гласными переднего ряда *(липа, соль)* и твёрдое ***л*** — в остальных случаях. Таким образом, *мелко* (молоко), с полумягким ***м*** и средним ***l***, стало звучать *молко,* а уже отсюда, в период развития полногласия, *молоко*.

В положении же после так называемых исконно мягких согласных ***ш, ж, ч*** получилось нечто среднее между ***ел*** и ***ол.*** Поэтому из первоначального *шелмъ* (шлем) в период развития полногласия возникло не *шелемъ* и не *шоломъ,* а *шеломъ* (с мягким ***ш***). Также: *желобъ* из *желбъ* и др.

Таким образом, наши слова с полногласием, как уже было сказано, первоначально (в общеславянскую эпоху) произносились с ***ор, ер, ол, ел.*** Это было установлено в результате сравнительного изучения, с одной стороны, славянских языков, а с другой — индоевропейских языков, включая сюда и славянские. Так, например, будет вполне естественным считать, что, скажем, *голова* первоначально произносилось *голва,* потому что, с одной стороны, имеются такие формы, как *głowa (глова)* в польском, получившиеся вследствие простой перестановки гласного ***о*** и плавного ***л*** в сочетании ***ол*** *(> ло).* С другой стороны, в литовском языке, очень близком по строю к славянским языкам, это слово звучит g*alvà,* а в латинском языке ему соответствует *calva* (череп). О том, что *молот* получилось из *молтъ*, свидетельствует тот же латинский язык, где имеется martulus (из malttlos). Вот почему приведённым выше словам с полногласием соответствуют в современном немецком (литературном) слова с сочетаниями гласный ***(e, i, a)*** плюс плавный ***р*** или ***л;*** *берег: Berg* (гора, скала); *город: Garten* (сад); *борода: Bart*; *молоко* (из *мелко!*): *Milch*; *шелом* (из *шелмъ < хелмъ*): *Helm*. Что касается разницы в значениях, то она вполне закономерна. Так, например, значение *берегъ* могло развиться из значения *гора* (ср. в русских говорах: *идти горою = берегом*), или то и другое из первоначального значения *высокое место;* во всяком случае в старославянском языке брѣгъ имело оба значения: и *гора,* и *берег*. Общеславянское *гордъ,* откуда *город,* очевидно, значило „огороженное место", откуда и значение „городъ" (первоначально: укрепленная часть города, кремль), и значение „сад".

Развитие „полногласия“ также можно рассматривать как одно из проявлений „закона открытого слога“, фонетической тенденции, действовавшей в эпоху общеславянского языкового единства и заключавшейся в устранении закрытых слогов: *бергъ* — двусложное слово, с первым закрытым слогом, превращается в трёхсложное: *бе-ре-гъ,* с тремя открытыми слогами. Также: *гол-ва > го-ло-ва* и т. д. Вот почему, между прочим, из *колти* (инфинитив) получилось *колоти > колоть,* тогда как в *колю* (1-е л. ед.) сочетание ***ол*** сохраняется без изменения в ***оло*** (ср. также *борти > бороти > бороть* при *борю* и т. п.).

Следует отличать „полногласные“ сочетания типа *берег* из *бергъ* от похожих на них сочетаний в таких словах, как *хоровод* или *половина.* „Полногласными“ принято называть только такие сочетания ***оро, ере, оло, ело,*** которые развились из ***ор, ер, ол, ел,*** причём обязательно в пределах одной морфемы (корня, приставки): *берг-ъ > берег, голв-а > голов-а* и т. д. Между тем в *хоровод* сочетание ***оро*** распадается на ***ор,*** входящее в состав корня *хор-,* и соединительный гласный ***о,*** в *половина* — сочетание ***оло*** распадается на ***ол*** в корне *пол-* и ***о*** в суффиксе ***ов*** и т. д. Кроме того, следует принять во внимание, что такие сочетания (как *хоровод*) не являются принадлежностью только восточнославянских языков, а имеют более широкое распространение и встречаются в других славянских языках.

Развитие полногласия в языке восточного славянства относится ко времени до XI в., до появления письменности в древней Руси на старославянской основе, хотя возможно, что оно закончилось и не слишком рано. Любопытно, что полногласные сочетания возникли в некоторых словах, явно заимствованных в историческое время (в VIII—IX столетиях) восточными славянами из других, неславянских языков. Сюда относится, кроме слова *король,* восходящего, как и южнославянское *краль,* чешское *kral,* польское *król* и пр., к имени франкского короля Карла Великого, кроме древнерусского *коромола* (крамола), заимствованного из среднелатинского carmulum, carmula, также некоторые другие, например *соломя* — пролив, заимствованное у финнов (у финнов-*суоми* (*сумь*) оно теперь звучит: *salmi*).

В памятниках древнерусской письменности примеры полногласных сочетаний (правда, в умеренном количестве) начинаются с Остромирова евангелия: *брата своего Володимира, правити... Новѣгородѣ,* (в послесловии), *перегънѫвъ* (на полях),

и встречаются (хотя и редко) в других рукописях XI столетия. В более поздних памятниках примеров полногласия больше.

Любопытно, что в сочинении Константина Порфирородного „О народах“ (949 г.) такие древнерусские названия городов и племён, как, например, *Новгород*, *Вышгород*, *деревляне* и т. п., транскрибируются (греческими буквами) без полногласия, с сочетаниями ***ар*** или ***ра, ер,*** а не ***оро*** или ***ара,*** не ***ере:*** *Nemogardas* (Новгород), но: *Vusegrade* (Вышгород), *dervlenini* (деревляне). Не исключена возможность, что в этих географических местных названиях дольше, чем в других словах, сохранялись если не первоначальные сочетания ***ор, ер, ол, ел*** (может быть, со слогообразующими плавными), то сочетания, возникшие в результате их ликвидации, но предшествовавшие полногласию, и что, следовательно, в первой половине X века процесс развития полногласия ещё не закончился.

§ 34. Судьба начальных сочетаний *ор, ол*. Сочетания ***ор, ол*** (но не ***ер, ел***) в первоначальном закрытом слоге, в положении перед согласным звуком, в начале слова, в языке восточных славян, в частности, в русском, в связи с действием „закона открытого слога“, изменились в ***ро, ло***: *роб* (ср. землероб), *робота* (в севернорусских, окающих говорах), *рост, ровный, роз-* (приставка; в литературном русском только под ударением: ***ро́***_зыгрыш_, ***ро́***_ссыпи_ и др., но в севернорусских, окающих говорах независимо от ударения: *розбо́йник*, *россы́пать* и пр.), *локоть, лодка* и некоторые др. В этих словах начальные ***ро, ло*** имеются и в западнославянских языках, например в польском: *rob, robota, roz-* (приставка: *rozbojnik*), *rowny, łokieć* (=*ло́к'эц'ч'*) и пр. Но в южнославянских языках им соответствуют ***ра, ла,*** например в сербском: *работа, раст, раван, раз-, лакат, лађа* (= *лад'ж'а,* ладья) и др. (но *роб*).

Начальные сочетания ***ро, ло*** в упомянутой группе слов в восточнославянской речи наблюдаются с древнейшего времени, с первых письменных памятников древнерусского языка. Например, в Изборнике 1073 г.: *роздѣли-* (пов. накл.), *розбоиникъ, роби* (им. мн. ч.); в Минеях 1097 г.: *издровьнилъ ѥси* (со вставочным ***д***).

Ученые установили на основании главным образом показаний других индоевропейских языков, что в общеславянскую эпоху эти слова в языке восточных и других славян произносились с начальными ***ор, ол.*** Именно поэтому русскому (севернорус-

скому) *робота* (при *работа* в литературном языке) в немецком с давнего времени соответствует *Arbeit*, русскому *локоть* в литовском соответствует *alkūnė (=алку́нэ,* с другим суффиксом), русскому *лодка*, древнерусскому *лодья* — в литовском *aldijà* (*=алдия́*) и т. д. Полагают, что изменение начальных ***ор, ол > ро, ло*** происходило в языке восточных и западных славян только в том случае, если на первом слоге не было восходящего ударения (в противном случае ***ор, ол > ра, ла***).

§ 35. Судьба согласных в сочетании с *j*. Звук ***j*** (йот) эпохи общеславянского языкового единства в положении между согласным и гласным звуками, вообще говоря, исчез во всех славянских языках, причём предшествующие согласные изменились различным образом: 1) или только смягчились ***(р, л, н):*** *море* (*=мо́р'э,* из *морjе,* где ***j*** был суффиксом), в косвенных падежах: *моря* (*=мор'а,* из *морjа*), *морю* (*=мор'у,* из *морjу*) и т. д., *воля* (*=во́л'а,* из *волjа,* где ***j*** был суффиксом), *виню* (*=вин'у́,* из *винjǫ,* где ***j*** был суффиксом); 2) или изменили своё качество, превратившись в мягкие шипящие ***(к, г, х, с, з):*** *свѣча* (*=свѣч'а,* из *свѣкjа*), *одължю* (*=одълж'у́,* из *одългjǫ*), *кожя* (*=ко́ж'а,* из *козjа*), *слышю* (*=слыш'у,* из *слыхjǫ*), *пишю* (*=пиш'у́,* из *писjǫ*) и т. д.; 3) или, сохранив своё качество, выделили мягкий плавный элемент ***л'*** (так называемое ***l*** epentheticum, ***л'*** „вставочное"): *земля* (*=земл'а,* из *земjа*), *люблю* (*=л'убл'у,* из *л'убjǫ*), *ловлю* (*=ловл'у́,* из *ловjǫ*).

В первых двух категориях слов изменения произошли последовательно во всех славянских говорах общеславянской эпохи, и результат этих изменений является общим для всех современных славянских языков (например, ***ч*** из ***к*** и т. д.).

Развитие ***л*** „вставочного" не в начальном слоге наблюдается не повсеместно в славянских языках: это изменение не было пережито в языке предков западных славян; поляки, например, говорят теперь *ziemia* (*=з^ж'э́м'а,* в соответствии с нашим *земля*), чехи — *země* (*=зэ́мцэ*) и т. д.

Что касается сочетаний ***mj, дj,*** то в разных славянских языках они теперь отражаются по-разному.

В современном русском и в других восточнославянских языках с давнего времени на месте старых ***mj, дj*** произносятся ***ч, ж:*** *свеча* (из *свѣтjа*), *хочу* (из *хотjǫ*), *сажа* (из *садjа*), *межа* (из *медjа,* с корнем *„мед-"*; ср.: латинское *medium* —

середина, откуда выражение *in medias res* = в самую суть; в немецком *Mitte*), *вижу* (из *видjo*). Тогда как в польском языке эти и подобные слова произносятся с ***c*** (***ц***), ***dz***: *świeca, chcę* (= *хцę, хочу*), *sadza, miedza, widzę* (= *в'йдзę, вижу*), в чешском — с ***c*** (***ц***), ***z***: *svíce, saze, meze* и пр., в сербском с ћ и ђ (особыми мягкими аффрикатами, которые приблизительно можно определить, как „мягкие шепелявые" ***ц*** и ***дз***): *свећа, сађа, међа* и т. д.

Полагают, что сочетания ***mj, дj,*** вследствие ассимиляции ***j*** с предшествующими ***m, д,*** превратились в долгие мягкие ***m, д: m'm', д'д'***. Это изменение произошло повсюду в славянских языках до появления письменности. Тогда же, в доисторическую эпоху, повидимому, эти долгие мягкие ***m, д*** стали произноситься с лёгкой фрикацией, т. е. с фрикативным зубным призвуком. Потом в одних славянских языках на месте ***mj, дj*** развились ***ч, ж*** (сначала оба мягкие, язык восточных славян), в других — ***ц*** и ***дз*** (сначала тоже мягкие, западнославянские языки), в третьих, как, например, в сербском — „средние" (между теми и другими) мягкие аффрикаты, а в болгарском — ***ш'm'*** и ***ж'д'*** (которые потом отвердели, если не находились перед гласными переднего ряда).

В памятниках древнерусской письменности такие ***ч, ж*** встречаются уже в наших древнейших рукописях. Правда, в Остромировом евангелии имеются только случаи употребления ***ж*** из ***дj***: *рожьство, прѣже, прихожѫ* и др. (но нет ***ч*** из ***mj***; вместо ***ч*** здесь употребляется щ, шт — по-старославянски). Да и в других памятниках чаще употребляется ***ж*** из ***дj***, чем ***ч*** из ***mj***. В Изборнике 1073 г.: *осоуженъ, прѣже* и др. (много случаев) и клевєтѫщѧ (едва ли не единственный пример). Так и в Новгородских Минеях 1095—1096 гг. при многочисленных примерах ***ж*** из ***дj*** не имеется ни одного примера ***ч*** из ***mj***, а в Минеях за 1097 г. только два слова с ***ч*** из ***mj***.

Совершенно такую же судьбу, как ***mj***, имело сочетание ***кm'*** (с мягким ***m***). Так, инфинитив от *пеку* (из *пекo*) в общеславянскую эпоху первоначально имел форму *пекти* (где ***mu*** было суффиксом инфинитива). Ср. другие подобные формы: *текти* (от *теку*), *ректи* (от *реку*) и т. д. В восточнославянском произношении эти формы превратились в: *печи* (откуда современное *печь*), *течи* (> *течь*), *речи* (> *речь, изречь*) и пр. Ср. в польском *piec* (= *п'эц*), в сербском *пећи* и т. д.

Также изменилось ***гт'***, давшее, вследствие оглушения ***г*** перед ***т***, тоже ***кт'***: *бергти* > *беречи* (откуда *беречь,* с полногласием и с ***ч***).

Русское *ночь*, украинское *ніч*, белорусское *ноч*, а также польское *noc*, сербское *ноћ* и пр. восходят к *нокть*. Ср. в литовском *naktìs* (=нактис), в латинском: *nox*, множ. *noctes*, в немецком *Nacht*. Такого же происхождения ***ч*** в слове *дочь* (из *дъкти*). Русское *мочь* при польском *moc* и пр. восходит к *могть* > *мокть* (в немецком *Macht*) с корнем *мог*. И т. д.

§ 36. „Вставочное" *л* (*l* epentheticum). Все рассмотренные выше фонетические изменения (за исключением судьбы начальных сочетаний ***ор, ол***) имеют то общее, что они с доисторического времени являются характерными именно для языка восточных славян, языка древнерусского. Что же касается судьбы начальных сочетаний ***ор, ол***, то произношение их в виде ***ро, ло*** получило распространение также в пределах западнославянской языковой группы.

С другой стороны, можно указать фонетические явления, с доисторической эпохи объединяющие восточных славян с южными. Об одном из них (развитие ***л'*** „вставочного") уже было упомянуто в § 35.

Действительно, произношение *земля* (из *земjа*), *капля* (из *капjа*), *люблю* (из *л'убjǫ*), *ловлю* (из *ловjǫ*) и т. д. с мягким ***л*** на месте ***j*** после губных ***п, б, в, м*** известно не только в восточнославянских языках (русском, украинском и белорусском), но также и в южнославянских.

Впрочем, говоря об ***л'*** „вставочном", следует различать два положения: в начальном слоге слова и не в начальном слоге. До сих пор речь шла о втором положении. Но в некоторых словах (*блюдо, плюю, блюсти* и др.) ***л'*** „вставочное" развилось в первом слоге слова: *бjудо* > *б'-удо* > *бл'удо* и т. д., причём в этом положении оно имеется во в с е х славянских языках с доисторического времени.

В южнославянских языках такое ***л'*** в первом положении произносится и в болгарском, и в сербском, и в словенском, а не в начальном слоге слова главным образом в сербском и в словенском, в болгарском же отсутствует.

§ 37. Судьба начальных *квѣ, гвѣ*. В таких словах, как *цвет, звезда,* которые сначала произносились с ***ѣ*** после ***в***, в русском языке, а также в украинском и белорусском в начале слова

обыкновенно употребляются свистящие ***ц*** и ***з***. Те же свистящие имеются в южнославянских языках, например в сербском: *цвет, звезда* и др. Между тем в западнославянских языках этим свистящим ***ц*** и ***з*** соответствуют ***к*** и ***г***, например в польском: *kwiat (=квят), gwiazda (=гв'áзда)* и т. д. Надо полагать, что в этом отношении западнославянские языки больше сохраняют старины, чем другие славянские. Повидимому, очень рано в языке предков нынешних восточных и южных славян начальные согласные ***к*** и ***г*** в положении перед ***в*** (< y̯), если за ним следовал ***ѣ*** (дифтонгического происхождения), изменились в ***ц*** и ***з***, хотя и не очень последовательно: вместо *цвет* (по-украински *цвiт*) в украинских говорах встречается иногда *квiт (цветы цветут* по-украински: *квiти квитять)*. Кроме того, в слове *квелить* (по-украински *квилити*), из *квѣлити* — „дразнить", „доводить до слёз" или „плакать", и в украинском и в русских говорах сохраняется сочетание ***кв***, совершенно как в западнославянских языках (ср. в чешском *kvěliti*, в польском *kwielić* (=*кв'эл'ищ'*")— „вопить", „стонать"), в то время как в болгарском: (аз) *цвйля*, в сербском: *цвиљети*, в словинском: *cviliti*. Ср. в „Слове о полку Игореве": *половецкую землю мечи цвѣлити.*

§ 38. Судьба сочетаний *тл, дл*. От глагола *плету* при инфинитиве *плести* (из *плетти*) прошедшее время в современном русском звучит *плёл*. Нетрудно, однако, догадаться, что эта форма первоначально имела другой вид: *плетлъ*, и что, таким образом, согласный ***т*** в сочетании ***тл*** исчез. Также *мёл* (из *метлъ*). В сочетании ***дл*** исчез ***д***: *вел* (из *ведлъ*, от глагола *веду*, при инфинитиве *вести*, из *ведти*). Согласные ***т*** и ***д*** в этих сочетаниях исчезли также в южнославянских языках: в сербском, например, получилось: *плео, мео, вео* (***о*** из твёрдого ***л***), во множественном числе: *плели, мели, вели*. В западнославянских языках сочетания ***тл*** и ***дл*** сохранились без изменения. Например, в польском: *plotł (=плётл), miotł (=мётл), wiódł (=вюдл).*

То же явление наблюдается и в других словах: *ель* (в польском *jedła*), *мыло* (в польском *mydło*), *сало* (в польском *sadło*), *молитва* (в польском *modłitwa*), *горло* (из *гърло*) (в польском *gardło*) и т. п.

В наших древнейших письменных памятниках не имеется сочетаний ***тл, дл*** в этих и подобных словах. Вместо сочетаний ***тл, дл*** в рукописях XI — XIV столетий последовательно употребляется ***л***. Возможно, что это изменение относится к наибо-

лее древним. Слово *сало* (не *садло*), заимствованное из древне-русского языка, было обнаружено в одном из памятников армянской письменности, относящемся к VII столетию (см. § 134).

Тем более неожиданным можно считать появление сочетаний ***кл, гл*** на месте старых ***тл, дл*** в формах прошедшего времени, в памятниках псковского и отчасти новгородского происхождения XIV—XVI вв. То обстоятельство, что в письменных памятниках древнепсковского наречия эти сочетания наблюдаются только в глагольных формах на ***ли:*** *привегли* (привели), *блюглися* (блюлись), *чькли* (чли, из *чьтли,* при инфинитиве *чьсти* из *чьтти*) и т. п., заставляло некоторых языковедов (Каринский и др.) предполагать, что эти формы — нового происхождения, что, например, под влиянием *приведу* могла возникнуть форма *приведли,* откуда и *привегли.* Больше, однако, имеется данных считать, что сочетания ***кл, гл*** (< ***тл, дл***) — пережиточного характера и сохраняются (между прочим, и в глагольных формах) с доисторического времени.

Изменение сочетаний ***тл*** > ***кл, дл*** > ***гл*** вообще не характерно для русского языка и для славянских языков в целом, хотя в отдельных русских говорах произношение ***гл'*** вместо ***дл'*** всё же возможно, впрочем совсем другого происхождения — в начале слов *гля, глинный*. Напротив, изменение ***тл, дл*** > ***кл, гл*** составляет характерную особенность соседних с псковским литовско-латышских говоров. Например, по-литовски *ель—églé* (ср. польск. *jedła*),*горло — gerklè* (ср. польское *gardło*) и пр.

В современных акающих и цокающих говорах в окрестностях Пскова в единичных случаях ещё до сих пор наблюдаются остатки произношения ***кл, гл*** из ***тл, дл:*** *прачкли* (= прочли, дер. Крестово), также: *перецок* (перечёл, где конечное ***к*** как будто из ***кл***); в других говорах: *приведли* (Горьков. обл., б. Лукоян. у.).

Но особенно интересным является слово *жерегло* (по говорам *жерагло́*) из *жередло* (=жерело в значении или „пушечное жерло", дер. Крестово, или „канал, пролив", в районе Чудского озера). Ср. в чешском *řidlo* (=ržидlo), в польском *źrzodło*(=жжодло). Правда, слово *жерегло, жерогло* известно в письменных памятниках псковского происхождения только с XVII в.

§ 39. Смягчение так называемых „неисконно мягких" согласных. К древнейшим изменениям, общим для языка всех восточных славян, но не ограниченным только пределами восточнославянской территории, следует, наконец, отнести смягчение

согласных (до степени полной мягкости) в положении перед гласными переднего ряда: ***е, и, ь, ѣ, ę***: *село, тихо, дьнь* (откуда *день*), *кость, рѣпа, пęть* (откуда: *пять*).

Сначала, в общеславянскую эпоху, мягкими были только согласные ***ш, ж, ч, ц*** — во всяком положении в слове, не только перед гласными переднего ряда, а также ***р, л, н*** в тех случаях, когда за ними некогда следовал, а потом исчез ***j*** (йот). Например, в таких словах, как *море* или *поле*, где ***j*** после плавных употреблялся в качестве суффикса; в таких формах, как *у него, съ нимь*, где за ***н*** следовал ***j*** в начале местоимения: *его (=jэго), имь (=jимь)*; также в слове *нива* (из *нjива*) и др. Такие мягкие согласные иногда обозначают термином (очень неточным) „исконно мягкие".

Все остальные согласные, а также ***р, л, н*** в положении перед гласными переднего ряда, являющиеся мягкими в современном русском языке, сначала произносились п о л у м я г к о, примерно так, как они произносятся теперь в немецком или французском языке: ***с*** в *село*, как ***с*** во французском *ce, cette* и пр., ***т*** в *тихо*, как ***т*** в немецком *Tisch*. Такое полумягкое произношение согласных, когда-то находившихся перед гласными переднего ряда, с давнего времени сохраняется в разных славянских языках, например в сербском и в чешском.

В восточнославянском произношении очень рано, до появления к и р и л л о в с к о й письменности в древней Руси, п о л у м я г к и е согласные стали м я г к и м и, т. е. произносить их начали с такою мягкостью, с какою они теперь произносятся в современном русском. Плавный ***л***, сначала не отличавшийся от современного среднего ***l***, например во французском или немецком языке, в то же время в восточнославянском произношении смягчился до степени полной мягкости в положении перед гласными переднего ряда: *липа, лёдъ, соль* и пр., и отвердел во всех остальных случаях: *лапа, палъка (>палка)* и т. д.

Развитие полной мягкости в произношении „неисконно мягких" согласных в положении перед гласными переднего ряда (наблюдаемое, кроме языка восточных славян, также в польском языке, хотя и не вполне в такой же мере) закончилось ещё в д о и с т о р и ч е с к у ю эпоху. Впоследствии в украинских и в некоторых русских говорах эти согласные (а также и „исконно мягкие" ***р, л, н***) утратили свою мягкость, по крайней мере, в положении перед ***е***. Так, в говорах Егорьевского р-на Московской обл.,

Судогодского р-на Владимирской обл., Ардатовского и Арзамасского р-нов Горьковской обл., во многих говорах Рязанской обл., и др.: *атэц, мэнэ, за нэй, тапэрь, пэчь*, или (на севере) *пэцька* и т. д. На крайнем северо-востоке Сибири (Анадырь, Колыма) отвердение согласных, особенно губных, наблюдается не только в положении перед ***е (=э)***: *сэрцо, мэд, робэнок, увэз, врэма, спасыбо, квасат* и т. д.

В украинском языке утрата мягкости согласных перед ***е (=э)*** является правилом: *село (=сэло), несу (=нэсý), день (=дэн')* и т. д. В большей части украинских говоров согласные отвердели также в положении перед старым ***и***: *сила (=сыла)* и пр. (но *дівчина*, где *і* из *ѣ*, и т. п.).

С другой стороны, можно полагать, что ещё в доисторическое время в языке восточных и отчасти других славян возникло лабиализованное произношение твёрдых согласных звуков, особенно перед гласными ***о, у***, а также в меньшей степени перед ***а, ъ***, и очень слабое — перед ***ы***. Стали произносить: *л'э̂д°ъ, с'эл°ó, н'эс°ý* и пр. (значок [°] вверху с правой стороны буквы обозначает лабиализацию). В некоторых севернорусских говорах такое произношение твёрдых согласных сохранялось до недавнего времени.

Одним из следствий смягчения полумягких согласных звуков можно считать сохранение в русском (великорусском) и белорусском языках гласных фонем ***и*** и ***ы*** (ср.: *с'ин'* и *сын*) в качестве разных самостоятельных звуков речи. В украинском языке, за исключением некоторых говоров, и в зарубежных славянских языках (за исключением польского, где также имело место развитие полной мягкости в таких словах, как siła и т. п.) гласный ***ы*** совпал с ***и***.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

§ 40. Литературный, книжный язык, употребление которого установилось в древней Руси после её крещения,— сначала в Киеве и других южных городах, а потом и повсеместно,— язык главным образом богослужебных (евангелия, псалтыри и пр.), церковно-учительных (богословских) и церковно-„четьих“ книг (например, житийных), был заметно оторван от подлинно народной восточнославянской речи, от разговорного языка восточных славян (полян, древлян, кривичей, вятичей и т. д.). Это был так называемый

„старославянский“ язык, к тому времени получивший широкое распространение почти во всех славянских странах в качестве литературного языка.

Первые книги на старославянском языке (не дошедшие до нас) появились в середине IX в. в связи с миссионерской деятельностью учёных византийцев, братьев Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия, уроженцев города Солунь (ныне Салоники). Когда братья приступили к проповеди христианского вероучения (в его восточном, греческом истолковании) среди славян (сначала западных), они из всех славянских языков хорошо знали только язык македонских славян, который, надо полагать, даже был их родным языком. Славянские говоры Македонии, представляющие собою разновидность болгарского языка, являются той исторической базой, на которой со временем сложился старославянский язык.

С книгами на этом языке, в первую очередь богослужебными, написанными с помощью новой азбуки — „кириллицы“,—азбуки, в значительной своей части отличавшейся и от греческого, и от латинского алфавитов, придуманной братьями для передачи древнеболгарских звуков,— Константин и Мефодий явились в Моравию, где жили предки чехов и словаков.

Они явились туда по приглашению моравского князя Ростислава, который мечтал об оборонительном союзе с Византией против немецких рыцарей, уже развёртывавших свой Drang nach Osten (натиск на восток), об оборонительном военном союзе, опирающемся на союз моравской и византийской церкви. И хотя этот смелый замысел остался неосуществлённым и князь Ростислав погиб, а в Моравии водворилось немецкое духовенство, державшее тогда сторону римской (католической) церкви, всё же короткий период пребывания славянских первоучителей и их учеников в этой стране можно рассматривать как период крупного перелома в развитии культуры славянских народов.

Из Моравии употребление старославянского языка в качестве языка богослужения и литературы распространилось и в других славянских странах, сначала в соседней Паннонии, где жили предки словенцев, потом, после смерти Кирилла и Мефодия,— в Болгарии и в Сербии и даже, как полагают некоторые учёные, в Польше.

То обстоятельство, что старославянский язык, сложившийся на македоно-славянской (болгарской) основе, с такой быстротой

получил распространение в разных славянских странах и сделался общеславянским литературным языком, объясняется главным образом близостью славянских языков в отношении грамматического строя и в области основного словарного фонда. И в наше время славянские языки ещё не настолько разошлись, чтобы для славян была исключена возможность общения на каком-нибудь одном из литературных славянских языков. А тысячу слишком лет назад генетически связанные, родственные славянские языки были гораздо ближе друг к другу, чем теперь.

Как уже было упомянуто, в древней Руси старославянский язык в качестве языка богослужения, церковного и литературного языка утвердился после её крещения, в конце X столетия и в начале XI. Тогда же окончательно установилось и употребление кириллицы в качестве единственного общепринятого алфавита, хотя начало распространения этого алфавита в древней Руси относится к гораздо более раннему времени, как свидетельствует об этом упомянутая выше Гнездовская надпись.

Следует ли отсюда, что до X века на древнерусской территории никакой письменности — ни книг, ни грамот — не существовало и что наши предки действительно не умели писать и даже не пытались этого делать? Напротив, имеются серьёзные основания полагать, что не только в течение X века, но и в IX столетии имели место отдельные попытки в этом направлении. Так, например, в житии Константина Философа рассказывается, между прочим, что незадолго до изобретения азбуки солунскими братьями, до появления первых книг на старославянском языке Константин и Мефодий, во главе целой миссии, совершили путешествие из Константинополя в Хозарию. Во время этого путешествия[1] славянские первоучители остановились в Корсуни, в Крыму, и там Константин обнаружил какие-то „евангелие и псалтырь, написанные русскими буквами“ („русьскыми письмены“), на языке, которому он быстро научился (очевидно, это был язык, родственный его родному языку — македоно-болгарскому).

Путешествие в Хозарию относится приблизительно ко времени около 860 г. Следовательно, в середине IX столетия у восточных славян уже существовала кое-какая книжная ли-

---

[1] В те времена путь из Византии в Хозарию пролегал по западному и северному побережью Чёрного моря.

тература и они уже умели писать. Не может быть сомнения, что речь идёт в данном случае о древнерусском народном языке и о восточнославянских буквах.

К началу X века (907 г. и сл.) относятся первые из тех договорных грамот Руси с Византией, которые не дошли до нас в подлинном виде, но содержание которых дословно пересказано в „Повести временных лет“. За ними в X в. последовали другие. Они, как правило, составлялись на древнерусском, а не на старославянском языке. Стало быть, и в X в. продолжала существовать самобытная древнерусская письменность. Можно предполагать, что договорные грамоты были написаны теми же самыми „русскими“ буквами.

Никаких остатков или следов этой письменности, никаких письменных памятников древнерусского литературного языка этого периода не сохранилось. Надо полагать, что они были уничтожены во время длительной и ожесточённой борьбы с язычеством, с остатками языческой культуры, борьбы, развернувшейся в древней Руси после её крещения и возглавлявшейся церковью. Но память о письменности более раннего времени, традиции этой старшей литературы сохранялись ещё долго. Именно с наличием этих традиций можно ставить в связь появление целого ряда литературных произведений древнерусской эпохи („Русская Правда“ — книга, где, несмотря на то, что она дошла до нас только в позднейших списках, почти совсем не имеется никаких славянизмов, летопись, воспоминания Владимира Мономаха, „Слово о полку Игореве“, „Моление“ Даниила Заточника и др.), возникших на восточнославянской народно-речевой основе, написанных на живом древнерусском языке, не говоря уже о древнерусской актовой письменности, о грамотах: киевских (вроде Мстиславовой грамоты), новгородских, смоленских и т. д.

Как бы то ни было, в древней Руси после её крещения окончательно установилось употребление старославянского (на македоно-болгарской основе) языка в качестве языка церковной и отчасти светской литературы. Одновременно так называемый „кирилловский“, или „кириллический“, алфавит („кириллица“) стал обиходным, даже обязательным алфавитом в древней Руси, вследствие чего должны были исчезнуть все другие, ранее возникшие, самобытные системы письма.

Известно, что памятники старославянского языка — уцелевшие рукописные книги примерно X—XI столетия, написаны двумя

очень непохожими одна на другую, различными азбуками: „кириллицей“, изобретённой Константином Философом (Кириллом), и „глаголицей“ (алфавитом, несомненно более ранним по происхождению)[1].

Вот, например, как выглядят первые буквы того и другого алфавита:

В кириллице:	В глаголице:
А	Ⰰ
Б	Ⰱ
В	Ⰲ
Г	Ⰳ
Д	Ⰴ

В древней Руси, кроме кириллицы, на первых порах несомненно была известна и глаголица,— алфавит, надо полагать, не греческого, а какого-то иного, может быть, восточного, даже восточнославянского происхождения, но употребление этой азбуки в историческое время, после крещения Руси, было сильно ограничено и даже едва ли не преследовалось.

До нас дошли только скудные остатки глаголического письма на древнерусской территории. Сюда относятся некоторые книги, как, например, „Книга пророков“ попа Упыря Лихого (дошедшая до нас в более поздних списках), переписанная в Новгороде в 1047 г. если не с глаголического оригинала, то во всяком случае книжником, знавшим глаголицу. Здесь встречаются отдельные глаголические буквы в большом количестве (около 90) и даже отдельные слова, написанные глаголицей. Сохранились также надписи (XI—XII вв.) на столбах и стенах в подпольном помещении Новгородского Софийского собора.

§ 41. Что касается состава кириллицы[2], то, по сравнению с нашим современным русским алфавитом, эта азбука отличается многими особенностями. Сюда относятся:

---

[1] Эта точка зрения разделяется не всеми учёными, занимающимися изучением этого вопроса. По очень распространённому мнению, напротив, Константин Философ изобрёл глаголицу.

[2] Здесь имеется в виду та кириллица, которую мы находим в древнерусских книгах и грамотах, в нашей письменности X—XI и следующих столетий, причём за основу написания мы принимаем кирилловское письмо Остромирова евангелия 1056—1057 гг.

I. Наличие некоторых особого рода букв, употреблявшихся для обозначения гласных звуков, впоследствии исчезнувших:

1) юсы: большой (ѫ) и малый (ѧ), для передачи носовых ***о*** и ***е*** в старославянском языке.

Впоследствии на древнерусской почве *юс большой* очень рано вышел из обихода, вытесненный буквами оу, ꙋ, и в рукописях второй половины XII и XIII вв. он почти неизвестен. Но с конца XIV, в XV столетии, в связи с так называемым „вторым южнославянским влиянием“, он снова на некоторое время получил распространение в нашей письменности, пока, наконец, не исчез окончательно и бесследно. Напротив, *юс малый* (в значении ѧ, ꙗ) как буква обнаружил гораздо большую живучесть. Он дожил до начала книгопечатания в Москве, в шестидесятых годах XVI столетия, вошёл в состав старопечатного (церковнославянского) алфавита и до сих пор употребляется в церковном шрифте. Его потомком является наша буква ***я***, возникшая из скорописного ѧ, а потом включённая Петром I в состав новой „гражданской“ азбуки, русской печатной „гражданки“.

2) ять (*ѣ*) для передачи особого гласного переднего ряда (в старославянском языке ***еа̂***, или ***е***^{а}, или ***ä***: *лѣс, дѣти*).

Буква „ять“̂ на древнерусской почве оказалась ещё более живучей, чем юс малый, может быть, благодаря тому, что звук *ѣ* долго сохранялся как особый звук в русском произношении. Она не только дожила до петровской реформы азбуки и вошла в состав нового гражданского алфавита, но употреблялась в значении ***е*** *(= 'э)* также в течение всего последующего времени вплоть до советской реформы правописания, когда, наконец, и была ликвидирована.

3) Напомним, в-третьих, что буквы „ер“ и „ерь“ — ***ъ*** и ***ь*** — употреблялись в старославянской и древнерусской письменности для обозначения глухих гласных звуков ***ъ*** и ***ь***: ***сънъ, дьнь,*** тогда как у нас они никакого гласного звука не обозначают и чаще всего употребляются в качестве разделительных знаков и для обозначения йотации следующего гласного звука: ***объявление, трёхъярусный, пью*** и т. п., а ***ь***, кроме того, и для обозначения мягкости согласных: ***конь, возьму***.

II. Наличие так называемых „йотированных“ гласных букв: ꙗ, ѥ ѭ, ѩ, а также ю, представлявших собою сочетания буквы *і* (***и*** „десятеричное“), над которой в древности точки не ставилось, с соответствующей гласной буквой: а, є, ѫ, ѧ, оу (второй элемент этой сложной буквы — *у* — при этом опускался). Буквы ꙗ, ю, ѭ употреблялись как в начале слога (моꙗ, югъ, поѭ), так и после согласных звуков (для обозначения их мягкости: ӡемлꙗ, люди, молѭ). Буквы ѥ, ѩ по большей части употреблялись только в начале слога: ѥсмь, моѥ, ѩӡыкъ. Мягкость согласных обозначалась только в случае „исконной“ мягкости. Полумягкость согласных (ставших мягкими в древнерусском произношении) специального обозначения не имела.

„Йотированные“ гласные буквы, за исключением ѭ и ѩ, на древнерусской почве сохранялись долго. Буква ю дожила до наших дней. В церковном шрифте уцелела также буква ꙗ.

III. Наличие парных (дублетных) букв для обозначения одного и того же звука, например:

1) и:і(ї) (звук *и*). Первая буква называется *и* „восьмеричное“, а вторая— *и* „десятеричное“, потому что числовое значение первой буквы было 8, а второй — 10. На древнерусской почве продолжали употребляться обе буквы, только „восьмеричное“ *и* стали писать с наклонной соединительной чертой (и), а над *и* „десятеричным“ начали ставить одну точку. Кроме того, примерно с XIV в. вошла в обращение буква *и* с краткостью (*й*). Десятеричное *и* стали писать только в определённых случаях, в положении перед гласной буквой: марія (тогда как в древнейших наших рукописных книгах, например в Остромировом евангелии, напротив, эта буква, особенно ї (с двумя точками), употреблялась главным образом после гласных и иногда в начале собственных имён. Все эти изменения относятся ко времени до возникновения книгопечатания и получили полное отражение в наших старопечатных книгах (церковной печати) и в книгах, напечатанных гражданским алфавитом. Только после советской реформы правописания *и* десятеричное, наконец, было ликвидировано. Буквы *й* в петровском алфавите сначала также не было. Она появилась (точнее: снова появилась) в печатном (на этот раз гражданском) шрифте после петровского времени.

2) *о* („он“): ѡ („от“) (звук *о*). Вторая буква в наших древнейших рукописях употреблялась очень редко: ѡтъ, ѡлнъ, ѡ женѣ (в обращении), но она долго существовала в древнерусской письменности (даже получила некоторое распространение за счёт *о*), сохранялась и в старопечатных книгах, пока в конце концов не была изъята из азбуки в петровское время.

3) ꙁ или з („земля“); ѕ или ꙃ („зело“) (звук *з*). Вторая буква (зело) на первых порах в наших древнейших рукописях встречается очень редко, исключительно с числовым значением (6). Но впоследствии (с XV в.) она получила большее распространение за счёт ꙁ, проникла в печатный церковный шрифт и в скоропись. Поэтому, вероятно, и Пётр в конце концов сохранил обе буквы в реформированном им алфавите. В послепетровскую эпоху „зело“ всё же вышло из обихода.

4) ф („ферт“), ѳ („фита“) (звук *ф*). Та и другая буквы с эпохи Кирилла и Мефодия употреблялись только в заимствованных словах: филипъ, философиꙗ, ѳеодоръ. Буква ѳ („фита“) была устранена из нашего алфавита только в 1918 г., в связи с советской реформой правописания.

IV. Наличие сложных и слитных букв. Например: ѹ, ꙋ („ук“), ꙑ („еры“), щ („шта“). Гласный звук *у* с кирилло-мефодиевской эпохи обозначался сочетанием *оу*, как и в греческом алфавите IX—X вв., или слитно в виде разорванной вверху восьмёрки ꙋ (из *о*). Правда, в Остромировом евангелии и других наших древнейших рукописях иногда первый элемент сложения ѹ (*о*) отсутствует, но всё же написание ѹ было обычным в древнерусской письменности, а потом в церковной печати, наряду с ꙋ, до петровской реформы азбуки, когда, наконец, установилось начертание *у* в качестве унифицированного знака для гласного *у*.

Букву ꙑ в древности писали с ъ в качестве первого элемента (в Остромировом евангелии — исключительно). Но уже в рукописях XI в. (особенно в Изборнике 1076 г.) изредка встречается также начертание ы. С течением времени, главным образом с конца XIV в., такое ы получило перевес. Это начертание сохраняется и в современном русском (письменном) языке.

Буква щ была придумана для передачи старославянского *ш'т'*: *свѣшта:* свѣща, *ношть:* нощь н, возможно, является по происхождению лигатурой ш над т.

На древнерусской почве эта буква, во-первых, с самого начала у нас письменности на кирилловской основе получила значение *ш'ч*, а во-вторых, хвостик у этой буквы постепенно переместился с середины на правую сторону её основания, и, таким образом, окончательно порвалась связь этой буквы, сложной по своему происхождению, с сочетанием *шт* в старославянском языке.

V. Наличие таких (греческих по происхождению) букв, как ѯ („кси") и ѱ („пси"). Обе эти буквы употреблялись в древности почти исключительно с числовым значением 60 (кси) и 700 (пси) и очень редко со значением *кс*: алеѯандръ, ѯерѯъ, *пс*: ѱалъмъ, ѱати (=псати, из *пьсати, писати*). С неопределённым звуковым значением то *и*, то *у* употреблялась „ижица", она же „ук": ѵ (позже: V): „курилъ („Кирилл") читалось и „Кирил", и „Кюрил", „Курил"; „сурь" (Сирия) читалось и „Сирь", и „Сурь", и т. д. Эта буква входила в состав буквенного сочетания оу (для обозначения звука *у*).

VI. Кроме того, начертание некоторых букв (из тех, о которых не было упомянуто выше, в пп. I—V) отличалось в деталях от изображения соответствующих букв в современном русском языке: а *(а)* — с наклонной соединительной чертой (как в Остромировом евангелии), и *(и)* — с горизонтальной соединительной чертой, н *(н)* — с наклонной соединительной чертой, є *(е, э)* — с язычком в правую сторону, ч *(ч)* — в виде контура чаши.

Отметим кстати, что буквы *э* (*е* „оборотного") в древней письменности не существовало. Эта буква появилась сначала в церковных книгах, главным образом сербской редакции, не раньше XIII—XIV столетий, откуда потом, с XV в., получила распространение в западнорусской письменности. Этой буквы нет в старопечатной азбуке, не имеется её также в азбуке петровского времени. В новом („гражданском") печатном шрифте она вошла в употребление примерно с тридцатых годов XVIII столетия.

Что касается остальных знаков кириллицы, то о них можно сказать, что они по своим очертаниям в общем не отличаются от наших печатных заглавных букв.

Следует помнить, что буквы в старославянской письменности имели также числовое значение. В этом случае над буквой ставили титло: ~, ⁓, ~, ⸗ и др.: а҃ (1), в҃ (2), г҃ (3) и т. д., а по бокам точки. Со значком ҂ (҂а҃ и пр.) эти же буквы обозначали тысячи. Титла употреблялись также для сокращения слов: бгъ (=бог), гла (=глагола), стыи (=святый) и т. д., иногда с вынесением той или иной буквы над строкой.

Мягкость согласных, которая в старославянском языке иногда обозначалась не только посредством йотации буквы гласного, но также значком ̑ (дужкой) над буквой мягкого согласного (*р, л, н* и некоторых других): конь и т. д. (Супрасльская рукопись), в древнерусских книгах вообще очень редко получала отражение и если получала, то иначе, чем в старославянском. Так, в Изборнике Святослава 1073 г., в Архангельском евангелии и др. мягкие *л, н* встречаются с прибавлением в виде крючка, похожего на головку г, вверху, с правой стороны буквы.

Вообще надстрочных знаков в древней письменности было много („придыхания“ и др.), но пользовались ими для обозначения тех или иных оттенков произношения того или иного звука очень редко. Был, например, значок в виде дужки, называемый „камо̑рой“. Обыкновенно он употреблялся без какого-либо фонетического значения. Но некоторые письменные памятники XVI в. характеризуются употреблением каморы над „исконным“ (т. е. не из ъ) *о* под старым в о с х о д я щ и м ударением: *наро̑дъ*, *во̑лѧ* и др., но *годъ* и пр.

Что касается знаков ударения ˊ и ˋ (последний ставился только над конечным ударенным гласным звуком: ρѫкѫ̀), то в древнейших наших рукописных книгах и грамотах их не употребляли. Они появились позже, примерно с XIV столетия. Первым, самым ранним письменным памятником с ударениями считается Чудовский „Новый Завет“ XIV в. (Исторический музей в Москве). Пётр I ликвидировал ударение в печатном шрифте.

В древнерусскую эпоху, до XIV в., ударение, надо полагать, обозначалось иногда путём удвоения гласной буквы: велича̂анию, ктоо, врагоомъ, отъ иинхъ и т. п. (так в „Словах“ Григория Богослова XI в., в Луцком евангелии XIV в. и др.), но не всегда последовательно. В Изборнике 1073 г. гласные удваиваются и в безударном положении.

Следует, наконец, отметить, что письмо в древнерусскую эпоху имело „сплошной“ характер, т. е. слово от слова не отделялось, писали букву за буквой, слово за словом. Вот, например, как выглядят первые две строки нашей древнейшей грамоты Мстислава Владимировича, написанной около 1130 г.

сеазъмьстиславъволодимирьсн҃ъдьржароу
сьскоуземлювъсвоюкнажениюповелѣлъю [смь]

Наше современное письмо, современная русская азбука восходит в основном к кириллице, причём первоначальные кирилловские начертания букв лучше сохраняются, как уже было отмечено выше, в качестве з а г л а в н ы х букв нашего печатного шрифта: А, Б, В, Г, Д, Е и т. д.

В развитии русского письма наиболее важными вехами следует считать: во-первых, возникновение книгопечатания в Москве в шестидесятых годах XVI в. и печатного церковнославянского шрифта и, во-вторых, особенно петровскую реформу азбуки, точнее — печатного шрифта, в начале XVIII в. (см. § 24).

В результате петровской реформы, в печатных книгах светского (т. е. нецерковного) содержания установилось употребление нового, „гражданского“ алфавита и новой цыфири[1]. По своим очертаниям печатные буквы стали походить на округлые буквы

[1] Впрочем, первое время после смерти Петра I от этого правила иногда отступали. Так, в 1754 г. церковным шрифтом была отпечатана такая сугубо гражданская книга, как „Межевая инструкция“.

латинского алфавита. Были ликвидированы буквы: ѧ, ѱ, ѡ, ѵ, ѹ, ѯ, ѱ; вместо ѹ стали употреблять ***у***; были устранены йотированные буквы: ꙗ, ѥ, ѩ, надстрочные знаки, в том числе знаки ударения ́ и ̀. С другой стороны, появились новые буквы: ***я*** и ***б*** (вторая употреблялась одно время и как заглавная). Примерно с 1735 г., сначала в изданиях Академии наук, вошло в практику употребление букв ***й***, ***э***, ***іô*** в значении ***ё***. Буква ***ё*** появилась несколько позже, её придумал Н. М. Карамзин.

4. ОСОБЕННОСТИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА СРАВНИТЕЛЬНО С НАРОДНЫМ ДРЕВНЕРУССКИМ ЯЗЫКОМ В ФОНЕТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ В X—XI вв.

§ 42. 1. В древнеболгарском языке, а стало быть, и в старославянском, в конце X и в начале XI в. гласные *ǫ*, *ę*, как полагают, ещё не утратили своего носового, „гнусавого“ произношения в таких словах, как: *зǫбъ, сǫдъ, рǫка, пęть* и т. д. Вообще в болгарских говорах носовые гласные сохранялись дольше, чем, например, в языке восточных славян. Даже в некоторых современных болгарских говорах Македонии, например, в говорах дер. Сухо и дер. Богданско, в окрестностях Солуня (Салоники) можно услышать слогообразующие ***н***, ***м*** (*зм̥п*) или сочетание ***ън(м)*** — *зъмп* и т. п. не в конце слова, в тех словах, которые в старославянском языке писались с юсом большим: ѕѫбъ, сѫдъ, рѫка, и ***ен*** вместо *ę*: *пент'* (пѧть).

В языке восточных славян в эпоху крещения Руси дело обстояло иначе: носовых гласных уже не было. Отсюда (под влиянием народного произношения) непоследовательность в употреблении ѧ и особенно ѫ в наших древнейших рукописях (см. § 31).

2. В начале таких слов, как *осень, олень, озеро* и др. (см. § 32), с давнего времени в болгарском языке произносится ***е*** *(= jэ)*. *есен, елен, езеро, един*. Поэтому и в старославянском языке, а стало быть, и в книжном языке древней Руси (хотя здесь уже не столь последовательно) находим ѥ: ѥсєнь, ѥѕєро, ѥдинъ и пр.

В нашей литературной речи до сих пор употребляется ***е*** в словах *единство, единица, единый, единственный, объединять* и пр. У писателей XIX в. начальное ***е*** *(= jэ)* было возможно и в других словах этой группы. Например, у Пушкина в „Кавказском

пленнике“: „Уже приюта между скал *елень* испуганный искал“, „*Елени* дремлют над водами“.

3. „Полногласие“ вообще чуждо инославянским языкам.

В болгарском языке с доисторической эпохи в тех словах, которые по-русски звучат с полногласием, произносятся сочетания ***ра, ла, рѣ, лѣ*** (со звуком ***ѣ*** или его позднейшими заместителями). В старославянском языке: градъ, врана, гласъ, глава, брѣгъ, прѣдъ, млѣко, плѣнъ, шлѣмъ. В современном болгарском: *град, врана, глас, бряг, мляко*. Такие слова в русском литературном языке, как *град* (например, у Пушкина в „Медном всаднике“: „Красуйся, *град* Петров“; ср. *Ленинград, Сталинград* и т. д.), *страна* (ср. *сторона*), *глас* (например, у Пушкина: „И бога *глас* ко мне воззвал“; ср. производные: *согласие, гласный* и пр.), *глава* (*глава* правительства, *глава* в книге), *брег* (например, у Пушкина: „На *брег* песчаный и пустой“; ср. производные: *безбрежный* и др.), *среда* (ср. *середина*), приставка *пред-* (*предсказание* и пр.), *млеко* (в производных словах: *млекопитающие, Млечный путь*), *влеку* (но в говорах *волоку*), *плен, шлем* и многие другие, следует рассматривать, конечно, как лексическое наследство (от древнерусской эпохи) старославянского происхождения (см. § 33).

4. Такие слова в современном литературном русском языке, как *раб, работа, равный* (также *равенство* и др.), приставка *раз-* (*ра́зум, разы́грывать* и пр.), *ладья* (напр., у Пушкина: „выносит | мою *ладью* девятый вал“; ср. „ладья“ в шахматной игре), *отрасль* (при *поросль, недоросль* и пр.) и т. п., являются старославянскими по происхождению. В болгарском языке они и теперь употребляются с сочетаниями ***ра, ла:*** *работа, равен* (ст.-сл. равьнъ), приставка *раз*, *ладия* (ст.-сл. ладии), *лакът* (локоть), *раст* (рост) и т. д., хотя обычно: *роб, робиня* (при ст.-сл.: рабъ, рабъіни) (см. § 34).

5. Первоначальные сочетания ***тj, дj*** в болгарском языке изменились в ***шт*** (щ), ***жд***,— сначала, в эпоху Кирилла и Мефодия, только мягкие сочетания. Так, в старославянском: свѣшта или свѣща (= свѣш’т’а), хоштѫ, межда, сажда (сажа), виждѫ. В современном болгарском: *свещ* (произносится свешт), *межда, сажди* (мн. ч.), *виждам* (вижу) и т. д.

Тот же результат изменения, что и ***тj***, дало сочетание ***кт’ (гт’)***. Напр., в старославянском: нощь, мощь, пешти, брѣщи; в современном болгарском: *нощ* (= ношт), *помощ* (= помошт).

На древнерусской почве, как уже было отмечено выше, такое щ произносилось, как ***ш'ч'***, так же, как и щ в таких словах, как хощѫ (хочу). Следовательно, книжные люди древней Руси произносили свѣща, как *св̣ѣш'ч'а*, нощь, как *нош'ч'ь*, пещи, как *п'эшчи*, и т. д.

В современном русском литературном языке имеется немало слов с ***щ*** ***(ш'ч'***, в московском произношении ***ш'ш')***, вместо ожидаемого ***ч*** из ***тj*** или ***кт'*** и с ***жд***, вместо ожидаемого ***ж*** из ***дj***: *освещение* (корень *свет*-; ср. морское *свечение, просвечивание*); *запрещать* (корень *прет*-), *сокращать* (корень *крат*-; ср. *укорачивать, короче*); *общество* (корень *обт*-; ср. *оптом* из *обтом*); *хищный* (корень *хит*; ср. *похитить*; в говорах: *зверь хичный*); *пещера* (ср. в „Повести временных лет“: „иде в гору и ископа *печеру*“; отсюда название монастыря „Киево-*Печерский*“); в литературном: *между* (ср. *меж, промеж*, напр., у Пушкина: „и *промеж* высоких гор“); *осаждать* (ср. *осаживать*); *вождь* (ср. *вожак, вожатый*; ср. в говорах *вож* — лоцман на речном пароходе); *рождать* (ср. *рожать*) и т. д. (см. § 35).

6. Как особенность древнеболгарского произношения, получившую отражение в старославянской письменности, следует также отметить развитие слогообразующих плавных ***р, л*** с неслоговыми глухими ***ъ, ь*** за ними из первоначальных сочетаний ***ър, ьр, ъл, ьл*** в положении между согласными. В древнерусском языке эти сочетания сохранились со слоговыми ***ъ, ь*** перед плавными. В старославянском: гръло (= *гръ̯ло*), гръдъ, тръговати, мьртвыи, врьхъ, млънии, влъна, одлъжити и т. д. В языке восточных славян: *гърло, гърдый, търговати, мьртвый, вьрхъ, мълнии, вълна, одължити* и пр. (см. § 48).

7. В старославянском языке имело место изменение глухого гласного ***ь*** в ***и*** в положении перед *j* или *и̯* (неслоговым) и далее следующим гласным в таких словах, как: житие, бытие, съпасение, братиꙗ, людие, костиѭ, пиѭ, биеши и тому подобных, которые в народном древнерусском языке звучали с ***ь***, впоследствии здесь исчезнувшим: *житье* (> *житьё* в современном русском литературном; в фонетической транскрипции: *жыт'jó*), *бытье, братья, людье, костью, пью, бьёшь*, также: *платье, Поволжье* и т. д.

Следовательно, если мы теперь произносим: *мгновение, спасение, бытие, сознание* и пр., говорим: *житие* (= *жыт'иjэ́*),

вся их *братия* (иронически) и т. д., то мы произносим эти слова по-старославянски, хотя многие говорящие на русском и не знают об этом, потому что такие слова, как *мгновение* и пр., уже давно „обрусели", стали привычными русскими словами.

5. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Многие фонетические изменения относятся ко времени после появления кирилловской письменности в древней Руси. В письменных памятниках они отражаются то с XII, то с XIV в. и т. д., не с самого начала письменности, а позже, постепенно, по мере их развития. По своему распространению некоторые (более ранние из этих изменений) являются общевосточнославянскими, например „падение глухих". Но в большинстве случаев их распространение оказывается ограниченным: оно не выходит за пределы то юго-западной, то западной Руси, то лишь северо-восточной, позже Московской Руси, или даже лишь той или иной её части, того или иного участка русской (великорусской) языковой территории.

А. ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

§ 43. Падение глухих гласных *ъ, ь*. Во всех славянских языках в древнее время, кроме нормальных, чистых гласных полного образования, употреблялись особого рода очень краткие, короче нормальных кратких ***о*** и ***е***, с нечёткой артикуляцией, „глухие" гласные ***ъ*** и ***ь***. В научной лингвистической литературе их также называют „редуцированными" (от латинского слова reductio — отведение (назад), переносно: ослабление), иногда — „иррациональными" и пр. Неполнота и нечёткость их образования зависела от их особенной краткости.

Следует, однако, сразу учесть одно важное обстоятельство. В более позднее время, незадолго до своего исчезновения, глухие (***ъ***, с одной стороны, и ***ь***, с другой) не произносились совершенно одинаково в отношении количества (продолжительности) во всяком положении в слове. При одних условиях глухие гласные со временем стали произноситься настолько кратко, что утратили основное свойство гласных — способность быть слогообразующими звуками, стали неслоговыми. Такое фонетическое положение ***ъ, ь*** принято называть „слабым" положением. В дру-

гих случаях *ъ, ь* стали в количественном отношении приближаться к нормальным гласным, а потом совпали с ними, причём получили различное звучание в разных славянских языках. Такое фонетическое положение *ъ, ь* называют „сильным" положением. Так, глухие *ъ, ь* были в *сильном* положении, если они находились под ударением. Например (в древнерусском языке XI столетия): *тъ́* (тот), *дъ́ску* (вин. ед.), *стькла* (им. мн.), *дъ́чи* (дочь), *съ́нъ* (сон), *дьнь*. Безударные *ъ, ь* в одних случаях были в *слабом* положении, а именно: 1) в конце слова: *столъ, домъ, конь, кость* и пр.; 2) если в следующем слоге находился гласный полного образования: *кътó, чьтó, мънѣ́, съпáти, пътúца, ýтъка, хóлодьно;* в других случаях — в сильном положении, а именно: если в следующем слоге находился слабый *ъ* или *ь*: *лóкъть, ýзъкъ, тьмьнó, къ мънѣ́, въшьлú*.

С другой стороны, безударные глухие *ъ, ь* были в *слабом* положении, если дальше, в следующем слоге, находился *ъ* или *ь* сильный: *жьнь́ць* (в слоге *жь*).

В сильном положении глухие *ъ, ь* во всех славянских языках с течением времени совпали с гласными полного образования различного качества в разных славянских языках, а в слабом положении стали неслоговыми, перестали звучать, исчезли. В народном древнерусском произношении сильные глухие *ъ, ь* совпали с *о, е*, а именно: *ъ* — с *о*: *сон, дóч'и > дóч', дóску, лóкот', ко мн'ѣ́, ýзок, вошл'ú*; *ь* — с *е* (='э): *д'эн', т'эмнó, ст'э́кла* (им. множ.), *ж'н'эц* (примеры даются в фонетической транскрипции).

Это изменение было осуществлено в восточнославянской речи весьма последовательно. Отклонений, нарушающих эту закономерность, почти не наблюдается. Правда, во многих словах мы не обнаруживаем гласных *о, е* на месте сильных *ъ, ь*, и, наоборот, они оказываются там, где мы совсем их не ожидали бы (на месте *ъ, ь* в *слабом* положении). Но по большей части такие случаи относятся к области морфологической ассимиляции. Так, слово *дъскá* должно было бы дойти до нас в форме *дска* или *цка (дъска > дска > цка),* и действительно, такая форма встречается и в памятниках письменности, и в современных русских говорах [иногда со специальным значением, например, пластинка, бляха (ср. в грамоте 1521 г.: ожерелье на *цках* на золотых) или, в старых записях,— деревянная основа иконы]. Ср. *чан* из *дъщанъ* (с корнем *дъск*). Форма *доска* возникла под влия-

нием *дъску* (вин. ед.), *дъскы* (им.-вин. мн.). От глагола *въит'й* (примеры даются в фонетической транскрипции) форма на ***лъ*** в мужском роде должна была звучать (после падения глухих): *вш'эл* (из *въш'ьлъ*), но под влиянием форм *вош'ла* (из *въш'ьлá*), *вош'ли* (из *въш'ьл'й*) и т. п. установилось произношение *вош'эл* > *вош'óл*, с приставкой ***во***-. От слова *ж'н'эц'* (из *ж'ьн'ьц'ь*) родительный падеж в древнерусском языке должен был бы иметь форму *ж'эн'ц'á* и т. д., но под влиянием формы именительного падежа получилось *ж'н'эц'á* > *жн'эцá*. Название города *Курск* должно было бы звучать *Кýр'эск* (из *Кýр'ьскъ*), но под влиянием косвенных падежей (*Кýр'ьска, Кýр'ьску* и пр.), со слабым ***ь***, получилось *Курск*. Ср.: *Смол'энск*, из *Смол'ьн'ьскъ* от „смольный" (нужно было бы ожидать *Смол'эн'эск*). Надо полагать также, что произношение *ст'экló* (из *ст'ькló*) установилось под воздействием таких форм, как *ст'экла* (из *ст'ькла*), откуда потом *ст'óкла* и пр. Ср., впрочем: *сткло, скло* в старом литературном русском языке, например, у Пушкина: „как *сткло* булат его блестит". Ср. также *склянка* (< *стклянка*).

Ещё один пример, несколько более сложный, чем другие. В старину, до падения глухих, слово *грек* произносилось с ***ь*** после ***р***: *грькъ*, прилагательное *грьч'ьскый* (например, народ). Это прилагательное должно было бы звучать в литературной речи *гр'эцк'ий* (из *гр'эч'ск'ий*), и, действительно, мы говорим: *грецкие орехи* и т. п. Под влиянием, однако, краткой формы этого прилагательного *гр'эч'эск* (из *грьчьскъ*), в эпоху падения глухих появилось ***'э*** в суффиксе *-ск-* и в слове *гр'эч'эск'ий*, причём такое произношение этого слова (с суффиксом *'-эск-*) стало нормальным в литературном русском языке.

В словах: *собор* (из *съборъ*, ср. в современном русском: *сбóр, сбóрник*), *восток* (из *възтокъ*, ср. *всток* в говорах; *всточень* — название восточного ветра на о. Ильмень), *восход* (из *въсходъ*, ср. *всходы*), *воскресение* (с той же приставкой *въз-*) и других подобных гласный ***о*** на месте слабого ***ъ*** появился в древнерусском языке возможно ещё задолго до начала падения глухих, в произношении наших первых книжников и в книгах, написанных ими в конце X и XI столетий, вследствие подражания книжникам из Болгарии и Сербии, писавшим на старославянском языке. Дело в том, что в некоторых болгарских говорах X—XI столетий, раньше, чем в языке древнерусском, глухие ***ъ, ь*** в сильном положении стали заменяться гласными ***о, е*** (или только глухой ***ь*** —

гласным *е*). Древнерусские книжники, которые в это время ещё произносили **ъ, ь** и в сильном, и в слабом положении, механически усваивали из старославянского языка некоторые церковные слова и вообще слова с отвлечённым значением, вроде приведённых выше, с гласными **о, е** вместо **ъ, ь**, не считаясь с тем, что в их собственном (восточнославянском) произношении в одних словах эти звуки были в сильном положении, а в других — в слабом.

Надо сказать, что и в некоторых современных болгарских говорах Македонии, например, в упомянутом выше говоре дер. Сухо, вместо **ъ, ь** сильных употребляются **о, е:** *сон, ден,* тогда как в литературном болгарском языке (при наличии **е** из **ь**) **ъ** сохраняется: *ден,* но *сън.*

Любопытно, что в большинстве зарубежных славянских языков глухие **ъ, ь** совпали в одном звуке. Так, в сербском языке имеем **а:** *сан, дан,* в чешском **е:** *sen, deň* (=*дэн'*), в польском — также **е**, но перед **е** из **ь** согласные произносятся мягко: *sen, dzień.*

Когда же и в какой последовательности в древнерусском языке произошло изменение сильных глухих **ъ, ь** в **о, е**, а слабые перестали произноситься?

Принято думать, что этот процесс начался (не сразу во всех говорах) с середины XII столетия. Бесспорные примеры употребления **о, е** вместо сильных **ъ, ь** в памятниках письменности, в частности актовой, относятся ко второй половине XII и к XIII в. Так, во второй из самых древних наших грамот, во Вкладной Варлаама Хутынского конца XII или самого начала XIII в.: *а боуди емоу противень* (из *противьнь*; значение: противник[1]). В Смоленской грамоте 1229 г.: *сотьского* (из *сътьского*), *гривенъ* (из *гривьнъ*) и др. (список Д), в Духовной новгородца Климента XIII в.: *со мною* (из *съ мъною*) и т. д. В Добриловом евангелии 1164 г.: *соньмищихъ* (из *сънъмищихъ*), *студенець* (суффикс: **-ьц-ь**) и т. д.

Что касается исчезновения слабых глухих **ъ, ь**, то оно началось несколько раньше, по крайней мере, в XI столетии, причём принято думать, что в первую очередь исчезли слабые **ъ, ь** в начальном предударном слоге, особенно если это был

[1] Другое значение этого слова: *копия* (например, „противень грамоты“ и т. п.).

начальный слог корня и если такие ъ, ь не были защищены аналогией с другими словами, где в том же корне ъ, ь были в сильном положении. Так, в слове *князь* (из *кънѧзь*) ъ отсутствует уже в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: *Глѣбъ кнѧзь...* Тем более, в грамотах XII в., например, в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: кнѧзь. Там же и другие примеры: *княжение*, *Всеволодъ* (в первой части этого слова должно быть: *Вьсе-*). Также (в других рукописях) в словах: *кто, что, злый* (из *зълый*) и т. д.

Потом слабые глухие, как полагают, исчезли не в начальном слоге. Например, в упомянутой выше грамоте Варлаама Хутынского не только *кто, злыми*, но и *пожни* (из *пожьни*) *божница* (из *божьница*).

Позже всего (согласно этому мнению, основанному на показаниях некоторых памятников письменности) глухие гласные исчезли в открытом конечном слоге.

На самом же деле последовательность и в самом ослаблении ъ, ь, а потом и в исчезновении слабых ъ, ь могла быть совсем другою. Ослабление, можно полагать, началось с к о н е ч н о г о слога. Именно поэтому глухие гласные в слове располагаются по „силе" и „слабости" в направлении от конечного слога к начальному, а не наоборот: *узъкъ* (а не *узъкъ*), ***тьмьно*** (а не ***тьмьно***), ***събьрати*** (а не ***събьрати***) и т. д.

Отсутствие же (или, правильнее сказать, немногочисленность) примеров исчезновения слабых ъ, ь в конце слова в наших древнейших рукописях не может свидетельствовать о том, что в этом положении глухие сохранялись дольше, чем в других положениях, и объясняется только тем, что при сплошном письме, когда за одним словом сразу пишется другое, без отделения от него, употребление ъ, ь было необходимо для обозначения конца слова, если слово оканчивалось на согласный.

Как известно, эта манера обозначать границу слова, оканчивающегося на согласный, путём присоединения к нему букв ъ, ь (последней также со значением мягкости, хотя далеко не всегда — ***несёшь, рожь, мышь, наотмашь*** и пр.) сохранялась долгое время спустя после того, как слова стали отделяться одно от другого в письменной речи [1].

---

[1] Буквы ъ, ь впоследствии долго употреблялись также для обозначения конца строки после согласных.

Изменение сильных *ъ, ь* в *о, е* и исчезновение слабых привело к появлению в некоторых корнях и в некоторых предлогах-приставках так называемых „беглых“ *о, е*: *сон — сна, день — дня, орёл* (из *орьлъ*) — *орла, темно — тьма, мох* (из *мъхъ*) — *мшистый, собрать — сбирать* (приставка *съ*), *дочь* (из *дъчи*) — *падчерица, ко мне — к нему* (предлог *къ*) и т. д.

С течением времени это чередование „гласные *о, е*: ноль звука“ получило в известных случаях грамматическое значение. Этим чередованием стали пользоваться как одним из дополнительных грамматических средств для выражения, например, падежных значений: *сон* (именительный падеж), но *сна, сну* и пр. (косвенные). В связи с этим обстоятельством под влиянием чередований типа *сон, сна, сну* и пр. возникли такие случаи чередования, как *ров — рва, рву* и пр., где *о* было исконным, т. е. не из сильного *ъ*, как и в слове *сор: сора, сору* и т. д.; под влиянием *день: дня, дню* и пр.— *лед: льда, льду* и пр., хотя и в этом слове *е* (*ё*) является старым *е* (не из *ь* в сильном положении), и поэтому оно должно быть постоянным (ср. в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: „мѣрил море по *леду*“); под влиянием чередования (в старом языке) *честь* (с *е* из *ь*): *чти* (из *чьсти́*; ср. в „Слове о полку Игореве“: ищучи себе *чти*) получилось чередование *шесть* (с исконным *е*): *шти* (например, в Уложении 1649 г.: „по *шти* рублёв“, „по *штидесят* четвертей“ и пр.). В говорах: *урки́* (уроки), *ольня́* (оленя) и др. Наоборот, под влиянием *сор*: *сора* в говорах: *потоло́ки* (из *потълъки*; корень *тъл*, ср. *дотла*). Напр., *руки в боки, глаза в потоло́ки*.

„Падение глухих“ повлекло за собой целый ряд новых изменений, заметно отразившихся на фонетической системе русского языка, преобразивших эту фонетическую систему.

§ 44. О новом *ѣ*. В письменных памятниках, главным образом южного происхождения, особенно галицко-волынских, со второй половины XII столетия наблюдается весьма любопытное явление, в своё время открытое А. И. Соболевским: в положении перед слогом, заключающим „слабые“ *ъ* или *ь*, подлежащие выпадению, вместо *е* начинают писать *ѣ*: *зѣлье, пѣщь, шѣсть, учѣнье, весѣлье, въ нѣмь* и др. В других положениях такой замены *е* > *ѣ* не наблюдается. Следовательно, здесь имеет место отражение какой-то фонетической тенденции, и нетрудно догадаться, какой. В украинском литературном языке эти и подобные слова теперь произносятся с *і* (*и* с мягкостью пред-

шествующего согласного) вместо ***е**: піч, шість, зілля* и т. д. А это ***і*** несомненно восходит к ***е*** долгому (*ē*). Долгое ***е*** (*э*) изменилось в дифтонг ***и͡е*** (*и͡э*) (такое произношение сохранилось во многих северноукраинских говорах, но только п о д ударением), а дифтонг ***и͡е*** изменился в ***і***, в частности, в говорах Киевщины и Полтавщины, на основе которых сложился литературный украинский язык: *пēчь > пи͡ечь > піч*.

Но откуда же взялось долгое ***е*** в этих и подобных словах? Ведь гласные ***о, е*** в славянских языках были к р а т к и м и гласными (см. § 30). Полагают, что исчезновение ***ъ, ь*** в слабом положении отразилось на произношении предшествующего слога, точнее — слогового (гласного) звука, который получил у д л и н е н и е, если это был краткий гласный. Таким образом, ***о, е*** изменились в *ō, ē*.

В распоряжении древнерусских книжников не оказалось средств для обозначения долготы гласного ***о***, тогда как для обозначения долгого ***е*** можно было воспользоваться буквой ***ѣ***, звуковое значение которой было близко и к *ē*, и к ***и͡е*** (см. § 52).

Но, разумеется, долгое ***о*** от этого не потеряло своей долготы, оно продолжало употребляться, потом изменилось в дифтонг ***у͡о*** и через стадию ***ю͡о*** в конце концов также превратилось в ***і***. В украинском литературном языке слово *стол* произносится *стіл*, слово *конь* — *кінь*, слово *соль* — *сіль* и т. д.

§ 45. Изменение *и* в *ы*. Начальный гласный ***и***, оказавшись после выпадения ***ъ*** в непосредственном соседстве с предшествующим твёрдым согласным, был вытеснен гласным ***ы***. В с о в р е м е н н о м русском литературном произношении сюда относятся такие случаи, как: *с ыго́лкъй, в ы́збу, от ы́м'ьн'и;* также: *ро́зыгрыш, атыска́т'* и пр. В правописании такое ***ы*** обозначается т о л ь к о в н у т р и с л о в а, в словах с приставками: *розыгрыш, сыграть, отыскать*. В нашей старой письменности этого правила ещё не существовало, и написание ***ы*** вместо ***и*** там встречается не только внутри слова, но и в начале и после предлогов (см., например, во второй Духовной грамоте Дмитрия Донского: с *ывановым* селом и т. д.). Условия этого изменения пока ещё не выяснены. В Уложении 1649 г. ***ы*** вместо ***и*** употребляется только после определённых предлогов, главным образом ***в*** и ***с***: *в ыное* государство, *с ынноземцы* и т. д., причём никогда не наблюдается в местоимении *ихъ, имъ* и пр.: *въ ихъ* животах; не наблюдается этого ***ы*** также после ***г, к, х**: к иному* и т. д.

§ 46. Ассимилятивные и прочие изменения в пределах рядом стоящих согласных. Падение глухих весьма серьёзно отразилось на к о н с о н а н т и з м е, на системе согласных звуков древнерусского языка. Рассмотрим наиболее важные (причём, как и в других случаях, с ориентацией главным образом на современный русский л и т е р а т у р н ы й язык).

1) Вследствие исчезновения слабых *ъ, ь* во многих случаях оказались в соседстве согласные, до этого момента разделённые глухим гласным. Оказавшись рядом, они стали воздействовать друг на друга, а с с и м и л и р о в а т ь с я друг с другом:

а) или по работе гортани (озвончаться или оглушаться): *съборъ > сбор > збор; съдѣлати > сдѣлати > зделать; отъдалъ > отдал > оддал; къдѣ > кде > где; сьдѣ(сь) > сдѣ(сь) > здесь; съдоровъ > сдоров > здоров; подъкопъ > подкоп > поткоп; лодъка > лодка > лотка; узъко > узко > уско; ножька > ножка > ношка; дѣвъка > девка > дефка;*

б) или по месту и способу образования: *съ шумомъ > с шумом > ш шумом; съ женою > с женою > ж женой;* в говорах: *омман (из объманъ*; но формы с одним *м* в Домострое (*оманъ, оманьщикъ*), в Книге о ратном строе 1647 г. (*не оманулъ, оманчиво*) имеют приставкою не *об*, а *о*), *овварить* (из *объварити*), *менный* (из *мѣдьный*) и т. д.;

в) или по мягкости и твёрдости; с одной стороны: *сънимати > снимать > с'н'имáт'* (в фонетической транскрипции); *дъвѣ > двѣ > д'в'э, дѣвъкы > дѣвки > д'э́ф'к'и*. В памятниках письменности обозначение т а к о й м я г к о с т и наблюдается уже со второй половины XII в. С другой стороны (в фонетической транскрипции): *хóлод'ьно > хóлод'но > хóлъднъ; рýсьскый > рýс'кой > рýсскъй; ц'ар'ьство > ц'ар'ство > ц'áрствъ*. Впрочем, в некоторых севернорусских говорах до сих пор наблюдается пережиточная мягкость согласных, например в словах: *рус'кой, дереве- н'с'кой, ц'ар'с'во.*

2) Д и с с и м и л я т и в н ы е изменения: *льгъко > легко > лехко; мякъко > мякко > мяхко; къто > кто > хто;* в говорах: *х кому* (из *къ кому*), *х тому* (из *къ тому*); *ондал (из оддал < отъдалъ); вного* (из *много < мъного*).

3) Разные виды у п р о щ е н и я в области рядом стоящих согласных: *чьстьный > честный > чесный; поздьно > поздно > позно; жьстъко > жестко > жёско; сьрдьце > сердце > серце; сълньце > солнце > сонце;* кроме того: *нѣмьчьскый > нѣмечский >*

немецкий; казачьскый > *казачский* > *казацкий;* а также: ***чьто*** > ***что*** > ***што;*** *коньчько* > *конечко* > *конешно.*

В результате этих изменений многие слова оторвались от слов, родственных по корню, и потеряли свою „внутреннюю форму": *обод* (из *объводъ*), *чан* (из *дъщан,* от *дъска;* ср. в Домострое: во *тчанехъ*), *ни зги* (из *ни стьги,* от *стьга* — „путь", „дорога", ср.: *стьзя, стёжка*), *полтора* (из *полъвътора*), *гончар* (из *горньчар*, от *горньць* — „горшок"; ср. в ростовском „Житии" Нифонта 1219 г.: *сосуды гърнчаръ*), *нишкни* (из *ни чьхни*; ср. „чох"), *точка* (из *тъчька,* с корнем *тък;* ср. *ткнуть*), *изба* (из *истъба,* ср. *истобка* в „Повести временных лет"; ср. немецкое: *Stube* — комната), *пчела* (из *бъчела;* ср. латинское: *fuc-us*; ср. в говорах: *бучень* — *шмель,* от *бучать* — издавать глухой шум); *везде* (из *вьсьдѣ*; ср. *всегда*) и т. д., а также некоторые названия городов: *Брянск* (из *Дьбряньскъ;* ср. *дебрь,* из *дьбрь*), старое название г. Калинина — *Тверь* (из *Тьхвѣрь;* ср. *Тихвин*), *Псков* из *Пльсковъ,* ср. название этого города по-немецки, передающее древнерусскую его форму: *Pleskau*).

4) Звонкие шумные согласные, оказавшиеся в конце слова после отпадения конечных глухих, утратили свою звонкость и заменились соответствующими глухими согласными: ***садъ*** > ***сад*** > ***сат***; *зубъ* > *зуб* > *зуп;* *лугъ* > *луг* > *лук;* ***ножь*** > ***нож*** > ***нош;*** ***кръвь*** > ***кровь*** > ***крофʼ***. Впрочем, в некоторых севернорусских говорах (как и во многих украинских) конечные шумные согласные ещё сохраняют свою звонкость.

Эти изменения, как правило, не имеют отражения в современном письме, в нашей орфографии. Мы пишем эти слова так, как они произносились до оглушения или озвончения согласных, до диссимиляции, до упрощения групп согласных и т. д. Например: ***сбор, отдал, ножка, легко, честный, солнце, зуб*** и т. д. Исключения крайне редки: ***здесь, везде*** (из *вьсьдѣ*), ***здоров*** (из *съдоровъ*)[1], *свадьба* (корень *сват-*), *ни зги* и т. п.

Иначе обстояло дело в нашей старой письменности в эпоху после „падения глухих". Примеры ассимилятивных и других изменений в области согласных имеются уже в рукописях начала XIII столетия, не говоря уже о более поздних. Так, в ростовском „Житии" Нифонта 1219 г. находим: *гдѣ* (неоднократно)

[1] Сюда не относится *здание* (где корень *зьд*; ср.: *созидать* и пр.).

хоудошь|ствъмь (329. I), *многажды* (262. 19), при *многашьды;* в Смоленской грамоте 1229 г. :владыка *ризкий* (из *рижьский*). Но в общем таких написаний в ранних памятниках ещё немного. Их больше, например, в духовных грамотах московских князей XIV столетия: *з бортью, коропка, сопча* (из *съ обьча*), *жерепцев, хто* (начиная с духовной Симеона Гордого 1353 г., тогда как *што* встречается впервые лишь в духовной Василия Дмитриевича 1407 г.) и др., и особенно в актовом языке XV — XVII столетий и даже в книгах старой печати, изданных в Москве в XVII столетии, например, в Уложении 1649 г.: *з голоду, здѣлаеть, збѣжить, ис помѣстий,* хоромы *ниские,* измажетъ *дехтемъ,* во *встрѣшном* иску и др.

В развитии нашей орфографии с течением времени наблюдается усиление принципа исторических и морфологических написаний.

§ 47. Новые сочетания звуков. В результате падения глухих в некоторых случаях оказались снова возможными такие сочетания звуков, которые на предыдущих этапах развития славянских языков подверглись разнообразным изменениям (о чём см. §§ 31—39).

а) Снова возникли закрытые слоги, в частности, сочетания ***ор, ол, ер, ел*** между согласными со старыми „исконными" ***о, е***: *горка* (из *горъка*), *сорный* (из *сорьный*), *семерка* (из *семеръка*) и т. д., а также начальные сочетания ***ор, ол*** перед согласными: *орла* (из *орьла*).

б) Стали опять возможны сочетания согласных (кроме ***к, г, х***) с *j* перед гласными: *перья (=п'э̇р'ja), ульи (=ýл'ju), друзья (=друз'ja), зубья (=зýб'ja), выпью (=вы́п'jу), судья (=суд'já), сватья (=сва́т'ja), сетью (=с'э̇т'jу)* и т. д. Впрочем, в говорах, не только украинских и белорусских, но и русских (особенно сибирско-русских), эти сочетания всё же не удержались, и потом было пережито удлинение согласных. Например, в русских говорах: *сваття* (т. е. *сва́т'т'а*), *сеттю, крылля, свиння* и пр.

в) Вновь стали возможны сочетания ***тл, дл:*** *седло* (из *седьло*); а также сочетания ***кт (гт)***: *локти* (из *локъти*), *нокти* (из *ногъти*), *кокти* > *кохти* (из *когъти*) (см. § 35) и др.[1].

[1] Речь идёт о русских словах. Не следует забывать, что заимствованные слова в свою очередь также нарушают установившиеся фонетические закономерности: *термометр (ер), организм* (начальное *(ор), атлас (тл), объективный (кт)* и т. п.

Необходимо, наконец, отметить, что одним из важнейших следствий падения глухих является то, что „неисконно мягкие" согласные звуки ***(в, п, б, т, д, з, с)***, имевшие твёрдую пару, получили значение словоразличительных звуков (фонем), потому что прекратилась зависимость твёрдых и мягких вариантов этих „фонем" от качества (от „твёрдости" или „мягкости") следующего гласного: они стали возможны и без сопровождения гласного, например, в абсолютном конце слова: *стол — столь, был — быль, кон — конь, шест — шесть, пут* (род. мн.) — *путь, рат* (из *радъ*) — *рать* и т. д.

§ 48. Глухие *ъ, ь* в сочетании с плавными. Особую судьбу глухие гласные имели в сочетании с плавными ***р, л.*** При этом следует различать несколько фонетических положений и прежде всего два: 1) ***ъ, ь*** находились после плавных ***р, л*** внутри слова между согласными; 2) ***ъ, ь*** находились перед ***р, л*** внутри слова между согласными. Рассмотрим судьбу глухих гласных в этих положениях.

1) Когда ***ъ, ь*** находились после плавных в таких словах, как: *бръвь, кръвь, кръви, глътъка, крьстъ, сльзъ* и т. п., т. е. под ударением и тем более в слоге, предшествующем слогу со слабым глухим, то в их судьбе не заключалось ничего особенного: будучи сильными глухими, они изменились здесь в ***о, е:*** *бровь, кровь, крови, глотка, крест, слез, слёз* и пр. Другое дело, если в следующем слоге находился какой-нибудь гласный полного образования, а ударение находилось не на ***ъ, ь*** после плавных: *кръва́вый, дръва́, глъта́ти, трьво́га, крьсти́ти, сльза́.* Мы ожидали бы здесь выпадения ***ъ, ь:*** *крвавый, крстити* и пр. И действительно, в старых памятниках письменности XIV и след. столетий такие формы встречаются: *крстити* в Лаврентьевском списке летописи 1377 г. и других. Отсюда и в современных русских говорах: *кстить, кстины* (даже: *стины*, например, в Сибири), фамилия *Новокщенов* (от *новокрьщенъ*). Ср. *Ксты* — название деревни. Но такое произношение представляет собою исключение из правила. Обычно же в этих и подобных словах произносят ***ро, ло, ре, ле*** (с позднейшими заменами ***о, е***, например, на почве аканья): *кр**о**вавый, др**о**ва, кр**е**ститься, тр**е**вога, гл**о**тать, сл**е**за.*

Полагают, что сначала в этих и подобных словах на месте ***ръ, лъ, рь, ль*** со слабыми ***ъ, ь*** развились слогообразующие ***р, л***, а ***ъ, ь*** стали неслоговыми придатками к ним: *кр̥ъ̑вавый, др̥ъ̑ва, кр̥ь̑ститися, гл̥ъ̑тати, сл̥ь̑за* и пр.

Такие слогообразующие ***р, л*** (но уже без неслогового придатка в виде ***ъ, ь***) употребляются в сербском языке: *крвав*, также: *крвник* (убийца), даже: *крв* (кровь), *дрва, крстов дан*, даже (под ударением) *крст*; в чешском: *krvavý, drvo* (ср. русское *дрова*), также *drvoštěp* (дровосек); *kȑtiti, hltati* (глотать), *slza* (слеза)...

Но в русском языке слогообразующие плавные, если они действительно существовали, не сохранились ни в литературной речи, ни в говорах, они снова стали неслоговыми ***р, л***, но зато следующие за ними ***ъ, ь*** получили характер слоговых гласных, стали приближаться к гласным полного образования ***о, е*** и совпали с ними.

В украинском языке и белорусском эти и подобные слова произносятся с сочетаниями ***ры, ри, лы, ли***. Например, в украинском литературном языке: ***кривавий, дривá*** (*дрóва* под влиянием *дров* из *дръвъ*), ***тривога, глитати, слиза*** и т. д., а по говорам встречается и произношение ***ир, ер, ил, ел*** и т. п: ***кирвавий, кервавий, силза*** и пр.

2) Когда ***ъ, ь*** находились перед плавными в таких словах, как: *гърло, гърдый, търговати, мьртвый, вьрхъ, мълнии, вълна, одължити* и пр., то совершенно независимо от того, падало ли на них ударение или нет, был ли в следующем слоге ***ъ, ь*** в слабом положении или не был, глухие в сочетаниях ***ър, ьр, ъл*** впоследствии изменились в русском и других восточнославянских языках в ***о, е***: ***горло, гордый, торговать, мертвый, верх, молния, волна, одолжить*** и т. д.

Учитывая, что в некоторых славянских языках эти и подобные слова до сих пор произносятся со слогообразующими плавными ***р, л***: в сербском: *грло, грд* (гордый, гадкий), *трговина* (торговля), *мртви, врх*; в чешском: *hrdlo, hrdý, trh* (торг, рынок) и *trhovec, mrtvý, vrch, vlna* (волна, шерсть) и т. д., многие языковеды полагают, что и в древнерусском произношении некоторое время плавные ***р, л*** в этих и подобных словах также были слогообразующими, причём это развитие слогообразующих плавных в положении перед согласными естественно поставить в связь с действием фонетического „закона открытого слога" (см. § 30): *гър-ло* > *гъ-р̥-ло* и т. п. Возможно, что в некоторых словах слабые глухие ***ъ, ь*** перед слогообразующими ***р, л*** потеряли свой слоговой характер и превратились в неслоговой придаток к ним: *тъ̑р̥говáти* (при *тъ́р̥гъ*), *въ̑л̥нá* и т. д., причём одни формы влияли на другие, если они

имели одинаковый корень. В конце концов, однако, плавные ***р, л*** утратили свой слогообразующий характер, а предшествующие ***ъ, ь*** „усилились“ независимо от места ударения в слове и качества гласного в следующем слоге. Глухие ***ъ, ь*** стали сильными в этом положении и изменились в ***о, е:*** *гóрло, торговáть* и *тóрг, волнá* и т. д. Это изменение произошло, повидимому, одновременно с изменением сильных ***ъ, ь*** в ***о, е*** во всех других положениях главным образом со второй половины XII в., хотя отдельные случаи написания ***ор, ол, ер*** такого рода иногда встречаются и в более ранних памятниках письменности, начиная с Изборника князя Святослава 1073 г.

Сочетание ***ьл*** в языке восточных славян, очевидно, ещё до смягчения „неисконно мягких“ согласных перед гласными переднего ряда (см. § 39), изменилось в сочетание ***ъл*** (в связи с отвердением ***л***; см. § 33): *вьлкъ* > *вълкъ* (ср. старославянское влькъ, польское *wilk*, литовское *vil̃kas*), *пьлный* > *пълный*, *мьлчати* > *мълчати* и др. Отсюда впоследствии ***ол:*** *волк, полный, молчать* и т. д.

§ 49. Второе полногласие. „Вторым полногласием“ вслед за А. А. Потебней принято называть явление, встречающееся только в отдельных словах, отчасти в литературном русском языке, но особенно в говорах, главным образом севернорусских, и заключающееся в том, что вместо ***ор, ол, ер*** из ***ър, ъл, ьр, ьл*** между согласными иногда оказываются ***оро, оло, ере***. Например, в литературном русском языке: *пóлон* дом (ср. *полный*), *бéстолочь* (ср. *толк,* из *тълкъ*), *верёвка* (из *вьрвъка,* при *вервь, вервие*; ср. в басне Хемницера „Метафизик“: „веревка, вервие пустое“), *сýмеречный* (ср. *сумерки*); в говорах, кроме того: ходить *пóсолонь* („по солнцу“, ср. *сълньце*), *молонья́, смерётушка* (ср. *съмьрть*), также: *гóроб* (горб), *хóлом* (холм), *верёх* (верх) и пр.

Обращает на себя внимание то, что „второе полногласие“ наблюдается почти исключительно в положении перед согласным (или сочетанием согласных), за которым некогда находился слабый ***ъ*** или ***ь***, впоследствии исчезнувший: *пълнъ, вьрвъка, сумьрчьный, мълнья, вьрхъ* и т. д. Если из этого правила иногда бывают исключения (например, *смерётушка* из *съмь́ртушка* и т. п.), то естественно думать, что они возникли под влиянием родственных форм, где „второе полногласие“ развилось на „законном основании“ (в данном случае — под влиянием *смéреть* из *съмьрть*).

Можно полагать, что „второе полногласие" развилось вследствие того, что в сочетаниях ***ър, ъл, ьр*** между согласными в случае, если в следующем слоге находился слабый ***ъ*** или ***ь***, впоследствии отпавший, плавные на некоторое время в период падения глухих снова получили слоговой характер, стали слогообразующими; однако на этот раз изменение неслоговых ***р, л*** в слогообразующие не было проведено последовательно в восточнославянских говорах. Плавные утратили свой слогообразующий характер, но эта замена слогообразующих плавных простыми сопровождалась появлением за ними гласного звука, аналогичного тому, который предшествовал плавным.

В письменных памятниках (почти исключительно северо-западных: новгородских, псковских и др.) случаи „второго полногласия" начинаются с XII—XIII столетия. Например, в новгородских рукописях: Прологе 1262 г.: *безмоловия* (вместо *безмолвья*, из *безмълвья*); *черенцемъ* (ср. *чернец*, из *чьрньць*); в Летописи по Синодальному списку: съ *Торожку* (из *Тържьку*), *Поволожье* (из *Повължье*) и др. Не следует смешивать при этом случаи „второго полногласия" (т. е. употребления полногласных сочетаний ***оро, оло*** и пр. из ***ър, ъл***) с такими случаями употребления второго ***ъ*** или ***ь*** за буквой плавного в письменных памятниках XI—XIII столетия, как, например, в новгородской же Минее 1095 г.: *стълъпъ, кърьмити, гърьдыню, дьрьзость* и др. Если это употребление второго ***ъ*** или ***ь*** не вызвано концом строки, которая, как правило, оканчивалась на гласную букву, если оно не установилось (а это вполне возможно) на почве слияния форм собственно древнерусских, с одной стороны, и старославянских, — с другой (*гърло — гръло, гърдый — грьдый, мьртвый — мрьтвый, дългъ — длъгъ* и т. д.; см. § 48), то, может быть, оно объясняется стремлением (в эпоху до падения глухих) передать средствами письменной речи слогообразующий характер плавных ***р, л*** сначала в сочетаниях типа *стълъпъ*, а потом и в других случаях.

§ 50. Редуцированные *ы, и*. Особо следует отметить судьбу ***ъ, ь*** в сочетании с далее следующим ***j*** или ***и̯*** (***и̯*** неслоговым). Ещё до отделения восточнославянской языковой группы от других славянских ***ъ, ь*** в этом положении изменились в ***ы, и***, отличавшиеся от старых „нормальных" долгих ***ы, и***, например, в словах *сынъ, синь*, не столько в качественном отношении, сколько в количественном: они были короче нормальных крат-

ких гласных. Такие ***ы, и*** (их можно называть редуцированными) произносились в окончании им.-вин. пад. ед. ч. мужск. р. полных прилагательных (и других полных родовых слов): *слѣпый, зълый, старый, тугый, дългый, льгъкый, синий, вьрхний* и пр. Окончание ***-ый, -ий*** полных прилагательных возникло из сочетания ***ъ, ь*** с ***и*** (***jь***), сначала слоговым, а потом утратившим свой слоговой характер указательным местоимением в форме им.-вин. пад. ед. ч. мужск. р. Конечно, изменение ***ъ, ь*** в ***ы, и***, наблюдаемое в окончании полных прилагательных типа *слѣпый*, имело место и в других аналогичных случаях. Например, в ростовском „Житии" Нифонта 1219 г.: *прельстилы и диꙗволъ* (297.30) (вм. *прельстилъ и); а дроузии заоушахоути и* (вм. *заоушахоуть и* (= били) и т. д. Но такие ***ы, и*** — на стыке двух слов — не отличались устойчивостью и впоследствии исчезли.

В окончании им.-вин. пад. ед. ч. мужск. р. полных прилагательных ***ы, и*** из ***ъ, ь*** в тех восточнославянских говорах, на основе которых сложился русский (= великорусский) язык, потом изменились в ***о, е***: *слѣпой, злой, старой, тугой, долгой, лёгкой, синей, верхней* и пр. Это изменение первоначально н е б ы л о о б у с л о в л е н о положением ***ы, и*** в у д а р е н н о м слоге, но в акающих говорах и в говорах с неполным оканьем неударенные (заударные) ***о, е*** из ***ы, и***, конечно, не могли сохраниться. Таким образом, в говорах с полным оканьем употребляются не только формы *слепóй, тугóй*, но и *стáрой* муж, *дóлгой* путь, *сúней* камень, *прéжней* хозяин и т. д., тогда как, например, в московском (и, значит, литературном) произношении только: *слипóй, тугóй* и пр., но: *стáръй, дóлгъй, л'óхкъй; б'ил'э̑ьт парус ад'инóкъй...* и т. д.

В памятниках письменности это изменение отражается главным образом с XIV в., например, в Московском евангелии 1339 г. в записи: *князь великой* и др.

В тех восточнославянских говорах, на основе которых сложился, с одной стороны, украинский язык, а с другой,— белорусский, ***ы, и*** из ***ъ, ь*** совпали с обычными ***ы, и***, причём в у к р а и н с к о м литературном, кроме того, ***ы*** совпало с ***и***: *сліпий, злий, дурний, старий, тугий, синий* и пр.

От рассмотренного выше изменения следует отличать похожее явление в родительном падеже множ. ч. существительных типа *кость, путь*. Здесь окончание ***-ий*** из ***ьи*** < ***ьjь*** также изменилось в ***ей***: *костий* > *костей, печий* > *печей, повѣстий* > *повѣстей*,

путий > *путей* и пр. Но на этот раз *-ей* вместо *-ий* из *-ьй* не является особенностью т о л ь к о русского языка. Ср. в украинском литературном: *костей, печей, повістей* и пр.

Такую же судьбу, как ***ы, и*** из ***ъ, ь*** в положении перед ***и,*** имели ***ы, и*** „исконные" в положении под ударением перед ***j*** *(ụ)* в таких словах, как: *мыю (= мыју), крыю, шия (= ш'ија), пий, бий* и т. п. В русском литературном языке: *мою, крою, шея, пей, бей* и пр. В украинском литературном языке: *мию, крию, шия, пий, бий*. В белорусском литературном языке: *мыю, крыю, шыя, пий, бий*. При отсутствии ударения на таких ***ы, и*** они впоследствии исчезли: *пью́* (из *пию*, при старославянском: пиѭ), *бью* (из *бию́*, при старославянском биѭ).

§ 51. Сочетание jь. Что касается сочетания ***jь*** *(ụь)*, то здесь в общем действовали те же фонетические законы изменения ***ь,*** что и после согласных. Так, в древнерусском языке имеем (в фонетической транскрипции): *бојь́ц'ь* > *бојэ́ц'*, но *бојьц'á* > *бојц'á'*, *Мож'áјьскъ* > *Мож'ајэск* (*Можайск* — в современном русском литературном языке — под влиянием косвенных падежей), *воjь́нь-ный* > *војэ̀нный*, но *војско* (из *војьско*), ср. *вóин = војин* (с суффиксом *-ин*); *трóјька* > *трóјка*, ср. *трóица* (с суффиксом *-иц-а*); *зајьмъ* > *зајэ́м* > *зајóм*, но: *зáјьма* > *зáјма*, *съпокóјьнъ* > *спокóјэн* и т. д.

В старославянском языке сочетание ***jь*** всегда изменялось в ***и.*** Поэтому *достоин* в русском литературном языке следует рассматривать, как заимствование из старославянского.

Но иногда и в русском языке возможно ***и*** из ***jь***: *воинский*, (у писателей XIX в.: *вои́нский*), в частности, под ударением: *јајьч'ько* > *јаи́ч'ко* (яичко), *појь́мъка — поймка*. В старомосковской речи таких слов было больше. Так, в Уложении 1649 г. находим: *приимáли приимышей, заимщикъ* (в обоих случаях корень ***j-ьм***; ср.: *възъ-ьму*).

§ 52. История звука ѣ. В древнерусском языке в определённых корнях, а также в некоторых грамматических окончаниях и вообще формальных принадлежностях с общеславянской эпохи произносился звук, для которого в кирилловской азбуке был придуман специальный знак — буква, называемая „ять": ***ѣ***. Отсюда и самый звук получил это (неясного происхождения) название.

Звук ***ѣ*** произносился в таких словах, как: *лѣс* (и *лѣсный*), *хлѣбъ, дѣдъ, свѣтъ, дѣти, сѣяти, пѣсня, мѣсяц, рѣка* и *рѣчка*, на *столѣ*, къ *мънѣ*, *ѣхати*, от *неѣ*, на *своѣ бързыѣ конѣ* и т. д.

Трудно установить, ка́к именно звучал этот самый *ѣ* в старое время. Одно несомненно, что в древнерусском (древневосточнославянском) языке *ѣ* звучал иначе, чем, например, в старославянском (древнеболгарском) языке. Так, в старославянском он произносился, как очень широкое ***е (ä)***, как и сейчас он звучит в некоторых македоно-болгарских говорах в окрестностях города Солуня (Салоники), родины Кирилла и Мефодия. В древнерусском языке он произносился, повидимому, как переходящее в дифтонг ***͡ие*** очень узкое ***е***, конечно, как и в древнеболгарском произношении, ещё не утратившее своей долготы. Например (в фонетической транскрипции): *л'е́съ* (или: *л'͡ие́съ*), *м'е́с'ац'ь* (или *м'͡ие́с'ац'ь*), *къ мън'ê* (или *къ мън'͡ие*).

С таким произношением звук *ѣ* до сих пор употребляется не только в северноукраинских говорах, например говорах Черниговщины (тогда как в других говорах и в литературном украинском языке вместо *ѣ* произносится ***і***: *ліс, місяць, к мені* и пр.) и южнобелорусских говорах, примыкающих к украинским, но и во многих русских, причём т о л ь к о п о д у д а р е н и е м: в говорах Вологодской и Костромской областей, Рязанской, Воронежской, Тульской, даже Московской (Зарайский, Егорьевский районы).

С течением времени, однако, в большей части русских говоров в произношении *ѣ* наметились и получили завершение важные сдвиги. В одних говорах, в частности в говоре Москвы, вследствие усиления в т о р о й части дифтонга, вместо *ѣ* установилось произношение ***е (='э)***, с мягкостью предшествующего согласного: *л'эс, м'э́с'ьц, ка мн'э* и т. д., а в других, вследствие усиления п е р в о й части дифтонга, развилось ***и***, сначала, возможно, лишь в положении перед мягкими согласными: *м'и́с'ац', с'и́jат', п'и́с'н'а* и пр., как в севернорусских говорах вологодского типа, а потом и независимо от этого условия: *л'и́с, хл'и́б, д'ид* > *д'ит, м'и́с'ац, ко мн'и́* и т. д., как в говорах новгородского типа. Следует при этом отметить, что употребление ***и*** вместо *ѣ* составляет особенность только севернорусских говоров, а также некоторых говоров акающих на севернорусской основе, тогда как е к а ю щ е е произношение *ѣ* получило распространение не только в южнорусских и среднерусских говорах, но и в севернорусских говорах Поволжья.

Очень вероятно, что в говоре города Москвы (как и в некоторых других) произношение *ѣ* как ***е*** установилось сначала в н е у д а р е н н о м положении, тогда как п о д у д а р е н и е м *ѣ* про-

должало отличаться от *е*. В письменных и печатных памятниках старомосковского языка XVI—XVII столетий нередко наблюдается употребление *е* вместо *ѣ* в неударенном положении, между тем как под ударением эти буквы не смешиваются. Так, в Уложении 1649 г.: которые крестьяня *бежа́ли* и впредь учнут *бѣгати; крепостны́е*, но *крѣпости; помѣстья меня́еть*, но *мѣна, вмѣсте* (из *вмѣстѣ*) и т. д.

В древнейших московских духовных грамотах XIV в. *ѣ* употребляется исторически правильно, как под ударением, так и в неударенном положении, за исключением некоторых собственных имён (географических названий) и формы род. падежа ед. ч. женск. р. местоимений и полных родовых слов: *ее* (вместо *еѣ*), *из московьскоѥ* (с ѥ из *ѣ*) и т. п.

Конечно, екающее произношение *ѣ* не сразу получило такое широкое распространение в русских говорах, хотя, пожалуй, не возможно установить, на каком именно участке русской языковой территории употребление *е* вместо *ѣ* установилось раньше всего. Во всяком случае, например, в старосмоленском говоре звук *ѣ* не отличался от *е* уже в начале XIII столетия. Поэтому в Смоленской грамоте 1229 г. (сп. А.) буквы *ѣ* и *е* употребляются одна вместо другой: *всемь темь кто* (дат. мн. ч.), *на гочкомь березе,* по *вѣременемь,* приказано *боудѣте* добрымъ *людѣмъ* и т. д.

Приблизительно к тому же времени (или несколько более позднему), надо полагать, относится и изменение *ѣ* в *и* в севернорусских говорах. Правда, отдельные примеры написания *и* вместо *ѣ* были отмечены в новгородских Минеях XI в.: *стиноу (=стену), звири*... Минея 1095 г.; *претьрьпилъ, лицемирьство, вавъ*... Минея 1096 г.; *гърнили*... (предл. ед. ч.), Минея 1097 г. Но, во-первых, этих примеров очень мало, во-вторых, они спорны (отчасти их можно объяснить как описку), в-третьих, в тех же Минеях вместо *ѣ* встречается также *е,* причём не только в словах явно древнеболгарского происхождения: *чрево* (при древнерусском *черево*, в старославянском чрѣво) и т. п., где *е,* может быть, передаёт древнеболгарское *ǎ*, но и в других. Можно поэтому думать, что в новгородских Минеях эти случаи отступления от правильного употребления *ѣ* свидетельствуют лишь о том, что *ѣ* в староновгородском говоре, в языке новгородских словен, произносилось именно как узкое долгое *е,* склонное к дифтонгизации.

Подлинные, бесспорные примеры употребления ***и*** вместо ***ѣ*** в письменных памятниках северного происхождения начинаются с конца XIII и особенно с XIV столетия. В некоторых рукописях XVI в., например в Судебнике 1589 г., ***и*** вместо ***ѣ*** употребляется только перед мягкими согласными, но в других — независимо от этого условия. Любопытно, что в новгородских грамотах XIII—XIV столетий, исследованных Шахматовым, в общем ***ѣ*** употребляется правильно, без замены его буквами ***и*** или ***е*** (за исключением некоторых спорных случаев).

Таким образом, в литературном русском языке в настоящее время старый ***ѣ*** звучит как ***е***: *л'эс*[1], *д'эт, д'э̇т'и, ка мн'э̇* и пр. (ср. *н'э̇бъ, ат'э̇ц, д'эн'* и пр., где ***е*** не из ***ѣ***). Но в одном отношении ***е*** из старого ***ѣ*** отличается от ***е*** из старых ***е*** и ***ь***: как правило, он сохраняется в положении перед твёрдым согласным и в конце слова: *л'эс, ка мн'э̇,* тогда как вместо ***е*** в этом положении звучит ***'о (ё)***: *н'óбъ, с'óлъ, сл'óс* (= слез), *пад'óннъ, фс'ó* и т. д. Из этого правила имеются только единичные исключения: с одной стороны: *гн'óзда* (из *гнѣзда*), *зв'óзды* (из *звѣзды*), *с'óдлъ* (если оно из *сѣдьла*), *пр'иабр'óл, паз'óвывът'* (корень *зѣв-*). В говорах таких слов гораздо больше: *убёг* (корень *бѣг-*), также: *сёк, бесёда, нацодют* и пр., особенно в неударенном положении, например в предударном слоге: *в лёсý, пётýх* (из *пѣтух*; ср. в литерат. русск. языке: *пел*, без перехода ***е*** > ***'о***, того же корня ***пѣ-***), *рёкá* и т. д. (в севернорусских говорах вологодского типа, а также в Поволжье).

Возможно, что *гн'óзда, зв'óзды* и пр. в литературную речь попали из севернорусских говоров, с произношением *гн'оздó, зв'оздá, з'овáт'* и т. д., а там эти формы *гн'óзда* и пр. возникли как следствие подравнения основ.

Следует, наконец, отметить, что в современном литературном русском языке имеется несколько слов с ***и*** на месте старого ***ѣ***: *дитя́* (из *дѣтę*), *ди́тятко* (ср. в болгарском: *дете*, в польском *dziecię*), *мизинец* (из *мѣзиньць*; ср. в сербском: *мезимец, мијезинац*, в чешском: *mezenec*), *сидéть, си́дя* и пр. (из *сѣдѣти, сѣдę* и пр.), а также: *свидéтель* (из *съвѣдѣтель*), *вити́я* (из *вѣтия*, с корнем *вѣт-*, ср. *ответ, совет, завет* и пр.; древнерусское *вѣче* из * *вѣтj-о*).

Полагают, что такое ***и*** из ***ѣ*** сначала появилось в неуда-

[1] Примеры даются в фонетической транскрипции.

ренном положении перед слогом с гласным ***и***, вследствие межслоговой ассимиляции, а потом по аналогии попало и в другие положения: *дътина* > *дитина: дитя; съди* > *сиди: сижу, сидеть: сидя* и т. д.

§ 53. Изменение *е* в *о* перед твёрдыми согласными и в конце слова. В русском литературном языке с давнего времени вместо ***е*** (из старого ***е*** и старого ***ь*** в сильном положении) употребляется ***'о*** после мягких согласных, а также после шипящих, ***ц*** и ***j***, в положении перед следующим твёрдым согласным: *сёла* (в фонетической транскрипции: *с'óлъ* из *с'э̂ла*), но *сельский (с'э̂л'скъй); лёд,* но *гололедица; плётка,* но *плеть; пёк,* но *печь; ёлка,* но *ель; подённо,* но *день; шопот,* но *шепчет* и т. д. и в конце слова: *всё, моё, плечо* (из *плече,* ср. украинское *плече*) и т. д.

Рассмотрим сначала изменение ***е*** в ***'о*** в положении перед твёрдым согласным.

Во-первых, надо полагать, что в древнерусскую эпоху, до возникновения аканья, употребление ***о*** вместо ***е*** в восточнославянских говорах северо-восточной Руси не было ограничено ударенным слогом: произносили не только *сёла,* но и *сёлó* (т. е. *с'олó*), не только *пёк,* но и *пёку,* также *сёстрá* (при *сёстры*), *вёснá* и пр., также после шипящих, ***ц*** и ***j***: *шёптати* (т.е. *ш'оптáт'и;* шипящие в древности произносились мягко) при *шёпот, жёна* при *жёны; чёло* при *чёлка, ёго* (т. е. *jогó*) и т. д. Так произносят эти слова теперь лишь в окающих (севернорусских) говорах. Между тем в старину они, возможно, звучали так и в других русских говорах, в настоящее время акающих, в частности в говоре Москвы. Правда, примеры написания ***о*** вместо ***е*** в старейших московских памятниках, например, в первой и второй духовных грамотах великого князя Ивана Калиты 1339 г.: *Данилищова свобода* (т. е. слобода) и др., не являются убедительными, потому что ***о*** вместо ***е*** в этом случае может быть морфологического происхождения (ср.: „Данилова слобода"). Встречаются подобные написания (***о*** вместо ***е***) в неударенных слогах и в других московских духовных грамотах XIV столетия, даже в таких случаях, как: *сереброно блюдо* (возможно, *с'эр'э̂бр'оно*) — во второй духовной великого князя Ивана Ивановича около 1358 г. По традиции такие написания (но только после шипящих и ***ц***) держались потом в московской письменности очень долго после того, как в Москве установилось акающее произношение. Они встречаются

и в Уложении 1649 г.: *межовать*... землю, по их... *чолобитным;* особенно после ***ц:*** всѣмъ... *иноземцомъ, у старожильцовъ* и пр. (конечно, и в ударенном слоге: на бѣглых *жóнкахъ*, в *пожóге*, безо *пчóлъ* и пр.). В настоящее время в литературном русском письменном языке сочетания ***шо, жо, чо, цо*** допускаются в некоторых случаях только под ударением: *шопот*, но: *шептать* и т. д.

Можно полагать, во-вторых, что ***е*** изменилось в ***о*** сначала только в положении после „исконно мягких" согласных ***(ш, ж, ч, ц*** и ***j),*** когда все они, т. е. и ***ш,*** и ***ж,*** и ***ц***, ещё произносились мягко повсеместно в древнерусских говорах. Это новое ***о*** из ***е, ь*** получило самое широкое распространение на севере и на юге, на всей восточнославянской территории. Поэтому употребление ***о*** на месте ***е*** в положении после шипящих, ***ц*** и ***j*** в настоящее время известно и в русском языке, и в украинском, и в белорусском. По-украински говорят: *шостий, шовк, пшоно, жона, жовтий, чорний* (чернец), *чоловик, його* и пр., но *село (=сэлó), сестри (=сэ́стри), овес (=овэс), орел (=орэл)* и пр.

Естественно думать, что это изменение относится к той эпохе, когда ещё были возможны общие для всего восточного славянства переживания в языке. Позже, после того как прекратились такие общие языковые переживания, в тех восточнославянских говорах, на основе которых сложился, с одной стороны, русский язык, а с другой, — белорусский, произношение ***'о (ё)*** вместо ***е*** мало-помалу установилось и в положении после „неисконно мягких" согласных: ***п, б, т*** и пр., которые к тому времени достигли полной степени мягкости (см. § 39). Следовательно, на первой стадии этого фонетического процесса здесь получилось: *шёпот, шёлк, шёстóй, жёнá, чёрный, чёлó, ёмý* и т. д., но *селó* (*с'эло*), *сёстры* (*с'эстры*) и пр., а на второй, кроме того: *сёлó, сёстры́, лёд, обыдёнка* (от *день*), *вёснá* и т. д.

Памятники письменности не помогают нам по-настоящему разобраться во всех этих вопросах, потому что в распоряжении древнерусских книжников не было средств для передачи нового ё к а ю щ е г о произношения н е после шипящих. Буквы ***ё*** тогда ещё не существовало (как уже было отмечено выше, она была придумана в конце XVIII в. Н. М. Карамзиным). Древнерусские книжники не догадались воспользоваться и сочетанием ***iô***, получившим распространение во второй половине XVIII столетия: *лiôдъ* и т. п. Иногда они пробовали писать: *дновъ* (т. е. *днёв*, дней — в Новгородской Кормчей, ок. 1282 г.), *яромъ* (т. е. *ярём*, ярмо) и пр., *озора*,

рублеъ (в Двинских грамотах XIV—XV вв.), но такие написания не только не соответствовали произношению, но могли отразиться и на понимании текста, вносили путаницу, затемняли смысл: *носъ (нос* и *нёс), волъ (вол* и *вёл), яромъ (ярём* и *за яром,* от *яр)* и т. д. Другое дело после шипящих: здесь можно было обойтись с помощью буквы ***о***: *чорный* и т. д. Вот почему в памятниках письменности, начиная с XII в., так много примеров употребления ***о*** вместо ***е*** именно в этом положении, тогда как не после шипящих они совершенно единичны.

Почему же изменение ***е*** в ***'о (ё)*** произошло в положении именно перед твёрдым согласным? — На этот вопрос ответить не так уж трудно. Твёрдые согласные в древнерусском языке произносились не совсем так, как мы их теперь произносим. Они были лабиализованными согласными звуками, т. е. произносились с участием губ, слегка вытягивавшихся вперёд и округлявшихся (как при ***о*** или ***у***), хотя степень лабиализации, возможно, и не была всегда одинаковой: перед ***о*** или ***у*** твёрдые согласные были более лабиализованными, чем перед ***а*** или ***ы*** (см. § 39). Вследствие ассимиляции гласный ***е*** в положении перед твёрдым (следовательно, лабиализованным) согласным с течением времени сам получил лабиализацию, стал произноситься с участием губ наподобие ***ö*** в немецком (*töten* — убивать) или во французском (*peuple* — народ). Впоследствии этот звук, как правило, перешёл в ***'о.***

По поводу изменения ***е*** в ***о*** в положении перед твёрдым согласным необходимо сделать ряд оговорок и дополнений.

Во-первых, следует учесть, что во многих русских говорах, даже поблизости от Москвы, это изменение, повидимому, не только не проведено последовательно, но иногда и вовсе отсутствует. Так в говорах, например, Рязанской области (Рязанский, Михайловский, Скопинский р-ны), также Пензенской области и других. Стало быть, изменение ***е*** > ***'о*** не охватило всех русских говоров.

Далее, в тех говорах, которые знают употребление ***'о (ё)*** вместо ***е*** в словах вроде *села, овес* и пр. и в литературном русском языке, оно наблюдается не только перед твёрдыми согласными, но иногда и в положении перед мягким согласным: ***тётя, зелёненький, весёленький, несёте, на берёзе*** и т. п. Но, разумеется, во всех этих случаях ***'о (ё)*** вместо ***е*** получилось не фонетически, вследствие влияния родственных по происхож-

дению слов: ср. *тётя* и *тётка, зелёненький* и *зелёный, несёте* и *несёт, на берёзе* и *берёза* и т. д., под воздействием слов, где **'о (ё)** на месте **е** возникло в положении перед твёрдым согласным.

С другой стороны, в литературном русском языке (отчасти и в говорах) мы иногда в настоящее время не находим **'о (ё)** из **е, ь** там, где мы его ожидали бы. Так, в некоторых случаях отсутствие изменения **е > 'о** объясняется тем, что это изменение было задержано влиянием родственных по происхождению слов: *в отместку* (фонетически: в *атм'эску;* ср. *месть*), *щелка (ш'ш'элкъ,* ср. *щель)* и т. п. В говорах: *пёрышко* (ср. *перья*), *дале́ко* (ср. *далече*) и т. д. Возможно, что и в словах *женский* (ср. *женщина*), *деревенский* (ср. *деревенька, деревенщина*), *честный* (ср. *честь*) отсутствие изменения **е > 'о** объясняется тою же причиною, хотя могло сыграть роль и то обстоятельство, что в этих словах (с суффиксом **-ьск-,-ьн-**) в древнерусскую эпоху произносился **ь:** *женьский* и пр., перед которым согласный долгое время звучал мягко (а по говорам кое-где звучит мягко ещё и в наши дни). Ср. *смоленский* (из *смольньский*) и пр. По той же причине сохраняется **е ('э)** и в словах: *первый* (которое в литературной речи очень долго произносилось, а в отдельных случаях и до сих пор иногда ещё произносится: *перьвый;* ср. на памятнике Петру I в Ленинграде: „Петру *Перьвому* Екатерина Вторая"), *верх* (при наличии *верьх*), также: *четверг, серп, коверкать* и др., когда за **р** не следовал зубной согласный.

Несомненно поздним отвердением **ц** следует объяснить отсутствие изменения **е > 'о** перед этим звуком: *отец (= ат'эц), купец, молодец, огурец, молодецкий* (где **ц** из **чьск**), *овец* (род. мн. ч.) и т. п. Во многих севернорусских говорах (вологодского типа и других) аффриката **ц** до сих пор произносится мягко. Отвердение этого звука в языке Москвы едва ли старше XVI столетия.

Перед **ш, ж** вместо **е** по большей части звучит **о:** *грабёж, несёшь, дёшево, головёшка* и т. д., в говорах: *одёжа, надёжа* и пр., но: *промеж, чешет* и пр., потому что шипящие **ш, ж** в московском произношении отвердели значительно раньше, чем **ц.** В этом отношении в белорусском языке дело обстоит немного иначе. По-белорусски говорят: *грабеж (= hраб'эш), дзёшыва, адзёжа, вядзёшь* и т. д. (с **е,** не изменившимся в **ё**).

Наконец, изменение **е** в **'о (ё)** перед твёрдыми согласными отсутствует в заимствованных словах, которых немало

в литературном русском языке. Так, например, этого изменения нет в словах, вошедших ещё в древнерусский язык из старославянского и позже из новоцерковнославянского языка, потому что ни в старославянском, ни в новоцерковнославянском языке этот фонетический закон никогда не действовал: *небо* (*н'э́бъ*), но *нёбо, крест,* но *перекрёсток, пещера* (но ср. *Печоры* — Жигулёвские горы на Волге), *жертва, вселенная* (но *населённый* пункт), *современный, перст* (но *напёрсток*; в говорах *пёрст*), *скверный, незабвенный, дерзость* и пр., а также такие, как: *падеж* (грамматический термин, при наличии: *падёж,* например, скота), *мятеж* и т. п. В поэтическом языке, особенно у писателей XIX в., случаев сохранения ***е*** без перехода в ***'о(ё)*** в положении перед твёрдым согласным встречается значительно больше. Например, у Пушкина: „Гляжу ль на дуб *уединенный*" (рифма: „Переживёт мой век *забвенный*"); „На холмах пушки, *присмирев,* прервали свой голодный *рев*", „И посмеяться кой о *чем*" (рифма: между *тем*, „Евгений Онегин", II) и т. д. (ср. также у Крылова: „Когда в товарищах согласья *нет*, на лад их дело не *пойдет*").

Через посредство старославянского проникли в литературный, отчасти даже народный язык древней Руси, некоторые греческие слова с гласным ***е*** *(='э): демон, деспот, кедр, холера* и пр., включая сюда и самое слово *грек* (ст.-сл. грькъ). Также и в словах, заимствованных сравнительно в новое время из западноевропейских языков, французского и других: *декрет, метод, котлеты, сквер, интерес, балет, момент*; из польского *склеп* (не *склёп*) и т. д. Между прочим, сюда относятся: *аптека, аптекарь.* Возможно, под влиянием слова *аптекарь,* а также *лекарь* (из *лѣкарь*), мы имеем и *пекарь* вм. *пёкарь.*

Теперь остаётся сказать об употреблении ***'о (ё)*** вместо ***е*** под ударением в исходе слова: *всё, моё, свежо* (из *свѣже*), *плечо* (из *плече*) и пр.; в севернорусских говорах, кроме того, и в неударенном положении: *полё, платьё, чётырё, троё, такоё, неситё, такжо* и пр.

Можно полагать, что в исходе слова ***'о (ё)*** возникло сначала вследствие морфологической ассимиляции: под влиянием *село́, о́ко* и пр. стали говорить *плечо́;* под влиянием *то́, само́, оно́* и пр. стали говорить: *всё, моё;* под влиянием *темно́, тепло́* и пр. стали говорить *хорошо́, свежо́* и т. д. Потом вообще установилась (особенно в о к а ю щ и х севернорусских говорах)

привычка употреблять в исходе слова **'о (ё)** после мягких и отвердевших согласных: *ещё* (но ср. у Пушкина: „Иль *еще* | Москвич в Гарольдовом плаще"; ср. в белорусском *яшче*), *ужо* (в значении „потом", „немного спустя"; ср. у Пушкина: „будет вам *ужо́* мертвец"), но *ужé*. Также и в севернорусских говорах не только *полё* (под влиянием *село́*), *тро́ё* (под влиянием *четверо*), но и *четы́рё, несúтё, та́кжо* и пр.

Такого произношения **'о (ё)** на месте **е** в конечном открытом слоге не имеется ни в одном из славянских языков, кроме русского и отчасти белорусского.

В украинском: *плече, єсе* (или *усе = усэ́*), *моє, чиє, хороше́, свiже́* и т. д. То же явление наблюдается и в других славянских языках (в польском), где в положении перед твёрдым согласным при известных условиях **е** (из **е**, но не **ь**) также изменилось в **'о (ё)**. Также отчасти и в языке лужичан. В остальных славянских языках гласный **е** вообще при любых условиях сохраняется без изменения в **'о (ё)**.

§ 54. Аканье. А к а н ь е м называется очень сложное явление, сущность которого заключается в том, что гласные **а** (после твёрдых и мягких согласных), **о** и **е** в неударенных слогах различным образом изменяются в разных акающих русских говорах, причём в предударном слоге вместо **о** почти повсеместно произносится **а**.

В образцовом (московском) произношении вместо **о** (любого происхождения) в предударном слоге всегда произносится **а**: *вада́, магу́, сталы́* и пр. В остальных неударяемых слогах, в быстрой разговорной речи, обыкновенно употребляется гласный неполного образования **ъ**, на слух близкий к очень короткому **ы**:*въдаво́с* (примеры здесь и в дальнейшем даются в фонетической транскрипции), *по́ въду; гълава́, гълубо́й, мълако́, пъливáт', хо́лъднъ* и т. д. В медленном, декламационном произношении вместо **ъ** звучит **а**: *вадаво́с* и пр. Впрочем, в начале слова вместо **о** всегда употребляется только **а**, хотя бы это был слог второй или третий от ударяемого: *агур'э́ц, аткрывáт'* и т. п. В заударном конечном слоге, если он является суффиксом или флексией, нередко наблюдается неустойчивое употребление **а**.

Вместо **е** (из **е**, **ѣ**, **ь** — после мягкого согласного) в предударном слоге произносится **и**: *с'истрá, н'ису́, в'ид'óш, д'илá* (из *дѣлá*), *т'имнó* (из *тьмьнó*) и т. д. И к а ю щ е е произношение установилось в разговорной речи москвичей-старожилов к началу XX века. В старой Москве произносили: *с'эстрá, н'эсу́*

или, точнее: *с'ѐстра, н'ѐсу* и т. д., т. е. с *ѐ* — гласным среднего ряда среднего подъёма языка.

В остальных неударяемых слогах вместо *е* употребляется гласный неполного образования *ь*, на слух очень близкий к короткому *и* (в медленном произношении — *и*): *С'ьстрар'э́цк* (Сестрорецк, город), *в'ьс'ил'и́л'ис, о́с'ьн'* и т. д., причём в заударном конечном слоге возможны и гласные полного образования: *'а*, *'э*, *'и* (с мягкостью предшествующего согласного).

Что касается гласного *а*, то он отражается в неударенных слогах после твёрдых согласных совершенно так же, как отражается *о*, а после мягких согласных — совершенно одинаково с *е* (*э*): *стар'ик, стър'ика́*, с одной стороны; *п'ита́к, п'ьтач'о́к, на́ п'ьт' кап'э́ик, ч'исы́, ч'ьсаво́й*, — с другой.

После отвердевших согласных *ш*, *ж*, *ц* вместо *а*, *е* по большей части произносятся те же звуки, что и после мягких согласных, только с заменой *и* > *ы*: *жыл'э́т', цына́*, *ь* > *ъ*: *шъв'ил'и́тцъ* и т. п., но не последовательно: *жара́* и пр.

Так в общих чертах дело обстоит в московском произношении. Но московский тип а к а н ь я, считающийся у нас образцовым и благодаря этому обстоятельству получивший большое распространение и в акающих говорах через посредство языка областных и районных городских центров и произношения сельской интеллигенции, — все жё не является единственным. Напротив, имеется н е с к о л ь к о типов аканья на территории акающих говоров, причём одни из них можно рассматривать как о с н о в н ы е, а другие — как п е р е х о д н ы е, или смешанные.

К основным типам аканья, кроме московского типа, характеризующегося „иканьем" (*систра* и пр.), можно относить: 1) диссимилятивный, 2) ассимилятивный, 3) умеренный и 4) сильный. Точнее было бы, однако, говорить не о типах аканья, а о типах яканья, потому что акающие говоры отличаются друг от друга по качеству гласного звука на месте *е* и *а* (разного происхождения) только после мягких согласных в предударном слоге.

а) Так, в д и с с и м и л я т и в н о - я к а ю щ и х говорах, главным образом Калужской, Орловской, Курской областей, отчасти Воронежской, на нижнем Дону, вместо *'е*, *'а* в предыдущем слоге произносится *'а* при условии, если под ударением находится один из гласных верхнего подъёма языка: *у*, *ы* или *и*, но звучит *и* или иногда (в более восточных городах) *е* (*'э*), при условии, если под ударением находится *а*, причём не играет никакой роли,

начинается ли ударенный слог с твёрдого или с мягкого согласного: *н'асý, н'ас'и́, с'астры́, к с'алý, у б'адý, сл'азы́, п'ат'јý, п'ат'и́* и т. д., но: *н'исла́* (или *н'эсла́*), *с'истра́, с'ила́, б'ида́, сл'иза́, п'ита́к* и т. д.

Если под ударением находится ***о*** или ***е***, то в предударном слоге наблюдается колебание по говорам и даже в одном и том же говоре, причём имеет существенное значение то обстоятельство, восходит ли ***е*** к старому ***е*** или ***ь***, или к старому ***ѣ***, восходит ли ***о*** к старому „исконному" ***о*** под восходящим ударением (в этом случае ***о*** нередко дифтонгизируется во многих русских говорах), или к ***о*** под нисходящим ударением, или к ***о*** из ***ъ***. Так, в говорах Обоянского района (Курской обл.) произносят: *с'ало́*, но *с'ило́м* (из *селъмь*), *р'або́й д'э́ук'и* (из *р'або́ѣ*), но *р'ибо́й па́р'ьн'* (из *р'абъй, р'абый*), и пр., а также: *с'астр'э́* (из *с'естр'ѣ*), но *в'ин'эц'* (из *в'ѣн'ьц'ь*); в говорах Задонского района (Воронежской обл.): *с'алу͡о́*, но *с'эло́м* и т. д.

Этот тип яканья со всеми его вариантами потому и называется „диссимилятивным", что между предударным и ударенным слогом в отношении вокализма наблюдается как бы отталкивание: когда под ударением „верхний", „узкий" гласный, в предударном — „низкий", „широкий", и наоборот.

б) Но бывает в „якающих" говорах и совсем иначе: наблюдается в некотором роде „гармония" между гласными ударенного и предударного слога. Перед слогом с ударенным ***а*** в предударном произносится ***'а*** (***я***): *н'асла́, с'астра́, п'ата́к, hл'ад'а́т'* и пр., но в остальных случаях ***и***: *н'исý, н'ис'о́ш, н'ис'и́, с'истры́, к с'истр'э́* и пр. Такое яканье называется ассимилятивным. Оно встречается (в чистом виде) очень редко, причём только в некоторых среднерусских говорах.

в) Умеренным называется такое яканье, когда появление ***'а*** (***я***) или ***и*** (или близких к ним звуков) в предударном слоге зависит исключительно от того, какой согласный, твёрдый или мягкий, следует дальше. Перед твёрдыми согласными в предударном произносится ***'а*** (***я***) или ***е***^{а}, перед мягкими — ***и*** или ***е***^{и}: *н'асý, н'асла́, с'астра́, с'астры́, п'ата́к* и пр., но: *н'ис'и́, н'ис'о́ш, с'ис'т'о́р, п'ит'и́, с п'ит'јý, hл'ид'э́т'* и т. д. Такое яканье характерно главным образом для южнорусских говоров Тульской области и прилегающих районов соседних с ней областей (Калужской, Орловской, Рязанской), а также для среднерусских говоров.

г) Имеются говоры (главным образом это южнорусские говоры Рязанской, Тамбовской, Воронежской областей), характеризующиеся употреблением *'а* (*я*) в предударном слоге при любых условиях: *н'асу́, н'ас'и́, н'ас'о́ш, н'асла́; с'астра́, с'астры́, с'ас'т'о́р; п'ата́к, п'ат'и́, п'ат'ју́* и т. д. Такое яканье называется сильным.

Кроме основных типов яканья, как уже сказано, возможны и другие, по большей части возникшие в результате влияния одного из указанных типов на другой.

Так обстоит дело в южнорусских (т. е. южновеликорусских) говорах в отношении предударного слога.

В остальных неударенных слогах после твёрдых и после мягких согласных, а также и в предударном слоге после твёрдых согласных во всех русских акающих говорах в общем действуют те же законы, что и в литературном (московском) произношении.

Но аканье-яканье нельзя считать особенностью только русских (великорусских) говоров. Это явление не в меньшей мере характерно также для белорусского языка — литературного и говоров. При этом одна (северо-восточная) половина Белоруссии (и примыкающая к ней часть Смоленщины) с городами Могилёвом, Витебском, Смоленском (точнее — его окрестностями) характеризуется диссимилятивным аканьем-яканьем, а другая (юго-западная) — сильным. Граница между этими двумя диалектальными зонами проходит с юго-востока на северо-запад приблизительно от Новгород-Северска к Вилейке, между Минском и Борисовом, а затем поворачивает на северо-запад к Двинску, причём зона диссимилятивного яканья значительно больше, чем зона диссимилятивного аканья. Важно отметить, что белорусские говоры с диссимилятивным аканьем-яканьем непосредственно примыкают к южнорусским говорам с диссимилятивным яканьем Курско-орловской группы.

Что касается характера диссимилятивного яканья в Белоруссии, то оно несколько отличается от южнорусского, между прочим, и в том отношении, что в таких словах, как *н'исла́*, вместо *и* (из *е* и пр.) иногда встречаются близкие к нему гласные неполного образования: *н'ьсла́* и т. п.

Кроме того, в Белоруссии не только яканье, но и аканье, возможно, диссимилятивное, тогда как в южнорусских говорах Курско-орловской группы диссимилятивное аканье в настоящее время почти неизвестно. Например: *вады́, сталы́, маһу́, май* и т. д., но: *выда́* или *вәда́, стыла́* или *стәла́* и т. д.

Как полагают, всё это разнообразие типов аканья-яканья сложилось с течением времени в результате дробления одного первоначального типа. По мнению Шахматова, таким исходным, но всё же не первоначальным, типом аканья-яканья можно считать диссимилятивный, объединяющий теперь южнорусские и белорусские говоры и, следовательно, возникший до того, как установилась государственная граница между Московским и Литовско-Русским государствами, — до конца XIII — начала XIV в. — диссимилятивный тип, основная зона распространения которого составляет самую сердцевину акающей территории на карте восточного славянства в Европе. Возникновение первоначального типа аканья-яканья (архаического диссимилятивного) Шахматов в своих последних работах ставил в связь с утратой долготы ударенными гласными ***у***, ***ы***, ***и*** (гласный ***а*** сократился значительно раньше),— утратой, которая вызвала „усиление" предударного слога. Согласно шахматовской концепции, аканье началось с ослабления кратких гласных ***о***, ***е*** и ***а*** (из $\bar{a}$) во всяком неударенном положении.

Главной причиной возникновения акающего произношения явилось ослабление неударенных слогов сравнительно с ударенным. Такое ослабление неударенных слогов, влекущее за собою разнообразные изменения неударенных гласных (в восточнославянских говорах только широких ***а***, ***о***, ***е***), не составляет исключительной особенности только акающих русских говоров и белорусского языка. Нечто похожее, хотя и в другом роде, наблюдается, например, и в некоторых инославянских языках: в словенском, а также в болгарском, в восточноболгарских говорах, где неударенные гласные ***о*** и ***е*** произносятся, как ***у*** и ***и***, а неударенный ***а*** подвергся редукции и перешёл в ***ъ***. Наблюдается нечто похожее и в некоторых неславянских, восточноевропейских языках, особенно в мордовском. Возможно, что в данном случае мы имеем дело со сходными переживаниями в речи различных родственных и неродственных по происхождению, но территориально смежных этнических групп.

Что касается хронологии аканья, то в этом отношении письменные памятники нам дают очень мало. Известно, что раньше XIV столетия достоверных написаний, свидетельствующих о наличии аканья в памятниках древнерусской письменности, не отмечено. Правда, представляют интерес данные Смоленской грамоты 1229 г., отличающейся неправильным употреблением букв ***ъ***, ***ь*** вместо ***о***, ***е***, ***ѣ*** и пропуском ***о***, ***е***: *берьго, быхъмь, горда (=города)* и пр. Давно уже сделано наблюдение, что такое употребление ***ъ***, ***ь*** в этой грамоте характерно главным образом для неударенных слогов (96 случаев), тогда как под ударе-

нием оно встречается редко (не больше 25 случаев, причём некоторые спорны: словосочетание *дъбрии люди*, возможно, имело ударение только на втором слове: ср. *дети бойрские* в Уложении 1649 г.), а пропуск ***о, е*** имеет место только в неударенном положении.

Более достоверными считаются примеры отражения аканья в рукописях московского происхождения XIV в. и более поздних. Например, в записи к евангелию к 1339 г., написанному в Москве, читаем: „В послѣднее время въ *апустѣвшеи* земли" и т. д. Там же и некоторые другие (хотя и не бесспорные) примеры. В XV в. в Москве аканье уже получило широкое распространение. При раскопках в Зарядье в 1951 г. археологами была обнаружена личная печать московского жителя Ивана Коровы с надписью: „печать ивана *карови*". В московских грамотах XIV—XV вв. нечто похожее на аканье встречается только в топонимике, в географических названиях, не всегда ясного происхождения: *Растовець* при *Ростовци* — в первой духовной Ивана Калиты 1339 г., в договорной Дмитрия Донского 1374 г. и др.; село *Астафьевское* — во второй духовной Ивана Калиты при *Остафьевское* в других случаях, и т. п.

С XVI и особенно с XVII столетия употребление ***а*** вместо ***о, е*** вместо ***я, и*** вместо ***е*** в неударенном положении в рукописных памятниках московского, рязанского и иного происхождения встречается всё чаще и чаще. Но в старопечатных московских книгах XVI—XVII вв. аканье почти не получило отражения. В Уложении 1649 г., кроме нескольких случаев употребления ***а*** вместо ***о*** перед слогом с ударенным ***а***: *салдáты, галáнских* гостей (где ***а*** вместо ***о,*** возможно, результат межслоговой ассимиляции), ***о*** в неударенном положении употребляется этимологически правильно в такой же мере, как и в рукописях северного происхождения, хотя во многих московских рукописных памятниках приказного языка этого времени, послуживших источниками для Уложения, например в Указной книге Поместного приказа и других, аканье отражается весьма заметно.

Что касается нашей современной орфографии, то она характеризуется в общем таким употреблением букв ***а, я, о, е*** (причём ***е*** употребляется и вместо ***ѣ***) в неударенных слогах, которое установилось в Москве и других акающих центрах до возникновения аканья. Впрочем, в единичных словах мы всё же иногда пишем ***а*** вместо исторического ***о***: например, перед слогом или после слога

с ударенным *а*: *калáч* (ср. *колесо, колея, около), карман* (по-древнерусски *корманъ, стакан* (из *достоканъ*, см. § 129), *завтрак* (из *заутръкъ*, от *утро*, ср. в польском: *zajutrek*) и др., а также вследствие „народной этимологии“: *парóм* (вместо *пором*, ср. в чешском *pram*, в польском *prom*; сближение с *пара*), *лапта* (вместо *лопта*, ср. в сербском *лопта* — „мяч“, в чешском *lopta* — „мяч“; сближение с *лапа, лапать*), *бразды правления* вместо *брозды* (при старославянском брѣздъı — „вожжи“, „повода“, вследствие контаминации с *бразда*: *борозда*) и т. д.

Б. СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

В области консонантизма в историческое время также произошли существенные изменения. Выше было уже упомянуто о разнообразных явлениях, вызванных „падением глухих“: об изменениях ассимилятивного и диссимилятивного характера, об упрощении некоторых групп согласных и др.

Но, разумеется, многие изменения в области консонантизма не находятся ни в какой связи с „падением глухих“, а в некоторых случаях возникли даже раньше „падения глухих“.

§ 55. Сочетания *кы, гы, хы*. Во всех славянских языках в древности, с доисторической эпохи, задненёбные ***к, г, х*** произносились только т в ё р д о и могли сочетаться только с гласными ***а, о, у***, а также ***ы***. Объясняется это очень просто: мягкие ***к, г, х*** ещё в дописьменный период изменились или в шипящие ***ч, ж, ш*** (в положении перед гласными переднего ряда и в сочетании с *j*): **крикимъ > кричимъ, *кęдо* (ср. в немецком *Kind*) > *чęдо*, откуда потом *чадо, *рǫкька > рǫчька, *друге > друже, *гęти > > жęти, *сухити > сушити, *сѣкjа > сѣча, *легjǫ > лежǫ, *духjа > душа* и т. д.; или в свистящие ***ц, з, с*** (в положении перед ***ѣ*** и ***и*** дифтонгического происхождения, из дифтонгов ***оі̯, аі̯***(=***oi, ai***), преимущественно в некоторых падежных и личных о к о̑ н ч а̑ н и̑ я х: на **рǫкѣ* > на *рǫцѣ*, на**ногѣ* > на *нозѣ*, **вѣки > вѣци* (им. мн. ч.), **други > друзи, *пастухи > пастуси, *пьки > пьци, *моги > мози, *могѣте > мозѣте* и пр. и очень редко в к о р н я х: *цѣна* (ср. литовск. *kàina*), *целый* (ср. немецк. *heil*, где ***h*** из ***к***) и некоторые другие. В первом случае принято говорить о „п е р в о м смягчении“ задненёбных, а во втором — о „в т о р о м смягчении“.

Можно, хотя и с оговорками, допустить предположение, иногда высказывавшееся отдельными историками языка (например, Б. М. Ляпуновым), что в некоторых восточнославянских говорах на севере второе смягчение ***к, г, х,*** по крайней мере, в склонении, не было проведено последовательно. При этом предположении, действительно, становятся понятны такие (правда, единичные) факты, как очень ранняя форма *Дъмъкѣ* (дат. ед. ч., вместо ожидаемого *Дъмъцѣ*, от *Дъмъка, Домианъ*): „рабу своему *Дъмкѣ*" — в новгородской Минее 1096 г., в записи.

Иногда говорят ещё о „третьем смягчении" задненёбных, по которому, так же как и во втором случае, получились свистящие ***ц, з, с,*** но при других и ещё недостаточно выясненных условиях, после некоторых гласных переднего ряда: **лико* > *лице* (но *ликъ*), **овька* > *овьца*, **кънęгъ* > *кънęзь* (но *кънęгыни*). В частности, в местоимении: *вьхъ* > *вьсь*, *вьха* > *вься*, *вьхо* > *вьсе*. Необходимо, впрочем, отметить единичные случаи сохранения такого ***х*** на севере древней Руси. Во второй из наших самых древних грамот, во Вкладной Варлаама Хутынского: *вхоу* же тоу землю. В Синодальном списке I Новгородской летописи: *вхе* полъ 175 (вместо: *есь, вьсь*).

Таким образом, к началу древнерусской эпохи мягких ***к, г, х,*** как правило, уже не оставалось, если говорить о словах только славянского происхождения.

Разумеется, слова, заимствованные в древнерусскую эпоху, например из греческого языка, представляли и в этом отношении грубое нарушение установившейся фонетической системы: *кедръ, келия, кесарь, кимвалъ, кипарисъ, китъ, гигантъ, евангелие, архимандритъ, ехидьна* (даже *архистратиге*, зв. падеж, в Минее 1095 г.) и пр., а также собственные имена: *Георгий* и пр.

Задненёбные (твёрдые) согласные ***к, г, х*** в народном древнерусском могли сочетаться не только с гласными ***а, о, у***: *рука, рукою, руку* и т. д., но также и с гласным ***ы***. Произносили: *кыпѣти, кы́нути, кый* (молот), *ру́кы* (родит. ед. ч., им.-вин. мн. ч.), *кысе́ль, вѣ́кы* (вин. мн. ч.), *ученикы́* (вин. мн. ч., но *ученицї* — им. мн. ч.), *вели́кый* (из *великъ* + *и*), *нѣ́кый; гы́бель, гы́ря, ногы* (род. ед. ч., им.-вин. мн. ч.), *дру́гы* (вин. мн. ч.), на *мъно́гы* годы, *тугы́й, дъ́лгый; хы́трый, пастухы́* (вин. мн. ч.), *сухы́й, Кыев* и т. д.

С течением времени, сначала на юге, с XII в., а потом несколько позже — на севере, сочетания ***кы, гы, хы*** в письменных памятниках древнерусского языка начинают мало-помалу вытесняться сочетаниями ***ки, ги, хи***, и чем дальше идёт время, тем всё с большей последовательностью. Причина этого явления заключается в том, что перед гласным среднего ряда ***ы*** твёрдые согласные вообще произносились с минимальной лабиализацией, которая потом вскоре исчезла. Вследствие этого в произношении ***к, г, х*** в этом положении произошла передвижка вперёд. Они стали с р е д н е н ё б н ы м и согласными, что в свою очередь повлекло за собой передвижку вперёд и в произношении ***ы***, которое изменилось в ***и***. Перед этим новым ***и*** из ***ы*** средненёбные ***к, г, х*** в русском языке смягчились.

На севере этот фонетический процесс закончился поздно. В XIII в., надо полагать, сочетания ***кы, гы, хы*** ещё сохранялись во многих говорах. В ростовском „Житии" Нифонта 1219 г. зарегистрирован только один случай написания ***ки*** вместо ***кы*** (при сохранении ***гы, хы***). К концу следующего столетия, однако, произношение ***ки, ги, хи*** в русских говорах, по всей вероятности, уже повсюду установилось. В московских грамотах XIV в. написаний ***кы, гы, хы*** почти не встречается.

Вследствие этого изменения к имевшимся парам согласных, различающихся по твёрдости и мягкости: ***т*** и ***т'*** и т. д., прибавилось ещё три пары: ***к*** и ***к'***, ***г*** и ***г'***, ***х*** и ***х'***, но так как мягкие ***к, г, х*** употреблялись только в одном определённом фонетическом положении (перед ***и***), то эти новые пары в отличие от других не могли быть использованы в речи со словоразличительной нагрузкой (в качестве фонем).

§ 56. Шипящие и *ц*. Шипящие ***ш, ж***, шипящая аффриката ***ч*** и свистящая аффриката ***ц*** называются „исконно мягкими" согласными, потому что они были мягкими с доисторической эпохи, тогда как другие мягкие согласные (за некоторыми исключениями) стали мягкими лишь в историческое время. В современном русском литературном языке, а также, по большей части, и в говорах из этих „исконно мягких" согласных только ***ч*** сохраняет ещё свою мягкость, остальные отвердели. Написания ***ши, жи***: *шить*, из *души, жизнь, ножи*, и ***шь, жь***: *мышь, идёшь, рожь* и т. п., расходятся с произношением *шыт', жыз'н', рош, ид'ош* и пр., являются историческими, традиционными написаниями. В древнерусской письменности, напротив, эти напи-

сания были фонетическими, потому что соответствовали произношению во всех древнерусских говорах. При этом употреблялись не только написания ***ши, жи, шь, жь*** (только более последовательно: *тришьды, нашь, мужь* и пр.), но также и ***шю, жю.*** Так, например, в „Житии" Нифонта 1219 г., написанном в Ростове Великом: *шюмъ* бы, *съшьдъшю, покажю, жюѭ, надежю* и т. д. (но ***ша, жа:*** *душю,* но *душа* и пр.).

Примерно так же дело обстоит и в древнейших московских грамотах первой половины XIV столетия. Со второй половины начинают встречаться написания, свидетельствующие об отвердении ***ш, ж,*** например ***шы, жы,*** причём второе чаще: *жывите* за одинъ, *держытъ* сынъ мой, *жывотъ, Сурожыкъ, Шышкина* дѣла и др.— в духовной Дмитрия Донского 1389 г. Любопытно, что в старопечатном Уложении 1649 г. ещё часто встречаются ***жь*** (но не ***шь***): *грабежь,* за *рубежь, замужь* и др., реже ***жю,*** отчасти ***шю:*** *грабежю,* на *продажю,* на *душю;* даже ***жя:*** по которому городу *служятъ.* Едва ли эти написания свидетельствуют о неустойчивости т в ё р д о г о п р о и з н о ш е н и я ***ш, ж*** в произношении москвичей в первой половине XVII столетия. Скорее мы имеем здесь дело с орфографической неустойчивостью, с традицией.

Трудно, однако, сказать, как, в каких направлениях происходило распространение твёрдого произношения ***ш, ж,*** в каком или в каких пунктах русской языковой территории оно установилось раньше, в каких позже и т. д. Как бы то ни было, в настоящее время имеются островки говоров, особенно на севере (например, в Ярославской области), до сих пор характеризующиеся м я г к и м произношением ***ш, ж,*** как в старину: *слышю, жяба, жялко* и т. п.

С другой стороны, в некоторых русских говорах, не только по соседству с украинскими и белорусскими говорами (где это явление обычно), наблюдается твёрдое произношение как ***ш, ж,*** так и ***ч:*** *чыстый, кричыт* и пр.

Аффриката ***ц*** в литературном русском языке и во многих говорах,— повсеместно в южнорусских, почти всюду в среднерусских и во многих севернорусских,— в настоящее время произносится т в ё р д о. Это твёрдое произношение получило соответствующее отражение и в письменной речи: *отцы, улицы, куцый, цыплёнок, цыгане* и пр. (***ци*** — преимущественно в новых заимствованных словах: *цирк, социальный, ситуация* и пр.). Но и м я г-

кое произношение *ц* довольно широко распространено на севере (приблизительно к востоку от линии „Устюжна — Петрозаводск" и к северу от линии „Устюжна — Казань" и дальше к Уралу): *отця, с улици, лицё, мисець* и т. п.

Судя по тому, что в письменных памятниках древнерусского языка после *ц* обычно употребляются буквы *и, ь* и (не столь последовательно) ꙗ,— между прочим, в московских грамотах XIV в. и более поздних: *жеребци, луцинское, Ростовець, Ростовци* и пр.,— следует полагать, что аффриката *ц* сначала произносилась мягко во всех древнерусских говорах. В Московской Руси она отвердела, повидимому, не одновременно на юге и на севере, раньше в южнорусских говорах, позже — на севере. Сравнительно поздно (позже, чем *ш, ж*) отвердело *ц* и в московском произношении. В XVI—XVII столетиях в Москве, в Твери и других среднерусских центрах *ц* произносилось уже твёрдо. Ср. в „Домострое" по Коншинскому списку: *отецъ, концы, нацыдят...*

§ 57. Цоканье. Во многих севернорусских говорах и некоторых среднерусских на юг и на восток от Москвы с давнего времени сохраняются определённого рода отступления от этимологически правильного употребления *ц* и *ч*,— ненормальности то в виде ц о к а н ь я, когда *ц* употребляется вместо *ц* и вместо *ч*, причём *ц* звучит или твёрдо (севернорусские говоры новгородского типа, хотя далеко не все, и др.): *цы́стой, пцолка, ушо́дцы* (и *ушодчи* < *ушедши*), *ноц*, и пр., или мягко (севернорусские говоры вологодского типа и др.): *ноць, цистой, цясто, пцёлка,* в *ри́цьке* и т. д.; то в виде ч о к а н ь я (например, в Кировской области), когда *ч* употребляется вместо *ч* и вместо *ц: отечь, чярь, личё, чена, куричя* и пр., то в виде смешения *ч* и *ц: отечь* и пр., но *ноць* и т. д.

Это явление отражается в памятниках севернорусской письменности, прежде всего,— новгородского происхождения, начиная с XI в. в новгородских Минеях 1095, 1096 и 1097 гг., в I Новгородской летописи по Синод. списку, в новгородских грамотах XIII—XIV вв. и в неновгородских—смоленских и полоцких, например, в Смоленской грамоте 1229 г. и др. Так, в упомянутых Минеях буквы *ц* и *ч* нередко употребляются одна вместо другой, даже в словах явно книжных, заимствованных из старославянского языка: *отечь, коньча, лоуца* (луча), *агньчь, наричаю; срьдьцьная* (сердечная), *непороцьнаꙗ, владыциче* (вместо „влады-

чице") и т. д. Конечно, путаница в употреблении букв ***ц*** и ***ч*** не обязательно свидетельствует о смешении звуков ***ч, ц:*** путаница могла быть вызвана также совпадением обоих звуков в одном, например в ***ц***. Любопытно, что в некоторых из новгородских грамот наблюдается употребление только ***ц*** вместо ***ч***, но не наоборот: *Заволоцью* и др.

Причины этого явления недостаточно выяснены. Возможно, что оно возникло в результате какого-то иноязычного воздействия, причём необязательно лишь со стороны „мазуракающих" польских (ляшских) говоров, как думал А. А. Шахматов, и не только некоторых финских, как полагали другие языковеды (В. И. Чернышёв, например), но и некоторых „аистских" (литовско-латышских) говоров, а, может быть, и тех и других, если здесь вообще не имеет места одно из языковых переживаний, которые иногда охватывают разные по происхождению, но территориально смежные, соседние этнические группы (см. § 54).

§ 58. Согласные *в, ф*. Губно-зубной ***в*** сохраняет свою артикуляцию в литературном русском языке и во многих говорах — севернорусских и южнорусских. Но в некоторых южнорусских говорах (курско-орловского типа и других), обыкновенно лишь при определённых фонетических условиях (в закрытом слоге после гласного) вместо ***в*** твёрдого и мягкого произносится неслоговое ***у̯:*** *де́у̯ка, во́у̯цы, дёре́у̯ня, самава́рау̯, кроу̯* и пр. В начале слова перед согласным в этих говорах вместо ***в*** произносится слоговое ***у:*** *узя́ть, уну́к, усё, удава́, у ту по́ру, у яру́ħу* (в овраг) и пр.

На севере также встречаются говоры с неслоговым ***у̯*** вместо ***в*** при тех же условиях, а иногда и со слоговым ***у*** в начале слова перед согласным. Таковы севернорусские говоры вологодского типа и другие. В украинском и белорусском языках изменение ***в > у̯, у*** обычно и в литературной речи, и в говорах.

Чтобы понять это явление, следует учесть, что согласный ***в*** в славянских и вообще в индоевропейских языках развился из гласного ***у*** неслогового, подобно тому, как и ***j*** (йот) возник из гласного ***и*** неслогового. Таким образом, то, что мы считаем изменением ***в > у̯*** (и дальше > ***у***), на самом деле, может быть, нужно рассматривать, как сохранение старины (при определённых фонетических условиях). Между прочим, отсутствие изменения глухих согласных в звонкие в положении перед ***в***, например, в литера-

турном русском языке: ***тварь, свой, квас*** и пр., как и в положении перед гласными и перед сонорными ***р, л, м, н,*** лишний раз напоминает об о с о б о м происхождении этого шумного согласного.

В письменных памятниках древнерусской эпохи (не южнославянской, не сербской редакции[1]) употребление ***у*** вместо ***в*** в начале слова перед согласными встречается, например, в Смоленской грамоте 1229 г.: *оузяти, ѵздоумалъ, оу Ризѣ,* не метати *оу погрѣбъ* и т. д.

Что касается звука ***ф*** — глухой разновидности ***в,*** — то ввиду сказанного о происхождении ***в*** (из гласного звука) должно быть ясно, что этого согласного в древнее время не могло быть в славянских языках, в частности в древнерусском. И действительно, такого звука не существовало в произношении древнерусском народном, но он употреблялся в литературной речи в некоторых словах, заимствованных главным образом из греческого языка, например: *анафема, поръфира, просфора, сапфиръ, серафимъ, фарисей, февраль, философъ, фонарь, фрягъ, хронографъ и* пр., и также в собственных именах: *Иосифъ, Филиппъ, Феодоръ, Фома, Феофанъ* (откуда в народном языке *фофан* — „простофиля" и т. п.). Некоторые из этих ранних грецизмов уже забыты: *фарь* (лошадь) и др., некоторые зарегистрированы только в говорах, как, например (на севере и в Сибири), междометное *эка фтора* (вот беда, вот напасти) и т. д. Впоследствии к этим греческим по происхождению словам прибавилось немало других заимствованных слов со звуком ***ф:*** латинских — *факт, форма, фигура* и пр.; немецких — *офицер, штраф, футляр* и др.; французских — *фасон, финансы, афиша* и т. д. Таким образом, этот согласный звук, обозначавшийся в письменной речи буквами ***ф*** и ѳ, явился, так сказать, иммигрантом в древнерусском языке. Он не был ещё в ту пору словоразличительным звуком (фонемой), но всё же мало-помалу становился привычным согласным.

Правда, в народной речи, в частности великорусской, долгое время не могли привыкнуть к этому звуку, заменяли его другими акустически близкими согласными ***п, х,*** сочетанием ***хв*** с одной стороны: *парус* (если оно из греческого *faros*), *пикус* (вместо литературного *фикус,* из латинского *figus*; ср. в повести Бунина

[1] Изменение $в > у$ в начале слова перед согласными имеет место и в сербском языке и очень рано получило отражение в книжной письменности.

„Деревня“: „*пикус* сожрали, *пикус* сожрали“, т. е. сожрали фикус); в собственных именах: *Осип* (вм. „Иосиф“), *Остап* (вм. „Евстафий“), *Пилип* (вместо „Филипп“) и т. д.; с другой: *грахвин, сарахван, хвуражка, хворменно* и пр., или: *хонарь, хунт, хартук, шарх* и пр., иногда в одних и тех же словах: *хунт* и *хвунт;* в собственных именах: *Хома, Хилипп, Мархва* и т. п. В севернорусских (северновеликорусских) говорах (например, Восточной группы) сочетание *хв* по большей части употребляется в положении перед ударенным гласным.

С течением времени, однако, и в словах своих, ниоткуда не заимствованных, появился новый, „отечественный“ *ф,* как заместитель *в,* в положении перед глухими согласными (в результате оглушения *в*) и в конце слова: *дефка* (из *дѣвъка*), *столоф, фторой, фпустить, фсё, фпрок, роф* (из *ровъ*) и пр.

В письменных памятниках московского и другого происхождения такое *ф* обыкновенно обозначалось буквой *в.* Употребление *ф* (или чаще ѳ) вместо *в* начинается довольно поздно, примерно с начала XVI столетия: *ѳпрокъ, ѳ посольский приказъ* и т. д.

Может быть, в связи с появлением и освоением нового звука *ф* (из *в*) в русских словах, при наличии *х, хв* вместо старого *ф* в заимствованных словах, находится в некоторых говорах употребление *ф* вместо *х, хв: фост, фастать, фодит, фто, на ногаф* и пр., или, наоборот, *х* вместо нового *ф: дехка, мужикох, хторой* и пр., или просто смешение этих звуков. В разных говорах в этом отношении дело обстоит по-разному.

§ 59. Согласный *г*. Можно полагать, что ещё в доисторические времена в говорах предков нынешних украинцев, белорусов и южнорусов (южновеликорусов) согласный *г* произносился не как мгновенный, взрывной звук, а как длительный, фрикативный. Правда, установить этот факт на основе показаний памятников древнерусской письменности едва ли возможно, потому что в старославянской азбуке была только одна буква *г,* которой в древнеболгарском произношении соответствовал взрывной согласный *г.* Но в древней Руси с этой буквой могли ассоциироваться разные звуки: на севере — *г* взрывное, а на юге — *г* фрикативное, подобно тому, как и в наши дни одинаково пишется и одинаково печатается по-русски и по-украински слово *гусь,* хотя мы, русские, произносим его с взрывным *г,* а украинцы — с фрикативным *г (hус')*. Впрочем, о фрикативном *г* в произношении киевлян в первой половине и в середине XI в. до некото-

рой степени свидетельствует то обстоятельство, что французская королева Анна Ярославовна, выросшая в Киеве, на упомянутой латинской грамоте 1063 г. (см. § 25) подписалась кирилловскими буквами ръина (=regina, королева), т. е. пропустила *г*, вероятно, потому, что с этим знаком в её сознании связывалось представление о фрикативном *г*, тогда как по-латински слово *regina* произносится с *г* взрывным.

В современном русском литературном языке, так же как и во многих русских говорах — северно- и среднерусских, согласный *г* — взрывной; в случае оглушения он заменяется согласным *к* (*друк* и пр.).

Но в некоторых словах, явно книжного, отчасти церковного происхождения, в литературном русском языке произносится и рекомендуется произносить фрикативное *г*: *бог* (род. ед. ч. *бога* и пр.), *господи, благо* (и *благодать, благословить, благодарить* и пр.), *богатый* (с производными) и некоторые другие. В старом литературном языке, например XVIII в., судя по данным „Российской грамматики" М. В. Ломоносова, таких слов было гораздо больше.

Как полагают некоторые учёные, мы здесь имеем дело с пережитком орфоэпической „моды", установившейся в Москве во второй половине XVII в., в связи с литературной и педагогической деятельностью украинских и белорусских книжников (Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и других), и с основанием Славяно-греко-латинской академии.

§ 60. Судьба сочетаний *ш' ч'* и *ж' д' ж'*. Эти сочетания, из которых второе является просто звонким вариантом первого (*ш' т' ш': ж' д' ж'*), возникли ещё в эпоху общеславянских языковых переживаний. Они развились из более ранних сочетаний *стj: здj, скj: згj, ск': зг'* (с мягкими *к, г* перед гласными переднего ряда). Примеры (в фонетической транскрипции):

(стj) *ростjа* > *рош'ч'а; пустjǫ* > *пуш'ч'ǫ*, откуда на древнерусской почве: *пуш'ч'у* (= пущу); *угостjати* > *угош'ч'ат'и*; также: *пьрстjать* (от *пьрсть*) > *пьрш'ч'ать* (ср. „рукавицы персщатые" в московских памятниках XVII в., откуда у нас *перчатка*); *горстjькъ* (от горсть) > *горш'ч'ькъ*, откуда, повидимому, *горшок*;

(скj) *искjǫ* > *иш'ч'ǫ* > *иш'ч'у; дъскjаный* > *дъш'ч'аный; тъскjь* (от *тъска*) > *тъш'ч'ь*, откуда в современном русском *тощ, тощий*;

(*ск'*, с мягким *к* по первому смягчению задненёбных) *тръскить* (3-е л. ед.) > *трьш'ч'ить*, откуда в современном русском *трещит;*

(здj) *ъзд ј ǫ > ъж'д'ж' ǫ > ъж'д'ж'у;* *пригвоздјенъ > пригвож'д'ж'енъ;*

(згj) *(из)мозг'јенъ > измож'д'ж'енъ;*

(**зг**, с мягким **г** по первому смягчению задненёбных согласных) *дрозг'и > дрож'д'ж'и*.

Сюда же (т. е. к словам, издревле произносившимся с сочетаниями ***ш'ч'*** и ***ж'д'ж'***) можно отнести и некоторые другие слова, происхождение которых и, следовательно, первоначальная фонетическая форма ещё недостаточно выяснены. Например, слово *ещё* или слово *дождь*, которое первоначально в славянских языках произносилось, как *дъж'д'ж'ь*.

По всей видимости, с такими же сочетаниями ***ш'ч'*** и ***ж'д'ж'*** все эти слова употреблялись и в древнерусском языке. После падения глухих со старыми сочетаниями ***ш'ч'*** и ***ж'д'ж'*** совпали сочетания ***сч: зч*** из ***съч: зъч; зж*** из ***зъж*** и т. п.: *съч'áстл'ивъ > сч'áстл'ивъ > ш'ч'áстл'ивъ; изъч'ѐзнут'и > исч'ѐзнут'и > иш'ч'ѐзнут'и* (корень *кез;* ср. *про-каза* и т. п.), *изъж'ит'и > изж'ит'и > иж'д'ж'ит'и* (ср. *иждивенец*).

В памятниках древнерусского языка сочетание ***ш'ч'*** обыкновенно обозначается буквой ***щ***, причём не только в *пущу*, но и в *ищезнути* (где ***щ*** из ***сч < зч***) и т. п. Только изредка, в отдельных рукописях, преимущественно южного (киевского и пр.) и западного происхождения, можно встретить и ***шч***. Например, *ловишча* в грамоте Витовта около 1392 г. и др.

Сочетание ***ж'д'ж'*** передаётся по-разному, чаще всего ***жд***, изредка, в тех же рукописях, главным образом южного и западного происхождения, ***жч:*** *дъжчь* (или *дъщь*), *ижчене* (*изжене*, изгнал) и т. п. В одной старой русской грамоте звенигородского князя Юрия Дмитриевича 1304 г. имеется *въѣжщаютъ* (т. е. въезжают).

В современном русском литературном языке, точнее в московском произношении, вместо старого ***ш'ч'*** употребляется долгое мягкое ***ш*** (из ***ш'ч'***): *пуш'ш'ý, угаш'ш'áт', ш'ш'áс'т'јь* и т. п., хотя не считается неправильным и произношение ***ш'ч'***: *пуш'ч'у* и пр. Пишут в этих словах: ***щ, сч, зч*** (*бесчисленный* и т. п.). В русских говорах, кроме ***ш'ч'*** и развившегося из него ***ш'ш'*** (с утратой взрывного элемента), в старых словах с ***ш'ч'*** встре-

чаются также д о л г о е т в ё р д о е *ш*: *пушу, роша, ешо* и пр. (на севере и на юге), изредка (в некоторых говорах Вологодской области и других на севере) *шт* (с мягким *т*): *пуштю* (т. е. *пушт'ý*), *роштя* и т. д.

На месте старого *ж'д'ж'* в современном русском литературном языке з в у ч и т *ж'ж'* (собственно московское произношение): *jэж'ж'у, даж'ж'й* и пр. П и ш у т в этих словах: *жд* (*дождь*), *зж* (*езжу, позже* и пр.), *жж* (*дрожжи*, наряду с *дрожди, вожжи* и пр.). Иногда эти слова и п р о и з н о с я т с я то с *жд* (*дóж'д'ик*), то с *жж* твёрдым (*jэжжу*). В говорах с произношением *пушу* и пр. (с т в ё р д ы м д о л г и м *ш*) вместо *ж'д'ж'* употребляется т в ё р д о е *жж*: *дóжжык, éжжу* и пр., встречается и мягкое *жд*: *ездю* и т. п. На севере возможно и *ждж* твёрдое (как и *шч* твёрдое): *ежджу* и т. п. (в новгородских, архангельских и других говорах).

В рукописных памятниках древненовгородского и древнепсковского диалектов, начиная с новгородских Миней 1095 и 1096 гг., наблюдается странное употребление сочетания *жг* вместо первоначального *ж'д'ж'*. Например, в Минее 1096 г.: *дъжгь, пригвожгенъ* (от *пригвоздити*) и т. д. Любопытно, что такое *жг* употребляется здесь и на месте старославянского *жд*: *рожгению, (от) тоужгаго (чуждаго), прежге* и т. п. Ср. в I Новгородской летописи: *тепло дъжгь* и т. д. Можно полагать, что написание *жг* поддерживалось произношением (*ж'г'* могло получиться из *ж'д'*, которое, в свою очередь, из *ж'д'ж'*).

§ 61. Некоторые выводы. Если мы сравним фонетические нормы ранней древнерусской эпохи, восстанавливаемые на основании письменных памятников, с фонетическими нормами современного русского литературного языка, то окажется, что в развитии звуковой стороны языка наблюдается движение в определённом направлении. Оттого, что гласных фонем стало меньше, после того как исчезли носовые гласные, глухие *ъ* и *ь*, гласный *ѣ*, редуцированные *ы, и*, наша фонетическая система не стала менее удобной. Правда, на первый взгляд фонетических средств в русском языке убавилось: вместо тринадцати гласных осталось всего шесть, но следует учитывать то обстоятельство, что благодаря смягчению полумягких согласных перед гласными переднего ряда и некоторым другим изменениям, в частности благодаря тому, что гласный *о*, подобно другим гласным фонемам (*а, у, е*), с течением времени стал употребляться как после твёрдых, так и

после мягких, на самом деле фонетических средств выражения и различения значений стало гораздо больше (ср. *вол: вёл, ров: рёв* и т. д.; ср. *пыл: пыль, кров: кровь* и т. п.). Гласные фонемы современного русского литературного языка в отличие от древнерусского все являются гласными полного образования, монофтонгами, одинаковыми в количественном отношении (нормально краткими) т. е. с точки зрения их артикуляции одинаково простыми, и поэтому более удобными для употребления, чем такие исчезнувшие гласные фонемы, как носовые гласные, как глухие **ъ** и **ь**, как **ѣ**.

В области консонантизма не было пережито особых „утрат" и ограничений (если не считать, что некоторое время было невозможно употребление ***j*** после согласных), но и новых фонем почти не прибавилось, кроме согласного ***ф***.

С другой стороны, возникло явление парности согласных, которые стали различаться не только по звонкости и глухости (*луг: лук* и т. п.), но и по твёрдости и мягкости, о чём мы только что говорили (*пыл: пыл'* и пр.).

Следует, наконец, отметить, что в результате падения глухих, особенно вследствие исчезновения слабых ***ъ, ь*** (а также редуцированного ***и***), слова в русском языке в очень многих случаях оказались короче на один слог (*садъ > сат, конь > кон', тьмьно > т'имнó*) или больше (*жьньць > жн'эц, пьпрьць > п'ə̂р'эц, Смольньскъ > Смол'ə̂нск* и пр.). Сокращение слов в ряде случаев было вызвано также отпадением конечных гласных в таких словах, как: *мыти > мыт', с'ад'и* и *сат', лише > л'иш* и т. д.[1].

---

[1] Само собою разумеется, что пути и результаты развития языков не могут быть совершенно одинаковыми. Каждый язык развивается и совершенствуется по своим внутренним законам.

III. РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 62. Грамматический строй языка (морфология, синтаксис) наряду с основным словарным фондом составляет „основу языка, сущность его специфики". Сами по себе слова бессильны выразить какую бы то ни было мысль. Они являются „строительным материалом". Только благодаря тому, что слова в процессе речи получают ту или иную грамматическую форму и полагающееся им место в том или ином предложении, мы можем выражать свои мысли. Таким образом, грамматика представляет собою ту энергию, благодаря которой слова превращаются в язык, в средство общения, в орудие борьбы и развития общества. „Именно благодаря грамматике,— говорит И. В. Сталин,— язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку" [1]. Грамматика „придаёт языку стройный, осмысленный характер" [2].

В каждом языке имеются свои собственные способы или средства использования слов для выражения мыслей (грамматические средства). Они вырабатываются в продолжение многовековой жизни языка и являются его неотъемлемой частью. Поэтому грамматический строй в своих устоях в основном обыкновенно сохраняется в течение веков без каких-либо „ломок" и „потрясений". Для русского языка и других славянских языков такими основами являются устои ф л е к т и в н о г о с т р о я, сущность которого заключается в том, что связь и отно-

[1] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 24.

[2] Т а м ж е, стр. 23.

шения между словами в предложении обозначаются главным образом с помощью окончаний слов, с помощью склонения и спряжения: *птица летит, большая птица, к синему морю* и пр. Понятно, что основы грамматического строя не могут быть разрушены, не могут подвергаться коренным изменениям, потому что с ними, как и с основным словарным фондом, связано самое существо языка, „сущность его специфики".

Но грамматический строй всё же не остаётся без изменений: „Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, — учит И. В. Сталин, — он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох" [1].

Рассмотрение этих изменений, так или иначе отразившихся на грамматическом строе, который в основном всё же сохранился с незапамятных времён, как флективный строй, и составляет содержание исторической грамматики русского языка (морфологии и синтаксиса).

Товарищ Сталин подчёркивает, что грамматический строй, „выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка" [2], изменяется очень медленно, гораздо медленнее, чем даже основной словарный фонд.

А. ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЦЫ (МОДЕЛИ) СКЛОНЕНИЯ

1-й образец: *вълкъ, конь, село, поле*

Ед. ч.	И.	вълк-ъ	сел-о	кон-ь	пол-е
	Р.	вълк-а	сел-а	кон-я	пол-я
	Д.	вълк-у	сел-у	кон-ю	пол-ю
	В.	вълк-ъ(а)	сел-о	кон-ь(я)	пол-е
	Т.	вълк-ъмь	сел-ъмь	кон-ьмь	пол-ьмь
	П.	вълц-ѣ	сел-ѣ	кон-и	пол-и
	Зв.	вълч-е		кон-ю	

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 25—26.

[2] Там же, стр. 25.

Дв. ч.	И.-В.	вълк-а	сел-ѣ	кон-я	пол-я
	Р.-П.	вълк-у	сел-у	кон-ю	пол-ю
	Д.-Т.	вълк-ома	сел-ома	кон-ема	пол-ема
Мн. ч.	И.	вълц-и	сел-а	кон-и	пол-я
	Р.	вълк-ъ	сел-ъ	кон-ь	пол-ь
	Д.	вълк-омъ	сел-омъ	кон-емъ	пол-емъ
	В.	вълк-ы	сел-а	кон-ѣ	пол-я
	Т.	вълк-ы	сел-ы	кон-и	пол-и
	П.	вълц-ѣхъ	сел-ѣхъ	кон-ихъ	пол-ихъ

2-й образец: *сынъ*

Ед. ч.	И.	сын-ъ	*Мн. ч.*	И.	сын-ове
	Р.	сын-у		Р.	сын-овъ
	Д.	сын-ови		Д.	сын-ъмъ
	В.	сын-ъ		В.	сын-ы
	Т.	сын-ъмь		Т.	сын-ъми
	П.	сын-у		П.	сын-ъхъ
	Зв.	сын-у			

Дв. ч.	И.-В.	сын-ы
	Р.-П.	сын-ову
	Д.-Т.	сын-ъма

3-й образец: *сестра, земля*

Ед. ч.	И.	сестр-а	земл-я	*Мн. ч.*	И.	сестр-ы	земл-ѣ
	Р.	сестр-ы	земл-ѣ		Р.	сестр-ъ	земл-ь
	Д.	сестр-ѣ	земл-и		Д.	сестр-амъ	земл-ямъ
	В.	сестр-у	земл-ю		В.	сестр-ы	земл-ѣ
	Т.	сестр-ою	земл-ею		Т.	сестр-ами	земл-ями
	П.	сестр-ѣ	земл-и		П.	сестр-ахъ	земл-яхъ
	Зв.	сестр-о	земл-е				

Дв. ч.	И.-В.	сестр-ѣ	земл-и
	Р.-П.	сестр-у	земл-ю
	Д.-Т.	сестр-ама	земл-яма

4-й образец: *кость, путь*

Ед. ч.	И.	кост-ь	пут-ь	*Мн. ч.*	И.	кост-и	пут-ье
	Р.	кост-и	пут-и		Р.	кост-ии	пут-ии
	Д.	кост-и	пут-и		Д.	кост-ьмъ	пут-ьмъ
	В.	кост-ь	пут-ь		В.	кост-и	пут-и
	Т.	кост-ью	пут-ьмь		Т.	кост-ьми	пут-ьми
	П.	кост-и	пут-и		П.	кост-ьхъ	пут-ьхъ
	Зв.	кост-и	пут-и				

Дв. ч.	И.-В.	кост-и	пут-и
	Р.-П.	кост-ью	пут-ью
	Д.-Т.	кост-ьма	пут-ьма

5-й образец: *камы, мати, имя*

Ед. ч.	И.	камы	мати	теля	имя
	Р.	камен-е	матер-е	телят-е	имен-е
	Д.	камен-и	матер-и	телят-и	имен-и
	В.	камен-ь	матер-ь	теля	имя
	Т.	камен-ьмь	матер-ью	телят-ьмь	имен-ьмь
	П.	камен-е(и)	матер-е(и)	телят-е(и)	имен-е(и)
Дв. ч.	И.-В.	камен-и	матер-и	телят-и	имен-и
	Р.-П.	камен-у(ью)	матер-ью	телят-у	имен-у
	Д.-Т.	камен-ьма	матер-ьма	телят-ьма	имен-ьма
Мн. ч.	И.	камен-е	матер-и	телят-а	имен-а
	Р.	камен-ъ	матер-ъ(ий)	телят-ъ	имен-ъ
	Д.	камен-ьмъ	матер-ьмъ	телят-ьмъ	имен-ьмъ
	В.	камен-и	матер-и	телят-а	имен-а
	Т.	камен-ьми	матер-ьми	телят-ы	имен-ы
	П.	камен-ьхъ	матер-ьхъ	телят-ьхъ	имен-ьхъ

§ 63. Особенности склонения существительных. Склонение существительных в древнерусском языке весьма заметно отличалось от склонения существительных в современном русском, прежде всего в отношении „типов“ склонения. В древнерусском языке было больше способов, или типов, склонения существительных, чем в наши дни.

Большая часть существительных мужского рода (а они вообще составляют большинство существительных) изменялась по первому склонению (будем называть его первым)[1]. Это такие существительные, как *вълкъ, столъ, лѣсъ*, с твёрдой основой (твёрдого различия), и *конь, край*, с основой на мягкий согласный и *j* (мягкого различия). К этому же склонению относились многие существительные среднего рода твёрдого и мягкого различия: *село, мѣсто; поле, ученье*. Все эти существительные имели в родительном падеже ед. ч. окончание ***-а: -я:*** *вълка, лѣса, села; коня, края, поля*.

[1] Счёт и терминология склонений („первое“, „второе“ и т. д.) не совпадает у разных авторов пособий и преподавателей и представляет собою простую условность.

Ко второму склонению относились существительные мужского рода с *твёрдой основой* типа *сынъ*. В родительном ед. они оканчивались на ***-у:*** *сыну*.

Некоторые существительные мужского рода изменялись по третьему склонению: *воевода* (твёрдого различия), *судья* (мягкого). Но главным образом по этому склонению изменялись существительные женского рода твёрдого и мягкого различия: *сестра, вода, земля, свинья*. Все эти существительные мужского и женского рода склонялись одинаково. В родительном ед. ч. они оканчивались на **-ы** — в твёрдом различии, на **-ѣ** (в старославянском ѧ) — в мягком: *воеводы, сестры, воды, судьѣ* (ст.-сл. сѫдиѧ), *землѣ* (ст.-сл. ꙁемлѧ).

К четвёртому склонению относились существительные с *мягкой* основой, преимущественно женского рода: *кость, лъжь*, отчасти и мужского: *путь, гость*, имевшие особые окончания в творительном ед. ч. и именительном мн. ч. (см. таблицу). Родительный ед. ч. в этом склонении оканчивался на ***-и:*** *кости, лъжи, пути, гости*.

Наконец, к пятому склонению относились существительные с *мягкой* (в косвенных падежах) основой всех трёх родов: мужского: *камы* (камень), *дьнь*; женского: *свекры* (свекръвь), *мати, дъчи*; среднего: *имя* и другие на ***-мя***, *жеребя, тѣло*. В родительном ед. эти существительные оканчивались на ***-е***, причём основа у них в косвенных падежах обыкновенно отличалась от основы в именительном ед. (наличие так называемого „наращения": ***ен***, ***ъв***, ***ер***, ***ят*** (из *ęт*), ***ес***): *камене, свекръве, матере, имене, жеребяте, тѣлесе*.

Таким образом, существительные мужского рода в древнерусском языке изменялись пятью различными способами, женского — тремя, среднего — двумя.

Первоначально, в общеиндоевропейскую эпоху, в период, предшествовавший формированию славянских языков, существительные различались не столько по склонению, по падежным окончаниям, сколько по основообразующим звукам, по основе. В одних случаях она оканчивалась на гласные, в других — на согласные; гласные могли быть долгие и краткие, разного качества; согласные также могли быть разного качества.

Существительные I склонения (по нашему счёту) имели основу на ***ŏ, jŏ,*** II склонения — основу на ***y̆,*** III — на ***ā, jā,*** IV — на ***ĭ,***

V — некоторые (с наращением *ъв*) на ***ȳ***, остальные — на согласный: ***н, р, т, с***.

Разнообразие падежных окончаний (в одних и тех же падежах) и, следовательно, разнообразие изменения существительных по падежам установилось в славянских языках (задолго до появления письменности) главным образом вследствие слияния основообразующих гласных с падежными окончаниями, первоначально, может быть, даже одинаковыми для всех существительных.

Так обстоит дело с распределением существительных по типам склонения в древнерусском языке.

Приступая теперь к обозрению особенностей древнерусского склонения существительных и изменений, которые в своей совокупности обусловили возникновение новой системы склонения существительных, мы сначала остановимся на некоторых особенностях, являющихся общими для существительных разных типов склонения.

§ 64. Двойственное число. В древнерусском языке чисел было не два, как в современном русском, а т р и. Кроме единственного и множественного, было ещё д в о й с т в е н н о е число. Оно употреблялось в строго определённых случаях:

а) когда речь шла о двух предметах (лицах, вещах), причём количество (*дъва, дъвѣ* или *оба, обѣ*) могло и не быть указано, если из контекста и без того ясно, что этих предметов два. Например, в новгородских грамотах XIII—XIV вв.[1]: ·в҃· *кунѣ* (·в҃· — *дъвѣ; куна* — куница, деньги), въ *дву носаду* (*носад* — корабль); *тѣ грамотѣ* (перед этим было упомянуто о двух грамотах) и т. д.;

б) когда существительное обозначало предмет, состоящий из двух одинаковых частей, или половин, и вызывало представление о парности, о паре. Например: *рогá* (у одного животного), *рукавá, берегá* (речные), *краѧ́* (начало и конец), *рýцѣ, нóзѣ* (у одного человека), *óчи, ýши* (у одного живого существа), *плéчи* (у одного человека) и т. д. Конечно, этих предметов могло быть и много, и тогда употреблялось множественное число: *рози* (именительный мн.), *березu, рукы, ногы, очеса, ушеса, плеча*.

[1] Здесь (и в дальнейшем) в п р и м е р а х и з п а м я т н и к о в йотация ***е*** не обозначается, буквы ***оу*** и ***ȣ*** передаются посредством ***у***, а буквы ***ѧ*** и ***ꙗ*** посредством ***я***, буква ***ꙑ*** — посредством ***ы*** и т. д. Следует при этом учитывать и фонетические изменения, речь о которых была в первой части пособия.

В историческое время в древнерусском и старославянском языках двойственное число было представлено только тремя падежными формами: одна употреблялась со значением именительного, винительного и звательного падежей, другая — родительного и предложного, третья — дательного и творительного. В каждом склонении, особенно в именительном-винительном падеже, были свои окончания, хотя здесь, вообще говоря, не наблюдается такого разнообразия, как в единственном и во множественном числах. Ср.:

	I		II	III	IV	V
И.-В.-Зв.	вълка	селѣ	сыны	сестрѣ	кости	имени
Р.-П.	вълку	селу	сынову	сестру	костью	имену
Д.-Т.	вълкома	селома	сынъма	сестрама	костьма	именьма

Мягкие формы в некоторых склонениях отличались от твёрдых в им., вин., зват.падежах: *селѣ: поли; сестрѣ: земли.*

Примеры из „Слова о полку Игореве": „Ту ся *брата разлучиста* (Игорь и Всеволод); тии бо *два храбрая Святъславлича;* уже *соколома* крыльца припѣшали (Игорю и Всеволоду); *вступита, господина,* в злата стремена (обращение к Рюрику и Давиду)" и т. д.; из „Повести временных лет" и сочинений Владимира Мономаха: „Святополкъ стояше межи *двѣма озерома;* и *ставшема обѣма полкома* противу собѣ; лось *рогома* болъ" и пр.

Формы двойственного числа в склонении в древнее время были известны во всех славянских языках, но впоследствии они почти повсеместно вышли из обихода и были заменены главным образом формами множественного числа. То же случилось и в других индоевропейских языках, всюду, где подобные формы существовали.

В настоящее время формы двойственного числа до некоторой степени сохраняются в языке словенцев, а также в языке лужичан, причём в словенском языке исчезла форма дательного и творительного падежей дв. ч., а в лужицком форма предложного дв. ч. совпала с формой дат.-твор. Так, в нижнелужицком:

И.-В.-Зв.	wjelka	(от *в'элк*, т. е. волк)
Р.	wjelkowu	
Д.-Т., П.	wjelkoma	

В восточнославянских языках двойственное число как грамматическая категория исчезло, но этот процесс по-разному протекал в русских, украинских и белорусских говорах.

В русском языке такие формы, как: *очи, уши, плечи,* получили значение множественного числа и вытеснили старые, исторические формы им.-вин. мн.: *очеса, ушеса, плеча* (ср., впрочем, ещё у Пушкина: „Умыть лицо, *плеча* и грудь", „Евгений Онегин", VII, 30). Формы *рогá, бокá,* отличавшиеся по ударению (на окончании) от форм родительного ед. *(рóга, бóка),* также получили значение им.-вин. мн. ч. И во многих других (но не во всех) случаях, когда форма им.-вин. дв. ч. отличалась от формы родит. ед. благодаря ударению на окончании, она получила значение им.-вин. мн., хотя бы существительное само по себе и не обозначало парности: *городá* (дъва): *гóрода* (род. ед.); *лѣсá*: *лѣ́са* и т. д. (см. § 67).

В сочетании с *два* (из *дъва*) или *оба* существительные мужск. р. в тех случаях, когда по ударению форма им.-вин. дв. у них совпадала с формой родит. ед., получали значение р о д и т е л ь н о г о ед.: *два столá, конÿ* и пр. В связи с этим и все другие существительные мужского рода в сочетании с *два* или *оба* стали употребляться в форме р о д и т е л ь н о г о ед.: *два гóрода, лѣ́са, вóлка* (<*вълка)* и пр., *два рóга, бéрега, крáя* и пр., а потом и вообще все другие существительные: *два селá, пóля* и пр., *двѣ сестры́, землѝ, кóсти* и т. д.

К пережиткам формы им.-вин. дв. ч., может быть, следует отнести в литературном русском *два шагá, два рядá, два часá, два разá* (ср. у Пушкина: „И три *разá* мне снился тот же сон", „Борис Годунов") и некоторые другие, если здесь ударение на ***а*** — старинное, не вторичное (под влиянием, например, *два столá*), но это доказать трудно.

В косвенных падежах формы двойственного числа были заменены соответствующими формами множественного: *двух волков, двум волкам* и т. д., *двух сестёр, двум сёстрам* и пр., вследствие чего и сами числительные *два, две* и *оба, обе* утратили своё прежнее склонение только по двойственному числу и получили новые окончания множественного числа: вместо *дву* (из *дъву*) — *двух*, вместо *д(ъ)вѣма* или *д(ъ)вома — двум* и т. д.

Любопытно, что те же отношения в русском языке установились и в словосочетаниях с *три* и *четыре*: *три, четыре вóлка,*

села́, сестры́ и т. д., вместо ожидаемого: *три, четыре во́лки, се́ла, се́стры* и пр. Эти отношения установились в Москве примерно к середине XVII столетия. В памятниках (в частности, актового письма) второй половины XVI в. преобладает употребление им.-вин. мн. числа в сочетании с *три* и *четыре*: *три* рубли, *четыре* колачи, *три* тчаны, *четыре* аршины.

Ещё в Уложении 1649 г. нередко встречаются словосочетания типа *три мѣсецы, четыре человѣки* и т. п., а также (по аналогии с ними) и *два годы* и т. п.

В украинском (как и белорусском), напротив, словосочетания типа *два вовки, столи* и пр.,возникшие под влиянием *три, чотыри вовки* (из *волки* < *вълци*), стали обычными словосочетаниями. В женском и среднем роде также возможны сочетания *дві, три, чотири* с именительным мн. ч., но иногда употребляются и старые формы двойственного числа: *дві сірі корові* (из *коровѣ*), *дві рибі, три дорозі, на тім морі* (в песне), *чотири мусі* (= мухи, *из мусѣ*) и пр.; *дві озері* (из *озерѣ*), *три вікні* (из *окънѣ*) и пр.

К пережиткам склоняемых форм двойственного числа в современном русском языке относится числительное *двести* (из *двѣ стѣ* < *дъвѣ сътѣ*, формы ещё нередкой в начале XVIII в., хотя в „Грамматике" М. В. Ломоносова 1755 г. уже рекомендуется *двѣсти*), а также наречие *воочию: воочью*, иногда *во очу* (своими глазами, со всей очевидностью), первоначально форма предложного дв. ч.: *въ очью* (в глазах). Ср. в „Житии" Аввакума: „На тех же горах гуляют звери многие дикие... *во очию* нашу, а взять нельзя!" Также в „Собрании разных песен" М. Чулкова 1770 г., кн. 1, № 142: „Что один у меня был свет *воочью*". В говорах (южнорусских) отмечены формы: *скулé* (из *скулѣ*), *брылé* (из *брылѣ*, от *брыла* — губа, иногда — лишь о собаке). В Онежских былинах: „Он кинул головушку между плечью".

Трудно сказать, когда началось „падение" двойственного числа. Возможно, начало относится ещё к дописьменному периоду (совпадение двух падежных форм в одной, влияние одних типов склонения на другие). Тем не менее формы двойственного числа как грамматическая категория в некоторых восточнославянских говорах держались ещё в XIII и даже XIV столетиях.

Наиболее ранние примеры неправильного употребления форм двойственного числа относятся к XIII столетию. Так, в ростовском „Житии" Нифонта 1219 г. в записи неправильно употреб-

лена форма *рабомъ своимъ* вместо *рабома своима*: „г҃и помози *рабомъ своимъ* ...анну[1] и Олексию, написавшема книгы сиꙗ". Вообще же в этой рукописи формы двойственного числа в склонении и в спряжении употребляются правильно.

В древнейших московских грамотах XIV в. наблюдаются только единичные отступления от правил употребления им.-вин. двойственного числа, особенно в женском роде: ·в҃· (двѣ) *чашки*, ·в҃· *чары*, по *двѣ гривенки*, отчасти в других падежах, независимо от рода существительных: из *дву жеребьевъ*, отчасти в области согласования: ·в҃· *(двѣ) селѣ коломеньскии* (вместо *коломеньсцѣи*). Но в остальном формы двойственного числа и здесь употребляются правильно.

В новгородских грамотах, напротив, процесс падения форм двойственного числа раньше обнаружился в склонении существительных мужского и среднего рода.

Чем дальше идёт время, тем заметнее становится разрушение грамматической категории двойственного числа. К XVI столетию, надо полагать, этот процесс в основном уже закончился на всей русской территории.

§ 65. Звательный падеж. В древнерусском языке падежей было не шесть, как в современном русском, а семь. Седьмым падежом был звательный. Звательный падеж употреблялся в обращении, как название предмета мысли (лица), к которому обращаются с речью. Например: „Приди ко мнѣ, *брате*, въ Московъ" [2].

Особый звательный падеж, отличавшийся от именительного, употреблялся только в единственном числе, в мужском и женском роде, в первых четырёх склонениях (в пятом склонении его не было). В каждом из этих четырёх склонений звательный падеж имел свои окончания:

I	II	III	IV
вълче: коню	*сыну*	*сестро: земле*	*кости*

Другие примеры: *господине, друже, свѣте, уме, учителю, врачю, раю; воеводо, жено, дѣво, братье* (от *братья*), *земле* и т. д. Собственные имена: *Иване, Игорю, Василие, Марфо*

[1] Начало имени в рукописи потёрто. Некоторые читают „Иоанну".

[2] Обращение Юрия Долгорукого, суздальского князя, к черниговскому князю Святославу, отцу Игоря Святославича, в 1147 г. Первое упоминание о Москве (в летописи по Ипатьевскому списку, л. 125).

и пр. В „Слове о полку Игореве“: „*Братие и дружино,* луце ж бы потяту быти...“; „А ты, буй *Рюриче и Давиде!* не валю ли злачеными шеломы...“; „О *вѣтрѣ, вѣтрило!* чему, *господине,* насильно вѣеши...“; „О *Днепре Словутицю!* Ты пробилъ еси...“; „Донець рече: *Княже Игорю!* Не мало ти величия...“ и т. д.

С течением времени в русском (великорусском) языке звательный падеж был вытеснен именительным, который издавна также нередко употреблялся в обращении. Невозможно установить, когда и где началось это вытеснение. Уже в Остромировом евангелии встречаются единичные примеры употребления именительного ед. ч. вместо звательного.

В московских, новгородских и прочих грамотах XIV—XV столетий звательный падеж употребляется в строго лексических определённых случаях: *господине, госпоже, брате, княже,*— как особенность условной фразеологии: „а тобѣ, *княже,* въ то не въступитися“—в Новгородской грамоте 1304—1305 гг.; „а блюсти ти, *господине,* вотчины моее“ — в Договорной Дмитрия Донского 1371 г.; позже: „а с кѣмъ, *брате,* будешь въ целовании“ — в Договорной в. кн. Василия Васильевича 1434 г., и т. д.

Тем не менее уже к середине XVI в. эти формы перестали восприниматься только как формы единственного числа. Отсюда возможность в некоторых памятниках актового языка этого времени таких сочетаний, как: „Пожалуйте, *господине посадники и ратманы...*“ или: „И судьи вспросили Якова и его товарищев: *Скажите, брате,* ... чья то земля?“ и т. п. Форма „*господине*“ ещё нередко встречается в документах (например, воеводских отписках) середины XVII столетия московского и иного происхождения: „И мы, *господине,* ханова человѣка отпустили“; „с Бѣла озера послал я к тебе, *господине,* пристава“ и др., хотя вытеснение формы звательного падежа формой именительного в общих чертах закончилось задолго до этого времени.

В литературном русском языке в настоящее время не сохранилось остатков этого падежа, если не считать явно церковнославянских *боже* и *господи,* употребляющихся как междометия. Но звательная форма ещё возможна у писателей XVIII в.: у Кантемира: „молчи, *уме,* не скучай, что так смутен, *друже,* мой“, „*музо,* не пора ли...“; У Пушкина — только как стилистический приём: „отпусти ты, *старче,* меня в море“ и т. п. В говорах этих остатков значительно больше, главным об-

разом в фольклоре. Например, в онежских сказках и былинах: „Ай же ты, *ратаю, ратаюшко!*", „Пришел, ввалился, *князю,* засельщина", „Что, *Василие,* стучался, Александрович, колотился?" и т. п. В разговорной, диалогической речи (новгородской и вообще северо-западной, а также сибирской) сюда относится звательный на ***о:*** *мамо, бабо, девко, дево, Окулино, Манько, Гришо* и т. п., иногда, особенно в акающих говорах, с ударением на ***о:*** *сястро́, Ванько́,* и даже с изменением в ***оу*** (при громком призыве): *нянько́у, Ванько́у* и т. п. В Сибири форма *дево* является столь же обычной формой обращения к женщине, как и *паря* (из *парень*) к мужчине. Любопытно при этом, что *дево* является обращением к любой женщине, независимо от возраста.

К этимологически затемнённым остаткам звательного падежа следует отнести *споже* (из *госпоже*), отмеченное в „Росписи слов и речений в Двинской стране" в „Ежемесячных сочинениях", 1787, XI (449), а также *барте* (по Далю, вологодское), вероятно, из *брате*. Ср. в „Житии" Аввакума: прости *ба́рте* (229), простите *барте́* (234), со значением „пожалуйста".

В некоторых говорах (как севернорусских, так и южнорусских) в недавнее время возникла новая звательная форма, образовавшаяся путём усечения формы именительного: *мам* (из *мама*), *баб, девуш* (из *девушка*), *ребят* (из *ребята*), *Вань, Дунь, Саш* и пр.

В украинском и белорусском языках звательный падеж, в общем, сохранился и в литературной речи, и в говорах. В украинском: *брате, куме, козаче, синку, мамо, сестро, зоре* и пр. Ср. у Гоголя в „Вечерах на хуторе близ Диканьки": „Ой, *місяцю* мій, *місяченьку,* и ти, *зоре* ясна" и т. п.).

§ 66. Категория „одушевлённости". Так называемые „одушевлённые" существительные (обозначающие живые существа) в современном русском склонении отличаются от „неодушевлённых" главным образом тем, что винительный падеж у них по форме равен не именительному, а родительному,— в единственном числе только в склонении мужского рода на согласный: *брата, повара, волка, коня* (но: *стол, лес, край;* ср.: *сестру, стену, судью, землю, дитя, имя*), а во множественном — независимо от этого условия: *братьев, поваров, волков, коней, сестер, судей* и т. д. (но: *столы, леса, стены* и пр.).

Когда-то в дописьменный период, в начале общеславянской эпохи, форма винительного падежа отличалась от именительного,

возможно, у всех существительных, но несколько позже, вследствие фонетических изменений, у существительных мужского и среднего рода в единственном числе и у существительных женского и среднего во множественном окончания этих падежей совпали: *братъ* — и именительный, и винительный ед. (вместо предполагаемых отдалённо-доисторических *братŏс* — им. ед., *братŏм* или *братŏн* — вин. ед.), также: *вълкъ, столъ* и пр., *сестры* — и им. и вин. мн., также *стѣны* и пр.

Вот несколько примеров употребления винительного ед. „одушевлённых" мужского рода из „Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку: „поимемъ жену его Вольгу за *князь свой Малъ*"; „выпусти ты *свой мужь*, а я *свой*"; „поиде на *братъ свои*"; „посла к нему Мстиславъ *солъ* свой (посла)"; „погубиша *челядинъ*"; „повелѣ осѣдлати *конь*"; „налѣзоша *быкъ великъ* (нашли)" и т. д.

Таким образом, в древнерусском языке, как и в других славянских, первоначально не было разницы в склонении между „одушевлёнными" и „неодушевлёнными" существительными. Но была когда-то разница между падежом подлежащего (субъекта) и падежом прямого дополнения (объекта), и надо полагать, в склонении всех существительных. Эта разница стала утрачиваться ещё до начала письменности у славян. Однако, при относительно свободном порядке слов в предложении, такое положение не могло быть долго терпимо, и с течением времени снова возникла потребность в различении падежа объекта от падежа субъекта. Различение осуществлялось на этот раз с помощью формы родительного падежа (которая давно уже находилась в синтаксических отношениях с формой винительного: ср. вижу *сестру*, но не вижу *сестры*, „възлюби *злато*" и „възлюби *мира*") и только в области личных существительных, т. е. обозначающих людей, особенно в области собственных имён. Так появились сочетания типа *сестра любить брата*, *Иванъ видить Петра*, и т. п.[1]. Уже в Остромировом евангелии: чьтѫ *отьца* моѥго и т. п.

[1] Можно полагать, что первоначально форму родительного-винительного падежа ед. ч. получили даже не все личные существительные мужск. р., а только те из них, которые обозначали свободных людей. Это предположение основывается главным образом на данных, относящихся к употреблению формы винительного падежа ед. ч. в „Русской Правде". Здесь в старой форме

Также и в письменных памятниках собственно старославянского языка: зъвахѫ слѣпьца, въвьрѣ на Петра (в Мариинском евангелии) и т. д.

Ср. в „Повести временных лет": „поищемъ собѣ *князя*, любяше Ольга *сына своего Святослава*, погребоша *Ольга* (Олега), послаша ... Святополкъ *Путяту*, Володимеръ *Орогостя* и *Ратибора*" и т. п.

То обстоятельство, что употребление родительного падежа в функции винительного сначала установилось только в мужском роде, в первом склонении существительных (со старой основой на *ŏ*/*jŏ*), с которыми очень рано совпало существительное *сынъ* (II склонения) в единственном числе, объясняется тем, что в женском роде в единственном числе в III и V склонениях винительный падеж отличался от именительного, а в IV ещё в начале древнерусской эпохи не оказалось существительных личных, обозначающих людей, вследствие того, что личные существительные мужского рода IV склонения (например, ***гость***) рано стали переходить в склонение типа *конь*, а личных существительных женского рода в этом склонении не было (да и вообще слов, обозначавших „живые существа", было очень немного: *мышь* и некоторые другие). Поэтому и во множественном числе в женском роде не произошло вытеснения винительного падежа родительным. В мужском же роде во множественном числе во всех склонениях винительный первоначально отличался от именительного.

Позже, в связи с совпадением именительного падежа с винительным во множественном числе в мужском роде, произошло вытеснение винительного падежа родительным в склонении существительных личных, а во множественном числе это явление впоследствии мало-помалу распространилось и на существительные женского рода.

Примеры в „Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку 1377 г.: „въпрошалъ *вольхвовъ* и *кудесникъ*; победиша *деревлянъ*; Святополкъ созва *бояръ* и *кыянъ*" и т. п.

винительного, и е равной родительному, употребляются, например, такие слова, как „холоп", „челядин", „отрок" и др., выражающие понятие „раб", „слуга": „платити ему *за холопъ*, вдаи ты мнѣ свои *челядинъ*, пояти ему *отрокъ*" и т. п. Между тем существительные, обозначающие свободных людей, имеют форму винительного, равную родительному: „холопъ ударить *свободна мужа*, выведеть... *мытника*, смердъ... *огнищанина* мучить" и т. п.

Значительно позже установилось во множественном числе употребление винительного-родительного в склонении существительных женского рода. Судя по данным „Домостроя", в среднерусских говорах во второй половине XVI столетия оно уже получило широкое распространение: „*вдовицъ* и *сиротъ* покоити, *жонокъ* и *дѣвакъ*... наказуетъ" и др.

Трудно установить, когда употребление родительного падежа в функции винительного, сначала в единственном числе, начало распространяться на другие одушевлённые существительные (названия животных, птиц и пр.). Во всяком случае, в первой половине XVI столетия в московском просторечии (и в других русских говорах) существительные личные мужского рода ещё заметно отличались от всех остальных существительных. В деловом языке Москвы этого времени ещё обычны такие формы, как: „лучшей *конь* возметъ, на *медвѣдь* не ходятъ; ты тотъ *кречетъ* взялъ" и пр. В Уложении 1649 г. в единственном числе уже безусловно преобладает употребление родительного падежа вместо винительного в мужском роде в склонении всех одушевлённых существительных вообще. Единственное исключение: „кто... *звѣрь* и *птицы* ис того лесу отгонитъ". Во множественном числе этого явления не наблюдается: „загонятъ... чьи *лошади*, кто *пчелы* выдеретъ, учнетъ *птицы* ловити, и ему... за *кобылы*, и за *коровы*, и *овцы*... и за *пчелы* править" и др.; отчасти даже в склонении личных существительных женского рода: „*дочери* свои, *дѣвки*, или *сестры*, или *племянницы* выдали замужъ", также: „мечутся на *люди*, возмутъ жену его и *дѣти*" и т. п. Ср. в Книге о ратном строе 1647 г.: „самъ... сержанты ставлю". Примерно сто лет спустя в Москве старожильцы говорили почти так же, как в настоящее время.

У писателей XIX в. нередко ещё встречается выражение *на конь* (восходящее к древнерусскому „въсѣсти на *конь*" — отправиться в поход); у Пушкина: „Люди, *на конь!* Эй, живее!"; у Дениса Давыдова в „Военных записках": „сел *на конь* и уехал, мы вскочили *на конь*", и т. п. Отметим также в одной из современных загадок, записанных на Дону (станица Цимлянская): „сел *на ко́нь* и поехал в огонь" (рогач и чугун).

К пережиточным явлениям в этой области в современном русском литературном языке можно относить наречие *замуж* („выйти *замуж*", но „заступилась *за мужа*").

Во множественном числе мы употребляем именительный-винительный в таких словосочетаниях, как: выбран в *депутаты*, пошёл *в лётчики*, записался *в дружинники*, выйти *в люди*, берут себе *в жёны* и т. п.

Но в говорах, главным образом севернорусских и особенно сибирских, ещё и в наши дни в склонении существительных одушевлённых, но неличных, наблюдается во множественном числе употребление винительного, не равного родительному: посмотри *кони*, бьёт *звери*, пасу *коровы*, гоню *овцы* и т. п.

Это явление можно считать обычным также для украинского и белорусского языков.

§ 67. Именительный и винительный падежи. В древнерусском языке, несмотря на изменения в дописьменный период, о которых была речь в предыдущем параграфе, всё же именительный и винительный падежи различались чаще, чем в современном русском. В единственном числе в мужском роде в V склонении: *камы — камень*; в женском роде в III склонении: *сестра — сестру*, *земля — землю*; в V: *свекры — свекръвь*, *мати — матерь*. Во множественном числе в мужском роде в I склонении: *вълци — вълкы*, *столи — столы*; *кони — конь*; во II: *сынове — сыны*; в IV: *гостье — гости*, *путье — пути*; в V: *камене — камени*. Только в среднем роде не было этой разницы.

С течением времени, однако, различие между именительным и винительным падежами было утрачено во всех склонениях, кроме третьего в единственном числе. Появились формы именительного падежа, не отличающиеся от винительного: *камень*, *свекровь* (< *свекръвь*), *мать*, *волки* (< *вълкы*), *столы*, *кони*, *гости*, *пути*, *камни*.

То обстоятельство, что новая форма именительного падежа оказалась равной форме винительного, не свидетельствует о „вытеснении именительного падежа винительным“. Для такого вытеснения не было психологического основания. Причина заключалась в стремлении уравнять формы именительного и винительного падежей по основе и окончанию. Так, существительные V склонения *камы, свекры, мати* получили форму именительного ед. на мягкий согласный: *камень*, *свекровь*, *мать*, совершенно как: *кость*, *мысль* (IV) и т. д.; существительные I склонения *вълкъ, столъ* получили форму именительного мн. на *-ы* (после *к, г, х* — на *-и*): *волки* (<*вълкы*), *столы*, совершенно как: *руки* (<*рукы*), *стѣны* (III); существительные *конь* (I), *путь*

(IV) получили форму именительного мн.: *кони, пути*,— совершенно как: *земли* < *землѣ* (III), *кости* (IV) и т. п.

Рассмотрим некоторые данные, касающиеся судьбы старых форм именительного падежа.

а) В III склонении в мягком различии именительный ед. в древнерусском языке, кроме обычного окончания *-'а (-я)*, имел ещё другое окончание *-и*, употреблявшееся после суффиксов *-ьј* (*и*) и *-ын'*: *судьи* (по-старославянски: сѫдии), *суди* (*суди* нѣкый, Остромирово евангелие), *кънягыни*, *бо(л)ярыни*, *государыни* и т. п. Например: „преставися *княгыни Изяславляя*“ (I Новг. летопись по Синод. списку); „моя *княгини*“ (Духовная Дмитрия Донского 1389 г., вторая); „*государыни* наша“ (Письмо вел. кн. Елены Васильевны 1537 г.) и т. п. Форма им. падежа ед. ч. на *-ыни*, *-ини* долго сохранялась в севернорусских говорах: *сударыни* (или *сударони*), *барыни* (в песнях), *княгини* (в Сибири, на Колыме) и пр.

Именительный ед. *камы* (при винительном *камень*) нередко встречается в рукописных книгах XI—XII столетий, например в новгородской Минее 1096 г.: „ся просѣде *камы*“ и пр., в новгородском же Юрьевском евангелии: „*камы* горящь“ и пр. Но, разумеется, этим ещё не доказывается наличие этой формы в живой (диалогической) древнерусской речи.

Форма им. ед. *свекры* (при винительном *свекровь* < *свекръвь*) также встречается в некоторых древнейших рукописях, например в том же Юрьевском евангелии около 1120 г.: „*мати* на дъщерь, *дъщи* на матерь, *свекры* на невѣсту“, и т. п.

Эта форма, напротив, не являлась принадлежностью только языка книжной письменности. В начале XVI в. она зарегистрирована в некоторых памятниках делового языка Москвы: „как мнѣ князь великий свекоръ, так мнѣ ты *свекры*“. Она встречается в „Сборнике древнейших российских стихотворений“ Кирши Данилова: „А и билася, дралася *свекры* со снохой“. Наконец, употребление этой формы широко распространено в современных южнорусских говорах, отчасти — в среднерусских и севернорусских, причём, по большей части, это слово не склоняется: у *свекры*, к *свекры* и пр.

Форма именительного ед. *кры* была вытеснена формой *кръвь* ещё в эпоху до возникновения письменности у славян.

Другие подобные образования: *букы* (буква), *цьркы*, *любы*, *мъркы* (морковь) и т. п., повидимому, рано исчезли, будучи

вытеснены образованием на **-ов'** (из ***ъвь***): *любовь, морковь* и пр., или на **-ва**: *буква* (в говорах *морква*)[1] и пр.

Что касается форм им. ед. *мати, дочи* (из *дъчи*, ср. дъшти в старославянском) при наличии форм вин. ед. *матерь, дочерь* (из *дъчерь*), то и они долго существовали, а отчасти и до сих пор сохраняются в русском языке и других восточнославянских. Ещё в Уложении 1649 г. формы *мати* (и *мать*), *матерь* (но не *дочь, дочерь*) употребляются исторически правильно: „отецъ или *мати* отдастъ“ и т. п., но: „покиня отца своего и *матерь*; кто... отца или *матерь*... рукою зашибетъ и въ томъ на нихъ отецъ или *мать* учнутъ бить челомъ“ и пр. Но вскоре в Москве установилось употребление одной формы (*мать*) для обоих падежей (им. и вин. ед.). На севере, однако, кое-где сохраняются ещё формы им. ед. (*мати, дочи, доци*) при вин. ед. *матерь, дочерь.* Иногда эти последние употребляются и в функции именительного ед.

б) Старая форма именительного мн. мужск. р. твёрдого различия на **-и** долго сохранялась в народной речи. В первой половине XVI в. в Москве (и других городах Московского государства), судя по памятникам делового языка, было в ходу ещё немало отдельных существительных с этим окончанием, причём любопытно, что все они являются личными существительными: *смерди* (например, „*смерди* ловят (соболи)“ в одном документе московского происхождения 1503 г. и др.), *холопи, сосѣди, бѣси*, даже иногда с сохранением свистящих из ***к, г, х:*** *послуси* (от *послух,* свидетель; например, обычная формула в грамотах: „а на то *послуси*“), *друзи, турци* (турки; впрочем, нормальной для этого времени формой следует считать *турки*). Несомненно, однако, что в XVI в. эта форма на **-и** плохо осознавалась как именительный мн. твёрдого различия, в связи с чем возникают в XVI—XVII вв. новые формы косвенных падежей с мягкой основой: *холопи — холопей, сосѣди — сосѣдей* и т. д. В Судебнике царя Феодора Ивановича (и некоторых иных памятниках этого времени) даже: *послуси — послусей* и т. д.

---

[1] Как думают многие видные учёные (Соболевский, Обнорский, Ильинский, Лер-Сплавинский и др.), к этой группе слов первоначально относилось также (надо полагать, чисто славянское) название (сначала реки, потом города) *Москы*, откуда, к XIV в.: *Москва*, род. ед. *Москъве*, вин. ед. *Москъвь* и т. д. Формы косвенных падежей этого слова неоднократно встречаются в памятниках письменности, главным образом в летописных сводах.

В современном литературном русском языке из этих слов сохранилось только два: *соседи* и *черти*. Ещё в XVIII столетии было употребительно слово *холопи* с таким же склонением, но потом оно получило окончание *-ы* и стало изменяться снова по твёрдому склонению. В говорах, особенно в фольклоре, встречаются и другие существительные твёрдого различия с окончанием *-и* им. мн., причём не только „одушевлённые": *ангели*, *беси*, *кочети* (петухи: *кочети* запели), *волоси*, *кресте* (карточная масть) и т. п. Формы им. мн. на *-ци*, *-зи*, *-си* теперь на восточнославянской территории известны только в говорах угрорусских (на Украине): *парібці*, *воуці*, *пастусі* и т. п.

Форма им. п. мн. ч. на *-и* в I склонении твёрдого различия, как уже было отмечено выше, была в общем вытеснена формой на *-ы*, и таким образом установилось одинаковое окончание в I и III склонениях твёрдого различия: *орлы* (вместо *орьли*), *столы*, *волки* (из *вълкы*, вместо *вълци*) и т. д. (ср.: *сестры*, *стѣны*, *руки* из *рукы* < *рѫкы*). Припомним, что к III склонению относились и существительные мужского рода: *воевода*, *староста* и т. п., обстоятельство, в особенности способствовавшее распространению окончания *-ы* в I склонении. В результате в I склонении форма именительного падежа мн. ч. совпала с формой винительного, что в свою очередь повлекло за собою вытеснение формы винительного мн. формой родительного сначала в склонении существительных, обозначавших людей, а потом и вообще „одушевлённых".

Утверждение формы на *-ы* именительного и винительного мн. в I склонении восходит едва ли не к XIII в. Как на древнейший, самый ранний пример употребления формы им. мн. на *-ы* вм. *-и* обыкновенно указывают на слово *чины* (вм. *чини*) в ростовском „Житии" Нифонта 1219 г. („*чины* (ангельские) расставлени быша..."), но при этом упускают из виду, что в этой книге (переписанной с сербского оригинала) буквы *ы* и *и* иногда употребляются неправильно, смешиваются. Но в других рукописях XIII—XIV вв. имеются бесспорные примеры этой формы, при наличии которых и упомянутый случай (*чины* вм. *чини*) не должен вызывать сомнения.

В мягком склонении имело место нечто подобное: вместо им. мн. *кони* стали говорить *конѣ*, т. е. стали пользоваться формой им. мн. одинаковой с формой вин. мн., совершенно с таким же окончанием, как в III склонении мягкого различия: *землѣ*, *судьѣ* и т. п. Вскоре, однако, под влиянием формы им.-вин. мн. твёр-

дого различия на *-ы* окончание *-ѣ* в русских говорах, в частности в языке Москвы, было вытеснено окончанием *-и* как в I, так и в III склонении: *кони, рубли, учители, краи, земли, судьи* и пр. Уже в „Слове о полку Игореве“: „на свои бръзыя *комони*“ и т. п.

В старом русском литературном языке окончания *-ы, -и* (им.-вин. мн.) из мужского и женского рода получили некоторое распространение и в среднем роде: *сёлы, блюды, письмы, гнезды, ружьи, платьи* и т. д. Так с XVI столетия: *блюды* (Домострой) и т. д. Ср. ещё в середине прошлого века, например, у Н. А. Некрасова: *вороты, ребры, глазищи* и т. п.

Ещё в большей мере такое распространение форм им.-вин. мн. на *-ы, -и* в среднем роде наблюдается в говорах.

Таким образом, с течением времени в русском языке обнаружилась явная тенденция сделать окончания им.-вин. п. мн. ч. *-ы, -и* общими для всех типов склонения.

в) Но в то же время наметилась и другая тенденция. В склонении существительных мужского рода типа *волк* (из *вълкъ*), *лѣс* (из *лѣсъ*), *конь, край* и т. д. в им.-вин. п. мн. ч. появилось новое окончание *-а, -я* (после твёрдых и мягких согласных): *лѣса́, края́* и т. п. Это было уже третье окончание им.-вин. п. мн. ч. в I склонении: *лѣси* > *лѣсы* > *лѣса́*; *краи* > *краѣ* > *края́*; *вѣци* > *вѣкы* > *вѣки* (ср. „в кои *вѣки*“ и пр.) > *вѣка́* и пр. Это новое окончание, однако, получили не все существительные I склонения; ср. в современном русском литературном языке: *леса́*, но *столы́, луга́*, но *шаги́, доктора́*, но *инжене́ры, учителя́*, но *ко́ни* и т. д. Сразу обращает на себя внимание, что:

1) новое окончание *-а́, -я́* всегда является ударенным и

2) новые окончания им.-вин. пад. *-а́, -я́*, как правило, могут принимать только те существительные мужского рода, которые имеют в единственном числе ударение на основе, а во множественном — на флексии: *леса́*, но *ле́са, луга́*, но *лу́га, доктора́*, но *до́ктора, учителя́*, но *учи́теля* и т. д. Исключения из этого правила совершенно единичны: *рукава́* (им.-вин. мн. и род. ед.) и заимствованное *обшлага́* (под влиянием *рукава́*). С другой стороны, не все существительные этого типа обязательно принимают это новое окончание: *шаги́* (при *ша́га*), *гробы́* (при *гро́ба*), *шкафы́* (при *шка́фа*) и т. д.

В говорах, особенно южнорусских, это окончание *-а, -я* также получило более широкое распространение, чем в литера-

турном языке, причём правила употребления этой формы, действующие в литературном языке, в говорах по большей части не соблюдаются: *садá* (*сады*), также *ветрá*, *омутá*, *топорá*, *пастухá* (им. п. мн. ч.), *ручья́* бегут, *воробья́* налетели. Из склонения существительных мужского рода это окончание попало в склонение существительных женского рода (старых III и IV—V склонений): крутые *горá*, в *головá*, *старостá*, в чужие *земля́*; *деревня́*, *степя́*, *лошадя́*, *матеря́*, *церквя́* и т. д. Слово *зеленя́* возможно и в литературном языке.

Давно ли появилось это новое окончание ***-á, -я́***. В качестве формы именительного-винительного падежа мн. ч. форма на ***-а, -я*** несомненно возникла сравнительно недавно. Достоверных примеров этой формы в старой московской письменности не встречается раньше XVI столетия. Даже в письменности первой половины XVII в. они ещё единичны. Достаточно сказать, что в такой большой книге, как Уложение 1649 г., можно отметить только единственный случай: *лѣсá*. Но со второй половины XVII столетия таких примеров встречается всё больше и больше.

Впрочем, в этом отношении, повидимому, в разных говорах дело обстояло по-разному: в одних говорах эта форма получила распространение раньше и в бóльших размерах, чем в других.

Что касается происхождения этой формы, то оно ещё не выяснено в достаточной степени. Было несколько причин, вызвавших её появление. С одной стороны, с древнерусской эпохи в народной речи сохранялись отдельные пережиточные формы (им.-вин. двойственного числа с ударением на флексии), засвидетельствованные древними памятниками письменности до XVI в.: *рогá* (известное, между прочим, даже в современном болгарском языке, не знающем, как и все другие славянские языки, формы им.-вин. мн. ч. типа *лесá*), а также *бокá*, *глазá*, *рукавá*, возможно, *берегá* и некоторые другие, беспрерывно встречающиеся в памятниках XIV—XV столетий. Значение им.-вин. пад. множественного числа получили, однако, лишь те слова на ***-á, -я́***, у которых ударение множественного числа в остальных падежах, начиная с родительного, приходилось на флексию, а в единственном числе, в частности в родительном падеже, держалось на основе: *рóг*, *рóга*, *рóгу* и пр., но *рогóв* и т. д., а также *рукавá*. Под воздействием таких форм им.-вин. мн., как *рогá* и т. п., и другие существительные, которые

с давнего времени имели во множественном числе ударение на флексии, начиная с родит. падежа: *лѣсóв* и пр., получили окончание *-á*, *-я́*: *лѣсá* (вместо *лѣсы* < *лѣси*).

С другой стороны, следует учесть влияние существительных среднего рода с подвижным ударением: *слóво*, *слóва*, *слóву* и пр., но: *словá*, *слóв* и пр. Повлияли и такие, в прошлом собирательные, существительные, как *господá*, которое к XVI в. стало восприниматься как именительный множественного от *господин*, тогда как первоначально оно изменялось по III склонению в единственном числе. Ср. в документах московского происхождения начала XVI в.: „нашие *господы*, нашей *господѣ*"; в новгородских грамотах того же времени: „*осподѣ* нашей посадникомъ" и т. п. Следует также учесть и то обстоятельство, что к XVI в. уже получили широкое распространение формы дат., твор., предл. падежей мн.ч. на *-ам* : *-ям*, *-ами*: *-ями*, *-ах* : *-ях* по всем склонениям: *лѣсам*, *лѣсами*, *лѣсах*; *рогам*, *рогами*, *рогах*; *краям*, *краями*, *краях* и т. д. (о чём см. § 75). Эти формы, в свою очередь, способствовали тому, что новое окончание *-а*, *-я* твёрдо установилось в именительном-винительном падеже мн. ч. существительных определённого типа.

г) Как было уже отмечено, существительные мужского рода во II, IV и V склонениях также имели разные окончания в именительном и винительном падежах.

		II	IV	V
Мн. ч.	И.	*сынове*	*гостье*	*камене*
	В.	*сыны*	*гости*	*камени*

С течением времени эти существительные в конечном счёте утратили своё особое склонение и стали изменяться по I склонению.

Но пока этот процесс закончился, прошло много времени. Форма *сынове* держалась в канцелярской московской речи едва ли не до XVII столетия, причём одно время даже могла употребляться и в функции винительного множественного наряду с *сынов*. Например: „даю... и *сынове* и дочери", но: „послал... дву *сыновъ*" — в памятниках первой половины XVI в. Окончание *-ове* из II склонения рано попало в I, где, кроме *-ове*, в мягком различии появилось ещё новое окончание *-еве*. Ср. в „Слове о полку Игореве": „и дятлове... путь... кажутъ, рѣтко ратаевѣ кикахуть". Окончание *-ове*:*-еве* постепенно (к XVI в.) закрепилось, по крайней мере,

в языке Москвы за личными (особенно этническими названиями) существительными мужск. р.: *татарове*, *угрове*, *грекове*, также *государеве*. В Новгородской грамоте 1371 г.: *послове*, причём в функции винительного падежа мн. ч.: *„послове* свои слати". В настоящее время формы им. п. мн. ч. на ***-ове***: ***-еве***, сохраняющиеся в некоторых украинских (юго-западных) и некоторых белорусских говорах, в русском языке не известны ни в литературной речи, ни в говорах.

Именительный падеж мн. *гостье* и т. п. бесследно исчез не только в русском языке, но и в других славянских.

Что касается V склонения, то следует учесть, что сюда относились во множественном числе личные существительные на ***-анинъ***: ***-янинъ*** и ***-инъ*** мужского рода: *горожанинъ*: *горожане*, *крестьянинъ*: *крестьяне*, *бояринъ*: *бояре* и т. п. Эти существительные, в отличие от „неодушевлённых" существительных вроде *камене* (им. мн. от *камы*) и т. п., перешедших в I склонение, сохранили до сих пор некоторые формы множественного числа по V склонению: *горожане*, род. п. мн. *горожан*.

§ 68. Чередование звуков в склонении существительных с основой на задненёбный согласный. Имеется в виду чередование звуков в древнерусском языке (как и во всех других славянских языках в древности) в таких словах, как: *вълкъ*: *вълче* (зват. падеж): (о) *вълцѣ* (предл. п. ед. ч.), (о) *вълцѣхъ* (предл. п. мн. ч.), *вълци* (им. п. мн. ч.); *рука*: (к, на) *руцѣ* (дат.-предл. п. ед. ч.), как следствие первого и второго смягчения задненёбных согласных. Ср.: *другъ*: *друже*: *друзи*; *кожухъ*: (въ) *кожусѣ*; *пастухъ*: *пастуше*: *пастуси*; *нога*: (к, на) *нозѣ*; *соха*: (к, на) *сосѣ* и т. п. Это чередование звуков, но только в единственном числе, сохраняется в украинском и в белорусском языках, в литературной речи и в говорах. Например, в украинском литературном: *на руці*, *на дорозі*, *в кожусі* и т. д.; в белорусском литературном: *на руцэ́*, *на сасе́* и т. д. Что же касается русского языка, то в настоящее время этого звукового чередования в склонении существительных ни в литературной речи, ни в говорах (за исключением некоторых русских говоров Орловской и Курской обл., где всё же были зарегистрированы подобные образования: *у кабаце́*, *на паро́зе*, *о ɣаро́се*; *на даро́зе*, *на назе́* и т. п.) не наблюдается. Следует при этом принять во внимание, что звательная форма в русском языке вообще исчезла (см. § 65), а форма именительного падежа на ***-и*** в I склонении была вытеснена фор-

мой на *-ы*, одинаковой с формой винительного мн.ч. (о чём только что было сказано). Окончание *-ѣхъ* было вытеснено окончанием *-ахъ* (см. § 75). Таким образом, в конце концов осталось лишь чередование *к*: *ц*, *г*: *з*, *х*: *с* в единственном числе. Возможно, впрочем, что в некоторых севернорусских говорах в склонении существительных с основой на *к*, *г*, *х* под влиянием других падежей согласные *к*, *г*, *х* с доисторического времени сохранялись без изменения в *ц*, *з*, *с* — в нарушение закона так называемого „второго смягчения" (см. § 55). В московской речи, надо полагать, чередование *к* : *ц*, *г* : *з*, *х*: *с* существовало и держалось ещё в XVI столетии. В письменных памятниках (московского и иного происхождения) первой половины этого века встречаются формы на *-зѣ*, значительно реже на *-цѣ* и, в исключительных случаях, на *-сѣ*: на *бумазѣ*, въ *крузѣ*, по *дензѣ*, также: по *сроцѣ* (= сроке), итти къ *руцѣ*, о добрѣ или о *лисѣ*; в собственных именах: на *Волоцѣ*, в *Колузѣ*, на *Волзѣ* и на *Молозѣ*, въ Бѣжецкомъ *Версѣ* и т. п.

§ 69. Местный падеж. Одной из важных особенностей древнерусской системы склонения существительных можно считать также и ту особенность, что предложный падеж, подобно другим косвенным падежам, мог употребляться и без предлога, тогда как в современном русском это невозможно, и поэтому самый термин „предложный" падеж по отношению к древнерусскому языку является неточным и условным.

Без предлога „предложный" падеж употреблялся для обозначения главным образом пункта пребывания, местонахождения кого-либо или (реже) чего-либо. Так, в послесловии к Остромирову евангелию: „Изяславъ ... правляаше... *Кыевѣ;* поръчи правити ... Остромиру *Новѣгородѣ* ..." Также в „Повести временных лет" по Лаврентьевскому списку: „посади Ярослава *Новѣгородѣ*, а Бориса *Ростовѣ*"; „*Бѣлѣгородѣ* затворился Мстиславъ Романович"; „бысть пожар великъ *Кыевѣ городѣ*", „(церковь) яже стоить и до сего дне *Тьмуторокани*" и т. д.

Гораздо реже „предложный падеж" без предлога (или „местный") употреблялся для обозначения времени. Например, в той же „Повести": „томь же *лѣтѣ* приде Мстиславъ", „идоша *веснѣ* на половцѣ", „бѣжа прочь *ночи*" и пр. Ещё реже „местный" падеж употреблялся в качестве падежа состояния: „поя ю собѣ женѣ (т. е. взял *женою*)" и т. п. Местный падеж рано вышел из употребления.

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ТИПОВ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 70. Разрушение „пятого“ склонения. Можно начать рассмотрение этих изменений с такого факта, как разрушение V склонения. Из всех существительных этого склонения (о которых было упомянуто в § 63) до некоторой степени сохранились (со своим характерным наращением ***ен***) в литературном русском языке существительные на ***-мя*** среднего рода: *имя, семя, племя, темя, стремя* и т. д. (около десятка), которые, однако, в единственном числе теперь склоняются, за исключением им.-вин. падежа, по образцу *путь,* а во множественном числе ничем не отличаются от существительных среднего рода на ***-о*** (*село, место* и др.). В говорах ликвидация этого склонения пошла ещё дальше, причём происходила по-разному. В севернорусских говорах встречаются, с одной стороны, формы вроде: *имё,* род. ед. *имя*, дат. ед. *по имю*, твор. ед. *имем*, предл. ед. *об име* (ср. у Пушкина: „*на теме* полунощных гор“ — в первом издании „Руслана и Людмилы“; „это было б лишь *время* трата“ — в первом издании „Сказки о попе и о работнике его Балде“; у Лермонтова в поэме „Сашка“: „... не знал другого *имя*“; у Крылова: „то к *темю* их прижмёт“ и т. д.), а с другой, — ***именó, знамянó, стремянó*** (ср. в „Древних росс. стихотворениях“ Кирши Данилова: „они ездят, богатыри, ... *стремяно* в *стремяно*“). В обоих случаях новые формы возникли под влиянием существительных типа ***село, поле.*** Как частность, можно отметить в литературном русском языке: *семя́н* (род. мн.), вместо ожидаемого *семён* (ср. *имён* и пр.), вследствие омонимического отталкивания от *Семён.* В севернорусских говорах и у писателей XIX в. подобных образований было больше (ср. у Пушкина: „хвалёных дедовских *времян*“ в рифму с *обезьян*; „как из *стремян* вы вышибли его“ и т. д.). Эти образования с ***мян*** из ***мен*** возникли под влиянием формы им.-вин. ед. на ***-мя.***

Что касается остальных существительных V склонения, то они в русском языке все перешли в другие склонения по родовому признаку: существительные мужского рода — в I (вместо *камы,* род.-предл. ед. *камене — камень*, род. ед. *камня*, предл. *камнь* и пр.), сущ. женского рода — в IV

(вместо *мати* > *мать,* род. ед. *матере* и пр.— *мать* или *матерь,* род. ед. *матери* и пр., вместо *свекры,* род. ед. *свекръве* и пр.— *свекровь,* род. ед. *свекрови* и пр.), сущ. среднего рода — в I (вместо *тѣло,* род. ед. *тѣлесе* и пр.— *тѣло,* род. ед. *тѣла* и пр.).

Существительные вроде *жеребя́,* род. ед. *жеребяте* и пр., представляющие собою обыкновенно названия детёнышей животных и лишь отчасти — людей: *дѣтя* > *дитя, робя* > *ребенок* (ср. в Никоновской летописи: „женъ и *робятъ* побили"), имели совсем особую судьбу. В русском языке, в литературном и в говорах, они склоняются во множественном числе совершенно, как существительные типа *село, место*: *жеребята,* род. мн. *жеребят* и т. д., а в единственном они, как правило, были вытеснены образованиями на ***-ёнок***: *жеребёнок, телёнок, ребёнок* (из *робенок*, вследствие межслоговой ассимиляции), изменяющимися по I склонению. Эти образования на ***-ёнок*** составляют особенность только русского языка из всех славянских. Ср. в сербском: *ждре̏бенце, тѐленце* и пр. Одно слово *дитя* уцелело в современном русском литературном языке из всей этой группы. Оно и теперь склоняется со своим характерным наращением ***ят***, но с окончанием по образцу *путь:* род. ед. *дитяти* (вместо *дѣтяте*) и пр. и с творительным: *дитятей* (при др.-русск. *дѣтятьмь*). В говорах остатков этого склонения типа *жеребя* несколько больше, чем в литературном языке, но, повидимому, только в пословицах и поговорках: „овин с овсом, *жеребя* с хвостом"; „у кошки *котя*, такое же дитя"; „наше *теля*, и губа бела"; „нашему бы *теляти* да волка поймати" и т. п. Склонение *жеребя, жеребяти* и пр. долго держалось в старомосковской речи. Ещё в Книге о ратном строе 1647 г. читаем: „мало не *осля́* под латы надобно", в Уложении 1649 г. встречается „*куря́* индейское". В других славянских языках, например в украинском языке литературном и в говорах, это склонение сохранилось вплоть до наших дней: *гуся,* род. ед. *гусяти* и пр., *теля,* род. ед. *теляти* и пр. (но творительный *телям*) и т. п.

В результате всех этих изменений (начало которых, вероятно, относится к доисторическому времени, потому что они отражаются в известной мере уже в самых древних памятниках нашей письменности) пятое склонение стало непродуктивным, новые существительные перестали образовываться и

изменяться по образцам этого склонения. В конце концов оно исчезло.

§ 71. Смешение „второго“ склонения существительных мужского рода с „первым“. Исчезло, как продуктивный тип склонения, также II склонение. Но на этот раз дело обстояло значительно сложнее. Существительные мужского рода типа *сынъ* (а в древнерусском языке, как и в старославянском, даже древнейшей эпохи, сюда относились, повидимому, только единичные слова, главным образом: *сынъ, медъ, домъ, полъ* (половина), *вьрхъ*) в конечном счёте слились с существительными мужского же рода I склонения типа *вълкъ, столъ* и т. п. Это слияние повлекло за собою: 1) появление „вторичной“ флексии в некоторых падежах в I склонении существительных мужского рода типа *вълкъ, столъ, лѣсъ, конь, край* и 2) выделение вследствие этого из I склонения существительных среднего рода типа *село, поле*, поскольку эти существительные сохранили окончание ***-а, -я*** в родительном ед.

Припомним, в каких приблизительно отношениях друг к другу находились существительные мужского рода твёрдого различия I и II склонения в эпоху, предшествовавшую появлению письменности:

		I	II
Ед. ч.	Р.	*вълка, стола, лѣса*	*сыну, меду*
	Д.	*вълку, столу, лѣсу*	*сынови, медови*
	П.	*вълцѣ, столѣ, лѣсѣ*	*сыну, меду.*

Начиная с древнейших письменных памятников, слово *сынъ*, единственное личное существительное II склонения, в род.-вин. ед. обыкновенно употребляется с окончанием I склонения: *сына*, а несколько позже и вообще переходит в I склонение, как и другие существительные этого склонения. Зато существительные I склонения с XI столетия встречаются в некоторых падежах со вторичными окончаниями, заимствованными из II склонения. При этом „одушевлённые“ существительные, не говоря уже о личных, обыкновенно сохраняют старую форму род.-вин. ед. на ***-а:-я*** по I склонению: *брата, вълка, учителя, мужа, Петра, Георгия* и пр., да и в других отношениях отличаются от „неодушевлённых“. Так, в дат. ед. новое (из II склонения) окончание ***-ови***, а под влиянием этой формы и вновь возникшее ***-еви*** в мягком различии, судя по некоторым древне-

русским книгам, например, Архангельскому евангелию 1092 г., а также по „Русской Правде", „Слову о полку Игореве" и другим памятникам литературного русского языка „старшей поры", начало закрепляться за личными существительными и собственными личными именами мужского рода: ***богови, мужеви, кесареви, Петрови, Иосифови*** и др. (Арх. ев.), ***Георгиеви*** (Мстиславова грамота ок. 1130 г.), *Иваньковъ* и др. (в новгородских грамотах XIII—XIV вв.) и т. д. Впрочем, не во всех древнерусских памятниках письменности это правило отличается выдержанностью. Дательный на ***-ови, -еви*** иногда встречается и от других существительных I склонения. Впоследствии эта форма на ***-ови,-еви,*** сохраняющаяся до сих пор в украинском языке, исчезла в русском. Исчезновение этой формы относится ко времени после XIV в. В Суздальской летописи по списку 1377 г. форму дат. ед. на ***-ови, -еви*** (преимущественно в склонении личных существительных мужского рода) ещё можно считать обычной.

Что касается „неодушевлённых" существительных I склонения, то в род. ед. они встречаются со вторичным окончанием ***-у: -ю*** (***'у***), начиная с XI в.; ср.: отъ *льну* — в Изборнике 1073 г.; о[т] *возa* и о[т] *лну* — в Новгородской грамоте 1264 г.; *свѣту* (род. ед.) — в новгородской Минее 1096 г. и т. д. Чем дальше идёт время, тем больше становится таких случаев. При этом уже в древнерусскую эпоху намечаются определённые тенденции к употреблению форм на ***-а:-я***, с одной стороны, и на ***-у:-ю***, с другой, действующие и в современном русском литературном языке: с окончанием ***-у:-ю*** употребляются те неодушевлённые существительные, которые невозможны или необычны при счёте, в частности в сочетании с *два* (< *дъва*) или *оба*, потому что в сочетании с этими числительными существительные мужского рода с древнерусской эпохи вообще закрепились в форме на ***-а:-я***: два *стола, ножа, ручья* и пр. Другими словами, это существительные преимущественно со значением вещественным *(гороху, воску, солоду, хмелю)*, а также собирательным *(народу, пълку, лѣсу)*, отвлечённым *(страху, дългу)*. Иногда географические имена, например в „Слове о полку Игореве": „съ *Дону* великого, испити шеломомь *Дону*" и др. Ср. в новгородских грамотах: „ис *Торжьку*". Приходилось ли при этом ударение на основу или на окончание, это обстоятельство, повидимому, не играло роли, хотя при ударении на о с н о в е форма род. пад.

ед. ч. на **-у,-ю** в древнерусском языке несомненно употреблялась чаще [1].

В говорах с давнего времени (по крайней мере, с XVII в.) наблюдается употребление окончания **-у, -ю** в род. ед. также в склонении существительных одушевлённых от *жениху*, от *отцу* и др. и в склонении существительных среднего рода: „я бы до *небу* достал, возле *полю*" и т. п.; в фольклоре: „отставала лебедь белая от *стаду* да лебединого".

Трудно сказать, имела ли место какая-либо закономерность в употреблении формы предложного падежа ед. ч. на **-у:-ю** в I склонении. Во всяком случае те нормы употребления этой формы, которые существуют в современном русском литературном языке, в старое время не отличались устойчивостью.

Форма предложного падежа ед. ч. на **-у:-ю** во многих говорах и в самой Москве с давнего времени употреблялась: 1) не только после предлогов **въ** и **на**, но и после других предлогов; 2) не только при наличии подвижного ударения на основе в ед. ч., переходящего в предложном ед. с основы на окончание **-у:-ю**; 3) ударение на окончании **-у:-ю** не было обязательным.

Так, ещё в старомосковском Уложении 1649 г. находим: 1) бить челомъ о *сыску́*, о *долгу́* тяглыхъ людей, о *корму́*, о третейском *суду́*; 2) о недѣльщиковѣ *ѣ́зду* (ударение на **ѣ**), приставитъ в *гра́бежу* (в этом слове ударение было на основе), в котором *го́ду*, в осадном *спи́ску*, также: в *Ры́льску*, в *Серпѣ́йску*.

Следовательно, современные правила употребления формы предл. ед. на **-у,-ю**, действующие в литературном языке, установились в Москве после этого времени.

В говорах, особенно южнорусских, и до сих пор возможны образования вроде: в *hаршку́*, в *пираhу́*, в залатом *вянцу́*,

[1] Спрашивается, почему же форма родительного ед. II склонения на **-у, -ю** не только уцелела, но и получила широчайшее распространение прежде всего в склонении существительных, имеющих вещественное значение? Пытаясь ответить на этот вопрос, Л. А. Булаховский обратил внимание на то обстоятельство, что ко II склонению в древности относилось слово *медъ*. Как известно, в древней Руси мёд и его продукты, воск, солод и пр., с давнего времени не только были главными предметами внутреннего сбыта, но и внешней торговли восточных славян. Как одни из наиболее употребительных слов основного словарного фонда, такие слова не только могли сохранить свои старые падежные формы дольше других (неодушевлённых) существительных II склонения, но и повлиять на другие существительные мужского рода той же семантической группы.

при *канцу́,* аб *һрашу́* (о гроше); в *сара́ю,* при *ве́чиру* и пр. (т. е. при наличии неподвижного ударения на флексии, при отсутствии ударения на ***у:ю,*** не обязательно после предлогов ***в*** и ***на***). Ср. „Слово о *плъку* Игоревѣ" (мы бы сказали: о *полке́*). В южнорусских говорах в отличие от старомосковского с давнего времени с окончанием ***-у,-ю*** употребляются также и „одушевлённые" (и личные) существительные: на *ку́му,* при *брату,* аб *друɣу,* „на *вару́* и шапка ɣарить"; при *Павлу* при *Петровичу* и т. д. Больше того: эта форма на ***-у,-ю*** как на севере, так и на юге возможна и от существительных среднего рода: *на окну,* в *уху* (в *ухе*), *на крыльцу,* „в чистом *полю*" и т. п.

§ 72. Судьба существительных мужского рода „четвёртого" склонения. Но не только существительные II склонения мужского рода слились с существительными I склонения. Такая же судьба постигла и существительные мужского рода IV склонения, тем более, что к моменту появления письменности таких слов в древнерусском языке было не очень много. Главным образом это были личные существительные: *гость, тать, зять, тьсть* и др. и едва ли не единственное „неодушевлённое" *путь.* Все личные и одушевлённые существительные этого типа перешли в I склонение: *гость,* род. ед. *гостя,* дат. ед. *гостю* и т. д., тогда как первоначально они склонялись по образцу *путь.* Раньше всего окончание ***-я (-'а),*** повидимому, появилось в род.-вин. ед., а потом и в остальных падежах. Например, в Новгородской грамоте 1317 г.: „а *гости* всякому гостити" (дат. ед.), но: „*гостя* не переимати" (род. или вин.). Ср. в летописных текстах: „отъ *тести* своего, ко *тьсти*" (Лавр. список летописи), „къ *зяти*" (Ипат. список летописи) и пр. Из всей этой группы слов сохранилось в литературном русском языке и отчасти в говорах только *путь.* Во многих говорах и это существительное изменяется или по I склонению: род. ед. *путя,* дат. ед. *путю* и пр., или по образцу *кость* и имеет грамматическое значение женского рода: эта *путь* и пр.

Существительные мужского рода V склонения также перешли в I склонение. Вместо *камы,* род. ед. *камене* и пр. в конце концов установилось новое склонение: *камень,* род. ед. *камня* и т. д.; вместо *дьнь,* род. ед. *дьне,* дат. ед. *дьни* и пр.— *день,* род. ед. *дня,* дат. ед. *дню* и т. д. Конечно, оно установилось не сразу. Не только в древнерусскую эпоху, но и позже эти и подобные слова (по крайней мере, в некоторых

падежах) изменялись по IV склонению, по образцу *путь*: *камень, день* (< *дьнь*), род. ед.: *камени, дни*, дат. ед.: *камени, дьни* > *дни* и пр.

В литературном языке это склонение в единственном числе сохранялось наряду с новым склонением по образцу *стол, край*. Например, в „Ведомостях": „вся из *камени* построена (1706 г., № 5), въ *камени*" (там же); у Державина: „Взложи (венец) от *камени* честнаго" („На новый 1797 год"); у Ломоносова: „едва не до *корени*" („Краткое руководство к красноречию") и др. Особенно долго держалась форма род.-дат. ед. *дни*. Например у Гоголя: „с завтрашнего *дни*, к вечеру того же *дни*" и пр. („Мёртвые души"); у Лермонтова: „к вечеру того же *дни*" („Странный человек") и т. д. В говорах, особенно севернорусских, эта форма вообще широко распространена: „третьего *дни*, с Ильина *дни*, работа на пол *дни*" и т. п.

Таким образом, в единственном числе все существительные мужского рода, оканчивавшиеся на согласный (твёрдый или мягкий) в им. ед. после исчезновения слабых *ъ, ь*, совпали в конце концов в одном склонении, образовавшемся на базе I склонения мужского рода: *волк, сын, стол, лес; конь, гость, край, камень*.

Важной особенностью нового склонения мужского рода следует считать возможность употребления в некоторых падежах вторичной флексии, чуждой старому I склонению мужского рода.

В связи с этим обстоятельством находится обособление существительных I склонения среднего рода типа *село: поле*, с которыми, как уже было отмечено выше, совпали существительные среднего рода V склонения, также оканчивавшиеся на *-о* в им.-вин. ед.: *тѣло, слово, око, ухо* и др., но отличавшиеся от таких существительных, как *село, поле*, в остальных падежах: род. ед. *тѣлесе, словесе, очесе, ушесе* и т. д. Теперь мы склоняем их иначе: *тела* (род. ед.), *телу* (дат. ед.) и т. д. В отличие от существительных мужского рода эти существительные в единственном числе сохранили „первичную" флексию I склонения (если, конечно, не считать чисто фонетических изменений).

В женском роде мы также наблюдаем нечто подобное. Существительные женского рода V склонения совпали с существительными женского рода типа *кость*.

Таким образом, вместо первоначальных пяти склонений, сохраняющих свою старую флексию, в единственном числе уста-

новилось четыре „продуктивных“ склонения по признаку грамматического рода: одно — мужского рода, два — женского (типа *сестра: земля* и типа *кость*) и одно — среднего.

§ 73. Твёрдое и мягкое различия. Наконец, чтобы закончить обозрение наиболее важных изменений в области склонения существительных в единственном числе, необходимо ещё остановиться на влиянии твёрдого различия на мягкое.

В I и III склонениях, как было отмечено в § 67, существительные с твёрдой основой в некоторых падежах ед. ч. отличались от существительных с мягкой основой:

	I		III	
Ед. ч.,		Р.	*воды*	*землѣ*
	П. *вълцѣ, селѣ, кони, поли*	Д. П.	*водѣ*	*земли*

Следовательно: в *Ярославли*, о своемь *отьци*, въ томь *краи*, в *Поморьи*, въ *сѣмьи* и т. д. Под влиянием „твёрдых“ форм окончания, характерные для мягкого различия, рано начали заменяться соответствующими окончаниями твёрдого: на *конѣ*, въ *полѣ*, изъ *земли*, къ *землѣ* и пр.

Правда, это вытеснение окончаний мягкого различия соответствующими окончаниями твёрдого произошло не сразу и даже не во всех русских говорах. В некоторых южнорусских говорах до сих пор сохраняются формы вроде: к *земли*, на *земли*, у *сямьи*, а в севернорусских (имеющих *е* из *ѣ*): на *коні*, в *кремлі* (= в центре села). Ср. также у писателей XIX в.: у Крылова: „Нашел червонец на *земли*“ (рифма „в *пыли*“); у Тютчева: „Я, царь земли, прирос к *земли*“; также у Гоголя: „Летит мимо всё, что ни на есть на *земли*“ („Мёртвые души“, т. I, гл. XI).

Всё же начало этого вытеснения следует относить едва ли не ко времени, предшествовавшему появлению в древней Руси письменности на старославянской основе, т. е. до XI в. Уже в рукописях XI в., например в новгородских Минеях, имеем такие примеры, как: изъ *отроковичи* (вм. *отроковицѣ*) (1095 г.), въ *пустынѣ* (1096 г.), не говоря уже о более поздних: въ *Ярославлѣ* — в Новгородской кормчей 1282 г. и т. д.

Что касается обратного влияния мягких форм на твёрдые, начало которого также относится к древнерусской эпохе, то теперь оно наблюдается только в говорах. Именно на этой почве следует объяснять распространённое и на севере, главным об-

разом в говорах новгородского типа, и на юге так называемое смешение родительного падежа с дательным-предложным ед. ч.: у *сестре*, но к *сестры*; у голодной *куме* одно на уме; на *березы* сидит и т. п. Ср. у писателей XIX в.: у Грибоедова: „Я должен у *вдове*, у *докторше* крестить" („Горе от ума", по музейному автографу), у Пушкина: „Как у Вандиковой *Мадонне*" („Евгений Онегин", по изданию 1827 г.).

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Во множественном числе сближение и совпадение различных первоначальных типов склонения наблюдается в гораздо большей степени, чем в единственном. Мы уже могли отчасти убедиться в этом, рассматривая историю именительного-винительного мн. (см. § 67). Продолжим наши наблюдения.

§ 74. Родительный падеж. а) В родительном падеже продуктивными формами в мужском роде с течением времени становятся формы на ***-ов*** в твёрдом различии и ***-ев*** (у существительных с основой на ***ц*** или ***й***) и ***-ей*** (в остальных случаях) — в мягком: *волков, столов, лесов, домов*; *месяцев, краёв*; *коней, гостей, камней.*

Так — в современном русском литературном языке. В говорах имеются отступления от этих норм: с одной стороны, можно встретить: *конёв, рублёв, гостев, камнев*; с другой (особенно в говорах с мягким ***ц***)—*месяцéй, зайцéй, огурцéй, краéй* и т. п.

В ряде слов в твёрдом различии окончание вообще отсутствует: не только при счёте *человек* („пять человек"), но и в других случаях: *мадьяр, глаз, сапог* и т. д., причём некоторые из этих слов (в форме род. мн.) очень стары *(сапог)*, другие — моложе *(глаз)*; а некоторые появились очень поздно по образцу старых слов *(мадьяр)*. У писателей XIX в. таких форм род. мн. встречается больше. Например, у Пушкина: „стар, *зуб* уж нет".

В древнерусском языке в I склонении (а в этом склонении в общем растворились существительные мужского и среднего рода других склонений) окончаниями служили **ъ, ь:** ***вълкъ, столъ; конь*** (ср. в духовной Симеона Гордого, 1353 г.: „а ис ***конь*** изъ своихъ"), *край* (из *крај-ь*); *селъ, поль.* Глухие **ъ, ь,** будучи в слабом положении, отпали, и получилась форма род. множ. без окончания *(человек, глаз* и т. п.). Очень рано, однако, в

м у ж с к о м роде появилось окончание ***-овъ*** — в т в ё р д о м различии, заимствованное из II склонения *(сыновъ)*, и ***-евъ*** — в м я г к о м различии (по памятникам с XI в.), а позже ***-ий*** > ***-ей,*** заимствованное из IV склонения *(гостий > гостей)*, по памятникам с XIII столетия. Конечно, правил употребления этих форм (особенно форм на ***-ев, -ей***), действующих в современном русском литературном языке, о которых только что было упомянуто, в древнерусскую эпоху не существовало. Не только в Уложении 1649 г. встречаются формы вроде: сто *рублевъ, товарищевъ* и т. п., но и позже, например, у Фонвизина в „Недоросле“ Стародум говорит „пять сот *рублёв*“.

б) В с р е д н е м роде в твёрдом различии в с о в р е м е н н о м русском литературном языке сохраняется старая (I склонения) форма без окончания *(сёл)*. В мягком — употребляется обычно форма на ***-ей:*** *полей*, иногда ***-ев:*** *платьев, верховьев*. В говорах, с одной стороны: *местов, делов, окнов, письмов,* даже *сёлов* и пр., с другой: *полев, морев* и др. Эти окончания ***-ов,-ев*** и ***-ей*** в среднем роде, несомненно, поздние. Форма *поль* (род. множ.) и т. п. в Москве в XVII в. является нормой. Например, в Уложении 1649 г.: промеж *поль* и пр., а на севере, в частности в Поморье, в говорах она сохраняется и до сих пор. Ещё Ломоносов (например, в „Оде на взятие Хотина“) не избегал этой формы, но к XIX в. она окончательно исчезла из литературного языка.

в) В склонении существительных на ***-а,-я*** (III по нашему счёту) в нашем литературном языке старая форма без окончания *(сестёр, < сестръ; земель < земль*, с позднейшим „вставочным“ ***е***) сохраняется лучше, чем в среднем роде. Но в говорах и здесь наблюдается всё тот же процесс унификации (объединения) разных типов склонения: *девушков, невестов, слугов, избов, сказков, нянев, деревнев, песнев, каплев* и т. д., а с другой стороны (особенно после шипящих и ***ц***): *тысячей, рощей*, красных *девицей, птицей,* без *горницей, баней* и пр.

г) Существительные женск. р. на ***-ня*** с предшествующим согласным звуком или ***й:*** *пѣсня, бойня* и т. п., с течением времени получили форму род. мн. на твёрдое ***н***. Например, в литературном языке: *песен, басен, вишен, колоколен, боен* и т. д., но: *деревень*. Напротив, в говорах (севернорусских) форма род. мн. *деревён* встречается не реже, чем другие формы.

Это твёрдое ***н*** нельзя объяснить как результат отвердения ***н*** (ср. сохранение ***нь*** в других случаях: *бань, пустынь* и пр., так-

же: *парень, день, тень* и т. п.). По всей вероятности, мы имеем здесь дело со смешением двух образований: на ***-ьня*** и на ***-ьна***. В старом русском языке можно было сказать, например: *конюшьня* и *конюшьна* (ср.: от *конюшны* в „Новом Летописце", начала XVII в.), *колокольня* и *колокольна* (вторая форма хотя и неизвестна в памятниках письменности, но отмечена во многих современных севернорусских говорах), *деревьня* и *деревьна* (последняя форма встречается в памятниках письменности ещё в XVII—XVIII вв. Например, „на ту Олексеевъскую *деревну*" в Двинской грамоте 1627 г.). Такое колебание имело место также в области прилагательных с суффиксами ***-ьн-*** и ***-ьн'-***: *дальний* и *дальный, зимьний* и *зимьный* и пр. То с твёрдым, то с мягким ***н*** эти прилагательные употребляются, например, в Уложении 1649 г.

Из этих параллельных образований одно (на ***-ьня***) одержало верх. Но в склонении существительных на ***-ьня*** сохранена и одна из форм (форма род. мн.) на ***-ьна***. Получилось примерно так же, как и в склонении некоторых отдельных слов, например *мечта* (род. мн. *мечтаний*). Ср. также *года́*, род. мн. *лет*. В письменности такое твёрдое ***н*** в род. мн. известно, по крайней мере, с первой половины XVII столетия: *сотенъ* — в Уложении 1649 г. и др.

д) История родительного мн. других типов склонения (IV и V) не вызывает особых замечаний, потому что в IV склонении старое окончание (*-ий* > *-ей*) сохранилось, а существительные V склонения перешли в другие склонения. Припомним всё же, что в V склонении родительный мн. оканчивался на ***-ъ***, хотя все существительные этого типа имели мягкую основу: *каменъ, дьнъ, матеръ* и пр. Форма *дьнъ*, откуда *дён*, как пережиточная, сохранялась в Москве и в литературном языке почти до середины XIX в. Например, у Лермонтова: из этих *дён* („Джулио"), прежде двух *дён* („Вадим", XXIV), у С. Т. Аксакова: до девяти *дён* („Детские годы Багрова внука"). В говорах (главным образом севернорусских) эта форма держится и до сих пор (почти всегда в количественных сочетаниях).

К пережиткам формы родительного мн. V склонения в русском языке относится также *десят* в сочетаниях *пятьдесят, шестьдесят* и пр. Числительное *десять* в древнерусском языке изменялось по V склонению.

§ 75. Формы на *-ам,-ами,-ах*. Тенденция к нивелировке первоначальных типов склонения существительных особенно про-

явилась в дательном, творительном и предложном падежах мн. числа. Сначала в этих падежах существовало большое разнообразие:

		I		II	III	
Мн. ч.	Д.	*столомъ*	*конемъ*	*сынъмъ*	*сестрамъ*	*землямъ*
	Т.	*столы*	*кони*	*сынъми*	*сестрами*	*землями*
	П.	*столѣхъ*	*конихъ*	*сынъхъ*	*сестрахъ*	*земляхъ*

	IV	V
Д.	*костьмъ*	*именьмъ*
Т.	*костьми*	*имены*
П.	*костьхъ*	*именьхъ*

Следует при этом учесть, что под влиянием твёрдого различия в мягком вместо *конихъ, полихъ* и т. п. впоследствии возникли новые варианты: *конѣхъ* > *конех, полѣхъ* > *полех, костьхъ* > *костех* и пр.

В настоящее время и в литературном языке, и в говорах в этих падежах все существительные употребляются, как правило, с окончаниями ***-ам, -ами, -ах*** (с *а, 'а*): ***столам, столами, столах; коням, конями, конях; костям, костями, костях*** и т. д. Совершенно ясно, что источником этих форм является III склонение существительных со старой основой на *ā: jā,* где эти окончания были „исконными" (конечно, в относительном смысле). По памятникам первые случаи употребления окончаний ***-амъ, -ами, -ахъ*** вне III склонения пока что известны со второй половины XIII столетия, начиная с Псковского паремейника 1271 г., где эти формы встречаются в тексте (*безакон**иямъ,*** съ ***клобуками*** и др.) и в записи (*матигорь**цамъ*** на Волокъ, — дат. множ. от *матигорьць;* ср. *Матигора*).

Конечно, вытеснение старых окончаний дат., твор. и предл. мн. новыми, теперь характеризующее все восточнославянские языки, не сразу закончилось и не сразу распространилось повсеместно на всей территории древней Руси. Напротив, это был длительный процесс, завершившийся (по крайней мере, в московской речи) лишь ко второй четверти XVIII столетия. В Уложении 1649 г. старые формы встречаются не реже, чем новые: по *город**омъ,*** з *город**ы,*** в *город**ѣхъ,*** по *дѣл**омъ,*** лихими *дѣл**ы,*** во всякихъ *дѣл**ехъ;*** (чинить) *товари**щемъ*** ихъ, с *товарыщ**и;*** *отц**омъ*** и *матер**емъ,*** с *запис**ми,*** в *памет**ехъ*** и т. п.

Особенную живучесть из этих форм обнаруживает в это время форма творительного мн., которая со своими старыми окончаниями ***-ы,-и,-ьми*** изредка употреблялась в литературной речи ещё и в XVIII в. Старою формою творительного мн. иногда пользовался Ломоносов: со многими *народы,* разными *способы,* со *внучаты,* с *товарищи* своими и др. Форма *с товарищи* (в нашем значении „компания") встречается ещё у Пушкина: „Гюго с *товарищи*" („Домик в Коломне"). Форма *вороты* у него же в „Сказке о рыбаке и рыбке" („с дубовыми тесовыми *вороты*") является не фактом разговорной речи, а фактом стилизации. В языке севернорусского фольклора форма тв. мн. на ***-ы, -и*** дожила и до наших дней: за *мхами,* за *болоты* (Сарат. обл.), за тремя *красны крылечки* (Владимирск. обл.), со цёсныма своима *родители* (Арханг. обл.), хвастат *кони* добрыма (Печора) и т. д.

Что касается обстоятельств и условий вытеснения старых окончаний дат., твор. и предл. мн. новыми, то они недостаточно изучены. Возможно, что причин было несколько. Следует прежде всего принять во внимание, что по III склонению изменялись существительные не только женского рода, но и мужского: *воевода, староста, судья* и др., и, следовательно, окончания ***-ам,-ами, -ах,*** не будучи только принадлежностью „женского" склонения, могли быть легко усвоены в I склонении мужского, а потом и среднего рода, как усвоено было и заимствованное из того же III склонения новое окончание именительного пад. мн. числа (см. § 67). Сыграло роль и то обстоятельство, что в дательном и предложном падежах, в мягком различии, в неударенном положении старые формы дательного и предложного в I и IV склонениях, с одной стороны, и в III склонении,—с другой, фонетически были очень близки, а во многих говорах и совпадали. Ср.: ***кóнем, кóнех, помѣстьем, помѣстьех, записем, записех*** и: ***землям, землях*** (> *землем, землех*). В среднем роде во всех склонениях им.-вин. мн. издавна оканчивался на ***-а***(***-а*** или-***'а***): *сёла, поля, имена* и пр., и это обстоятельство, в свою очередь, могло способствовать утверждению новых окончаний ***-ам,-ами,-ах*** в среднем роде и т. п.

§ 76. Разносклоняемые существительные. В древнерусском языке не было такого обилия „разносклоняемых" существительных, как в современном русском языке. К определённо разносклоняемым в древнерусском языке, пожалуй, можно отнести только существительные на ***-инъ*** и ***-анинъ, -янинъ****: бояринъ: бояре, татаринъ. татары, горожанинъ: горожане, деревлянинъ:*

деревляне и т. п., изменявшиеся в единственном числе по I склонению, а во множественном — по V.

Другие разносклоняемые существительные в современном русском языке — все более или менее позднего происхождения (*сосед: соседи* и пр.). В частности, сюда относятся многие одушевлённые существительные типа: *брат: братья* и т. д. Как известно, слово *братья* по происхождению — собирательное существительное женского рода, изменявшееся по III склонению, по типу *земля,* в единственном числе. Оно сохраняло своё склонение по единственному числу в течение долгого времени, но в конце концов в форме именительного падежа получило значение множественного числа от *брат* (при новом родительном *братьев*) и вытеснило старую форму именительного множественного числа от *брат — брати*. В XVII в. слово *братья* ещё употреблялось и в той, и в другой функции. Например, в Уложении 1649 г.: „дочерямъ вотчинъ з *братьею* не давать, пока *братья* ихъ живы, а как *братьи* ихъ не станетъ ...“ Но другие существительные этого типа (*дядья* (при им. ед. *дядя*) и др.) в Уложении изменяются только по множественному числу, род. мн.: *дядьев* или *теток* и т. д.

В древнерусскую эпоху не только *братья* и *дядья,* но и ряд других подобных существительных (*зятья, къняжья* > *князья, дружья* > *друзья* и пр.) употреблялись как собирательные существительные. Например, в I Новгородской летописи по Синод. списку: „позванъ полотьскою *княжьею*“, в московских грамотах великих князей: „кого ми дасть бог *зятью*“ (в духовной Ивана Ивановича 1358 г.).

Некоторые разносклоняемые существительные типа *брат: братья* появились в более позднее время по аналогии со старыми образованиями *муж: мужья,* также — *сын: сыновья* (где *-овья* несомненно восходит к старому окончанию *-ове* в им. мн. *сынове*) и др. Со значением множественного числа такие слова, как *братья* и т. п., по говорам начинают употребляться с XIV в.

Подобную же судьбу имели некоторые собирательные существительные среднего рода на ***-ье,*** обозначавшие неодушевлённые предметы: *листье, перье, деревье* и т. п. Во многих говорах и в языке Москвы они получили форму на ***-ья,*** возможно, под влиянием *братья* и т. п., и стали изменяться только во множественном числе, как и *братья,* по образцу существительных типа *край* (с основой на ***j: и̯***): *листья,* род. *листьев* (как множест-

венное число от *лист*) и т. д. В Уложении 1649 г. эти существительные иногда ещё употребляются в единственном числе: то бортное *деревье*, бортному *деревью*, но: тѣмъ бортнымъ *деревьямъ*; бити *кнутьемъ*. Ср. в „Житии“ протопопа Аввакума: по *каменью* тащили, подъ *каменьемъ* лежу; били *батожьемъ*. Впрочем, ср. в литературном языке ещё у Тютчева: „Смотри, как *листьем* золотым стоят овеяны берёзы“ и т. п. В северноруских говорах, где именительный мн. на ***-ья*** получил широкое распространение, причём иногда допускается и в женском роде: *березья, дырья, лошадья* и т. п., всё же сохранилось немало остатков старого склонения.

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 77. Краткие и полные прилагательные. В древнерусском языке прилагательные были краткие и полные (или сложные). По своей синтаксической функции и по своему грамматическому значению полные прилагательные отличались от кратких. Однако те и другие могли употребляться в качестве определения. Конечно, не всякое прилагательное имело и краткую, и полную форму. Тем не менее, очень многие прилагательные, которые в современном русском языке употребляются только в полной форме, в древности были возможны и в кратком варианте. Например, относительные прилагательные: *каменъ, -а, -о*: „бѣ бо тутъ теремъ *каменъ*“ („Повесть временных лет“, 6453 г.[1]); *деревянъ, -а, -о*: „заложиша градъ ... *деревянъ*“ (Псковская I лет., 6972 г.[2]); *зимьнъ, -я, -е*: „бѣ бо уже время *зимно*“ („Житие Бориса и Глѣба“); также: *русьскъ, -а, -о*: „держа *руську* землю“ (Мстиславова грамота, ок. 1130 г.) и т. д. Ср. в современном русском названия городов на ***-ск*** из ***-ьск-ъ***: *Курск, Смоленск, Полоцк* (из Полотьскъ) и пр. Напротив, притяжательные прилагательные употреблялись только в краткой форме.

КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 78. Краткие качественные и относительные прилагательные. По своему значению краткие прилагательные в древнерусском языке были качественные *(добръ, -а, -о; синь, -я, -е)*, относительные *(каменъ, -а, -о; русьскъ, -а, -о)* и притяжа-

[1] В 6453 г., т. е. в 945 г.

[2] В 6972 г., т. е. в 1464 г.

тельные *(отцевъ, -а, -о; сестринъ, -а, -о, кънянсь, -я, -е)*. Все они склонялись одинаково: в мужском роде по I склонению, в женском по III, в среднем — опять по I. Одни склонялись по твёрдому различию *(добръ, -а, -о, сестринъ, -а, -о)*, другие — по мягкому *(синь, -я, -е, кънянсь, -я, -е)*. Каждое прилагательное изменялось по родам (мужскому, женскому и среднему) и числам (единственному, множественному и двойственному).

С течением времени краткие прилагательные, качественные и относительные, перестали употребляться в функции определения, будучи вытеснены соответствующими полными прилагательными. Вот почему они утратили своё прежнее склонение. Краткие качественные прилагательные всё же сохранились в языке, но не в функции определения, а в роли сказуемого (или предикативного члена составного сказуемого), согласованного с подлежащим. Поэтому они теперь имеют только одну форму именительного падежа, причём в единственном числе с изменением по родам, а во множественном — без такого изменения: *добръ, -а, -о* (ед.); *добры* (мн.), *синь, -я, -е* (ед.); *сини* (мн.).

Конечно, возникновение во множественном числе одной общей формы для всех трёх родов находится в явной связи с тем процессом слияния разнообразных типов склонения существительных во множественном числе и образования общей флексии, о котором только что была речь. Форма на *-ы* для всех трёх родов в твёрдом различии: *добры, больны, сыты* и пр., типичная у нас для литературной речи, установилась не сразу. Долгое время с ней конкурировала форма на *-и*, по происхождению мужского рода. Она постепенно вытеснялась формой на *-ы*. Ещё очень распространённая в московских памятниках первой половины XVI в., с середины XVII в. она встречается только в единичных случаях, например, в Книге о ратном строе 1647 г.: „братия *пьяни*, государи *ради*, они ... *прости*", а в Уложении 1649 г. только один раз: „поймани ... *пьяни*". Изредка она встречается также у писателей первой половины XIX столетия. Например, у Пушкина: „Взять тебя мы все бы *ради*" („Сказка о мёртвой царевне"); у Лермонтова: „Когда мы *ради* всё отдать" („Моряк"), „И три дни были *пьяни*| Все на подбор ..." („Сашка") и др.

Краткие непритяжательные прилагательные в функции определения вышли из речевого обихода, конечно, не сразу и не одновременно во всех говорах. Главным образом в словосоче-

таниях определённого типа, чаще в форме именительного падежа, они иногда употреблялись наряду с полными прилагательными, но, чем ближе к нашему времени, всё реже и реже. Не только в XVI, но и в XVII в. в Москве ещё говорили: „пришелъ чернец *молодъ*, взялъ конь *сивъ*, взяли меринъ *рыжь*, (некто) послалъ бобръ *карь;* прислали ковшъ *золотъ*"*;* при перечислении: „да шуба отласъ *синь* ... да сапоги сафьяны *червлены*" и т. п., с предикативным значением в сочетании с глаголом-сказуемым, например, в Соборном Уложении: „отвѣтчикъ ... учинится *силенъ*, останутся дети *глухи* и *нѣмы*, учнут сказыватися *больны*, жена ... дитя родитъ *мертво*, и ея казнити ... *живу* окопати в землю" и т. п. Вне подобных словосочетаний определённого типа краткие непритяжательные прилагательные в XVII в. встречаются только в отдельных случаях. Например, в той же Уложенной книге: „допрашивати ... *женескъ* полъ послати дворянина *добра*". Однако в разных говорах дело обстояло по-разному. Судя по двинским грамотам XV столетия, во многих севернорусских говорах краткие непритяжательные прилагательные в функции определения вышли из обихода раньше, чем в Москве.

Впрочем, в книжно-литературном языке, где церковнославянские элементы всегда были ощутительнее, краткие качественные прилагательные ещё возможны и в середине XVIII столетия. Например, у Ломоносова в „Оде на взятие Хотина" (1739): „героев слышу *весел* клик" и т. п. Следует при этом отличать краткие прилагательные от „усечённых" полных, наблюдающихся только в определённых падежных формах и напоминающих „стяженные" формы, очень нередких в стихотворной речи даже и в XIX в. Например, у Пушкина: „Мы все сойдём под *вечны* своды". „Он пел ... И нечто и *туманну* даль". „Заслышит их *домашни* дроги..."

В современном литературном языке ещё возможны такие остатки именного склонения прилагательных, как „среди *бела* дня", „по *белу* свету", „на *босу* ногу", „*мал мала* меньше" и т. п.

В говорах, главным образом севернорусских, широкое распространение получили стяжённые (в определённых падежных формах) полные прилагательные, которые не следует смешивать с краткими прилагательными: *зла* собака (из *злаа* $<$ *злая*), *большо́* село (из *большоэ* $<$ *большое*), *в но́ву* избу, *ма́леньки* дети, в *пре́жни* годы и т. п. Промежуточные формы вроде *злаа, большоэ* и т. п. также засвидетельствованы некоторыми северно-

русскими говорами (например, Кировской, Молотовской и других областей).

Следует отметить, что в сложных названиях городов, и вообще в географических названиях, краткие прилагательные держались долго. Так, в Уложении 1649 г.: (посланы) в *Новъ* же городъ, в *Новѣ* городѣ, з *Бѣла* озера, в *Бѣлѣ* городѣ.

§ 79. Притяжательные прилагательные в древнерусском языке были вполне продуктивными образованиями. Они употреблялись часто, их было значительно больше.

Прежде всего следует отметить, что, кроме прилагательных на ***-овъ:-евъ:*** *братовъ* конь, *Ивановъ* сынъ, *Петровъ* дьнь, *отьцево* имѣнье, *Андреева* грамота, и ***-инъ:*** *сестринъ* домъ, *вдовина* дъчи, *судьинъ* приказъ, *Ильинъ* дьнь (от существительных на ***-а: -я***); *гостинъ* двор (от существительных на ***-ь***) и пр., были в употреблении ещё краткие притяжательные на ***-ь,-я,-е*** (точнее: ***-jь, -ja, -je***). Они имели основу на ***j***, в сочетании с которым предшествующие согласные так или иначе изменились ещё в эпоху общеславянских языковых переживаний (см.§ 35). Так, в Мстиславовой грамоте 1130 г.: се азъ Мьстиславъ *Володимирь* сынъ (Владимировъ сын, сын Владимира). Так, в „Слове о полку Игореве": по замышлению *бояню* (боянову, от „Боянъ", им. п. *боянь, бояня, бояне;* замышление *бояне*), вѣтри *стрибожи* внуци (стрибоговы, от „Стрибогъ" — бог ветров; им. ед.: *стрибожь* внук); *святославли* носады (святославовы, от „Святослав"; им. ед.: *святославль* носадъ) и т. д. Прилагательные этого типа были обычным явлением ещё в XVI в., в частности в языке Москвы: *намѣстничь* судъ, *приставль* братъ, старосту *рыболовля* (вин. ед.), *сокольничя* пути и пр., и нередки даже в XVII в., например в Уложении: на *патриаршъ* двор, на *патриарше* дворѣ; за *епископле* бесчестье, изъ *мужня* окладу, *матерня* имѣния и др. Сюда же по происхождению относятся, ещё в XVI в., отчасти позже, между прочим, и такие названия праздников, как *Боришь* день, *Семень* день (род. ед.: *Семеня* дни) и пр., названия городов, ставшие существительными: *Ивань* город, *Володимирь* (или *Владимирь*) город (теперь Владимир с твёрдым *р*). Из этой группы слов сохранились: *Ярославль* (город Ярославов, с XI столетия), *Мирославль* (Мирославов город) — во Владимирской обл., *Василь-Сурск* (город Васильев, основанный в. кн. Василием III), *Перемышль* (от „Перемысл") и др. Все эти слова в современном русском языке уже являются существительными.

Категория притяжательных прилагательных на ***-ь, -я, -е*** (= ***-jь, -ja, -je***) в русском языке и других славянских исчезла. Другие же категории на ***-ов, -ев*** и ***-ин*** сохранились, но с частичными утратами в склонении. Так, во множественном числе за вычетом именительного падежа (и винительного в сочетании с неодушевлёнными существительными): *отцовы, сестрины* (для всех трёх родов), они перешли в склонение полных прилагательных: *отцовых* (род.), *отцовым* (дат.) и пр., а в единственном числе перешли в склонение полных прилагательных — в творительном и предложном падежах: *отцовым, сестриным* (твор.), об *отцовом, сестрином* (предл.). В женском роде вытеснение кратких форм полными пошло ещё дальше, особенно в говорах.

Форма предложного ед. держалась дольше, чем форма творительного, совпадавшего по окончанию с формой предложного ед. полных прилагательных мужского и среднего рода. Старая форма предложного падежа ед. числа ещё была жива в XVII столетии. Например, в Уложении: в *ысцовѣ* иску, о *дѣвкинѣ* помѣстье, на *гостинѣ* дворѣ.

Притяжательные на ***-ов, -ев*** и ***-ин*** сохранили своё старое склонение в качестве существительных-названий городов: *Данилов* (Данилов город, от „Данило"), *Киев* (от „Кый", „Кыясъ"), старое *Царицын* и т. п. В качестве существительных-фамилий они сохранили старое склонение, за исключением творительного ед.: *Петров* (Петров сын), *Сидоров, Волков* (Волков сын, сын Волка), *Пушкарёв* (сын Пушкаря), *Никитин* (сын Никиты), *Воронин* (сын Вороны) и т. д. Творительный ед. существительных-фамилий — по склонению полных прилагательных: *Петровым* и т. д.

ПОЛНЫЕ (СЛОЖНЫЕ) ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Склонение полных прилагательных

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Ед. ч.	И.	добр-ый	добр-ая	добр-ое	син-ий	син-яя	син-ее
	Р.	добр-ого	добр-оѣ (-ыѣ)	добр-ого	син-его	син-еѣ	син-его
	Д.	добр-ому	добр-ой (-ѣй)	добр-ому	син-ему	син-ей	син-ему
	В.	добр-ый (-ого)	добр-ую	добр-ое	син-ий (-его)	син-юю	син-ее

Т.	добр-ымь (-ыимь)	добр-ою	добр-ымь (-ыимь)	син-имь (-иимь)	син-ею	син-имь (-иимь)
П.	добр-омь (-ѣмь)	добр-ой (-ѣй)	добр-омь (-ѣмь)	син-емь	син-ей	син-емь

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Дв. ч.	И.-В.	добр-ая	добр-ѣи	добр-ѣи	син-яя	син-ии	син-ии

Для всех родов

Р.-П.	добр-ою	син-ею
Д.-Т.	добр-ыма (-ыима)	син-има (-иима)

		м. р.	ж. р.	ср. р.	м. р.	ж. р.	ср. р.
Мн. ч.	И.	добр-ии	добр-ыѣ	добр-ая	син-ии	син-ѣѣ	син-яя
	В.	добр-ыѣ	добр-ыѣ	добр-ая	син-ѣѣ	син-ѣѣ	син-яя

Для всех родов

Р.	добр-ыхъ (или: добр-ыихъ)	син-ихъ (или: син-иихъ)
Д.	добр-ымъ (или: добр-ыимъ)	син-имъ (или: син-иимъ)
Т.	добр-ыми (или: добр-ыими)	син-ими (или: син-иими)
П.	добр-ыхъ (или: добр-ыихъ)	син-ихъ (или: син-иихъ)

§ 80. Образование полных прилагательных. Образование полных прилагательных относится к доисторической эпохе в жизни славянства. Полные прилагательные были образованы путём сложения кратких качественных и относительных прилагательных с соответствующими формами местоимения ***и, я, е.*** Это местоимение в косвенных падежах употребляется у нас и в настоящее время, но со значением личного местоимения 3-го лица: вижу *его,* сказал *ей* и т. д. или (в род. падеже) — со значением притяжательного местоимения: *его* сын, *её* дочь, *их* дом и т. п. Первоначально же оно имело указательное значение (близкое к значению определённого члена в немецком или французском языке) и присоединялось к тому или другому краткому прилагательному для того, чтобы подчеркнуть, что речь идёт об определённом, уже известном носителе признака: „*добръ* человѣкъ“ обозначало некоторый признак (доброту, добротность)

без указания на определённого человека, которому этот признак принадлежит, а „*добръ + и* (> *добрый*) человек“ как раз значило „этот, данный, уже известный нам добрый человек“. Поэтому полные (сложные) прилагательные иногда ещё называются „членными“ прилагательными. Впрочем, эти оттенки значения рано перестали различаться.

Таким образом, способ образования полных прилагательных первоначально был прост и лёгок: в мужском роде им. ед.: *добръ* + ***и*** > *добрый* (см. § 79), род. ед.: *добра* + ***его***, дат. ед.: *добру* + ***ему*** и т. д., в женском роде им. ед.: *добра* + ***я***, в среднем роде им. ед.: *добро* + ***е*** и т. д. Однако ещё в общеславянскую эпоху в некоторых падежах начались разнообразные изменения на стыке сложенных слов. Так, в род. ед. женского рода вместо *добры* + ***ѣѣ*** получилось *добрыѣ*, в твор. ед. мужского и среднего рода вместо *добромь* + ***имь*** > *добрыимь*, в том же падеже в женском роде вместо *доброѭ* + ***еѭ*** > *доброю* и т. д.

С новыми окончаниями полные прилагательные склоняются в старославянском языке.

Но в языке восточных славян, кроме того, были пережиты ещё другие, более существенные изменения. Полные прилагательные в косвенных падежах в единственном числе вообще получили новое склонение по образцу местоимений типа ***тъ, та, то*** (в твёрдом различии) и ***мой, моя, мое*** (в мягком). Вместо *добраего, синяего* (род. ед. мужск. и сред. р.) получилось *доброго, синего* (ср. *того, моего*); вместо *добрыѣ, синѣѣ* (род. ед. женск. р.) — *доброѣ, синеѣ* (откуда потом: *доброй, синей*); вместо *добруему, синюему* (дат. ед. мужск. и сред. р.) — *доброму, синему*; вместо *добрѣемь, синиемь* (предл. ед. мужск. и сред. р.) — *добромь, синемь;* вместо *добрѣи, синии* (предл. ед. женск. р.) — *доброй, синей* и т. д. В памятниках письменности новые формы встречаются с раннего времени, с XI в. Например, в новгородской Минее 1097 г.: *тихому, вѣчному*; коньць *утрьнеѣ* и др.

Исключением является форма творительного ед. твёрдого различия мужск. и сред. р.: *добрыимь* (> *добрымь*), где ожидаемой формы *добрѣмь* (ср. *тѣмь*) не возникло, может быть, в результате омонимического отталкивания новой формы на ***-ѣмь*** от старой стяжённой формы предложного ед. мужск. и сред. рода на ***-ѣмь*** из ***-ѣемь***: *добрѣмь* в период становления новых форм.

Во множественном числе также не произошло вытеснения старых форм новыми в косвенных падежах (в твёрдом различии): *добрыихъ* > *добрыхъ* и т. д. для всех трёх родов (ср. *тѣхъ, тѣмъ* и пр.). Объяснение этого явления следует искать в воздействии формы именительного-винительного мн. на остальные падежные формы.

Что же касается именительного-винительного мн., то здесь в конце концов установилась (в твёрдом различии) форма на ***-ые***, общая для всех трёх родов: *добрые* вместо *добрии* (мужск. р.: *добрии* людье; ср.: *новии* столи), *добрыѣ* (женск. р.: *добрыѣ* жены), *добрая* (сред. р.; ср.: *новая* села, поля). Ср. в „Слове о полку Игореве“: „*великая* поля прегородиша...“.

Общая форма на ***-ые*** установилась и сохранилась с ***-ы*** несомненно вследствие её грамматической связи, с одной стороны, с краткими прилагательными и с новой общей формой именительного падежа на ***-ы*** кратких прилагательных *(добры, новы, братовы, сестрины* и пр.), а с другой, — с тем процессом слияния различных типов склонения существительных во множественном числе, о котором было упомянуто выше (§§ 67,74,75).

В мягком различии в качестве общей формы утвердилась форма именительного мн. на ***-ие***: *синие*.

§ 81. Родительный падеж единственного числа. Окончание ***-о/е го*** в современном разговорном русском языке сохраняется только в говорах, да и то почти исключительно на окраинах русской (великорусской) языковой территории: на северо-западе — в говорах поморского и олонецкого типа, на юго-западе — в говорах Орловской и Курской обл., на юго-востоке — на Дону, причём в акающих южнорусских говорах, разумеется, ***г*** звучит как фрикативный согласный: *до́бръγъ* (или: *до́браγа* и т. п.), *сляпо́γъ* (или: *сляпоγа, слипоγа* и пр.), *си́ньγъ* (или: *синяγа* и пр.) и т. д., а на севере — или как взрывной: *доброго* и пр., или тоже как фрикативный: *доброγо* и пр. (преимущественно в русских говорах Карело-Финской ССР). Во всех остальных говорах и в литературном русском языке вместо ***г*** в этом окончании употребляется ***в***. В литературном русском (в фонетической транскрипции): *до́бръвъ, с'и́н'ьвъ* (всегда в заударном положении). В письменной речи произношение ***в*** вместо ***г*** не получило отражения. В других славянских языках нигде подобного окончания не имеется, за исключением некоторых севернокашубских говоров: dobrewo и т. п.

Объясняют это **в** по большей части так: взрывной согласный **г** в положении между гласными **о — о**, **е — о** в этом окончании с течением времени стал произноситься с фрикацией, а потом и вовсе исчез: **-о/е го** > **о/еγо** > **о/е — о**. Получилось „зияние", которое потом было устранено: перед лабиализованным **о** мало-помалу развился **в**. Произошло это на севере, в о к а ю щ и х говорах, а потом форма с **в** распространилась и на территории а к а ю щ и х говоров.

Действительно, на северо-западе имеются говоры с фрикативным **г** в окончании **-о/е го** (при взрывном произношении **г** в остальных положениях). Там же (и в других местах) имеются говоры с „зиянием": *доброо, слепоо*. Перед начальным **о**, в частности, в таких единичных словах, как *господь*, с исчезнувшим **г**, в говорах, действительно, иногда оказывается **в**: *восподь* (ср. в литературном русском языке: *восемь* из *осмь, навострить* лыжи, *вотчина*). Таким же путём получилось в некоторых говорах: *повост* из *погост*.

Допустимо, однако, и другое более простое объяснение. Полные прилагательные могли заимствовать своё **в** в окончании **-о/е го** из формы родительного ед. мужск. и сред. р. кратких притяжательных прилагательных на **-ов-ъ**, **-ев-ъ**: *братова, отьцева, Петрова дня*, но в особенности *Иванова (сына), Андреева (сына)* и т. п., получивших в качестве фамилий столь широкое распространение именно в русском языке. В пользу этого предположения в особенности свидетельствует тот факт, что форма родительного ед. полных прилагательных мужск. и сред. рода во многих (может быть, даже в большей части) окающих севернорусских говорах оканчивается на **-о/е ва** (с конечным гласным **а**): *доброва, слепо́ва, си́нева* и т. д. В московской письменности полные прилагательные с формой родительного ед. на **-о/е ва** встречаются, по крайней мере, с половины XVI столетия, тогда как первые (скудные и мало убедительные) примеры написания **в** вместо **г** в этом окончании не старше конца XV в. Правда, в печатном Уложении 1649 г. форма род. ед. зарегистрирована только с окончанием **-во**: *подъячево, доброво, злово* умысла и пр., но в рукописных источниках этой книги, например в Указной книге Поместного приказа, форма родительного ед. полных прилагательных на **-ва** является обычной формой: *роднова* брата, *думнова* дьяка, Бориса *Долгорукова* и пр. Таким образом, сначала появилось окончание

-о/е ва, а позже, как следствие контаминации с ***-о/е го,*** возникло и окончание ***-о/е во.***

В женском роде в родительном ед. в литературной речи и в большей части говоров в конце концов установилась форма на ***-ой, -ей*** (из ***-оѣ: -еѣ***): *доброй* (< *доброѣ*), *синей* (< *синеѣ*) и т. д. Но имеются говоры (особенно на севере), где до сих пор ещё уцелела старая форма на ***-ыѣ*** (> ***-ые*** > ***-ыё***) и возникшая под её влиянием форма на ***-иѣ*** (вместо ***-ьѣ,*** с дальнейшими изменениями: ***-ие*** > ***-иё***): от *молодые* жены, у *родимые* у матушки, мукѝ *ржаные;* маленькая собачька лаёт — от *большыё* слышыт и т. п. В Москве эта форма сохранялась до конца XVII в. В Уложении: для *рыбные* ловли, выше *торговые* цѣны, без *лишние* волокиты и т. п.

§ 82. Формы сравнительной степени. В современном русском языке имеется несколько форм сравнительной степени: 1) на ***-ее,*** откуда: ***-ей*** (главным образом не после шипящих) — ***новее*** (или ***новей***), ***добрее, сильнее*** и пр.; 2) на ***-е*** (почти исключительно после шипящих): ***ниже, выше, короче, чаще*** и т. п.; также *дешевле*, и только у писателей XIX в.: ***боле, мене, доле*** и пр.; например, у Пушкина: „Я вам пишу... чего же ***боле***" и пр.; 3) на ***-ше: тоньше, старше*** и пр.

Но с каким бы суффиксом ни употреблялась сравнительная форма, она всегда остаётся неизменяемой. Не только в тех случаях, когда сравнительная форма по своей грамматической роли в предложении является наречием: в этой комнате *светло,* а в той ещё *светлее* (т. е. более светло) и т. п., но и в тех случаях, когда она является прилагательным: я знаю человека *сильнее* тебя (т. е. более сильного) и т. п., она не изменяется, не согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже, как полагается прилагательным.

В древнерусском языке, как и в других славянских языках в древности, сравнительная степень прилагательных изменялась по родам, числам и падежам. Мы, например, говорим: „мой брат *добрее* меня" и „твоя сестра *добрее* тебя", а по-древнерусски следовало бы сказать: „мой брат *добрѣи* мене", но: „твоя сестра *добрѣйши* тебе". Мы скажем: „эти люди *добрее* нас", употребляя всё ту же форму *добрее.* А по-древнерусски надо было бы сказать: „ти людье *добрѣйше* насъ".

Прилагательные сравнительной степени в древнерусском языке употреблялись и в краткой, и в полной форме. Основа кратких

прилагательных сравнительной степени образовывалась с помощью или суффикса *-ѣйш-* (из *ѣ-јьш-*, причём после шипящих согласных *ѣ* заменялся гласным *а*): *добрѣйш-, новѣйш-, крепчайш-, позднѣйш-* и пр., или суффикса *-ьш-* (из *-јьш-*): *больш-* (из *бол-јьш-*), *хужьш-* (из *худ-јьш-*) и т. д. С этим суффиксом и, следовательно, с основой на *ш* прилагательные сравнительной степени употреблялись во всех падежах, кроме именительного ед. мужск. и сред. р., где суффиксального *ш* не оказывается:

им. ед. мужск. р.:	добрѣи,	женск. р.:	добрѣйши,	сред. р.:	добрѣе
	новѣи		новѣйши		новѣе
	болии		больши		боле
	хужии		хужьши		хуже

С исторической точки зрения в форме им. ед. женск. р. *добрѣйши* гласный *и* является окончанием (ср. им. ед. женск. р. *кънягыни*), тогда как такое же *и* в форме им. ед. мужск. р. и *е* в форме им. ед. сред. р. являются не окончаниями, но суффиксами. Впрочем, в среднем роде очень рано установилась форма на *-ѣйше*, *-ьше*: *добрѣйше, больше*.

Склонялись такие прилагательные по образцам: *конь (край), земля (кънягыни)* и *поле (съпасенье)*.

Род. ед. мужск. р.:	добрѣйша,	женск. р.:	добрѣйшѣ,	сред. р.:	добрѣйша
	больша		большѣ		больша

и т. д.

Особо отметим только:

вин. ед. мужск. р.:	добрѣйшь,	женск. р.:	добрѣйшу,	сред. р.:	добрѣе (или: добрѣйше)
	большь		большу		больше
им. мн. мужск. р.:	добрѣйше,	женск. р.:	добрѣйшѣ,	сред. р.:	добрѣйша
	больше		большѣ		больша

Форма сравнительной степени с суффиксом *-ѣйш-* употреблялась чаще, чем с суффиксом *-ьш-* (из *-јьш-*). С этим последним суффиксом сравнительная форма образовывалась только от определённых категорий прилагательных: а) от некоторых „первичных“, точнее — бессуффиксальных прилагательных, вроде *худъ, -а, -о: хужии, хужьши, хуже;* б) от „первичных“ же прилагательных, образующих сравнительную форму от другой основы: *великъ, -а, -о*: *болии, больше, боле;* или: *вячии, вячьши, вяче*

(корень *вęт-*), *малъ, -а, -о*: *мьнии, мьньши, мьне; добръ, -а, -о: лучии, лучьши, луче* и пр.; в) от корневой основы некоторых прилагательных с суффиксами ***-ок, -ък:*** *выс-окъ, -а, -о: вышии, вышьши, выше; низ-ъкъ, -а, -о: нижии, нижьши, ниже; глуб-окъ, -а, -о: глублии, глубльши, глубле* и т. п.

От некоторых прилагательных, в частности с суффиксами ***-ок,-ък,*** можно было образовать сравнительную форму и по первому, и по второму способу: *крѣпъкъ, -а, -о:* а) *крѣпъчаи, крѣпъчаиши, крѣпъчае,* или: *крѣпъчайше*, и б) *крѣплии, крѣпльши, крѣпле,* или: *крѣпльше* (*пл* из *пj*). Ср. *высочаи: вышии, глубочаи: глублии* и пр.

Полные формы сравнительной степени образовывались из кратких путём присоединения к ним соответствующих форм местоимения ***и, я, е:*** *добрѣи, добрѣйшия, добрѣйшее,* откуда потом: *добрѣйший, добрѣйшая, добрѣйшее; болии, большия, большее,* откуда потом: *больший, большая, большее* и т. д. Склонялись полные прилагательные сравнительной степени совершенно так же, как полные прилагательные положительной степени мягкого варианта.

История к р а т к и х форм сравнительной степени сильно отличается от истории полных форм. С течением времени краткие формы перестали употребляться в роли определения и в связи с этим потеряли склонение, как бы застыв в форме именительного ед. сред. р.: на ***-ее*** из ***-ѣе*** (*добрее* и пр.), на ***-е*** (*выше* и т. п.), на ***-ше*** (*старше* и пр.). В говорах форма сравнительной степени на ***-ее*** явно преобладает и вытесняет другие формы, в особенности на ***-е***: *хужее, ближее, сушее, тужее* (ср. у Ершова в „Коньке-Горбунке“: „Да завязывай *тужее*“, рифма: „на шею“). Ср. в литературном языке: „(оглушил) *звончее* всяких труб“ (Грибоедов), но: „*звонче* жаворонка пенье“.

Особо следует отметить форму сравнительной степени на ***-яе*** ***(-'ацэ)*** (и далее:***-яй,-яя***) не после шипящих, типа *добряе, сильняе* и т. п., возникшую под влиянием таких образований, как *крепчае* (где ***а*** из ***ѣ***), и получившую распространение главным образом на севере. Эта форма на ***-яе*** (как и её прототип на ***-ае*** после шипящих) была в разговорном языке известна в Москве и в подмосковных говорах уже в середине XVII в. Например, в одном письме боярина Б. Морозова 1660 г.: чтоб *поскоряе* отказали и т. п. Впоследствии эта форма долго держалась в Москве (почти до конца XVIII столетия). Она нередко встречается в произве-

дениях москвича Сумарокова: „Сыр мыши *пожирняе*, | Так стала кошка *посмирняе*"; „*Страшняе* дьявола неправедной судья" (в „Притчах"), „Привычка естества *сильняе* иногда" („Синав и Трувор"); „Что *зляй* минут мне сих?" („Хорев"), „смотрит *бодряе*" („Трессотиниус") и т. п. Но уже Ломоносов в своей „Российской грамматике" (1757), хотя и не очень решительно, отдаёт предпочтение форме сравнительной степени на ***-ее (-ѣе)***, утверждая, что „*блеклее, светлее* (при: *блекляе, светляе*) равное или и лучшее достоинство имеют".

Иначе сложилась история полных прилагательных сравнительной степени. Они сохранили свою прежнюю роль в предложении и своё изменение по родам, числам и падежам. Но прилагательные на ***-ейший, -айший*** утратили своё прежнее значение и получили новое значение превосходной степени: *добрейший, -ая, -ее, сильнейший, -ая, -ее, крепчайший, -ая, -ее* и т. д. Впрочем, со старым значением сравнительной степени эти прилагательные были возможны ещё в недавнее время: (он) „*огромнейший* первого камень схватил" („Одиссея", в переводе Жуковского), „о летней работе, впятеро *тяжелейшей*" (Достоевский, „Записки из мёртвого дома"), „вскричала она в ещё *сильнейшем* испуге" (Достоевский, „Унижённые и оскорблённые").

Со старым значением сравнительной степени употребляются: *бóльший, -ая, -ее* и *меньший, -ая, -ее*. Ещё недавно можно было употребить в этом значении также и *старший,-ая,-ее*. Ср. у Герцена: „у моего отца был ещё брат, *старший* обоих" (XII, 21).

Превосходная степень в древнерусском языке выражалась не только морфологически (т. е. посредством основообразующих суффиксов), но и с помощью лексических средств, путём прибавления к положительной степени прилагательных особых усилительных слов: *вельми* и др., впоследствии: *очунь* > *очень* и др., в более позднее время: *самый, самая, самое*.

Этой же цели в литературном языке служила приставка *прѣ-* (заимствованная из старославянского языка): *прѣдобрый* и пр.

3. МЕСТОИМЕНИЯ

Склонение личных и возвратного местоимений

Ед. ч.	И.	язъ, я	ты	
	Р.	мене	тебе	себе
	Д.	мънѣ, ми	тобѣ, тебѣ, ти	собѣ, себѣ, си

	В.	мя, мене	тя, тебе	ся, себе
	Т.	мъною	тобою	собою
	П.	мънѣ	тобѣ, тебѣ	собѣ, себѣ
Дв. ч.	И.	вѣ	ва	
	В.	на	ва	
	Р.-П.	наю	ваю	
	Д.-Т.	нама	вама	
Мн. ч.	И.	мы	вы	
	Р.	насъ	васъ	
	Д.	намъ, ны	вамъ, вы	
	В.	насъ, ны	васъ, вы	
	Т.	нами	вами	
	П.	насъ	васъ	

§ 83. Личные и возвратное местоимения. Личные местоимения первого и второго лица с доисторического времени не имели родового значения и не выражали его, но изменялись по падежам и числам.

Заслуживает внимания прежде всего форма именительного падежа ед. числа. Старейшей формой именительного ед. в народном древнерусском языке следует считать *язъ*, откуда в разных говорах, в разное время — *я* (может быть, под влиянием односложной формы на гласный звук *ты*). В литературном языке употреблялась форма *азъ*, представляющая собою старославянский вариант формы *язъ*, без йотации начального *а*. В Мстиславовой грамоте ок. 1130 г. все три формы употребляются одна за другой: „се *азъ* Мьстиславъ; а *язъ* далъ; а се *я* Всеволод..."

Из современных славянских живых языков форма *аз* употребляется только в болгарском (в литературном и в говорах), а *яз* — только в словенском. В других славянских языках и в русском имеется в настоящее время только *я*. Но форма *яз* долго держалась в русском. В Москве в первой половине XVI столетия она ещё была обычной, если не единственно возможной формой. В середине XVII в. она употреблялась на одинаковых правах с *я*, в дальнейшем постепенно отступая на второй план. Любопытно, что в письмах царя Алексея Михайловича уже преобладает форма *я*: „*я* топере кладуся на васъ" и пр. (хотя встречается и *яз*: „*язъ* ему не воспомянулъ" и др.), тогда как в письмах и грамотах Никиты Одоевского, напротив, обычной

формой является *яз:* „пожаловалъ *язъ* — послалъ, и ныне *язъ* мяса купилъ на Москве" и т. д. Ср. в Новгородских бобыльских порядных XVII в.: „се *язъ* порядился есми".

Форма родительного, а позже и винительного ед. в древнерусском языке и повсеместно в славянских языках сначала оканчивалась на ***-е:*** *мене, тебе (себе)*. В современном литературном русском и во многих говорах (севернорусских и среднерусских) она оканчивается на ***-'а (-я):*** *меня, тебя (себя)*. Это новое окончание появилось сравнительно поздно, по памятникам — с XV в. Объясняют его по-разному, но наиболее вероятным является предположение, что окончание ***-'а (-я)*** возникло под влиянием краткой, или „энклитической", формы винительного ед. *мя, тя, ся* (о которых см. ниже) и было подкреплено формой родительного-винительного ед. на ***-а, -я (-'а)*** личных существительных мужск. р.: *брата, учителя, Петра, Андрея* и т. п.

Форма дательного-предложного ед. личного местоимения 2-го л. и возвратного в народном древнерусском языке с дописьменного периода по большей части употреблялась с ***о*** после ***т:*** *тобѣ, собѣ.* Но была известна и форма с ***е:*** *тебѣ, себѣ.* С течением времени форма с ***е,*** поддержанная книжно-литературной традицией (в старославянском языке не было формы с ***о***), получила большое распространение и вытеснила старую форму с ***о*** во многих говорах, в частности, в языке Москвы и в московской письменности к началу XVII столетия.

Другие падежные формы этих местоимений ни в единственном числе, ни во множественном не вызывают особых замечаний. Не следует упускать из виду, что, кроме единственного и множественного числа, в древнерусском языке ещё имелось двойственное число. Формы двойственного числа: *вѣ, на, наю, нама; ва, ваю, вама* встречаются только в старших письменных памятниках народного древнерусского языка. Так, в „Слове о полку Игореве": „а *вѣ* сокольца опутаевѣ (Гза и Кончак); ни *нама* будет сокольца, ни *нама* красны дѣвицы, то начнутъ *наю* птицы бити въ полѣ Половецкомъ".

Особо следует остановиться на судьбе так называемых энклитических, или кратких, местоимений личных и возвратного: *ми, ти, си* (дат. ед.), *мя, тя, ся* (вин. ед. из мę, тę, сę), *ны, вы* (дат. и вин. мн.). Они долго жили в народной восточнославянской речи. В деловом и разговорном языке Москвы они употреблялись ещё в первой половине XVI в.:

„скажи *ми,* велѣлъ *ми,* отдали *ми* соболи; имѣти *ти* меня собѣ господиномъ, а как *ми тя* отпустити; а не скупилъ *мя,* господине, нихто“ и т. п. (но *си* уже исчезло). К началу XVII в. энклитические местоимения в старомосковской речи вышли из обращения. Только одна из этих форм *(ся)* пережиточно сохранилась в качестве залоговой частицы, которая долгое время могла употребляться свободно и лишь постепенно была окончательно закреплена за глаголом. В Москве ещё в середине XVI столетия *ся* могло предшествовать глаголу и быть отделено от него другими словами. Так, в Судебнике 1550 г.: „чей *ся* жребий выйметъ, тотъ; сына... которой *ся* у него родитъ; а тотъ *ся* вѣдаетъ со своимъ знахоремъ“ и т. д. Но в начале XVII столетия свободное употребление *ся* в разговорной речи уже представляет собою очень редкое явление и вскоре прекращается. В Уложении не имеется ни одного случая употребления *ся* отдельно от глагола. Но это явление ещё возможно в пословицах и в поговорках, записанных в XVIII в.: „Лиска лжот, да на хвост *ся* шлiôт“; „Куда *ся* не кинуть, так по уши в смолу“ и т. д.

§ 84. Личное местоимение 3-го лица. Первоначально в славянских языках личные местоимения были только 1-го и 2-го л. Личного местоимения 3-го л. не было. Но оно появилось очень рано, во всяком случае ещё в эпоху до появления первых книг на старославянском языке. По своему происхождению оно является не личным, а указательным. Точнее говоря, оно было образовано путём сложения двух указательных местоимений: 1) *онъ, она, оно,* род. ед. *оного, оноѣ, оного* и т. д. по образцу *тъ, та, то* (см. § 85) и 2) *и, я, е,* род. ед. *его, еѣ, его* и т. д. по образцу *мои, моя, мое* (см. § 86). У первого были заимствованы формы именительного падежа ед., мн. и дв. числа, а у второго — формы косвенных падежей (включая сюда, разумеется, и вин.). Ср. в склонении личного местоимения 1-го л. (с очень древнего времени) подобные же отношения между именительным падежом и косвенными: *я,* но *мене* (род. ед.), *мънѣ* (дат. ед.) и пр., *мы,* но *насъ* (род. мн.) и пр., *вѣ* (им. дв.), но *наю* (род., предл. дв.) и т. д. Замечаний требуют только отдельные падежные формы:

а) В именительном падеже личное местоимение 3-го л. ещё в древнерусскую эпоху отличалось по ударению от указательного (*óнъ, онá, онó,* но: *óнъ, óна, óно* и т. д.). Впрочем, в Чудовском Новом завете XIV в. (древнейшей рукописи с ударениями над словами) ещё наблюдается колебание: *óни*: *ониí.*

б) Винительный падеж (старый, не равный род.) у этого нового личного местоимения: *и, ю, е* (вин. ед.; по-старославянски: и, ѭ, ѥ), *ѣ, ѣ, я* (вин. мн.; по-старославянски: ѩ, ѩ, ꙗ) нередко встречается в древнерусских текстах, постепенно уступая место родительному: *его, еѣ, его* (ед.), *ихъ* (мн.). Так, в „Повести временных лет“: „взяша *и* (его) въ лодью, учашеть *и* (Владимира) мати (Ольга) креститися;... и принесоша *я* (деревлян; старославянское ѩ)... вринуша *е* (=ѥ из *ѣ*) въ яму; побегоша людье... и повелѣ Ольга имати *е* (=ѥ из *ѣ*)“ и т. д. Новая форма винительного в письменных памятниках появилась в XII—XIII столетиях. Особенность этой формы винительного (равной родительному) заключается в том, что она употребляется независимо от того, идёт ли речь об одушевлённом предмете или о неодушевлённом: вижу *его (волка, стол* и т. д.).

Из этих вариантов старой формы винительного падежа в севернорусских говорах (северо-западных, поморских и др.), в разговорной речи и в фольклоре уцелела форма вин. ед. женск. р. *ю* (после предлогов *ню*). Например, в „Онежских былинах“ по записи Гильфердинга: „целовал *ю* во уста во сахарнии“, в песнях, записанных П. И. Рыбниковым: „он *ю* (поленицу) надвое порозорвал; на *ню* (супротивницу) красное солнышко не оппекёт...“; в былинах новой записи (советского времени): „добру-молодцу-богатырю *ю* (силушку царя Каина) не объехать-то на добром кони“ (Былины М. С. Крюковой, 1,87).

в) В литературном языке XIX в. в родительном-винительном ед. женск. р., кроме обычной, народной по происхождению формы *её* (из *еѣ*), была употребительна ещё форма *ея* (из старославянского ѥѩ). Например, у Пушкина: „На крик испуганный ***ея*** | Ребят дворовая семья | Сбежалась шумно...“ („Евгений Онегин“, VII).

г) В косвенных падежах после предлогов формы личного местоимения 3-го л. с древнейшего времени начинаются с *н: у него, к ней, с ними* и т. д. С мягким ***н*** эти формы употребляются и в старославянском языке. Это ***н*** появилось вследствие „переразложения“ сначала после определённых предлогов: *въ, съ, къ*, оканчивавшихся некогда на ***н*** (ср. в латинском *in* = в, *cum* = с и т. д.); оно оторвалось от предлогов и примкнуло к следующей соседней морфеме: *сън имь* > *съ нимь*. Тот факт, что ***н*** было закреплено только за формами косвенных падежей личного местоимения 3-го л. (ср.: *с Иваном, с елью* и т. п.), можно поставить

в связь с тем обстоятельством, что все местоимения, изменяющиеся по родам, в славянских языках начинаются **согласными** звуками (не *j* или *и*): *сего, чего* и пр. В сербском языке употребление этого *н* не ограничено положением после предлогов: род. ед.: *њега*, дат. ед. *њему* и т. д. И у нас кое-где по говорам встречается такое употребление *н:* например, в говорах Шенкурского р-на: *него* люди науцили, хвастал *ней,* говорит *ним.* Но чаще, наоборот, это новое *н* отсутствует и после предлогов: *у его, к ему, с им, с ими* и пр. С другой стороны, ср.: *снять* (из *сън-я-ти*), а также: *принять, унять, вынять* (вытесненное в ряде говоров новообразованием *вынуть*) и другие (с обобщённым новым корнем *ня* вместо *я*). Такого же происхождения *н* в *нутро* (ср. *утроба*).

д) В именительном мн. вместо первоначальных трёх родовых форм: *они* (мужск.), *оны* (женск.), *она* (сред.) установилась одна общая для всех трёх родов: в одних говорах и в языке Москвы *они,* а в других *оне* (< *онѣ*), *оны.*

Склонение неличных местоимений

		м. р.	ж. р.	с. р.	м. р.	ж. р.	с. р.
Ед. ч.	И.	тъ тътъ	та	то	мой	моя	мое
	Р.	того	тоѣ	того	моего	моеѣ	моего
	Д.	тому	той	тому	моему	моей	моему
	В.	тътъ	ту	то	мой	мою	мое
	Т.	тѣмь	тою	тѣмь	моимь	моею	моимь
	П.	томь	той	томь	моемь	моей	моемь
Дв. ч.	И.-В.	та	тѣ	тѣ	моя	мои	мои
	Р.-П.	тою	тою	тою	моею	моею	моею
	Д.-Т.	тѣма	тѣма	тѣма	моима	моима	моима
Мн. ч.	И.	ти	ты	та	мои	моѣ	моя
	Р.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	моихъ	моихъ	моихъ
	Д.	тѣмъ	тѣмъ	тѣмъ	моимъ	моимъ	моимъ
	В.	ты	ты	та	моѣ	моѣ	моя
	Т.	тѣми	тѣми	тѣми	моими	моими	моими
	П.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	моихъ	моихъ	моихъ

И.	къто	чьто, чь	В.	кого	чьто
Р.	кого	чего	Т.	цѣмь	чимь
Д.	кому	чему	П.	комь	чемь

§ 85. Указательные местоимения. В древнерусском и других славянских языках в древности категория указательных местоимений была гораздо более обширной, чем, например, в современном русском языке.

Местоимение *тъ, та, то* можно считать обычным способом указания в древнерусском языке. Форма *тъ* (им. ед. мужск. р.) встречается только в древнейших памятниках письменности. Например, в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: „*тъ* с(вя)тый Георгий". Эта форма была вытеснена в большинстве русских говоров и в московском просторечии удвоенной формой этого местоимения: *тътъ > том*, или в остальных говорах формой на ***-й***: *тъй > тый > той*. Только в функции определительного постпозитивного члена ещё возможно кое-где употребление этой формы: *дом-от, старик-от, пирог-от* и т. д., где *от* восходит к *ъ + тъ (домъ-тъ)*. Нетрудно понять причину вытеснения *тъ > тътъ*: после падения глухих из *тъ* должно было получиться *то,* и произошло бы совпадение с формой им. ед. сред. р. *то*.

В родительном ед. мужск. и сред. р. (неличных местоимений вообще) вместо окончания ***-го*** с течением времени (по памятникам с XV в.) появилось ***-вó***, может быть, под влиянием нового окончания ***-о/е во:ва*** полных прилагательных (см. § 81): *товó, самовó, моевó* и пр., тем более, что некоторые местоимения изменялись по склонению полных прилагательных: *самый, который* и др. Полагают, что в склонении неличных местоимений этого типа окончание ***-го*** сохранялось дольше, чем в склонении полных прилагательных. В некоторых севернорусских говорах (например, с. Пустошенки Судогодского р-на Владимирск. обл.) не наблюдается изменения ***г*** в ***в*** перед ударением ***о***: *тогó, когó* и пр., тогда как в остальных случаях имеется ***в***, в частности, как правило, в склонении сложных прилагательных: *злово* (или *злова*) и т. п. Известно также, что в некоторых говорах, например на Колыме в Сибири, как очень редкое явление встречается (под ударением) окончание ***-ва*** и в склонении неличных местоимений: *товá, ковá, есевá* и пр. Ср. в московском сборнике песен П. А. Квашнина конца XVII в.: „и на *това*-то напраслину наводят". Возможно, что в этом случае имело место не только влияние флексии род. ед. существительных I склонения (*стола*), но также влияние местоимений: *таковъ,* род. ед. *такова, каковъ,* род. ед. *какова.*

В родительном ед. женск. р. (неличных местоимений вообще) вместо окончания ***-ѣ*** во многих говорах и в литературном русском языке с очень давнего времени употребляется ***-ой, -ей***: *той, самой, моей, всей* и пр. Но нередко встречается в говорах и форма *тое* (=*тоjэ*) или, ещё чаще, *тоё*, также: *моеё, всеё* и т. п.: из *тоё* деревни и пр. Она употребляется также и в качестве формы винительного ед. женск. р. вместо *ту:* в *тоё* деревню, *всеё* кость и т. п. Форма *тоё* иногда встречается у писателей XIX в., имитирующих „народный стиль": у Крылова в баснях: „Кого ж подстерегли? *Тоё* ж Лису-Злодейку" („Лиса-строитель"), у Ершова в „Коньке-Горбунке": „Доставать *тоё* жар-птицу" и др. Ср. в современном литературном: *самоё* (саму).

В именительном и винительном мн. с течением времени было ликвидировано изменение по родам, и около XIII—XIV вв. установилась одна общая форма для всех трёх родов: вместо *ти (столи), ты (стѣны), та (села)* (им. мн.) и *ты (столы), ты (стѣны), та (села)* (вин. мн.) — ***тѣ***. Так же и в склонении всех других неличных местоимений, теперь изменяющихся по родам только в ед. ч.: *сами, мои* и т. д. Эта форма *тѣ* возникла несомненно под влиянием форм косвенных падежей *тѣхъ, тѣмъ* и пр. Но другие неличные местоимения твёрдого различия и в литературном русском языке, и, по большей части, в говорах получили (по крайней мере с XIV в.) в косвенных падежах окончания ***-их***(ъ), ***-им***(ъ) и т. д. по м я г к о м у различию: *самих, самим* и пр., вследствие чего в именительном и винительном мн.: *сами* (ср. *моих, моими, моим* и т. д. при *мои* в именительном и винительном мн.).

Что касается местоимения *этот, эта, это* (также склоняющегося во мн. ч. с окончанием мягкого различия), то в древнерусском языке этого местоимения не было. В письменном языке оно появилось со второй половины XVII столетия и по своему происхождению является сложным словом, возникшим в результате сложения местоименной частицы ***э*** (или, может быть, *he)* с местоимением *тот* (< *тътъ*), *та, то*. Ср.: *экий, экая, экое*; *этакий* и пр. Ср. в говорах: *эвот* (даже у Пушкина: „вон, тятя, *э-вот*", „Утопленник"), *эвон, этак, эстолько, этта* (возможно, из *этуто*), *этуды* и т. д. Первый элемент этого сложения сначала в некоторых случаях мог употребляться отдельно от второго: *э* с *того, э* к *тому* и т. д. Например, в письме Ф. Ю. Ромодановского Петру I от 8/IV 1696 г.: „мая *е* в *том*

вина". Позже у московского жителя Лукьянова в „Путешествии в св. землю" 1710—1711 гг. (М. 1862): „малодушны греки *е* к *тем* цветам". Ср. у него же: *етут* (вм. *тут*).

К той же эпохе восходит сохраняющееся по говорам и в наши дни повторение (полное или частичное) некоторых предлогов после *э*: к *э* к *тому* (или, вследствие диссимиляции, к *э* х *тому*), с *э* с *тѣм*, в *э* в *том* (или вследствие ассимиляции: в *э* ф *том*), на *э* н *том*. Так в говоре д. Парфенки Ново-Петровского р-на и др., так же в Никольском р-не Вологодской обл. и др.

Но гораздо чаще в наши дни в диалектальной речи, в частности и в подмосковных говорах, наблюдается употребление вставочных ***к(х), с, в(ф), н*** (из предлогов) независимо от каких-либо условий: *эфтот, энтот* и пр. Так, уже в письмах Алексея Михайловича к Никону: „и *енто* все делалось...".

Повидимому, эти образования были возможны в разговорной речи старшего поколения дворянской интеллигенции ещё в начале XIX в. По словам Тургенева, „тогдашние тузы, в редких случаях, когда говорили на родном языке, употребляли одни —*эфто*, другие —*эхто*: мы, мол, коренные русаки, и в то же время мы вельможи, которым позволяется пренебрегать школьными правилами" (см. „Отцы и дети", гл. X).

Из других указательных местоимений, склонявшихся по типу *тъ, та, то,* были ещё известны в древнерусском языке: *онъ, она, оно*, род. ед. *оного, оноѣ, оного* и т. д. и *овъ, ова, oвo*, род. *овогo* и т. д.

Местоимение *онъ, она, оно* со значением *тот, та, то* встречается чаще в книжном языке и там может рассматриваться как элемент старославянской языковой системы. Но оно не было чуждо и народной речи. Известно, например, что в древнем Новгороде (судя по летописным данным) часть города, отделявшаяся от Кремля рекой Волховом, называлась *„онъ* полъ": „погорѣ *онъ* полъ города", „побѣгоша на *онъ* полъ"; „а друзии (сташа) на *ономь* полу" и пр. Отсюда любопытное новообразование *ониполовичи* (т. е. жители *оного* полу): „и переѣхаша *ониполовици* в лодьяхъ" (I Новг. летопись по Синод. списку, под 6726). В современных, преимущественно севернорусских, говорах сохранилось несколько наречных образований с этим местоимением: (*о*)*намедни* (из *ономь дьне*, в тот день), *онýпору*; с суффиксом *-гда, -гды: оногдысь* (> *надысь* и пр.) и т. п.

В книжном языке старый именительный был рано вытеснен новым на ***-ый, -ая, -ое**: оный, оная, оное* (вследствие „омонимического отталкивания“ от личного местоимения 3-го л.); в этом виде он долго у нас держался в книжно-литературном языке (в канцелярском языке до конца XIX столетия). В связи с этим слово *оный* довольно рано перешло в склонение полных прилагательных: съ *онымь* (твор. ед. мужск. и сред. р., вместо *онѣмь*), без *оныхъ* (род. мн., вместо *онѣхъ*) и т. д.

Ещё меньшим распространением отличалось местоимение *овъ, ова, ово*. Оно также было известно и с окончаниями полных прилагательных. Например, в I Новг. летописи: „*овыхъ* избиша, а *инѣхъ...*“ К этому местоимению восходят современные диалектальные (впрочем, редкие) наречные образования: *овогда, овапол* (> *обапол*, из *оваполы* — подле, возле); возможно: *авось*, если оно из *а-ово-се*.

К указательным местоимениям, изменявшимся по мягкому различию, относилось местоимение с основой *с, сиj*. В древнейших памятниках нашей письменности (как и в старославянском языке эпохи Кирилла и Мефодия) оно употреблялось в именительном падеже в виде *сь* (столъ), *си* (стѣна), *се* (село), наряду с *сий* (> *сей*), *сия, сие*. Косвенные падежи были одинаковы у того и другого варианта этого местоимения: род. ед. *сего, сеѣ, сего* и т. д., за исключением вин. ед. женск. р.: *сю*, наряду с *сию*.

Трудно, однако, сказать, были ли известны все эти варианты формы именительного ед. н а р о д н о м у древнерусскому языку. При наличии старой формы им. ед. женск. р. *си* в книжной речи: „не люба грамотица *си*“ (Поучение Владимира Мономаха) и т. п., в памятниках актового языка, по крайней мере, с XIII в., встречается новая форма *ся*: „*ся* грамота есть выдана“ (Смоленская грамота 1229 г., список А) и пр. Эта новая форма им. ед. женск. р. (по образцу *та*) с течением времени вытеснила старую. Ср., однако, в Московской перемирной грамоте 1371 г.: „а *си* грамота ...“

В мужском роде вместо старой формы им. (и вин.) ед. ***сь*** одновременно с появлением формы *тот* (из *тътъ*) и по той же причине появилась удвоенная форма *сесь* (из *сьсь*).

Таким образом, именительный (а в мужском и среднем роде и винительный) падеж ед. ч. этого местоимения получил новый вид: *сесь, ся, се*. В таком виде оно употреблялось (например,

в Москве) не только в XVI столетии („царь *сесь* Судебник уложилъ“ — первые строки Судебника 1550 г.), но и в XVII в. и даже несколько позже. Например, в указных книгах московских приказов середины XVII в.: „*сесь* нашъ указъ, *сесь* свой приговоръ“ и пр. (но в Уложении — только *сей*). Форма *сесь* в словосочетании „по *сесь* час“ отмечена и в комедии Фонвизина „Недоросль“ (печатают: по *сесть* час).

Но в общем, в XVIII в. в литературном языке и в говорах *сесь* и *ся* уже вышли из обращения, а *се (сё)* оставалось только в известных словосочетаниях: то да *сё;* ни то, ни *сё* и т. п., как держится оно и в современном русском.

Формы же именительного ед. *сей, сия, сие* (и им. мн. *сии*) продолжали употребляться в книжно-литературном и канцелярском языке, по крайней мере, до половины XIX столетия. Впрочем, в ироническом употреблении, например, они возможны и в наши дни: „*сей* неугомонный политикан“, „*сие* от нас не зависит“ и пр.

Что касается косвенных падежей, то в народной разговорной речи они были утрачены одновременно с формой именительного ед. (и им. мн.: *си, сѣ, ся,* или *си,* который исчез ещё раньше). В литературном языке продолжали употребляться косвенные падежи от *сей, сия, сие* с теми небольшими изменениями, которые вообще типичны для всех неличных местоимений. В современном русском литературном языке некоторые из форм этого местоимения употребляются в наречных выражениях: *сейчас, сегодня* и в определённых словосочетаниях: *сию* минуту, по *сию* пору (ср. по *сю* сторону), по *сие* время, по *сей* день, а также: на *сей* счёт, до *сих* пор и т. п. Канцеляризмы: *сего* месяца, *сего* года, при *сем* прилагается. В говорах таких пережиточных форм больше.

§ 86. История других неличных местоимений: притяжательных, определительных и др., не представляет ничего сложного. Все притяжательные местоимения: *мой, моя, моё, твой* и т. д., *чей, чья, чьё,* изменялись по мягкому склонению. В отдельных русских говорах с некоторого времени эти местоимения во множественном числе подвергались воздействию со стороны местоимений твёрдого различия. Появляются (по памятникам с XIII в.) формы косвенных падежей: *моѣхъ, моѣмъ* и т. д., под влиянием которых и общая форма именительного (и винительного) мн.

получает окончание *-ѣ*: *моѣ*. Эти новые формы теперь широко распространены в говорах.

Местоимение (определительное) *вьсь* (>*весь*), *вься* (>*вся*), *вьсе* (>*все*) ещё с доисторического времени в некоторых падежных формах подверглось воздействию со стороны твёрдого склонения: *вьсѣмь* (твор. ед. мужск. и сред. рода), *вьсѣхъ* (род. предл. мн.), *всѣмъ* (дат. мн.), *вьсѣми* (твор. мн.). Под влиянием этих падежных форм возникла новая, общая для всех трёх родов, форма именительного (и винительного) мн. числа: *всѣ* (вместо *вьси*, *вьсѣ*, *вься*), хотя и не повсеместно. Даже в подмосковных говорах встречается *вси* вместо ожидаемого *все* из *всѣ*. В Книге о ратном строе, изданной в Москве в 1647 г., также находим обычно *вси*: *вси* промыслы, *вси* пойдут, *вси* сторожи и пр.

Но прежде чем установилась эта новая форма, старые формы род., дат., твор., предл. мн. с *ѣ* в некоторых говорах, в частности в старомосковском XIV в., были на некоторое время вытеснены формами с *и*: *всих*, *всими*, *всим*.

Из других местоимений, изменявшихся по местоименному склонению, а не по именному, как: *таковъ*, *-а*, *-о*, *каковъ*, *-а*, *-о* и пр., и по склонению сложных прилагательных, как: *самый*, *-ая*, *-ое*, *который*, *-ая*, *-ое*, *вьсякый*, *-ая*, *-ое* и др., следует отметить: *кый*>*кой*, *кая*, *кое*, род. ед. *коего*, *коеѣ*, *коего* и т. д.

Впоследствии это местоимение, как и некоторые другие, исчезло. Но сохранились отдельные падежные формы от *кой*, *коя*, *кое* в сложных образованиях: *кое-кто*, *кое-как* и пр., и в отдельных случаях: на *кой* (шут), в *кою* пору, в *кои* веки и т. д. Ср. также: *некой*, род. *некоего* и т. д.

Трудно сказать, употреблялось ли в разговорном древнерусском языке относительное местоимение *иже*, *яже*, *еже*. Оно было обычным в старославянском языке и поэтому — в книжном древнерусском. Возможно, что в некоторой мере оно было известно и живой восточнославянской речи. Недаром оно имеется и в „Слове о полку Игореве", и в сочинениях Владимира Мономаха, и в других памятниках книжной литературы, написанных на языке, близком к народному, и в „Русской Правде", и отчасти в грамотах. Например, в „Слове": „Мстиславу, *иже* зарѣза Редедю...; Игоря... *иже* истягну умь крѣпостію своею..."

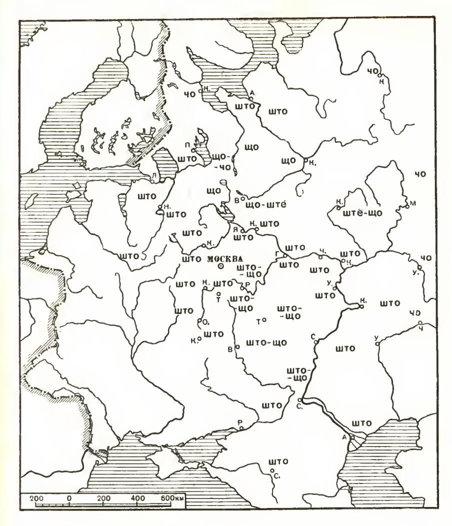
Это местоимение сложилось (ещё в доисторическую эпоху) из двух элементов: путём присоединения к указательному *и, я, е* частицы *же*. Склонялась, разумеется, только первая часть сложения: род. ед. *егоже, еѣже, егоже* и т. д. Например, в сочинениях Владимира Мономаха: „*еже* умѣеть, то забудеть, а *егоже* не умѣеть, а тому ся не учить,... принуди мя сынъ твой, *егоже* еси хр(ес)тилъ...“ и т. д.

Если это местоимение и употреблялось в разговорном древнерусском языке, то оно рано вышло из обихода, задержавшись в книжно-литературном языке, в связи с укреплением и усилением церковнославянских элементов в языке нашей письменности после „второго южнославянского влияния“. Как любопытный пережиток можно отметить у Пушкина в „Сцене из Фауста“: „Таков вам положен предел, | *Его ж* никто не преступает“ (т. е. которого).

§ 87. Местоимения ***къто, чьто***. В древнерусском языке, как и в современном русском, эти вопросительно-относительные местоимения, изменявшиеся — первое по твёрдому различию, а второе — по мягкому, имели только формы с окончаниями ед. ч. мужск. и сред. рода. И кроме изменений, общих для всех неличных местоимений мужск. и сред. р. (***го*** > ***во*** в род. ед. и др.), собственно говоря, следует отметить лишь немногое.

О фонетических изменениях было упомянуто выше: *къто* > > *кто* > *хто*, *чьто* > *что* > *што*. Обе последние формы *хто* и *што* известны в старомосковской письменности: первая с XIV в., вторая — с начала XV. В других русских говорах эти формы, в частности, вторая, возможно, появились ещё раньше, сразу после падения глухих.

Но форма *што* далеко не является единственной. В говорах получили широкое распространение д р у г и е формы именительного-винительного падежа этого местоимения. Например, на севере, северо-востоке и в Сибири употребляется форма *чё*: „*чё* тебе надо, ты *чё* сказал“ и пр.; в частушках: „Милой, *чё*, милой, *чё*, | Милой, сердишься на *чё*“ и т. д. Можно полагать, что она восходит к очень редкой в письменном языке древнерусской форме *чь* (без частицы *то*, составляющей вторую часть местоимения *къто*, *чьто*). Это местоимение *(чь)* (например, в ростовском „Житии“ Нифонта 1219 г.: „не вѣдый... *чь* ѥсть разумъ пѣнию“) встречается с изменением *чь* > *че* > *чо* в „Слове о полку Игореве“: на ***ниче ся*** годины обратиша (т. е. на ничто); в Ипатьевском списке летописи:

Местоимение *что* и его варианты.

„а *чо* ти дасть", в северодвинских грамотах XV в.: „все то, *чо* его". Ср. *ча* (что) в сербских (т. н. „чакавских") говорах.

Вследствие контаминации формы *што* (из *чьто*) и старой формы *че* (из *чь*), можно полагать, возникли другие варианты, например, *шчё* (на севере и на юге). Севернорусский вариант *штё* мог возникнуть (из *што* с мягким *ш* (*ш'то*) вследствие прогрессивной ассимиляции (см. карту). Форма *ще* (*шчё*) была зарегистрирована на севере в одном из областных словарей XVIII в.

Из истории других падежных форм следует отметить:

а) что в разговорном древнерусском языке, повидимому, никогда не существовало формы родительного *чесо, чьсо*, правда, встречающейся в некоторых наших древнейших рукописных книгах, но попавшей туда скорее всего из старославянского;

б) что в творительном падеже формы *кѣмь* (из более раннего *цѣмь*) и *чимь* оказали с течением времени известное воздействие друг на друга, и таким образом возникли формы *ким* и *чем* (< *чѣм, чѣмь*), известные уже в древнерусскую эпоху. В московской письменности XIV столетия при *кѣмь* > *кѣмъ* употребляются обе формы творительного от *что* (< *чьто*): *чимь* и *чѣмь*(*ъ*). Первый вариант впоследствии был вытеснен вторым.

4. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 88. Числительные ***один, два, три, четыре.*** Из количественных числительных мы уже до некоторой степени познакомились с историей первых двух.

Известно, что в древнерусском языке *одинъ, одьна, одьно* склонялось по местоименному склонению типа *тъ, та, то*, и те изменения, которые были пережиты в этой области, имеют отношение и к *одинъ* (***во*** вместо ***го*** в род. ед. и пр.). Отметим только, что числительное *одинъ* в такой же мере подверглось влиянию мягкого склонения, как и *самъ*. Ср. в современном литературном русском языке: им. мн. *одни,* род. мн. *одних* и т. д.

Следует заметить, что в древнейших наших рукописях это числительное в известных падежных формах (им. ед. женск. р.: *одьна*, род. ед. *одьного, одьноѣ, одьного* и т. д.) употребляется не столько с основой *одьн*, сколько с основой *один* — например, в Смоленской грамоте 1229 г. (А): „ни *одиному* же русину“. Ср. в I Новг. летописи по Синод. списку: „*одиному* бѣ имя Аскольдъ“; в московских грамотах: „блюсти с *одиного* (1390 г.) (примеры приведены также в фонетике, § 32).

О числительном *дъва, дъвѣ* и его истории была уже речь в связи с историей двойственного числа в склонении. Необходимо подчеркнуть некоторые подробности.

Дъва (им.-вин.) имело значение сначала только мужского рода, а *дъвѣ* — женского и среднего. В связи с тем, что в процессе раз-

рушения категории двойственного числа такие формы существительных мужск. р., как *брата, стола, коня* и т. п. (в сочетании с *дъва*), получили значение род. ед., а существительные сред. р. типа *село, поле* имели одинаковую с существительными мужск. р. форму род. ед. на ***-а,-'а***: *села, поля*,— в конечном счёте *два* (из *дъва*) получило значение мужск. и сред. р.

В род.-предл. (как и в дательном-творительном) не было изменения по родам, но тем не менее первоначально употреблялись две формы: *дъву* (по именному склонению) и *дъвою* (по местоименному) — каждая для всех трёх родов. Форма *дъвою* встречается в старославянских рукописях, но современные славянские языки, и в том числе — русский, и их письменные памятники свидетельствуют о том, что она была рано вытеснена формой *дъву*. Впрочем, форма *двою* (из *дъвою*) изредка встречается и в древнерусской письменности: в Смоленской грамоте 1229 г. (А): от *двою* капию („капь" — мера веса), вплоть до XVI в. Она до сих пор сохраняется в таких образованиях, как *двоюродный*.

Напротив, в дат.-твор. из двух первоначальных форм: *дъвома* (по именному склонению) и *дъвѣма* (по местоименному) ещё до появления письменности получила преобладание вторая форма. В русском языке первая форма *дъвома* > *двома*, по всей видимости, никогда (с начала формирования языка русской народности в XIII — XIV столетиях) не была известна. Всегда (в историческое время) употреблялась форма *дъвѣма* > *двѣма*. Но в современном украинском: *двома* (правда, в памятниках украинского языка до XVI в. эта форма также не была известна). С течением времени форма *дву* (из *дъву*) была использована в качестве общей основы косвенных падежей, к которой стали добавлять окончания косвенных падежей множественного числа неличных местоимений. Так получилось: *двух*, *двум* и т. д. С этими же окончаниями склонялись в это время *три* и *четыре*: род. *трех* (вместо ожидаемого *трей* из *трьи*: числительное *три* изменялось в древности по склонению типа *кость* во мн. ч.), *четырех* (вместо ожидаемого *четыр* из *четыръ:* числительное *четыре* изменялось по склонению типа *камы* во мн. ч.); *трем* (из *трьмъ*), *четырем* (из *четырьмъ*).

Сложнее обстояло дело с твор. падежом. В одних говорах: южнорусских, многих среднерусских и значительной части севернорусских (Владимирско-поволжской группы) от числительных *три, четыре* до сих пор употребляется старая форма на ***-ми***

в склонении *три* и *четыре*: *тремй* (из *трьми*) и *четырьмй*, под влиянием которой была образована и новая форма *двумй*, тогда как в других говорах (в значительной части севернорусского наречия) и в литературном русском возникла новая форма на ***-мя́***: ***двумя́, тремя́, четырьмя́***. Не подлежит сомнению, что окончание ***-мя́*** находится в какой-то связи с окончанием ***-ьма*** формы дат.-твор. ***дъвѣма***.

Под влиянием этой формы с новым окончанием ***-ма*** стали употребляться: *трема, четырьма* (дат.-твор.) в одних говорах, наряду с *треми, четырьми* (твор.) — в других. Вследствие взаимовлияния этих форм появились контаминированные формы творительного: *тремя, четырьмя* (по памятникам — с XIV—XV вв.). Несколько позже под влиянием этих новых форм твор. падежа возникло *двумя*.

Возможно, что совсем независимо от этих форм творительного на ***-мя*** в склонении неличных местоимений (приблизительно одновременно с ними, но в одних и тех же говорах) появились такие образования, как: *имя́* (дат.-твор.): „я *имя́* сказал, он с *имя́* ходил" и пр., а также: *тѣмя́, всемя́* и др., теперь распространённые на севере и в Сибири (но известные и в белорусских говорах). Иногда это окончание употребляется только в творительном: к *ни́м*, но: с *имя*.

Процесс формирования нового склонения числительных *два, три, четыре* (в косвенных падежах), начавшийся ещё в древнерусскую эпоху, закончился по говорам в разное время. В Москве, надо полагать, он закончился только в течение XVII в. В первой половине XVI столетия обычной формой дат.-твор. падежа можно ещё считать форму на ***-ма***: *двѣма, трема, четырьма*, а в остальных падежах: *дву, трех, четырех*. Ещё в Уложении 1649 г. наряду с формой *двухъ* нередко употребляется *дву*: „после *дву* месяцовъ, в *дву* розбояхъ" и т. п. Дат. падеж здесь только на ***-мъ***: ***двумъ***, но, с другой стороны, отмечено *обѣма* (и имъ *обѣма* стать, 113). Творительный от *два* (отсутствующий в Уложении) не только в сороковых годах XVII в., но и много позже мог ещё употребляться в форме *двѣма*. Например, в Книге о ратном строе 1647 г.: „*двѣма́* шéренгами" (там же: „*трема́* перстами"). В „Житии" Аввакума: „со *двѣма* пища́льми..., *трема́* перъсты крестятся"), но: за „*четырми́* замъками".

Что касается числительного *оба, обѣ*, которое первоначально также склонялось по двойственному числу, то оно едва ли не

раньше, чем *дъва, дъвѣ* на гораздо большей территории в косвенных падежах было вытеснено соответствующими формами от родственного образования *обои, обоѣ, обоя* (например *обои* кони и т. п.), род. *обоих* и т. д., склонявшегося совершенно, как *мои*. Основа *обѣй-* (*обѣихъ* и пр.) гораздо моложе, чем *обой-*.

Остаётся сказать только об им.-вин. падеже от 3 и 4. Первоначально оба эти числительные в именительном падеже изменялись по родам: *трье* (мужской род), *три* (женский и средний), *четыре* (мужской род), *четыри* (женский и средний), но в вин. для всех трёх родов: *три, четыри*. Можно полагать, однако, что в живом древнерусском языке в историческое время уже не существовало ни изменения по родам в именительном падеже, ни разницы между им. и вин. падежами (употреблялись только формы *три* и *четыре* или *четыри* для всех трёх родов им.-вин. пад.). Другое дело — книжно-литературный язык древней Руси. Чем ближе он к старославянскому языку (церковные книги), тем последовательней различаются там эти формы.

§ 89. Числительные от *пяти* до *девяти*. Числительные от 5 до 9 изменялись по типу *кость* в единственном числе. Во многих говорах и в литературном русском языке они и теперь сохраняют своё прежнее склонение.

Числительное *девять* в глубокой древности, надо полагать, могло употребляться как единица счёта (однако всё же не столь последовательно, как *десять*). Отсюда выражение „за *тридевять* земель“. Ср.: „и ты бы мнѣ прислал *тридевять* (=27) кречетов“ („Пам. дипл. снош. Моск. гос. с Крым. орд.“, II, 156, запись 1515 г.). Возможно, что в качестве единицы счёта могло употребляться и *пять*, по происхождению связанное с таким существительным, как *пясть* — кисть руки (ср. *запястье*). Ср. в „Коньке-Горбунке“ Ершова: „*два пять* шапок серебра“.

Следует упомянуть ещё об одной особенности этих числительных от 5 до 10 (а также и новых образований типа *пятнадцать*): в некоторых отношениях они были очень близки к существительным. Так, они имели родовое значение (женского рода). В XVI в. и даже позднее в Москве говорили: *та пять* деревень сгорѣла, в *ту пять* ден, в *ту* шесть лѣт, взяли *ту* восмь городов, подожди *одну пятнадцать* ден и т. п.

§ 90. Числительное *десять*. *Десять* в древнерусском употреблялось как существительное V склонения с твор. ед.: *деся-*

тью (из десętьjǫ). Другие формы род.-предл. ед.ч. *десяте* > *десяти*, им. мн. ч. *десяте* и *десяти*, род. мн.: *десятъ*, им.-вин. дв. ч. *десяти* и т. д.

С помощью этого числительного как раз и производился счёт от 11 до 100. Так, понятие *11* выражалось сочетанием: *одинъ на десяте* (т. е. „на десятке“), *12 — дъва* или *дъвѣ на десяте, пять на десяте* и т. д. (где *на десяте* — предл. ед.), причём склонялось только *первое* слово. Оно и потом в течение долгого времени, после того, как вторая часть сложения изменилась в *-дцать,* ещё сохраняло своё склонение: например, из *пятинадцати*, с *пятьюнадцатью* и пр. Понятие *20* выражалось сочетанием: *дъва десяти,* причём оба слова склонялись в двойственном числе. Понятие *30* выражалось словосочетанием *трье* или *три десяте* (или *десяти*), причём склонялись обе части сложения. Понятие *50*: *пять десятъ* (где *десятъ* — род. мн.), причём склонялось только первое числительное. И так — до 100.

Следует, однако, оговориться, что в таком (первоначальном) виде эти числительные употреблялись в славянских языках только в доисторическую эпоху и в старославянском языке. Но в живом древнерусском языке, поскольку можно о нём судить на основании таких письменных памятников, как грамоты и т. п., в историческое время они находятся в процессе перестройки. С течением времени вся система склонения этих числительных была преобразована, не говоря уже об изменениях чисто фонетического порядка, например, *десяте, десяти* > *дцать* и др. Перестройка системы выразилась в том, что, во-первых, словосочетания превратились в слова, а во-вторых, эти слова стали склоняться по-новому. Числительные от 11 до 50 получили флексию по IV склонению, точнее — стали склоняться, как *пять*: *одиннадцать*, род. *одиннадцати* и т. д., *двадцать*, род. *двадцати* и т. д. Числительные 50 и подобные превратились в своеобразные сложные слова (с единым ударением) со склонением по образцу *пять* обеих частей: *пятьдесят*, (род., дат., предл.) *пятидесяти*, твор. *пятьюдесятью*.

§ 91. Числительные *сорок* и *девяносто*. Особо следует сказать о выражении понятий *сорок* и *девяносто*. Вместо ожидаемых *четыредесять* (из *четыре десяти*) и *девятьдесятъ*, сохраняющихся (с некоторыми фонетическими изменениями) во всех других славянских языках, в языке восточных славян с древнерусской эпохи (по крайней мере, с XIII столетия) для выражения

этих понятий употреблялись другие слова: вместо *четыредесять* — счётное существительное *сорок* (ср. „посланъ тотъ *сорокъ* в Литву“ — Расх. кн. 1584—1585; „в трехъ *сорокѣхъ* бѣлки“ — Закладная 1399 г. и т. д.), с производнымъ *сорочькъ* (=сорочек) (так ещё в документах конца XV в.: „*сорочекъ* соболей“, например, в „Пам. дипл. снош. Моск. гос. с Польшей“, I, 186, запись 1495 г.); вместо *девятьдесят* — *девяносто*. Первое слово, о происхождении которого было высказано немало догадок (как, впрочем, и относительно происхождения *девяносто*), полагают, является мужским вариантом слова *сорока*, производным от которого было *сорочька* — „исподняя рубаха“[1].

Следовательно, *сорокъ* сначала значило „рубаха“, а также, повидимому, „мешок“. Ввиду того, что в каждый *сорок*, *сорочёк* (или в каждую „сороку“, „сорочку“) укладывалось примерно четыре десятка собольих или беличьих шкурок (на полную шубу), это слово (в мужском варианте) стало употребляться (сначала, может быть, в речи охотников, а потом и за её пределами) — как единица измерения, и в конце концов получило значение 40. Таким же образом, например, в датском языке слово snes, что значит „длинная палка“, „жердь“, „обструганная ветка“, на которой можно поместить примерно 20 рыб, со временем получило — сначала, может быть, в речи рыболовов, — значение 20.

Как существительное слово *сорокъ* изменялось совершенно так же, как и другие существительные этого типа (I склонение мужск. р. твёрдого различия).

Загадочным по происхождению остаётся (во второй его части) и числительное *девяносто*. Подобно некоторым другим числительным *(пять, девять, десять)*, оно могло и само служить единицей счёта: „*двѣ девяностѣ* мужь“ — в I Псков. летописи; „съ *тремя девяносты*“ — в IV Новгородской летописи и др.

§ 92. Числительные *сто* и свыше. Числительное *съто* > *сто* в древнерусскую эпоху также употреблялось как существительное и склонялось по типу *село*. Подобно слову *сорок*, оно ещё

[1] Такое колебание в области грамматического рода неодушевлённых существительных — нередкое явление в русском языке: *ужин* (м.) и *ужина* (ж.), *черёд* (м.) и *череда* (ж.), *испуг* (м.) и *испуга* (ж.); в древнерусском: *вѣче* и *вѣчь* (ср. в Лавр. списке летописи: „изволиша вѣчь“, под 1262 г.), *лучь* (м.) и *луча* (ж.) (например, в „Слове о полку Игореве“: „горячюю свою *лучю*“) и т. д.

при жизни Ломоносова, судя по „Российской грамматике", сохраняло своё склонение не только во множественном числе (как в современном русском: *двухсот, двумстам* и т. д.), но и в единственном: род. — *ста*, дат. — *сту*, твор. — *стом*, предл. — о *сте* (из *сътѣ*).

В современном русском *сто* в ед. ч. имеет только две формы: *сто* (им.-вин.) и *ста* (для всех остальных падежей).

Под влиянием *съто* в древнерусском языке получило склонение и странное новообразование *девяносто*: одиномь *девяностомь*, во единомь *девяностѣ* и пр. В современном русском письменном *девяносто* имеет только две падежные формы ед. ч.: на ***о*** (им.-вин.) и на ***а*** (для всех остальных падежей).

Остальные количественные числительные:

а) *200 — дъвѣ сътѣ*. Склонялось в обеих частях по двойственному числу: род. *дъву съту* и т. д. Теперь в обеих частях изменяется по множественному числу: род. *двухсот*, дат. *двумстам* и т. д. Форма им.-вин. *двести* в современном русском, следовательно, имеет ***и*** вм. ***ѣ***, очевидно, такого же происхождения, как ***и*** в: *колени* (из *колѣнѣ*), *брыли* (из *брылѣ*, от *брыло*) и т. д., возможно, по аналогии с *плечи* от *плечо* и т. п., при ударении на основе. Разумеется, это конечное ***и*** довольно почтенного возраста. Ср. в Книге о ратном строе 1647.: *двѣсти*, но там же и *двѣсте*. Форма на ***е*** (из ***ѣ***) возможна в литературном языке ещё в начале XVIII в.

б) *300—400 — три съта, четыри съта* (где *съта* — им.-вин. мн. ч.). Склонялось в обеих частях по множественному числу. Можно сказать (с учётом фонетических и морфологических изменений, о которых была речь выше), что и в современном русском в общем они изменяются так же.

в) *500—900 — пять, шесть* (и т. д.) *сътъ*. Как и в современном русском языке, эти числительные всегда склонялись в обеих своих частях: род. — *пяти сътъ* (> *пятисот*), дат. *пяти сътомъ* (> *пятистам*), твор. *пятью съты* (> *пятьюстами*) и т. д.

Понятие *1000* выражалось словом *тысяча*, изменявшимся по типу *земля*.

Для выражения понятия *10 000* с давнего времени пользовались словом *тьма* или *тма*, едва ли не восточного происхождения (ср. *тума́н*, персидское название золотой монеты). Можно было сказать, например: „взято душь боле *тьмы*" (Ипат. спис. летописи), „*двѣ тьмѣ*" (Апостол 1307 г., запись),

„*пять темъ* гривенъ серебра" (I Новг. лет. по Акад. списку) и т. д.

Это слово сохранялось долго. Оно встречается в „Хожении" Афанасия Никитина и позже. Ср. в печорских былинах новой записи: „На кажного короля-королевиця| По три было *тмы*, по три тысяцы".

Иногда употребляется это слово в форме *кма*, даже *хма*, и со значением *много.* Например, в Киров. обл.: у него *хма* денег и т. п.

Слова *миллион, миллиард* и др. — сравнительно нового происхождения, попавшие к нам с Запада. Первое из них встречается уже в памятниках начала XVII в., но окончательно утвердилось у нас, как и второе, главным образом с петровской эпохи.

Наконец, о „присоединительном" характере счёта. С доисторической эпохи в славянских языках, в частности в языке восточных славян, такие числовые понятия, как, например: 22, 193 и т. п., выражались путём присоединения названий меньших чисел к названию большего числа с помощью соединительных союзов: ***и***, ***да***: *дъва десяти **и** дъва*, впоследствии: *двадцать **и** два* (22) и т. д. Так, ещё в XVI—XVII столетиях: *сто **и** девяносто **и** три* зерна (193), *на тысячу **и** на триста **и** на шестьдесятъ **и** на четыре* рубли (1364) или: *на тысячу **да** на триста **да** на шестьдесятъ **да** на четыре* рубли и т. д.

§ 93. Собирательные числительные. Современные „собирательные" числительные *двое, трое, четверо* и другие на ***ро***, имеющие косвенные падежи по склонению нечленных местоимений во множественном числе: (род.) *двоих, троих, четверых* и т. д., представляют собою остаток, по-новому использованный, с другим значением, древнерусских числительных типа *дъвой, дъвоя, дъвое* и *обой, обоя, обое* (изменявшихся по образцу *мой, моя, мое*) или *четверъ, четвера, четверо* (по образцу *тъ, та, то*). Они употреблялись то со значением, близким к соответствующим количественным числительным: *дъва, четыре,* то со значением *двойной* или *двоякий* и т. п. Эти числительные давно уже потеряли своё склонение с изменением по родам в единственном числе, за исключением формы им. ед. сред. р. *двое, трое, четверо* и т. п., получившей значение „собирательности". Если в конце XVI в. ещё и возможны такие словосочетания, как: „на ужинѣ *двоя* рыба" (т. е. двоякого сорта; так в одном документе 1590 г.), то их надо считать пережиточным явлением. Мы также

ещё можем сказать: „*обоего* пола“ в смысле „того и другого“, хотя других форм единственного числа от *обой* нет.

В говорах (особенно на севере) и у писателей XIX в. встречается ещё форма им.-вин. мн. *двои, трои, четверы* в таких словосочетаниях, как *трои* сутки (например, у Гончарова, в „Обломове“, ч. I); в говорах: *двои* сани, *обои* ворота, *трои* двери, *четверы* сутки и пр.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 94. Порядковые числительные с грамматической точки зрения являются прилагательными. Главная их особенность заключалась в том, что они имели не только полную форму, как в современном русском, но и краткую: *пьрвъ,-а,-о*: *пьрвый,-ая,-ое, въторъ, -а, -о* или чаще: *другъ, -а,-о*: *вторый,-ая, -ое* или *другый,-ая,-ое, третьи, третей, -ья, -ье*: *третий, -ья, -ье, четвертъ,-а,-о*: *четвертый,-ая,-ое* и т. д. Заметим, что от числительного *семь* порядковое в литературном русском имеет форму с ***д***: *седьмой* вместо ожидаемого *семой*, как в говорах. Форма с ***д*** несомненно книжного церковнославянского происхождения (ст.-сл. седмь, седмън). После 10 порядковые числительные первоначально представляли собою сложные образования: *пьрвъ* (или *первый*) *на десяте* и т. д., причём изменялась по падежам только первая часть сложения. Потом, в связи с возникновением числительных на *-дцать*, появились порядковые *одиннадцатый,-ая,-ое* и т. п. со склонением второй части.

Краткие порядковые числительные вышли из обращения одновременно с краткими непритяжательными прилагательными (см. § 78). Память о них сохраняется в таких выражениях, как *сам-пят* (например: „у него семья большая — *сам-пят*“, т. е. сам пятый) и т. п., и отчасти в числительном *полтора, полторы* из *полъ вторá* (рубля), *полъ второы́* (копейки), в смысле: „один рубль да ещё половина второго“ и т. д. Косвенные падежи: *полутора*.

§ 95. Числительные типа *полтора*. Дело в том, что в древнерусском языке одной из форм дробного счёта являлось употребление существительного *полъ* (т. е. половина), род. *полу* с порядковым кратким числительным, согласованным с определяемым словом: *полъ вторá, третья́, пятá* и пр. *рубля*, или *полъ второы, третьѣ* и пр. *копейки* и т. д., или (например, в Мстиславовой грамоте ок. 1130 г.): „*полъ третья десяте* гривьнъ“

(т. е. половина третьего десятка, т. е. 25). Склонение: род. *полу вътора* рубля, дат. къ *полу втору* рублю и т. п. Ср. подобные образования в более позднее время, например, в Москве в XVI в.: денегъ *полудесята* рубля $\left(9\frac{1}{2}\right)$, в *получетвертъ* рублѣ $\Big($ или рубли, $3\frac{1}{2}\Big)$, на *полуторъ* пустоши, *полушестынадцати* гривенки $\left(15\frac{1}{2}\right)$, *полтретьядцать* лѣтъ (25), *полчетвертадцать* десятинъ (из *полъ четверта десяте,* следовательно: 35) и т. д. В XVII в. они встречались уже значительно реже и вскоре исчезли.

5. ГЛАГОЛ

ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ

Историю форм спряжения принято начинать с тех изменений, которые были пережиты в области форм времени: настоящего, прошедшего и будущего.

Формы настоящего времени

а) Глаголы на *-мь*

Ед. ч.	1-е л.	есмь	дамь	ѣмь
	2-е л.	еси	даси	ѣси
	3-е л.	есть	дасть	ѣсть
Дв. ч.	1-е л.	есвѣ	давѣ	ѣвѣ
	2—3-е л.	еста	даста	ѣста
Мн. ч.	1-е л.	есмъ	дамъ	ѣмъ
	2-е л.	есте	дасте	ѣсте
	3-е л.	суть	дадять (дадуть)	ѣдять

б) Глаголы на *-у, -ю*

Ед. ч.	1-е л.	нес-у, кол-ю	виж-у
	2-е л.	нес-е-шь	вид-и-шь
	3-е л.	нес-е-ть	вид-и-ть
Дв. ч.	1-е л.	нес-е-вѣ	вид-и-вѣ
	2—3-е л.	нес-е-та	вид-и-та
Мн. ч.	1-е л.	нес-е-мъ	видимъ
	2-е л.	нес-е-те	вид-и-те
	3-е л.	нес-уть, кол-ють	вид-ять

§ 96. Глаголы нетематического спряжения. Значение настоящего времени имели только глаголы несовершенного вида: *несу, колю, ѣмь*. Глаголы совершенного вида: *принесу, брошу, дамь* и т. д., спрягавшиеся так же, с теми же личными окончаниями, рано получили значение будущего времени. Прежде всего следует отметить, что кроме обычных (с нашей, современной точки зрения) глаголов с „тематическими“ [1], т. е. основообразующими, гласными ***е*** и ***и***, в историческое время уже оторвавшимися от основы и примкнувшими к окончаниям,— например, с одной стороны, *ты нес-ешь* и т. д., с другой — *ты прос-ишь* и т. д., в древнерусском языке (как и в других славянских) существовали ещё глаголы „нетематического“ спряжения. Это было спряжение без тематического гласного ***е*** или ***и***, с окончаниями, которые прямо соединялись с корнем, причём сами окончания были другие, чем у глаголов „тематического“ спряжения. Таких глаголов было всего четыре, но это были слова, часто употреблявшиеся, важные или по своей служебной роли: ***есмь*** (с корнем ***ес*** — инф. *быти*), или по самому своему значению: *ѣмь, дамь, вѣмь* (т. е. знаю) — все с корнем, некогда оканчивавшимся в настоящем времени на согласный ***д***: *ѣд-мь* (инф. *ѣсти*, из *ѣдти*), *дад-мь* (инф. *дати*), *вѣд-мь* (инф. *вѣдѣти*). Изменение *дм* > *м* относится ещё к общеславянской эпохе.

В старославянском языке был в употреблении ещё пятый глагол с окончанием ***-мь*** в 1-м л. ед. ч.: *имамь* (или *имаамь*, инф. *имѣти*). Знают его и современные зарубежные славянские языки. Но нет основания думать, что этот глагол,— вообще говоря, нередкий в нашей древнейшей, особенно церковной письменности,— являлся достоянием не книжно-литературного языка древней Руси, а разговорного [2].

Этот глагол на ***-мь*** в старославянском языке имел все остальные личные окончания по „тематическому“ спряжению: *имаши* (2-е ед.), *иматъ* (3-е ед.), *имамъ* (1-е мн.), *имате* (2-е мн.) и т. д.

Как же изменялись по лицам в настоящем времени глаголы

---

[1] Слово „тема“ (греческого происхождения) в лингвистике употребляется в смысле „основа“.

[2] Не следует смешивать этот старославянский глагол с русским глаголом *имати* несов. вида, 1-е л. ед. *имаю* (беру, ловлю), при наличии *яти*, сов. вида, 1-е л. ед. *иму*. Ср. в современном русском: *по-н-имать*, 1-е л. ед. *понимаю*; *понять*, 1-е л. ед. *пойму*.

нетематического спряжения? Они отличались от тематических глаголов главным образом в 1-м и 2-м л. ед. ч.:

1-е л. ѣмь, дамь, вѣмь, есмь
2-е л. ѣси, даси, вѣси, еси

В остальных личных формах у этих глаголов окончания первоначально не отличались от соответствующих окончаний глаголов тематического спряжения. Например, в 3-м л. ед. ч.: *ѣд-ть* > *ѣсть* (вследствие диссимиляции ***дт***), также: *дад-ть* > *дас-ть*, *вѣд-ть* > *вѣсть*, особо: *ес-ть*. Но ещё до появления письменности на старославянской основе ***с*** оторвалось от корня и примкнуло к окончанию. Таким образом появилось новое окончание 3-го л. ед. числа — ***-сть***. Таким же образом возникли новые окончания „нетематического" спряжения ***-сте*** во 2-м л. мн. ч., ***-ста*** — во 2—3-м л. дв. ч. Старая форма 3-го л. мн. ч. *дадять* является обычной в XIV в. и несколько позже. Например, в Москве: „а что... моих поясовъ... а то роздадять" (в духовной Ивана Калиты).

В современном русском литературном языке из всех глаголов нетематического спряжения до некоторой степени сохранились только два: *ем* (< *ѣмь*) и *дам* (< *дамь*). Кроме 1-го л. ед. ч., старое окончание имеется ещё в 3-м л. ед. ч.: *ест* (< *ѣсть*), *даст* (< *дасть*). В других личных формах употребляются окончания тематического спряжения: *ешь, дашь* (2-е л. ед.), *едим* (вместо *ѣмъ*), *дадим* (вместо *дамъ*) (1-е л. мн.) и т. д.

В некоторых севернорусских говорах (вологодского и новгородского типа и других) встречается от этих глаголов ещё старая форма 2-го л. ед. ч. — *есú* (или: *éси, úси, исú*), *дасú* (*дáси*), или производное *продасú*. Например; „сам не *исú* и другим не *дасú*", „хлеба *поисú*, себе силы *придасú*" и т. п. В песнях: „что ты, милая, картошку не *исú*?"; „неужели ты платочка не *дасú*?"

И это всё, что осталось у нас от глаголов нетематического спряжения. Впрочем, можно ещё отметить словосочетание „бог весть", где „весть" восходит к „вѣсть" (знает; 3-е л. ед. от „вѣмь"). Ср. в „Горе от ума" Грибоедова: „и *нé-весть* что наскажет". Ср. ещё в старых пословицах: „*ем*, а дела не *вем*", „и глух и нем — греха не *вем*" и т. п.

Представляет интерес странное новообразование: *создам* (от *создать*, из *създати*), с корнем ***зьд-***, на месте древнерусского *съзижу* (ст.-сл. съзиждѫ), спрягаемое теперь по образцу *дам*.

Старые формы: мы *дамъ*, вы *дасте*, мы *ѣмъ*, вы *ѣсте* и т. п. в русском языке были вытеснены новыми формами мы *дадимъ*, вы *дадите*, мы *ѣдимъ*, вы *ѣдите* и т. п., заимствованными из повелительного наклонения. Вытеснение было вызвано тем обстоятельством, что формы 1-го л. мн. *дам, ѣм (дамъ, ѣмъ)* и т. п. после падения глухих совпали с формами 1-го л. ед. *дам, ѣм* и т. п. (из *дамь, ѣмь* и пр.). Произошло так называемое „омонимическое отталкивание", вследствие чего совпадение было ликвидировано.

Зато в украинском и в белорусском языках, лучше, чем в каком-либо другом из живых славянских, эти два глагола сохранили своё старое спряжение. Например, в украинском:

Ед. ч.	1-е л. їм,	дам	*Мн. ч.*	1-е л. їмо,	дамо
	2-е л. їси,	даси		2-е л. їсте,	дасте
	3-е л. їсть,	дасть		3-е л. їдять,	дадуть

Сохранился в украинском языке также и глагол *вѣмь*, только он употребляется всегда с приставками, например: *повім*, *відповім*. Спрягается по тому же образцу: 2-е л. ед. *відповіси*, 3-е л. ед. *відповість* и т. д.

Но нигде в восточнославянских языках не сохранилось глагола *есмь*, если не считать таких его пережитков, как употребляемые без согласования: *есть* („у них *есть* деньги") и *суть* („не *суть* важно"). Ср. уже в „Повести временных лет": „От них же *есть* поляне в Киевѣ". Впрочем, *есть* иногда употребляется и со значением 3-го л. ед. ч. в таких искусственно-книжных образованиях, как: „лошадь *есть* животное".

Исчезновение этого глагола, вызванное отчасти причинами синтаксического свойства — влиянием предложений типа „орёл — птица" с именным сказуемым на предложения типа „орёл *есть* птица" — с глагольным сказуемым (оба типа предложения с древнейшей поры существовали во всех индоевропейских языках), можно считать вообще одним из важнейших явлений в области исторической морфологии восточнославянской речи.

В зарубежных славянских языках, напротив, только этот глагол из всех нетематических сохранил своё старое спряжение, в частности, старую флексию во 2-м л. ед. ч. и др. Например, в сербском языке: 1-е л. ед. *jecaм* или *caм*, 2-е л. ед. *jecи* или *cu* и т. д. Ср. 1-е л. ед. *дам, jeм*, 2-е л. ед. *даш, jeш* и т. д. В чешском языке: 1-е л. ед. *jsem*, 2-е л. ед. *jsi*, но *daš* и т. д. Ср. в польском: 1-е л. ед. ч. *pisałem*, где *em* восходит к *есмь* и т. д.

§ 97. Глаголы тематические. Глаголы тематические в основном сохранили (с древнерусской поры) свои прежние формы настоящего времени. Всё же некоторые изменения (отнюдь не разрушительного характера) и здесь имели место.

Следует при этом иметь в виду, что глаголы с темой на ***е*** (первого спряжения) по своей основе распадаются на две группы:

а) с основой на т в ё р д ы й согласный звук в 1-м л. ед. и 3-м л. мн. ч.: ***несу, несуть; веду, ведуть; пеку, пекуть; двину, двинуть*** и т. д. (твёрдого различия), и

б) с основой на м я г к и й согласный: ***колю, колють; борюся, боръться; пишу*** (т. е. ***п'иш'у***), ***пишуть*** (т. е. ***п'иш'ут'***) (мягкого различия).

Глаголы же с темой на ***и*** (второго спряжения) были всегда с м я г к о й основой: ***прошу*** (т. е. ***прош'у***), ***просять, говорю, говорять*** и т. д.

Замечаний заслуживают только отдельные личные формы.

а) Гласный ***у*** в окончаниях 1-го ед. и 3-го мн. восходит к *ǫ*; гласный ***'а(я)*** в окончании 3-го мн. восходит к *ę*.

б) Обычным окончанием 2-го л. ед. ч. в древнерусском языке служило ***-шь*** (откуда ***ш***). Так же и в других славянских языках, в частности в новоболгарском. Но в старославянском (древнеболгарском) обычным окончанием 2-го л. ед. ч. следует считать ***-ши:*** несеши, просиши; камо грѧдеши (куда идёшь). Старославянское окончание ***-ши*** встречается и в древнерусском литературном языке, например в „Слове о полку Игореве" (в обращении к Ярославу Осмомыслу): „высоко *сѣдиши, отворяеши* Кыеву ворота, *стрѣляеши*" и т. д.[1].

в) В 3-м л. ед. и мн. древнерусский язык доисторической эпохи сохранял мягкое окончание ***-ть: несеть, колеть, пишеть, просить, говорить; несуть, колють, пишуть, просять, говорять.*** Так же и у нетематических глаголов: ***ѣсть, дасть, вѣсть, ѣдять, дадуть, вѣдять, суть.***

Так во всех древнейших наших памятниках письменности, начиная с Остромирова евангелия. Между тем в старославянском языке обычным окончанием 3-го л. следует считать ***-тъ:*** несетъ и пр., в частности: ѥстъ и сѫтъ, хотя в некоторых памятниках небезызвестно и ***-ть.***

---

[1] Следует всё же отметить, что окончание ***-ши*** небезызвестно на восточнославянской территории и является особенностью некоторых карпато-украинских говоров (лемков): *миэши, йдеши.*

В наши дни мягкое окончание ***-т'*** (из ***-ть***) является характерной чертой южнорусских (южновеликорусских) говоров, а также украинских и белорусских в целом, тогда как в севернорусских и среднерусских говорах обычным окончанием 3-го л. ед. и мн. ч. можно считать ***-т*** (твёрдое): севернорусск.: ***несёт, несут; просит, просят; ест, едят*** и т. д.; южнорусск.: ***несёть*** (или ***нисёть, нясе*** и т. д.), ***нясуть; просить, просють; есть, едять*** и т. д. Правда, на севере, главным образом в заонежских говорах, известно и мягкое ***-т,*** но только в форме 3-го л. мн. ч. у глаголов первого спряжения: ***несуть, играють,*** но: ***говорят.***

Таким образом, на севере мягкое окончание было вытеснено твёрдым в одних говорах раньше, в других — позже. Так, судя по двинским грамотам, на Северной Двине в XV в. употребление твёрдого ***-т*** не только ещё не установилось, а, наоборот, преобладающей формой 3-го л. в то время была форма на ***-ть (т').***

В Москве твёрдое окончание в 3-м л. установилось во второй половине XIV в. В духовной (второй) подлинной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.: „*вѣдаетъ* свою треть; Володимеръ *дастъ*, волостели *судятъ*" и т. д. (тогда как в более ранних московских грамотах и даже в первой духовной того же князя имеется только ***-ть***).

Относительно происхождения твёрдого ***-т*** в 3-м л. в севернорусских и среднерусских говорах были высказаны различные предположения. Фонетическое объяснение этой формы (будто бы вследствие отвердения конечного ***т'*** в 3-м л., не подкреплённого родственными формами, как в других случаях: ***путь,*** при ***пути, путём*** и пр.) можно считать неудовлетворительным, так как мягкое ***т,*** не защищённое родственными формами, почему-то не отвердело и в *есть* и в *опять, чуть* и т. д. Объяснение теперь ищут на морфологической почве. Акад. С. П. Обнорским недавно было высказано предположение, что и севернорусское ***-т,*** и южнорусское ***-ть*** в русском языке вообще представляют собою новообразование и восходят к указательным: ***тъ*** (им. ед. мужск. р.) на севере и ***ти*** (им. мн., откуда ***ть***) — на юге.

Не менее правдоподобным, однако, можно считать то мнение, что форма 3-го л. на твёрдое ***-т*** возникла (неизвестно в каких говорах, хотя распространение и получила главным образом на севере) в результате „омонимического отталкивания" от формы инфинитива на ***-ть,*** сначала в таких случаях, как он

говорить, солить (инф. *говорить, солить*), они *двинуть* (инф. *двинуть*), они *стоять, лежать* (инф. *стоять, лежать*) и т. п., а потом, по аналогии, и в остальных. Следует учесть при этом, что сокращённая форма инфинитива на ***-ть (т')*** из ***-ти*** появилась очень рано, по крайней мере, не позже XIII столетия, и что во многих случаях форма 3-го л. ед. и мн. ч. в старое время не отличалась по ударению от формы инфинитива, как в современном русском: он *про́сит* (при инф. *проси́ть*). Многие глаголы этого типа в старину в 3-м л. ед. и мн. ч. имели ударение и на окончании: в Соборном Уложении: *топопи́тъ, погуби́тъ, держа́тъ, поваля́тся* и пр.; в автографе „Жития" Аввакума: *учи́тъ, притащи́тъ, получи́тъ, повали́тся, не дыша́тъ* и т. п.

Любопытно, что в тех севернорусских говорах, которые знают мягкое ***т,*** оно иногда наблюдается в 3-м л. мн. ч. т о л ь к о у глаголов первого спряжения, имеющих разные (несовпадающие) формы в 3-м л. мн. и в инфинитиве: ***несуть,*** но ***нести, играють,*** но ***играть*** и т. п.

г) Необходимо отметить, что во многих русских (на севере и юге) говорах личное окончание в 3-м л. вовсе отсутствует или в обоих числах: *несё, ведё, плаче, люби, беру, посылаю, говоря, ходя* и пр. (чаще — на севере), или только в ед. ч., особенно у глаголов первого спряжения: *несе, знае, пише* и пр. В памятниках письменности, однако, отсутствие личного окончания в 3-м л. представляет собою явление чрезвычайно редкое, хотя и известное с XI в.: „да иже горазнѣе сего ***напише,*** то . . ." (в послесловии к Остромирову евангелию) и др. Очень возможно, что оно имело место только в особых случаях, например, в условных придаточных предложениях в приведённой записи дьякона Григория. Это явление наблюдается и на Северной Двине в XV в., судя по грамотам, изданным Шахматовым. Так или иначе, можно полагать, что отсутствие личного окончания ***-т : -ть*** в современных русских говорах во многих случаях является новшеством.

д) Окончание 1-го л. мн. ч. ***-мъ,*** о б ы ч н о е в древнерусском языке, не было единственным. В некоторых восточнославянских говорах употреблялись и другие окончания: ***-мо*** (особенно в языке южной группы восточнославянских племён; ср. в украинском: мы ***несемо, колемо, чуемо, ї́мо́*** и пр.), ***-ме*** (особенность памятников северо-западного происхождения, в частности древнепсковского диалекта; между прочим, и в „Слове о полку Игореве": ***мужаимъся*** сами (вм. ***мужаиме*** ся), как окончание 1-го л. мн. ч.

повелительного наклонения, ср. севернорусское и московское *есме* > *есмя* (1-е мн.) в памятниках XIV—XVII вв.), наконец, ***-мы*** (наименее употребительное).

е) Формы двойственного числа с окончаниями: 1-е л. ***-вѣ,*** 2—3-е л. ***-та*** — встречаются главным образом в древнейших памятниках письменности, в частности в „Слове о полку Игореве": ***„ростръляевѣ, вѣ опутаевѣ,*** оба *есвѣ* Святославича" и др.

Формы прошедшего времени

а) Аорист

Ед. ч.	1-е л.	несо-хъ	вид-ѣ-хъ
	2-е л.	нес-е	вид-ѣ
	3-е л.	нес-е	вид-ѣ
Дв. ч.	1-е л.	нес-о-ховѣ	вид-ѣ-ховѣ
	2—3-е л.	нес-о-ста	вид-ѣ-ста
Мн. ч.	1-е л.	нес-о-хомъ	вид-ѣ-хомъ
	2-е л.	нес-о-сте	вид-ѣ-сте
	3-е л.	нес-о-ша	вид-ѣ-ша

б) Имперфект

Ед. ч.	1-е л.	нес-я-хъ	вид-я-хъ
	2-е л.	нес-я-ше	вид-я-ше
	3-е л.	нес-я-ше (-шеть)	вид-я-ше (шеть)
Дв. ч.	1-е л.	нес-я-ховѣ	вид-я-ховѣ
	2—3-е л.	нес-я-ста (шета)	вид-я-ста (шета)
Мн. ч.	1-е л.	нес-я-хомъ	вид-я-хомъ
	2-е л.	нес-я-сте (шете)	вид-я-сте (шете)
	3-е л.	нес-я-ху (-хуть)	вид-я-ху (-хуть)

в) Перфект

Ед. ч.	1-е л.	неслъ, -а, -о	есмь	видѣлъ, -а, -о есмь
	2-е л.	неслъ, -а, -о	еси	и т. д.
	3-е л.	неслъ, -а, -о	есть	
Дв. ч.	1-е л.	несла, -ѣ, -ѣ	есвѣ	
	2—3-е л.	несла, -ѣ, -ѣ	еста	
Мн. ч.	1-е л.	несли, -ы, -а	есмъ	
	2-е л.	несли, -ы, -а	есте	
	3-е л.	несли, -ы, -а	суть	

г) Плюсквамперфект

Ед. ч.	1-е л. неслъ, -а, -о	бяхъ	видѣлъ, -а, -о	бяхъ
	2-е л. неслъ, -а, -о	бяше	и т. д.	
	3-е л. неслъ, -а, -о	бяше (бяшеть)		
Дв. ч.	1-е л. несла, -ѣ, -ѣ	бяховѣ		
	2—3-е л. несла, -ѣ, -ѣ	бяста		
Мн. ч.	1-е л. несли, -ы, -а	бяхомъ		
	2-е л. несли, -ы, -а	бясте		
	3-е л. несли, -ы, -а	бяху (бяхуть)		

Или:

Ед. ч.	1-е л. неслъ, -а, -о	былъ, -а, -о есмь;	видѣлъ, -а, -о	былъ, -а, -о есмь
	2-е л. неслъ, -а, -о	былъ, -а, -о еси		
	3-е л. неслъ, -а, -о	былъ, -а, -о есть		и т. д.

И т. д.

д) Прошедшее сослагательного наклонения

Ед. ч.	1-е л. неслъ, -а, -о	быхъ	видѣлъ, -а, -о быхъ
	2-е л. неслъ, -а, -о	бы	видѣлъ, -а, -о бы
	3-е л. неслъ, -а, -о	бы	и т. д.
Дв. ч.	1-е л. несла, -ѣ, -ѣ	быховѣ	
	2—3-е л. несла, -ѣ, -ѣ	быста	
Мн. ч.	1-е л. несли, -ы, -а	быхомъ	
	2-е л. несли, -ы, -а	бысте	
	3-е л. несли, -ы, -а	быша	

Формы прошедшего времени в славянских языках первоначально отличались большим разнообразием. Это разнообразие не имело прямого отношения к видовым значениям, хотя в известной мере заменяло видовые формы и как бы компенсировало их слабое развитие.

В древнерусском разговорном языке с доисторического времени употреблялись четыре формы прошедшего времени (изъявительного наклонения). Два прошедших времени (аорист и имперфект) были простые, а два (перфект и плюсквамперфект[1]) — сложные, образовавшиеся с участием вспомогательного глагола.

§ 98. Аорист первоначально употреблялся в славянских языках для обозначения недлительного, продолжавшегося

[1] Названия этих времён в научной грамматике заимствованы или из греческой (аорист), или из латинской (остальные термины) грамматики.

короткое время, в некоторых случаях — даже мгновенного прошедшего действия. Но в древнерусскую эпоху (к XIII—XIV вв.) это первоначальное значение было уже забыто и аористом пользовались (в повествовательных жанрах литературы) во всех тех случаях, когда известное прошедшее действие нужно было изобразить как факт, имевший место в прошлом.

Аорист первоначально мог быть образован от глаголов не только совершенного вида, но и несовершенного: „Ольга *собра* вои. . . храбры и *иде* на деревьску землю" („Повесть временных лет" под 6454 г.). Или: „и *придохомъ* в нѣмци... а красоты не *видѣхомъ*" (Там же, под 6495 г.) и т. д. Однако употребление его от глаголов совершенного вида, начиная с древнейшего времени, явно преобладает, а потом становится исключительным. Аорист образовывался от основы инфинитива.

Форма 1-го л. ед. ч. в древнерусском языке всегда оканчивалась на ***-хъ***, причём у глаголов первого спряжения типа *несу* (см. § 97) это окончание присоединялось к основе инфинитива (на согласный) при посредстве соединительного гласного ***о*** (также в 3-м л. мн. ч. и в дв. ч., а во 2—3-м ед. ч. это ***о*** заменялось гласным ***е***). В остальных случаях, т. е. когда основа инфинитива оканчивалась гласным звуком, окончание ***-хъ*** присоединялось непосредственно к основе инфинитива. Следовательно: а) ***несохъ, ведохъ, могохъ, пекохъ*** и пр.; б) *писахъ* (инф. *писа-ти*), *просихъ, дахъ, прияхъ* (инф. *прияти*), *быхъ, пихъ, чухъ* (инф. *чути*) и т. д.

Во 2—3-м л. ед. ч., за исключением глаголов типа *несу*, форма аориста представляла собой чистую основу инфинитива: (ты, он) *писа, проси, пи* и пр., (князь) *прия* и т. д., но *несе, веде, пече* и пр.

В 3-м л. ед. ч. у глаголов нетематического спряжения иногда оказывается вторичное окончание ***-сть,*** занесённое из 3-го л. ед. ч. настоящего времени: (онъ) *ѣсть* (=ел), *дасть* (=дал), *бысть*. Ср. в былинном языке: „*бысть* князь весел и радостен".

Во множественном числе аорист имел окончания: 1-е л. ***-хомъ,*** 2-е л. ***-сте,*** 3-е л. ***-ша,*** из *-шę* (по-старославянски -шѧ). В двойственном 1-е л. ***-ховѣ***, 2—3-е л. ***-ста***. Следует, однако, отметить, что в старославянском языке 2-е л. дв. (на ***-ста***) отличалось от 3-го л. дв. (на ***-сте***).

Некоторые глаголы типа *несу* образовывали аорист в 1-м л. ед.,

3-м л. мн. ч., 1, 2, 3-м л. дв. ч. без помощи соединительного гласного ***о***. Например, от глагола *речи* (из *ректи*, ср. в современном русском *изречь*) аорист можно было образовать двояко: (язъ) *рекохъ* и (язъ) *рѣхъ*. Так, в „Повести временных лет" по Лавр. списку, под 6453 г.: „*рекоша* дружина", но „*рѣша* же деревляне..."

Когда аорист образовывался без соединительной гласной, гласный корня (ещё в эпоху общеславянских языковых переживаний) подвергался известным изменениям: гласный ***ĕ*** заменялся гласным ***ѣ*** (из долгого *е*), ***ŏ*** — ***ā*** и т. д., очевидно, в связи с удлинением коренного гласного.

Тот аорист, который употреблялся в древнерусском языке, называется сигматическим от греческого слова „сигма" (название буквы ***с***). Полагают, что согласный ***с*** некогда являлся суффиксальным элементом (впоследствии примкнувшим к флексии), с помощью которого образовывался сигматический аорист сначала во всех своих личных формах. Этот ***с*** в историческое время сохранялся (как элемент флексии) в таких формах аориста, как: *несо-сте, писа-сте, проси-сте* и пр. (с окончанием *-сте* вместо *-те*). Но в других личных формах аориста (1-е л. ед. ч. и др.) ***с*** очень рано, ещё в доисторическую эпоху, изменился в ***х***, сначала при строго определённых фонетических условиях (после ***к, р***, а также ***и, у*** долгих, кратких или неслоговых, не перед ***т, п, к***): *рѣк-с-ъ* > *рѣк-х-ъ* > *рѣ-х-ъ*; *би-с-ъ* > *би-х-ъ*, а потом, по аналогии, и в других случаях: *писа-хъ* и т. п. В 3-м л. мн. ч. вместо ***хę*** получилось ***шę***, откуда потом на древнерусской почве: ***ша***.

В старославянском языке, кроме сигматического аориста, употреблялся ещё простой аорист, совсем другого типа, чем сигматический. В древнерусском простого аориста не было. В древнейших наших рукописях зарегистрированы только единичные случаи таких образований, попавшие туда из старославянских оригиналов. В Остромировом евангелии сюда относится единственный пример: *възможете* — 2-е л. мн. ч. от простого (несигматического) аориста: *възмогъ*. В старославянском языке этот глагол спрягался так:

Ед. ч.	1-е л. (въз)могъ	*Мн. ч.*	1-е л. (въз)могомъ
	2—3-е л. (въз)може		2-е л. (въз)можете
			3-е л. (въз)могѫ
Дв. ч.	1-е л. (въз)моговѣ		
	2-е л. (въз)можета		
	3-е л. (въз)можете		

Аорист, как одна из форм прошедшего времени, был унаследован древнерусским языком от более ранней эпохи. Можно полагать, что он находился уже в состоянии разложения, которое продолжалось в течение древнерусского периода и в конечном счёте привело к полному исчезновению этой формы прошедшего времени, к вытеснению её перфектом (см. § 100). Некоторые исследователи полагают, что в разговорной древнерусской речи аориста не существовало уже в XII—XIII столетиях. Так или иначе, в актовом языке древней Руси, сравнительно хорошо отражающем особенности живой восточнославянской речи, с XII в. в качестве нормальной формы прошедшего времени употребляется перфект. И только как исключение иногда встречается аорист. Так, в Новгородских грамотах XIV—XV столетий: „се *доконча* князь (1318 г., 1373 г.); *повелѣхо*(м) судъ дати (1471 г.); се *приехаша...* посадники" (1471 г.) и др. В северодвинских грамотах XV в. ещё встречаются отдельные формы аориста в определённых словосочетаниях, имеющих характер юридической формулы: „се *дахъ,* се *заложи* Уласей Степанович, се *купи* игуменъ Василеи; и Савка *рче* (=*рече,* сказал); и посадники *испросиша*" и т. д., причём иногда вместо единственного числа оказывается множественное, и наоборот: „а *даша* Иванъ Семеновичь (№ 95); и *да* Костянтине и его братья" (№ 80).

Повидимому, в некоторых, наиболее архаических севернорусских говорах употребление аориста (может быть, только в определённом контексте) имело место даже в эпоху Московской Руси.

В самой Москве, в разговорной речи, судя по грамотам XIV—XV столетий, в это время аориста уже не употребляли, если не считать таких пережиточных форм, как *бы* (см. ниже). Выражение *умре* (умер), иногда без согласования: оба *умре* (Дворовая тетрадь, 1550 г.), часто встречающееся в памятниках делового языка XVI в. и позже, вероятно, заимствовано из книжной речи.

В книжно-литературном повествовательном языке (летопись, такие произведения, как „Слово о полку Игореве", сочинения Владимира Мономаха, жития и пр.), не говоря уже о церковно-богослужебных книгах, аорист долгое время был любимейшей формой прошедшего времени. После периода „второго южнославянского влияния" (конец XIV и весь XV в.) употребление аориста (как и имперфекта) возобновилось в книжно-лите-

ратурных текстах. В это время уже началось формирование нового церковнославянского языка.

§ 99. Имперфект первоначально употреблялся для обозначения длительного (длившегося долгое время), в некоторых случаях — повторяющегося, прошедшего действия, для обозначения действия в его развитии в прошлом. Когда летописец писал, рассказывая о голоде в Новгородской области в 1215 г.: „кадь ржи коупляхуть по ·і҃· (10) гр(иве)нъ“ (I Новгор. летопись по Синод. сп.), то он, по всей видимости, имел намерение сказать, что людям приходилось очень дорого платить за рожь, но они всё-таки покупали, а многие из них по нескольку раз.

Эта форма простого прошедшего времени в древнерусскую эпоху образовывалась почти исключительно от глаголов несовершенного вида, причём не только от основы инфинитива, но в некоторых случаях и от основы настоящего времени.

Древнерусский имперфект и по своей основе, и, отчасти, по своей флексии заметно отличался от старославянского. Как известно, в старославянском языке имперфект, как правило, образовывался путём присоединения к основе (инфинитива) окончаний ***-хъ*** (1-е л. ед. ч.) ***-ше*** (2-е и 3-е л. ед. ч.), ***-хомъ*** (1-е л.мн.ч.), ***-шете*** (2-е л. мн. ч.), **-хѫ** (3-е л. мн. ч.),***-ховѣ*** (1-е л. дв. ч.), ***-шета***, ***-шете*** (2-е и 3-е л. дв. ч.), но не прямо к основе, а при помощи суффиксального элемента или ***ѣа,*** если основа оканчивалась на согласный звук: 1-е л. ед. ч. *нес-ѣа-хъ,* 2-е л. ед. ч. *нес-ѣа-ше* (инф. *нес-ти*) и т. д., или ***аа,*** если основа оканчивалась на гласный звук ***и,*** который при этом (ещё в эпоху общеславянских языковых переживаний) изменялся в *j* и оказывал соответствующее воздействие на предшествующий согласный: 1-е л. ед. ч. *нош-аа-хъ* (из *носj -аа-хъ,* инф. *носи-ти*), *рожд-аа-хъ* (инф. *родити*), *коуплꙗ-ахъ* (инф. *коупити*).

Вместо ***ѣа*** (у глаголов типа *несу*) в положении после задненёбных согласных, которые при этом (в эпоху общеславянских языковых переживаний) изменялись в шипящие, также оказывается ***аа*** (в связи с изменением ***ѣ*** (здесь из ***е̄***) после шипящих в ***а̄***). Например: (азъ) *можаахъ* (инф. *мошти*, из *мог-ти*).

Если основа (инфинитива) оканчивалась на гласный (***а, ѣ***), то в качестве суффиксального элемента употреблялось одно ***а:*** 1-е л. ед. ч.: *писа-а-хъ* (инф. *писа-ти*), *видѣ-а-хъ* (инф. *видѣ-ти*). От основы настоящего времени: 1-е л. ед. ч. *ид-ѣа-хъ* (наст. вр.:

ид-ǫ). С ***ѣа*** образовывался имперфект также от *быти*: 1-е л. ед. ч. *бѣ-а-хъ*, 2-е л. ед. ч. *бѣаше* и т. д.

Так обстояло дело в старославянском языке. В древнерусском же:

1) Вместо суффиксальных элементов ***ѣа, аа*** (после твёрдых и после мягких согласных) обыкновенно (даже в книгах церковных жанров) имеется одно ***а***, в результате ассимиляции и стяжения гласных: 1-е л. ед. ч. *нес-я-хъ, пис-а-хъ, вид-я-хъ, им-я--хъ, нош-а-хъ, прош-а-хъ, рожахъ, купляхъ, можахъ, идяхъ* и т. д. Например, в Остромировом евангелии на 573 нестяженные формы приходится 54 стяженных. В других памятниках стяженные формы господствуют.

2) Вместо окончаний 2-го л. мн. ч. ***-шете***, 2-го л. дв. ч. ***-шета*** и 3-го л. дв. ч. ***-шете*** наблюдаются ***-сте*** (2-е л. мн.), ***-ста*** (2—3-е л. дв.): вы ***несясте***, она ***идяста***, (очи) ***видяста*** и пр. Правда, из этого правила в некоторых наших древнейших рукописных книгах имеются исключения.

3) В 3-м л. ед. и мн. ч. нередко имеется вторичное окончание ***-ть***, занесённое из соответствующих форм настоящего времени. Так, в „Повести временных лет" по Лавр. списку формы имперфекта в 3-м л. ед. и мн. употребляются почти исключительно с ***-ть***. Ср. в „Слове о полку Игореве": „не лѣпо ли ны *бяшеть*" (***тъ*** вм. ***ть***); „(о Бояне), *помняшеть* бо, тогда *пущашеть, растѣкашется* мыслию; ратаевѣ *кикахуть*, врани *граяхуть*" и т. д.

Очень возможно, что имперфект, как одна из форм прошедшего времени, в древнерусскую эпоху в какой-то мере не был чужд не только литературному, но и разговорному языку. В памятниках актовой письменности XII—XIV вв. и в „Русской Правде" имперфект, действительно, не встречается вовсе. Но он составляет обязательную принадлежность русского литературного языка „старшей поры" (сочинения Владимира Мономаха, „Слово о полку Игореве", „Моление" Даниила Заточника).

Во всяком случае в разговорной народной речи эта форма прошедшего времени вышла из обихода значительно раньше, чем аорист, может быть, уже к XIII в.

§ 100. Перфект. Кроме простых форм прошедшего времени, употреблялись в древнерусском языке ещё две сложные формы: перфект и плюсквамперфект. Основной частью этих форм следует считать причастие, т. е. особое образование с основой инфинитива, с суффиксом прошедшего

времени *л* и окончаниями кратких прилагательных им. падежа ед., мн. и дв. числа, нечто вроде отглагольного прилагательного от спрягаемого глагола: *неслъ, -а, -о* (инф. *нес-ти*), *пеклъ, -а, -о* (инф. *печи* из *пек-ти*), *писалъ, -а, -о* (инф. *писати*), *просилъ, -а, -о* (инф. *проси-ти*), *ѣлъ, -а, -о, далъ, -а, -о* (инф. *дати*) и т. д.

Возможно, что в языке фольклора в таких случаях, как „*пролегла* лежит широкая дороженька" (как бы „пролеглая" лежит), ещё сохраняется память об употреблении этих форм в функции определения.

Конечно, эти отглагольные прилагательные могли быть употребляемы и в полной форме, однако в этой форме в древнерусском языке и в современном встречаются только некоторые из них. Например, в современном литературном русском языке: *бывалый, -ая, -ое* (глагол: *бывал, -а, -о*), *пришлый, -ая, -ое* (глагол: *пришёл, -а -о*), *усталый, -ая, -ое* (глагол: *устал, -а, -о*), *блёклый* (*поблёклый*), *-ая, -ое* (глагол: *поблёк, -ла, -ло*, из *поблѣклъ*), *кислый, -ая, -ое* и т. д. В старомосковской речи таких прилагательных было гораздо больше. Например, в Уложении 1649 г.: „к тѣмъ *зарослымъ* межамъ, своихъ *пропалыхъ* животовъ" и т. д. Позже ср. у Пушкина: „облизать *поспелую* сливу" (Песни западных славян), и т. д.

Образование перфекта происходило путём присоединения к этому причастию (от спрягаемого глагола) в качестве вспомогательного элемента глагола *есмь* (настоящего времени): 1-е л. ед. ч. *неслъ, -а, -о есмь; кололъ, -а, -о есмь; писалъ, -а, -о есмь; ѣлъ, -а, -о есмь; далъ, -а, -о есмь; просилъ, -а, -о есмь* и т. д., причём вспомогательный глагол мог быть не только после формы на *л*, но и перед ней. Глагол *есмь* как раз и был носителем спряжения:

Ед. ч. 1-е л. неслъ, -а, -о *есмь*	*Мн. ч.* 1-е л. несли, -ы, -а *есмъ*	
2-е л. неслъ, -а, -о *еси*	и т. д.	
3-е л. неслъ, -а, -о *есть*		

Следует обратить внимание на формы множественного числа,— они первоначально изменялись по родам: мы (мужчины) *несли* есмъ, но мы (женщины) *неслы* есмъ и т. д. Впрочем, это изменение по родам во множественном числе довольно рано прекратилось, и установилась одна общая форма для всех трёх родов на *-и: несли, писали, ѣли* и т. д.

По своему значению перфект сначала заметно отличался и от аориста, и от имперфекта. Значение перфекта определялось значениями составляющих элементов: отглаголь-

ного прилагательного (или причастия) прошедшего времени и форм настоящего времени вспомогательного глагола. Он употреблялся не просто для констатации какого-нибудь факта, имевшего место в прошлом (как аорист), а для обозначения такого прошедшего действия, результат которого продолжается и в момент высказывания. Когда в дарственной грамоте Мстислава Владимировича около 1130 г. говорится: „се азъ *повелѣлъ есмь*“, то это значит: „вот я... и *есть повелевший*“ (или: „являюсь лицом, повелевшим“). Также в „Слове о полку Игореве“, в „золотом слове“ Святослава: „О мои сыновчя, Игорю и Всеволоде, рано *еста начала*“ (и т. д.); в плаче Ярославны: „О, Днепре, Словотицю, ты *пробилъ еси* каменныя горы... ты *лелѣялъ еси* на себѣ святославли носады...“

Вследствие этого и момент указания на лицо, совершившее известное действие, в тех случаях, когда в функции сказуемого употреблялся перфект, играл гораздо большую роль, чем в других случаях, и эта роль ещё больше возросла, когда вспомогательный глагол стал опускаться.

Но первоначальное значение перфекта вскоре начало утрачиваться. Всё чаще его начинают употреблять вместо аориста, к которому он был близок по значению, и вместо имперфекта, поскольку последний ещё сохранялся. Некоторую роль сыграл и тот момент, что формы 2-го и 3-го л. ед. в перфекте различались, тогда как в аористе и имперфекте совпадали. То обстоятельство, что перфект в одинаковой степени образовывался как от глаголов совершенного вида, так и от глаголов несовершенного вида, в свою очередь весьма способствовало расширению значения перфекта и вытеснению им аориста и имперфекта. Перфект с помощью форм вида с течением времени (в общем довольно рано) получил способность передавать самые разнообразные оттенки значения прошедшего действия.

В связи с таким расширением значения перфекта вспомогательный глагол *есмь* (связка) в конце концов стал не нужен, и его начали опускать, сначала в форме 3-го л. ед. (особенно в безличных предложениях) и 3-го л. мн., т. е. в форме третьего лица, которая являлась обычной, наиболее часто употребляемой формой сказуемого, а потом и в 1-м и во 2-м лице.

Уже в надписи 1068 г. на Тмутороканском камне наблюдается отсутствие связки в 3-м л. ед. ч.: „Глѣбъ князь *мѣрилъ*

море“ (вместо *мѣрилъ есть*). В древнейшем памятнике актового языка, в Мстиславовой грамоте, связка отсутствует и в 1-м л. ед. ч.: „а язъ *далъ* рукою своею“ (вместо *далъ есмь*). В Смоленской грамоте 1229 г., где перфект встречается 23 раза, он ни разу не употреблён со связкой: „владыка ризкий *умьрлъ, уздумалъ* князь, та два *была* послъмь“ (двойственное число) и т. д.

Но было бы неправильно думать, что к XIII в. повсеместно в древней Руси уже прекратилось употребление связки в перфекте. Очень возможно, что во многих восточнославянских говорах, в частности в Москве, в устной, разговорной речи связка употреблялась долго. Да и в самом литературном, письменном языке в известных жанрах, наконец, в некоторых условных формулах о ф и ц и а л ь н о г о я з ы к а формы 1-го и 2-го лица перфекта продолжали образовываться со связкой п о ч т и до конца XVII столетия. Так, например, в царском указе 1653 г. Б. И. Морозову о беспошлинной торговле говорится: „а прочитая сю нашу грамоту *отдавали* б *есте*“ и т. д. Между тем, в частных письмах царя Алексея Михайловича и в хозяйственных письмах самого Морозова перфект н е имеет связки. Но в письмах того же времени (1650—1684 гг.) Н. И. Одоевского к крестьянам его Покровской вотчины связка имеется: „*писали есте* ко мнѣ“ (и пр.). Также и в крестьянских челобитных Одоевскому: „и в записи *написались есмы* с нимъ вмѣсте“.

В современном русском языке перфект (без связки), или, точнее, „форма на *л*“ вообще является единственной и, так сказать, „общей“ формой прошедшего времени.

Впрочем, пережиточные явления имеют место и в этой области. В Заонежье и других северо-западных говорах были отмечены формы: „деревня *населилася есь*, он *ушол есть*“ и др. В „Онежских былинах“ Гильфердинга встречаются такие случаи, как „она *брала* его *есь* за руценьки“ и т. п. Правда, вспомогательный глагол встречается и в сочетании с настоящим временем, например в тех же говорах: „видно, тут же *есть* богатырь да кончается...“

§ 101. Плюсквамперфект. Что касается п л ю с к в а м п е р ф е к т а, то его судьба была теснейшим образом связана с судьбою рассмотренных выше форм прошедшего времени.

П л ю с к в а м п е р ф е к т употреблялся для обозначения прошедшего действия, п р е д ш е с т в о в а в ш е г о другому прошед-

шему („преждепрошедшего"), или вообще „давнопрошедшего" действия. Это была наиболее редкая в литературном языке древней Руси форма прошедшего времени. По подсчёту одного исследователя, в I Новгородской летописи по Синод. списку процент употребления плюсквамперфекта не превышал 1%, тогда как употребление аориста почти равно 90%. Но эти процентные отношения неодинаковы для памятников древней письменности.

В древнерусском языке было два способа образования плюсквамперфекта: а) с помощью имперфекта от вспомогательного глагола: 1-е л. ед. ч. *бяхъ*, 2-е л. ед. ч. *бяше* и т. д. (очень редко аориста); б) с помощью перфекта от вспомогательного глагола: 1-е л. ед. ч. *былъ, -а, -о есмь*, 2-е л. ед. ч. *былъ, -а, -о еси* и т. д. Этот второй способ образования плюсквамперфекта в памятниках старославянского языка не известен, и поэтому его часто называют „русским", хотя его распространение в славянских языках не ограничивается только пределами русского языка.

В обоих случаях вспомогательный глагол присоединялся к отглагольному образованию на *л* от спрягаемого глагола: а) 1-е л. ед. ч.: *неслъ, -а, -о, писалъ, -а, -о, просилъ, -а, -о* (и т. д.) *бяхъ;* б) 1-е л. ед. ч.: *неслъ, -а, -о, писалъ, -а, -о, просилъ, -а, -о; былъ, -а -о есмь* и т. д. Например, в сочинениях (в частности в автобиографии) Владимира Мономаха: а) „и хотѣхомъ с ними (половцами) ради битися, но оружье *бяхомъ услали* напередъ на повозѣхъ; и Стародубу идохо(м) на Олга (Олега) зане ся *бяше приложилъ* к половце(м)", т. е. „приложился", „перешёл на сторону половцев"; б) „хвалю б(ог)а ... иже не ленива мя *былъ створилъ*". В новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „а что твои брат *от(ъ)ялъ былъ* пожне у Новагорода, а того ..." „а что селъ и свободъ дьмитриевыхъ, то *дали есме были* Андрею" и т. д. В московских грамотах: „а которыѣ деревни *отоималъ былъ* князь Володимеръ... а тѣ деревни потянутъ" (Духовная Дмитрия Донского 1389 г.).

Плюсквамперфект первого типа вышел из употребления ещё в древнерусскую эпоху в связи с исчезновением имперфекта. Зато вторая форма плюсквамперфекта оказалась весьма устойчивой и продолжала употребляться также и после исчезновения вспомогательного глагола *есмь*. В некоторых севернорусских говорах эта форма (без связки) употребляется и в наши дни иногда со значением, очень близким к древнерусскому. Например, в говорах Шенкурского р-на Архангельской обл.: „земля *была высохла*,

но опеть промокла"; другие случаи: „*простудиусе быу* — лес возиу (когда лес возил); ошшо *не собрались были*; два раза *обгорили были*". Такие же формы были отмечены и в других пунктах на севере: в Никольском и Грязовецком р-нах Вологодской обл., в Пудожском р-не Карело-Финской ССР и др.: „товару *былъ заводил, был остались* от отця, у ей *была болела* голова" и т. д. Ср. также в „Беломорских былинах": а когда *уехал был* Добрынюшка Никитич млад" и т. д. Как известно, формы плюсквамперфекта представляют собою обычное явление в украинском языке: *пошов був, ходили були* и т. д.

Полагают, что сказочный зачин: *жил был, жили были* и т. п. также следует относить к пережиткам „давнопрошедшего" времени.

Своеобразным преломлением этой формы в современном русском языке является сочетание прошедшего времени с неизменяемым словом *было: я пошёл было,* мы *хотели было* и т. п. Значение такого прошедшего времени можно определить как „прерванное прошедшее" или „нерешительное действие, имевшее место в прошлом". Эта форма прошедшего времени, возникшая ещё до того, как плюсквамперфект вовсе вышел из употребления, по памятникам известна с XVI—XVII вв.

§ 102. Сослагательное наклонение. Рассмотренные выше четыре древнерусские формы прошедшего времени были формами изъявительного наклонения. К этим формам по своей природе и, главное, по своей судьбе примыкает ещё одна форма прошедшего времени, но на этот раз не изъявительного, а с о с л а г а т е л ь н о г о, или, лучше сказать, у с л о в н о г о наклонения. Во всех славянских языках условное наклонение с доисторической эпохи выражалось только формой прошедшего времени. С этой целью к отглагольному образованию на *л* от спрягаемого глагола прибавляли а о р и с т от глагола *быти:* 1-е л. ед. ч. *быхъ*, 2—3-е л. ед. ч. *бы*, 1-е л. мн. ч. *быхомъ* и т. д. Таким образом: 1-е л. ед. ч. *неслъ, -а, -о, писалъ, а, -о, просилъ, -а, -о, ѣлъ, -а, -о* (и пр.) *быхъ* и т. д. Например, в „Слове о полку Игореве": „а *быхъ не слала* к нему слезъ на море рано" (не слала бы); „а *бы* ты сіа плъкы *ущекоталъ*" (если бы... ты ущекотал); „аже *бы* ты *былъ*, то *была* бы чага по ногате"; в сочинениях Владимира Мономаха: „да *бы(х)... оплакалъ* мужа ея"; „аще *бы* тогда свою волю *створилъ...*, ся *быхо(м) уладили*" (мы бы „уладились", достигли „лада", соглашения) и т. п.

История этого прошедшего условного заключается главным образом в том, что аорист *быхъ* перестал (примерно с XIII столетия) изменяться по лицам, причём в качестве общей неспрягаемой формы установилась форма ***бы*** (2—3-е л. ед. ч.). Например, в московском евангелии 1339 г.: „аще *бы* слѣпи *были*" и пр. Представляет интерес случай в духовной грамоте Симеона Гордого 1353 г.: „а лихихъ *бы есте* людии не *слушали... слушали бы е[сте]* о[т]ца нашего вл[ады]ки Олексея" (в обеих фразах — *бы есте* вместо *бысте*, но для обозначения 2-го л. мн. прибавляется *есте*).

В связи с утратой спряжения *быхъ, бы* и пр. находится и появление сложного союза *чтобы* и др., например, в той же духовной Симеона Гордого: „пишу вамъ, *чтобы* наша свѣча *бы* не угасла". Прекращается употребление ***бы*** в роли самостоятельного сказуемого или в составе сказуемого (в значении *был, -а, -о*), и поэтому в 3-м л. ед. ч. вместо ***бы*** устанавливается употребление *бысть* (со вторичным окончанием ***-сть***, заимствованным из настоящего времени: *е-сть*): „а на Търожку все чело (т. е. цело, *ч* — вместо *ц*) *бы[сть]*" (I Новг. летопись по Синод. списку под 6723 г.).

Так была преобразована древнерусская система прошедших времён. Форма на ***л***, с изменением по родам и числам (ед. и мн.), но без изменения по лицам, что отчасти компенсируется в формах 1-го и 2-го лица обязательным присутствием личных местоимений в функции подлежащего, является теперь, в сущности, единственной формой прошедшего времени. Но она обладает способностью с помощью форм вида и с помощью вспомогательных слов *(было, бы)* не только выражать все те значения, которые обозначались в древнерусском языке пятью формами прошедшего времени, но и некоторые новые глагольные значения.

В этом отношении, в смысле экономии обозначения прошедшего действия, русский язык отличается от других славянских языков. Некоторые из них (южнославянские) до сих пор сохраняют (с незначительными изменениями) ту систему прошедших времён, которая некогда была общей для всех славянских языков. Так, например, в сербском языке имеется и аорист: *ја плетох* (плел), и имперфект: *ја плетијах,* и перфект: *ја сам плео,* и плюсквамперфект обоих ви-

дов: 1-е л. ед. ч.: а) *ја бијах плео* и б) *ја био сам плео*, и прошедшее условного наклонения: *ја плео бих*. Впрочем, и в сербском языке, даже литературном, формы аориста и особенно имперфекта вытесняются формами прошедшего сложного. То же явление наблюдается в болгарском языке.

Формы будущего времени

Будущее первое

Ед. ч.	1-е л. буду нести	буду видѣти	
	2-е л. будешь нести	будешь видѣти	
	3-е л. будеть нести	и т. д.	
Дв. ч.	1-е л. будевѣ нести		
	2—3-е л. будета нести		
Мн. ч.	1-е л. будемъ нести		
	2-е л. будете нести		
	3-е л. будуть нести		

Будущее второе

Ед. ч.	1-е л. буду неслъ, -а, -о	буду видѣлъ, -а, -о	
	2-е л. будешь неслъ, -а, -о	будешь видѣлъ, -а, -о	
	и т. д.	и т. д.	

Будущее время в древнерусском языке, как и в современном русском, выражалось по-разному в зависимости от видовых значений глагола.

Глаголы совершенного вида, как уже было отмечено выше (§ 96), имели простое будущее, с флексией настоящего времени: *принесу*, *брошу*, *дамь* и т. п.

Глаголы несовершенного вида имели сложное будущее.

§ 103. Первое будущее. Первое сложное будущее представляло собою сочетание вспомогательного глагола с инфинитивом спрягаемого глагола. Но в отличие от современного русского, в древнерусском в качестве вспомогательного элемента употреблялись не столько *буду*, сколько другие глаголы: *начьну* (*почьну* и т. п.), *иму*, реже: *хочу*. Так, в Мстиславовой грамоте: „который князь... *почьнеть хотѣти* о[т]яти" (*захочет* отнять); в Новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „а холопъ... *почнеть* (в других грамотах: *иметь*) *вадити* на

господу“ (обвинит); „а *имуть* чего *искати* на новгородце[х]“ и др.; в „Русской Правде“: „а онъ *ся начнеть запирати*“ (будет запираться); в „Повести временных лет“ (по Лавр. сп.): „се уже хочемъ померети отъ глада“ (вот-вот помрём) и т. д. Также в московских грамотах XIV—XV столетий, например, в духовной Симеона Гордого 1353 г.: „а хто сю грамоту *иметь рушити*“...; в договорной 1390 г.: „а ци перемѣнишь богъ орду, а не иму давати в орду“; в грамоте 1486 г.: „а хто у них *учнетъ жыти людей*“, также в двинских грамотах XV столетия и др. Так и в наши дни — во многих современных севернорусских говорах, например, Вологодской области и соседних: *иму делать, иму курить, имёшь ли обедать-то? имём робить, имём ись* (будем есть); *учну реветь* (зареву) и т. п. Ср. в украинском языке: *пектиму, пектимеш* и пр. (из: *пекти* + *иму, имешь* и пр.).

С течением времени, однако, глагол *буду* в составе будущего времени (почти неупотребительный в этой функции в древнерусском языке — не только народном, но и литературном) получил широкое распространение за счёт *начьну, иму* и прочих глаголов, — в частности, в Москве, в новом русском литературном языке на московской основе. Здесь глагол *буду* (как наиболее абстрактный, отвлечённый) вытеснил другие глаголы, потому что он не имел никакого иного значения, кроме значения будущего времени, и поэтому более годился для того, чтобы служить вспомогательным элементом в составе будущего времени от глаголов несовершенного вида. Но произошло это поздно. В середине XVII в., например, в Уложении 1649 г. в этой роли употребляется ещё *учну*: „кто на кого *учнетъ* доводити государево дѣло; кто *учнетъ* у кого *красти* (будет красть, украдёт)“ и т. д.; форма же *будет* употребляется лишь в качестве самостоятельного сказуемого, в значении будущего от *есмь* и в значении условного союза *если*: „а *будет* кто у кого наймется...“ (и пр.).

То же явление в западнославянских языках. Иначе в южнославянских языках.

§ 104. Второе будущее. Кроме первого сложного будущего, в древнерусском языке было известно ещё второе. Оно и по образованию, и по значению сильно отличалось от первого. Второе будущее, употреблявшееся главным образом в условных придаточных предложениях, образовывалось с помощью зна-

комого нам отглагольного образования на *л* от спрягаемого глагола: *неслъ,-а,-о* и пр. в сочетании *с буду*, обыкновенно, но не исключительно, от глаголов несовершенного вида. Оно выражало идею „преждебудущего“ времени, т. е. обозначало будущее действие, которое должно совершиться раньше другого будущего или другого действия вообще. Например, в „Русской Правде“: „а кто *будеть началъ* тому платити 60 кунъ...“ (кто начнёт); в новгородских грамотах XIII — XIV вв.: „взяти куны колико *будеть далъ* по исправѣ“ (сколько даст). Также в московских грамотах XIV в., в частности в духовной Симеона Гордого 1353 г.: „кого *буду прикупилъ* или хто ми *ся будеть* въ винѣ *досталъ* или хто *ся будеть* у тыхъ людий *женилъ*, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю“ (т. е. кого прикуплю, кто мне достанется по суду и кто из этих людей женится...). В Москве, в разговорном языке, употребление второго будущего прекратилось, по крайней мере, к XVI в.

В других славянских языках, особенно в польском, второе будущее (со значением „первого“ будущего) и до сих пор является „нормальной“ формой: *ja będę chodził* и пр., а в болгарском языке оно даже сохранило своё прежнее значение.

§ 105. Формы повелительного наклонения. Переходим теперь к истории других глагольных форм, и прежде всего форм наклонения. Кроме изъявительного наклонения (индикатива), в древнерусском языке употреблялись ещё сослагательное (конъюнктив) и повелительное. Мы уже располагаем важнейшими данными по истории сослагательного наклонения в связи с историей прошедшего времени в целом. Но у нас ещё не было речи о повелительном наклонении.

В древнерусском языке формы спряжения в повелительном наклонении несколько отличались от подобных им форм в современном русском:

1) Повелительное наклонение имело не только единственное и множественное число, но и двойственное.

2) Повелительное наклонение во множественном и двойственном числе имело две личные формы: 1-го и 2-го лица, а не одну форму 2-го лица, как в единственном числе.

3) Повелительное наклонение, образуемое, как и в современном русском, от основы настоящего времени, имело во множественном и двойственном числе у глаголов первого спря-

жения другие окончания (точнее — другой тематический гласный, соединившийся с историческим окончанием), а у нетематических глаголов — другую основу, чем в настоящем времени в изъявительном наклонении.

У глаголов первого спряжения типа *несу* (с твёрдой основой в 1-м л. ед. ч.) и типа *колю, пишу* (с мягкой основой) были разные окончания, кроме 2-го л. ед. ч.:

Ед. ч.	2-е л.	неси	пеци	пиши	Ср.	проси
Мн. ч.	1-е л.	несѣмъ	пецѣмъ	пишимъ		просимъ
	2-е л.	несѣте	пецѣте	пишите		просите
Дв. ч.	1-е л.	несѣвѣ	пецѣвѣ	пишивѣ		просивѣ
	2-е л.	несѣта	пецѣта	пишита		просита

Изменения были пережиты следующие:

1) Двойственное число перестало употребляться (см. выше § 64).

2) Форма 1-го лица мн. ч., как особая, специальная форма императива, отличавшаяся от формы 1-го л. мн. ч. изъявит. накл.: ***несѣмъ***: ***несемъ, пишимъ: пишемъ,*** вышла из обращения. Если мы теперь говорим: *понесём!, идём!, скажем!, напишем!* и пр. (или: *идёмте!, напишемте!* и пр.), то мы пользуемся формой 1-го л. мн. ч. изъявительного наклонения. Она не имеет собственно повелительного значения. Отметим кстати, что формы типа *идёмте* существуют уже несколько столетий. Известно, что в песнях, записанных в 1619—1620 гг. для Р. Джемса, встречается: „да *грѣнемте* братцы в яровы веселца".

3) Во 2-м л. мн. ч. у глаголов типа *несу* возникло новое окончание ***-ите***: *несите, ведите, пеките* (с ***к*** под влиянием *пеку* и пр.) и соответствующим образом в 1-м л. мн. ч. ***-имъ***, в 1-м л. дв. ч. ***-ивѣ***, 2-м л. дв. ч. ***-ита***. Новое окончание в книжно-литературном языке (наряду с историческим ***-ѣте***) известно у нас уже с древнейших памятников. Так, в Остромировом евангелии: *приведите* и т. д. Может быть, оно попало сюда из старославянских рукописей. В деловом же языке оно известно с XIII в. Например, в духовной новгородца Климента ок. 1270 г.: „у Фомы 8 грив(е)нъ *възмите*" (вм. *възмѣте*).

4) Окончание 2-го л. ед. ч. ***-и***, при отсутствии на нём ударения, в случае, если ему предшествует не больше одного согласного,

отпало во многих русских говорах, в частности в московском: *верь* (из *вѣри*), *сыпь* (из *сыпи*), *сядь* (из *сяди* < *сęди*), *будь, встань* и др. Ср., однако, в Москве ещё в середине XVII в. в Книге о ратном строе 1647 г.: „*стани* на прежнее место, *постави* правую ногу, *изготови* подсошекъ" и пр., наряду с: *стань, примѣрь, повѣсь* и пр. В говорах формы вроде: *сяди, встани* и пр. сохраняются до сих пор. Окончание ***-те*** (2-го л. мн. ч.) стало употребляться для образования множественного числа от единственного: *верьте, сыпьте* и пр.; *ляг* (вм. *лязи*): *лягте*.

5) У глаголов нетематического спряжения формы повелительного наклонения изменились особенно заметно. Так, форма 2-го л. ед. ч. в древнерусском языке от глагола *ѣмь* имела форму *ѣжь* (ст.-сл. ꙗждь), от глагола *дамь — дажь*, от глагола *вѣмь — вѣжь*.

От глагола *вижу* (инф. *видѣти*), спрягавшегося по тематическому спряжению, форма 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения образовывалась по нетематическому же спряжению: *вижь* (ст.-сл. и новоцерковносл. виждь. Ср. у Пушкина в стихотворении „Пророк": „и *виждь* и внемли)". К пережиткам этой формы можно отнести вводное *ишь* („*ишь*, какой прыткий" и т. п.) из *вижь*.

Во множественном и двойственном числе повелительного наклонения нетематические глаголы имели другую основу: 1-е л. мн. ч.: *ѣдимъ, дадимъ* и пр., 2-е л. мн. ч.: *ѣдите, дадите* и пр.

Но от этого спряжения почти ничего не осталось. Правда, мы говорим: *ешь* (2-е л. ед. ч.), употребляя одинаковую форму для настоящего времени изъявительного и для повелительного наклонений, хотя в повелительном *ешь*, несомненно, восходит к *ѣжь*. Под влиянием этой формы возникла и новая форма 2-го л. мн. ч. *ешьте* вместо *ѣдите* — старой формы повелительного наклонения. Она сохранилась, однако, в качестве формы 2-го л. мн. ч. изъявит., как сохранилась в качестве формы 1-го л. мн. ч. изъявит. накл. старая форма 1-го л. мн. ч. повелительного: *ѣдимъ*, чему весьма способствовало и то обстоятельство, что в 3-м л. мн. ч. настоящего времени изъявит. накл. этот глагол исстари имел форму *ѣдять* с той же самой основой ***ѣд***. Подобные же формы 1-го и 2-го л. мн. ч. в настоящем времени получил и глагол *дамь: дадим, дадите*. Надо полагать, что этот процесс закончился в Москве и в других говорах к концу древнерусской эпохи.

6) Следует, наконец, отметить, что в некоторых случаях, в связи с перестройкой глагольной основы, старые формы повелительного наклонения исчезли. Например, в Книге о ратном строе имеются такие формы, как: „*дми* на полку" (дуй, при *дму* вм. *дую*), „*выми* фетиль или *вымъ*" (*вынь* от *вынять*, ср. *пойми*, *займи* и пр.). В современном русском языке эти формы вытеснены другими.

В украинском языке старые формы повелительного наклонения сохранились гораздо лучше, чем в русском: *бери* (2-е л. ед. ч.), *берíмо* (1-е л. мн. ч., с *і* из *ѣ* при *беремо́* 1-го л. мн. ч. наст. вр.), *берíть* (2-е л. мн. ч. при *берете* 2-го л. мн. ч. наст. вр.); *їж* (2-е л. ед. ч.), *їжте* (2-е л. мн. ч.). Но: *дай, відповіди* (2-е л. ед. ч.) и пр.

§ 106. Формы вида. История форм вида (как и форм залога) в русском языке ещё не выяснена в достаточной степени. Очень возможно, что первоначально, в глубокой древности, в славянских языках вовсе не существовало никаких форм вида, как не имеется форм вида, например, в современном немецком и др. Они образовались только с течением времени. По мнению Потебни, сначала получили выражение видовые оттенки длительности и недлительности в таких случаях, как *несу*: *ношу* и т. п., а потом уже, в связи с возникновением и развитием приставочных глаголов, возникли видовые значения совершенности и несовершенности: *писати: написати*, *дѣлати*: *съдѣлати* и т. д., причём значение приставок постепенно абстрагировалось (например, приставка ***на*** перестала обозначать направление на поверхность, приставка ***съ*** — соединение или удаление и т. д.).

Не всегда существовали, но с давнего времени известны и формы однократности и многократной повторяемости действия: *крикнути*: (по)*крикивати*, хотя соответствующие формы встречаются уже в древнейших памятниках письменности, например в „Повести временных лет": „*умыкиваху* у воды дѣвица" и т. п.

В языке восточных славян все эти видовые значения в большей или меньшей степени установились ещё до появления первых памятников письменности. Тем не менее древнерусский язык представляет некоторые особенности в отношении форм вида сравнительно с современным русским.

Так, многие глаголы, как приставочные, так и бесприставочные, являющиеся глаголами совершенного вида в современном русском языке и поэтому не имеющие значения настоящего вре-

мени, в древнерусском могли употребляться и со значением настоящего времени.

а) Например, в „Повести временных лет“ (по Лавр. списку): „а Двина ис того же лѣса *потечеть*, а *идеть* на полунощье“ (вытекает); „а Днѣпръ *втечеть* в Понтьское море“ (впадает); или (о новгородских банях): „и *возмуть* на ся прутье младое, и *бьють ся* сами и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи“ (берут и бьются). Так и впоследствии, в памятниках XVII в. московского происхождения, например, у Котошихина: „а доходов в тотъ приказъ... *соберется* в годъ... (собирается), и потомъ царица или царевны ихъ поздравляютъ, а бывъ у нихъ *поѣдутъ* к себѣ“ (едут) и пр. Ср. в одной из упомянутых выше песен, записанных для Р. Джемса в 1619—1620 гг.: „*Сплачется* (плачет) малая птичка. | Бѣлая пелепелка...“ Ср. в Разрядных столбцах 1612 г. „и я отъ тое раны животъ свои мучу: не *заживетъ*, только гниетъ“.

Это относится и ко многим бесприставочным глаголам. Так, глагол *купити*, как и некоторые другие подобные (в современном русском — совершенного вида), сначала, в течение долгого времени, не имел такого ограниченного видового значения. Ср. в Новгородской грамоте 1265 г.: „а в Бежицах княже тобе... селъ не дьржати *ни купити* (не покупать) ни даромъ приимати“ и пр. И позже в памятниках московского приказного языка: „и приставы говорили, что тотъ шолкъ сырецъ здѣсь годится и *купятъ* его пудъ дорогою цѣною“ (покупают; документ 1658 г. „Памятн. дипл. сношений с Римской империей“, III, 817). Ср. также: „се *дасть* (дает) Иван Михаилович“ — обычная формула купли-продажи в юридических документах XIV—XVI вв.; „Новгородъ ти держати по пошлинѣ... а мужа ти... волости не *лишити*“ (не лишать) — в Новгородской грамоте 1304—1305 гг.

б) С другой стороны, в русском языке в течение известного периода, после того как формы имперфекта и плюсквамперфекта в народной речи окончательно вышли из обращения, получили широчайшее распространение формы м н о г о к р а т н о г о несовершенного вида глаголов на ***-ыва-***, ***-ива-*** как производные от глаголов на ***-ати***, ***-jати***, типа *писати*: ***писывати***. В старое время с этими суффиксами могли употребляться многие глаголы, которые теперь уже не возможны со значением многократной повторяемости действия. Например: в Новгородской грамоте 1305—1308 гг.: „а двора не затворяти, а приставовъ не

приставливати" (не ставить, не приставлять). Ср. в московских памятниках — в Книге о ратном строе 1647 г.: „и то он *прибавливаетъ*, другъ друга *заставливаютъ* битися" и пр.; в Уложении 1649 г.: „у кого *служивалъ*, никакова бесчестья не *учинивали*, он своей вотчины... не *продавывалъ*..., свою рухлядь *оставливаютъ*, ни на каком воровствѣ не *объявливалися*". Ср.: „да что... *купливалъ* у Максима у Третьяка" (Устюжская купчая 1612 г.); государя *ссариваютъ* (с кем-н., Донские дела, 1625 г.).

После XVII в. употребление глагольных форм на ***-ыва-ть***, ***-ива-ть*** явно пошло на убыль.

в) Следует при этом отметить, что в литературном языке бесприставочные глаголы на ***-ыва-ть***, ***-ива-ть*** в форме прошедшего времени постепенно получили новый оттенок значения — „давнопрошедшего" времени. Это значение сохранялось ещё в прошлом столетии. Например, у Пушкина: „Вот камин. Здесь барин *сиживал* один" (когда-то сидел). Ср. „покойный дед мой *говаривал*" и т. п. У приставочных глаголов старое значение многократности в прошедшем времени удерживается: *записывал, проделывали, задумывался* и т. д.

г) Глаголы на ***-ыва-ти, -ива-ти,*** получившие, кроме русского и других восточнославянских языков, широкое распространение также в польском, развились на почве так называемых итеративных глаголов (обозначавших повторяемость действия) на ***-а-ти, -ја-ти***. Эти итеративные глаголы, кроме суффикса, имели ещё одну примету. Они отличались от глаголов, не имевших итеративного значения, вокализмом корня в таком соотношении:

без значения итеративности: ***о:е:ъ:ь***
со значением итеративности: ***а:ѣ:ы:и***

Например (в древнерусском языке): *просити:прашати, родити: ражати, погрести*(из *по-греб-ти*)*:погрѣбати, призъвати:призывати, прильнути*(из *при-льп-ну-ти*)*:прилипати*. Различие в вокализме корня получилось вследствие того, что у глаголов со значением итеративности гласный корня некогда подвергался удлинению: ***ŏ***: ***ō***, ***ĕ***: ***ē*** и т. д., а становясь долгим, он потом перерождался качественно, причём вместо долгого ***о*** возникло ***а***, вместо долгого ***е*** — ***ѣ***, вместо удлинившихся ***ъ***, ***ь*** — ***ы***, ***и***.

На русской почве с течением времени старые соотношения в области вокализма корня в первых двух случаях (***о:а, е:ѣ***) были забыты. Мы с давнего времени говорим: ***рожать, погребать*** и т. д., причём фонетические процессы, например совпадение ***ѣ*** с ***е*** во многих говорах и в литературном языке, здесь роли не играли. Просто был восстановлен первоначальный (до удлинения гласных) вокализм корня. Например: ***родить: рожать, погрести: погребати***. Но ***касаться*** при наличии ***коснуться, полагать*** при наличии ***положить***. В украинском: ***помагати*** при наличии ***помогти***. Память о существовавшем в древности различии в области вокализма корня, в частности о чередовании ***о:а***, сохраняется и в настоящее время в таких случаях, как *ходит:похаживает, носит:изнашивает, смотрит:посматривает* и т. п.

§ 107. Формы залога. Как известно, формы залога (служившие для обозначения разнообразных отношений между 1) субъектом, производителем действия, 2) самим действием и 3) объектом, на которое оно направлено) отчасти выражались средствами словосочетания (формы с причастием страдательного залога: ***есмь, несомъ, писанъ*** и т. п.), отчасти с помощью энклитического местоимения ***ся*** (себя, вин. ед.). Это местоимение, ставшее потом частицей, при известных условиях (в положении после гласных звуков) сократилось (в течение XVI—XVII вв.) во многих русских говорах, между прочим, в московском. Но эволюция ***ся > сь*** на этом не кончилась. В связи с сокращением частицы ***ся*** находится её отвердение: *моюс, боюс, началос* и пр. Например, в литературном языке в фонетической транскрипции: *мо́йус, бaј́ус, нъчило́с* и пр. Ср. в „Горе от ума“, в первом явлении: „—Что-с? — Всё в доме *поднялос (ь)*“. Отвердение ***с*** в положении после твёрдого ***л*** в таких формах, как *мылся*, и тем более после ***т*** в 3-м л. в связи с переходом в ***ц***: *моетса > моетца*, надо полагать, протекало независимо от отвердения конечного ***сь***.

В старом русском языке и в некоторых современных говорах в роли залоговой частицы встречается иногда ***си***. Например, в южнорусском говоре села Матыр Рязанской области: ***асталси, саскучилси, даждёмси*** и пр., даже под ударением: ***дали́*́**. Это явление (***си*** вместо ***ся > сь***) трудно объяснить на почве изменения ***ся > си*** в неударенном положении, ***си*** встречается в этой функции и в памятниках древней письменности, например: в Лаврентьевском списке летописи 1377 г.: „галичане съпъснуша

си" (из *сътъскнуша си*, встревожились) и т. п. Надо полагать, что здесь ***си*** является энклитическим местоимением дательного ед. (*себе*). Ср. наше: пошёл *себе* и т. п. Впоследствии глаголы, сочетавшиеся с ***си***, в некоторых говорах стали смешиваться с глаголами, сочетавшимися с ***ся***, и, таким образом, новые возвратные формы на ***си*** в этих говорах получили преобладание.

Частица ***ся***, как было упомянуто выше, в § 83, в течение долгого времени могла употребляться отдельно от глагола, с которым она была связана по смыслу, причём не только в положении за глаголом (постпозитивно): „*начати* же *ся* тъй пѣсни" („Слово о полку Игореве"), „*подѣлити* вы *ся* тыми волостми" (Духовная Ивана Калиты 1339 г.) и пр. Очень часто, особенно в начале фразы, она предшествовала глаголу: *ся мою* (*моюсь*) и т. п., как нередко в современных зарубежных славянских языках. Ср. в „Русской Правде": „а он *ся* запирати начнеть" и пр.; в сочинениях Владимира Мономаха: „аще вы *ся* и гнѣваете, тому *ся* не учитъ" и пр.; в „Слове о полку Игореве": „ту ся брата разлучиста"; в „Хожении Афанасия Никитина": „судно *ся* мое разбило подъ Тархы" и т. д. Именно с закреплением этой частицы в положении за глаголом связано и её сокращение (***сь***) и прочие изменения (***моюсь*** > ***моюс***, ***мылса***, ***моетца*** и т. п.).

Следует отметить, что в старину с отдельным употреблением ***ся*** были возможны многие глаголы, которые теперь вообще не употребляются без ***ся*** > ***сь***. Сюда относится, например, глагол *бояться*. Ср. в „Повести временных лет" по Лавр. списку: „ничего же ***ся*** *боять* бѣси, токмо креста". В современном польском: ten się ***nie boi,*** kto nic złego nie broi (тот не боится, кто ничего плохого не делает).

В древнерусском языке вообще могли употребляться без ***ся*** многие глаголы, которые в современном русском без этой частицы не употребляются. Например, в „Слове о полку Игореве": „*кають* князя Игоря" (порицают, теперь только *каяться*), в „Повести временных лет" по Лавр. списку: „и не *очютиша* ихъ половци" (не нашли, теперь только *очутиться*). В Ипатьевском списке летописи встречается: „(он) *жалова* на кыяны" (*жаловался*, т. е. при отсутствии прямого дополнения) и т. п.

Надо полагать, что первоначально, в доисторическую эпоху, любой глагол из тех, которые употребляются в современ-

ном русском языке с частицей ***ся*** (***сь***), мог быть употреблён не только раздельно с ***ся***, но (в другом контексте) и вообще без этой частицы. Устранение подвижности частицы ***ся*** относится к позднему времени (XVI—XVII вв.). Закрепление произошло сначала в области глаголов со значением страдательным и собственно-возвратным, а потом в (XVII в.) и в области остальных глаголов с частицей ***ся***. В Уложении 1649 г. не имеется ни одного случая свободного употребления частицы ***ся***.

Что касается развития основных залоговых значений русского глагола, то оно закончилось до появления письменности у славян. В глубокой древности возникли в языке наших отдалённых предков значения „переходности“ и „непереходности“ действия, значения „действительного“ (переходного) залога и „страдательного“ залога, который сначала выражался только с помощью „страдательных“ причастий. Очень рано появилось значение „возвратного“ (может быть, возвратно-взаимного) залога, для выражения которого было использовано местоимение ***ся*** (и отчасти ***си***), ставшее постепенно терять своё прежнее значение *себя*. Но дальнейшая дифференциация возвратно-залоговых (как и видовых) значений в литературном языке и в говорах относится уже к историческому времени, особенно к новому периоду истории русского языка.

§ 108. Причастия действительного залога. Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времени в древнерусском языке, как и в других славянских, употреблялись и в краткой, и в полной форме (подобно прилагательным в сравнительной степени и порядковым числительным).

а) Краткие причастия действительного залога настоящего времени образовывались (сначала, повидимому, только от глаголов несовершенного вида) от основы настоящего времени с помощью суффиксов ***-уч-*** (из *ǫtj*, ст.-сл. ѫщ) в первом спряжении и ***-'ач-*** (из *ętj*, ст.-сл. ѧщ), причём согласные перед суффиксом ***-уч-*** могли быть или твёрдые (у глаголов типа *несу*, т. е. с твёрдою основой в настоящем времени), или мягкие (в остальных случаях), а перед суффиксом ***-ач-*** — всегда мягкие. Так, форма им. п. ед. ч. женск. р., оканчивавшаяся на ***-и***, имела такой вид: 1) ***несучи*** (ст.-сл. несѫщи), *колючи*, ***пишучи*** *(п'иш'уч'и)*; 2) ***просячи*** (ст.-сл. просѧщи), *слышачи (слыш'ач'и)*, *видячи*,

В мужском и среднем роде в именительном п. ед. ч. упомянутые суффиксы отсутствовали. Окончание же было (при наличии в старославянском языке двух окончаний: ы — у глаголов типа несѫ и ѧ — в остальных случаях) в древнерусском одно ***а*** с предшествующими согласными или твёрдыми (у глаголов типа *несу*), или мягкими (в остальных случаях): а) ***неса*** (ст.-сл. несы), ***веда, ида, пека, мога*** и т. п., б) ***коля*** (ст.-сл. колѧ), ***пиша, прося*** (ст.-сл. просѧ), ***видя*** и пр.

Окончание ***-а*** после мягких согласных возникло на восточнославянской почве из ę. Что касается окончания ***-а*** после твёрдых согласных, сближающего древнерусский язык с чешским языком, где эти формы и до сих пор употребляются: *nesa, řeka, moha* и пр., то происхождение его остаётся пока неясным. Нужно было бы ожидать такого же ***ы***, как в старославянском языке. Но, как полагают, на восточнославянской почве, в связи с изменением ę > ***'а*** и появлением таких образований, как *коля, прося* и пр. (возможно, ещё до появления письменности в древней Руси), под влиянием этой формы в им. ед. у причастий действ. залога наст. вр. на ***'а (я)*** из ę возникло новое окончание ***-а*** (вместо ***-ы***) в таких случаях, как: ***неса, ида*** и пр. Примеры этой новой формы иногда встречаются уже в наших древнейших письменных памятниках, например в новгородских Минеях 1096 г.: *зова, мога*; 1097 г.: *зова, жива* (ст.-сл. живы) и других рукописных книгах XI столетия.

Эта форма долго держалась впоследствии. Она является нормальной формой в Москве в XIV столетии. Иван Калита начинает своё завещание словами: „Се язъ... пишу д[уше]вную грамоту *ида* във орду...“ Но вскоре после XIV в. и в Москве, и вообще в русском языке форма на ***а*** была окончательно вытеснена формой на ***'а (я)***, с предшествующим мягким согласным. Первые примеры её употребления в письменном языке начинаются с XIII в.: *идя* — в грамоте рижан ок. 1300 г. и т. д. К пережиткам старой формы на ***а*** следует отнести такие севернорусские формы, как: *глядá* (т. е. кажется; Вологод. обл. и др.), *не смога* (т. е. невмочь; Пошехонье); в поговорке: „Кто кого *смога*, тот того в рога“.

Следует, однако, помнить, что в древнерусском языке образования вроде *неса > неся, несучи; коля, колючи; прося, просячи* и т. п. сначала не имели значения деепричастий. Это были причастные формы со значением: ***несущий, несущая,***

несущее; колющий и т. д., изменявшиеся по родам, числам и падежам. Как же они изменялись? Они изменялись в косвенных падежах так же, как краткие прилагательные с мягкой основой типа *синь, синя, сине*. Следовательно:

		м. р.	ж. р.	ср. р.	
Ед. ч.	И.	нес-а (> нес-я)	не-су-чи	нес-а (> нес-я)	
		кол-я	кол-юч-и	кол-я	
		прос-я	прос-яч-и	прос-я	
	Р.	нес-уч-а	нес-уч-ѣ	нес-уч-а	
		кол-юч-а	кол-юч-ѣ	кол-юч-а	
		прос-яч-а	прос-яч-ѣ	прос-яч-а	
	Д.	нес-уч-у	нес-уч-и	нес-уч-у	и т. д.

Особо подчёркиваем:

	В.	нес-уч-ь	нес-уч-у	нес-уч-е	
		прос-яч-ь	прос-яч-у	прос-яч-е	
Мн. ч.	И.	нес-уч-е	нес-уч-ѣ	нес-уч-а	
		кол-юч-е	кол-юч-ѣ	кол-юч-а	
		прос-яч-е	прос-яч-ѣ	прос-яч-а	и т. д.

Так изменялись краткие причастия действительного залога настоящего времени в языке восточных славян древнейшей поры. Но от этого первоначального склонения, повидимому, оставалось в разговорном языке в XII—XIII столетиях уже немногое. В деловом языке и в книжно-литературном русские формы (с ***ч***, а не с ***щ***) в качестве определения, правильно согласованного с определяемым словом, почти совсем невозможны.

Обыкновенно они употреблялись в форме им. падежа, в роли предикативного члена составного сказуемого, и были согласованы с подлежащим. Например, в сочинениях Владимира Мономаха: „*сѣдя* на сане[х] помысли[х] [я]“; „прислалъ ко мнѣ... грамоту *река* (он)“; „и сядетъ (сноха) акы горлица... *желпючи*“; „ходихо[м]... (мы) на ярославца... не *терпяче* злобъ его“; „рѣчь *молвяче*... не клянитеся б[ого]мь (вы)“. Нередко в им. мн. мужск. р. вместо ***е*** оказывается ***и***: „ти бо *мимоходячи* прославять человѣка по всѣ(м) земля(м)“.

С течением времени краткие причастия действ. залога настоящего времени перестали изменяться по родам и числам и окончательно превратились в то, что мы теперь называем „дееправ-

частием". При этом в качестве о б щ е й ф о р м ы д е е п р и ч а с т и я в литературном языке установилось употребление формы на ***'а (я)***: *неся, коля, прося* и т. п. В живой разговорной речи эта форма никогда не была единственной. На одинаковых правах с нею употреблялась и форма на ***-учи, -'учи (-ючи)*** и на ***-'ачи (-ячи)***, восходящая или к форме и м е н и т е л ь н о г о е д и н с т в е н н о г о ж е н с к о г о р., или к форме и м е н и т е л ь н о г о м н о ж е с т в е н н о г о м у ж с к о г о р. (с заменой ***е > и***, ещё в древнерусскую эпоху): *идучи, играючи, смеючись* и т. д.

С течением времени форма на ***-учи*** в народном языке получила распространение и за счёт ***-'ачи***: *глядючи* и т. п.

Деепричастие на ***-учи, -'учи (-ючи)*** с ударением (как и вообще в народном языке в этой форме) или на основе, или на втором слоге суффикса ***(чи)*** долго держалось в московской речи. Оно часто встречается не только в письменных памятниках московского происхождения XVII в., как, например, в Уложении: „*идучи́*... учнутъ, *живучи́* в холопстве, *бьючи́*... изувечитъ, кто *стреля́ючи*... убьетъ, лѣсъ *расчища́ючи*... дерево обсѣчетъ" и т. д., но и позже. Пушкин ещё мог сказать в „Полтаве" о палаче: „И в руки белые берёт | *играючи* топор тяжёлый...", или в „Подражании Данту": „И обе *сидючи* пустились вниз стрелой" и т. д. Мы теперь избегаем этих образований, хотя говорим: *будучи, умеючи, крадучись*.

Память о причастном происхождении деепричастий на ***'а (я)*** и ***-учи, -'учи (-ючи)***, о том, что наши деепричастия по происхождению своему являются формой именительного падежа, о некогда существовавшей связи и согласовании их с подлежащим, всё же сохраняется в современном, по крайней мере, литературном языке. Ещё Ломоносов в своей „Российской грамматике" (§ 532) осудил такие словосочетания, как: „*идучи* я в школу, встретился со мною приятель". В личных (т. е. с подлежащим) предложениях деепричастие у нас не может иметь какого-либо собственного „субъекта", производителя действия; действие, обозначаемое деепричастием, производит лицо или вообще тот предмет, который выражен подлежащим. Можно сказать: „Войдя в комнату, я увидел, что Ваня сидит у окна". Но нельзя сказать: „Войдя в комнату, Ваня сидел у окна".

В говорах этот закон употребления деепричастий никогда не отличался устойчивостью. Например, в песнях: „Зимушка, зима... не морозь м е н я... при дороженьке коня *ведучи*, сбрую *несучи*" (смысл м е н я ведущего, несущего...). Нарушение правила о связи

деепричастия с подлежащими часто наблюдается у наших писателей прошлого столетия.

Наконец, чтобы покончить с деепричастиями типа *неся, несучи* и т. п., остаётся ещё упомянуть, во-первых, о деепричастиях на ***'а (я)*** от глаголов совершенного вида: ***принеся, войдя, услыша*** и т. п. Деепричастия этого типа, употребляемые со значением прошедшего времени, появились довольно рано. В XIII—XIV вв. они, по всей видимости, были уже вполне нормальным явлением в русском языке.

Что касается кратких причастий настоящего времени от нетематических глаголов, то вопрос этот остаётся неясным. Следовало бы ожидать (в им. ед.) таких образований, как: *ѣда, ѣдучи, ѣда* (от *ѣмь*); *дада, дадучи, дада* (от *дамь*); *вѣда, вѣдучи, вѣда* (от *вѣмь*); *са, сучи, са* (от *есмь*) и т. д. Но из этих форм в древних памятниках встречаются только некоторые. Например, в „Русской Правде": „а пьрвии... не *дадуче* ему кунъ... (начнуть)".

б) После всего, что было сказано о судьбе кратких причастий действ. зал. настоящего времени, нетрудно представить себе основное в развитии причастий прошедшего времени.

Они образовывались (независимо от видового значения) от основы инфинитива и прошедшего времени: или с помощью суффикса ***-ъш-*** в случае, если основа инфинитива оканчивалась на согласный: ***несъши*** (инф. *нес-ти*), ***ведъши*** (инф. *вес-ти* из *вед-ти*), ***пекъши*** (инф. *печи* из *пек-ти*), ***ѣдъши*** (инф. *ѣсти* из *ѣд-ти*) и пр., кроме того: ***шьдъши, възьмъши,*** или с помощью суффикса ***-в-ъш-*** в случае, если основа инфинитива оканчивалась на гласный: ***писавъши, просивъши, видѣвъши, давъши*** и пр. Примеры даны в форме им. ед. женск. рода.

В мужском и среднем роде в именительном ед., оканчивавшемся на **ъ**, суффикс ***-ъш-*** отсутствовал: *несъ, ведъ, шьдъ, писавъ, просивъ* и пр.

Склонялись эти причастия с теми же самыми окончаниями, что и причастия настоящего времени. Следовательно:

Ед. ч. И.— нес-ъ, нес-ъш-и, нес-ъ.
Р.— нес-ъш-а, нес-ъш-ѣ, нес-ъш-а. И т. д.

Причастия (краткие) прошедшего времени также утратили своё первоначальное склонение, как и причастия типа *неса, несучи, неса*. Они также превратились в деепричастия (прошедшего вре-

мени; теперь по большей части от глаголов совершенного вида), причём сохранили только одну форму им. падежа ед. ч.: или мужского-среднего рода: *взявъ, написавъ* и пр., или женского: *взявши, написавши* (эта форма может восходить и к форме именительного мн. мужск. р., оканчивавшейся на *-е*, которое ещё в древнерусскую эпоху заменялось окончанием *-и*). Обе формы: *взяв* и *взявши* равно допустимы в современном литературном языке (и в говорах), но первая явно начинает преобладать. Это не относится, впрочем, к глаголам недействительного залога: можно сказать только *взявшись*, но нельзя: *взявся*, как говорили в старое время. Ср. в Уложении 1649 г.: „не *дождався* указу, *проигрався* воруют, *собрався* слѣдомъ придутъ, лошадь *испужався*... разнесетъ" и т. д., и позже, у Сумарокова в притчах: „конечно, *сжалився* вздохнула ты о нем" и т. п. Только женская концовка установилась и в таких случаях, как *несши, принесши* (очевидно, вследствие „омонимического отталкивания" от *нес*<*неслъ* в функции перфекта). Также: *ушедши* и т. п. (под влиянием *принесши* и т. п.). Здесь не было совпадения с прошедшим временем (ср. *шел* из *шедлъ*). Поэтому старые формы вроде *ушед*>*ушод* держались долго. В XVII в. в Москве можно было сказать только: „*пришедъ* из-за рубежа... учнутъ, *отшедъ* от нихъ бьютъ челомъ" и т. д. Поэтому и у Пушкина в „Медном всаднике": „Домой *пришед*, Евгений (стряхнул шинель)". В севернорусских говорах ещё сохраняются формы: *ушод, пришод* (и *пришодши, пришодчи*>*пришотци*).

в) Полные причастия действ. залога образовывались (в общеславянскую эпоху) путём присоединения к кратким формам соответствующих форм местоимения ***и, я, е***:

Настоящее время

		м. р.	ж. р.	ср. р.
Ед. ч.	И.	нес-аи	нес-уч-ия	нес-уч-ее (<несаи)
	Р.	нес-уч-его	нес-уч-еѣ	нес-уч-его
		и т. д.	и т. д.	и т. д.

Прошедшее время

	м. р.	ж. р.	ср. р.
И.	нес-ъи	нес-ъш-ия	нес-ъш-ее
Р.	нес-ъш-его	нес-ъш-еѣ	нес-ъш-его
	и т. д.	и т. д.	и т. д.

В именительном падеже под влиянием полных прилагательных в конце концов установились формы: *несучий, несучая, несучее; колючий, колючая, колючее; просячий, просячая, просячее* и т. п.; *несший, несшая, несшее; коловший, коловшая, коловшее; просивший, просившая, просившее*.

В косвенных падежах также были пережиты некоторые изменения, аналогичные тем изменениям, которые были пережиты в области полных прилагательных (см. § 80).

Но в современном литературном русском языке полные причастия прошедшего времени сохранили не только своё склонение, но и значение. Между тем полные причастия настоящего времени получили значение прилагательных, причём сохранились далеко не все из них, и появилось много новых образований:

живучий, -ая, -ое	стоячий, -ая, -ее
колючий, -ая, -ое	горячий, -ая, -ее

Их место в системе глагольных форм в новое время в литературном языке заняли причастия на ***-у (-ю)щий*** или ***-ящий, -ая, -ое*** (с ***щ***, заимствованным из церковнославянского языка: *несущий, -ая, -ее, колющий, -ая, -ее, просящий, -ая, -ее, горящий, -ая, -ее* и т. д.). Процесс накопления этих причастий продолжается и в наши дни.

§ 109. Причастия страдательного залога. Причастия страдательного залога образовывались: 1) причастия настоящего времени — от основы настоящего времени при помощи суффикса ***-м-*** (с предшествующими тематическими гласными: ***-о-*** — у глаголов типа *несу*, ***-е-*** — у остальных глаголов первого спряжения и у глаголов второго спряжения);

2) причастия прошедшего времени — от основы инфинитива и прошедшего времени с помощью суффиксов: во-первых, ***-н-*** (при условии, если основа инфинитива первоначально оканчивалась на ***-а-***, на ***-ѣ-***, на согласный, причём в этом последнем случае перед ***-н-*** оказывалось ***-е-***, от глаголов первого спряжения или, если основа инфинитива оканчивалась на ***-и***, причём в этом случае перед ***и*** оказывалось ***je***, от глаголов второго спряжения, и, во-вторых, ***-т-*** (в остальных случаях). Имелись краткие и полные формы, с окончаниями кратких и полных прилагательных. Примеры:

1) *несомъ, -а, -о: несомый, -ая, -ое; ведомъ, -а, -о: ведомый, -ая, -ое; просимъ, -а, -о: просимый, -ая, -ое;*

2) а) *несенъ -а, -о*: *несеный, -ая, -ое; писанъ, -а, -о: писаный, -ая, -ое; видѣнъ, -а, -о*: *видѣный, -ая, -ое* (инф. *видѣти*); ср. прилагательное *видьнъ, видьна* и пр.; *прошенъ, -а, -о*: *прошеный, -ая, -ое*. Видовые различия при этом не играли никакой роли. Напр.: „Дворяне посыланы, им давано жалование, он распрашиван" (Донские дела, 1623 г.).

б) *начатъ, -а, -о*: *начатый, -ая, -ое* (с **ча** из **чę**; инф. *начę-ти*); *възятъ, -а, -о*: *възятый, -ая, -ое* (с **'а** из *ę*; инф. *възęти*); *битъ, -а, -о*: *битый, -ая, -ое; обутъ, -а, -о: обутый, -ая, -ое; пѣтъ, -а, -о*: *пѣтый, -ая, -ое* (инф. *пѣ-ти*, с **ѣ** коренным); ср. *видѣнъ*, где **ѣ** не является коренным.

В литературном русском языке полные страдательные причастия сохраняют и в наши дни склонение по родам, числам (ед. и мн.) и падежам с теми изменениями, которые вообще характерны для полных прилагательных. Но причастия с суффиксом **-н-** в полной форме употребляются теперь с удвоенным **н**: *несенный, -ая, -ое* (*при-, у-, занесенный* и пр.), *писанный, -ая, -ое* (*на-, за-, выписанный* и пр.), *прошенный, -ая, -ое* (*спрошенный* и пр.) и т. д. Второе **н**, очевидно, остаток **-ьн-** вторичного суффикса. С этим суффиксом, по значению иногда очень близким к суффиксу **-н-** страдательных причастий, в старину образовывались многие отглагольные прилагательные. Например, в Уложении 1649 г.: *находные* рухляди не держать (найденной рухляди), *отсрочные* челобитные (отсроченные), на *указный* срок, *распашные* земли, в *оговорномъ* человѣкѣ (оговоренном) и т. д. Ср. в современном русском: *сходная* цена, *отварной* картофель и т. п.

Удвоенный суффикс **-нн-**(из **н + ьн**), как признак полных страдательных причастий, появился в литературном русском языке довольно поздно. В XVII в. его ещё не было, судя по данным Уложения 1649 г., где соответствующие образования употребляются только с одним **н** и со значением прилагательных: „искати *кошеного* сѣна; в *разореныхъ* городѣхъ; *потравленой* хлѣбъ" и т. п. Ср. в современном русском: *варёное* мясо, *солёные* грибы, *сушёные* фрукты и т. п. Именно превращение этих причастий с суффиксом **-н-** в прилагательные и необходимость восполнить эту утрату в системе глагольных форм послужили причиной появления новых причастных образований с двойным **н**.

Краткие страдательные причастия, уцелевшие как глагольная категория, имели совершенно одинаковую судьбу с краткими качественными прилагательными (см. § 78).

§ 110. Инфинитив. Первоначально, в эпоху общеславянского языкового единства, инфинитив, будучи неизменяемой глагольной формой, употреблявшейся для обозначения действия без отношения к определённому лицу и вообще к предмету, который мог бы производить это действие, и без отношения к определённому времени, когда это действие могло бы быть осуществлено, всегда оканчивался на ***-ти: нести, колти*** (древнерусское *колоти*), *писати, просити, пекти, могти, ведти, ѣдти* и т. д. Но с течением времени, после того, как уже окончился период общеславянских языковых переживаний, вследствие ф о н е т и ч е с к и х изменений и вызванного ими переразложения в составе инфинитива (перемещения границы между морфемами), возникла новая форма инфинитива — на восточнославянской почве — на ***-чи***, у глаголов с основой на задненёбный: ***печи*** (< *пекти*), ***речи*** (< *ректи*), ***мочи*** (< *могти*), ***беречи*** (< *берегти*) и т. д. Наблюдаемые в некоторых русских говорах, в частности севернорусских, образования вроде: *пекти, стерегти* и т. п., отсутствующие в памятниках письменности, не представляют собою пережиточного явления, а возникли сравнительно недавно под влиянием основы настоящего времени (*пеку* и пр.) на основу инфинитива (*пе-чи*).

Полная форма инфинитива на ***-ти*** в большей части русских говоров, в частности в языке Москвы и, стало быть, в литературном русском, сохранилась при наличии ударения на ***-ти: нести́, вести́, идти́, уйти́*** и пр. (а оно бывает на ***-ти*** при условии, если основа инфинитива оканчивается неслоговым звуком), и без ударения у тех же глаголов, сложенных с приставкой ***вы-: вы́нести, вы́йти*** и пр. В остальных случаях, т. е. при наличии ударения на основе инфинитива, конечное ***и*** отсутствует: ***писать, думать, просить, ходить, есть*** и пр.

Но в говорах, особенно севернорусских, главным образом на северо-востоке русской территории (в Европе), в говорах Кировской области и в других, наблюдается сохранение полной формы инфинитива независимо от ударения: *играти, спати, ходити, стерети* и т. п., также: *и́сти* (из *ѣсти*). Последнее слово (*ести, исти* из *ѣсти*) вообще широко распространено с окончанием ***-ти*** и встречается в говорах с инфинитивом на ***-ть*** во всех других случаях: *спать, просить* и пр. Вот почему и этот факт можно объяснить как следствие „омонимического отталкивания" от *есть* (от глагола *есмь — быти*).

В украинском языке (в литературном и во многих говорах) преобладает полная форма инфинитива: *нести, лізти, [и]грати, ходити* и т. п. Из инославянских языков так же дело обстоит в сербском (литературном); в других славянских, особенно в польском, употребляется усечённая форма инфинитива.

В некоторых русских говорах, особенно южнорусских, усечённая форма получила ещё большее распространение за счёт полной формы, чем в литературном языке. В этих говорах употребляются формы не только *спать, просить* и пр., но и *несть, весть, прясть* и т. п. Надо полагать, что усечённая форма возникла одновременно с другими усечёнными формами вроде *сядь* из *сяди* и т. п., *мать* из *мати* и т. п. В письменных памятниках, отражающих живое произношение, усечённая форма инфинитива на ***-ть (т')*** известна с XIII столетия. Но преобладает в это время повсюду в древней Руси полная форма. Так, в Смоленской грамоте 1229 г., в новгородских грамотах XIII—XIV вв., в ранних московских и т. д.

В Москве в приказном (канцелярском) языке наблюдается колебание в отношении форм инфинитива. Одни приказные люди предпочитают пользоваться полной формой, другие — краткой. В Соборном Уложении в первом издании 1649 г. преобладала полная форма, а во втором, последовавшем вслед за первым в том же году, обе формы, например *чинити* и *чинить*, встречаются приблизительно в одинаковой пропорции. Между тем в частных письмах этого времени полная форма почти неизвестна. С другой стороны, даже в Уложении 1649 г. встречаются такие случаи усечения инфинитива, как *отнесть, свесть, привесть*.

В XVIII в. полная форма инфинитива всё ещё изредка появляется в произведениях „высоких“ жанров, но уже явно под влиянием церковнославянского языка. Так, у Радищева в „Путешествии из Петербурга в Москву“: „*отъяти* жизнь“, „рубище *подъяти*“ и др.

Форма инфинитива на *-чи* была нормальной в Москве в течение всего XVII столетия и позже. Например, в Соборном Уложении: „отданъ... *беречи*“ (наряду с *беречь*), „*отсѣчи* рука“ и др. Крылов ещё в начале XIX в. мог сказать: „беда, коль пироги начнёт *печи* сапожник“ („Щука и Кот“), „вот волка стали *стеречи*“ („Пастух“) и т. п. Но теперь подобные образования возможны только в говорах.

Особо следует заметить относительно формы инфинитива *ити* от *иду*. В своём первоначальном виде (с одним *т*) она сохраняется в литературном языке только в сочетании с приставками: *уйти, зайти, найти* и пр., а в говорах (например, некоторых севернорусских) иногда и независимо от этого условия, хотя наиболее распространённой формой нужно считать *итти* (явно из *ид-ти*, — формы, известной по памятникам с XIV столетия, — под влиянием основы настоящего времени: *ид-у* и пр.). Ср. в говорах и другие случаи влияния основы настоящего времени: *сясти : сяду, жгать : жгу, во́ять : вою* и т. д. Форма *итти* (пишется: *идти*) является литературной формой.

Но в говорах, главным образом юго-западно-(велико)русских, получила широкое распространение форма инфинитива *идить*, возникшая под влиянием основы настоящего времени *(ид-у)*, откуда, повидимому, вследствие межслоговой ассимиляции, *итить* (как бы с двойным окончанием инфинитива). Под влиянием этой формы в свою очередь возникли, не позже XVII в., новообразования: *вестить, плестить, спастить* и некоторые другие (даже *умыватцать* и т. п.). Первые примеры употребления в письменности формы *итить* (*идить* не встречается) относятся к самому началу XVI в.: „некуда *итить*" — в Челобитной новгородцев не позже 1504 г. („Русск. Ист. биб.", т. 15, стр. 80). Форма *итить* была обычной разговорной формой инфинитива от *иду* в Москве в XVI и особенно в XVII столетии. Ср. в московских памятниках XVII в.: „денегъ приготовилъ с чѣмъ *итить*", „велѣли имъ *итить*", „не смеетъ и *войтить*", „блюлись *подойтить*" и т. д. Но в XVIII в. употребление этой формы начинает ослабевать, а потом, в XIX в., и совсем прекращается. Впрочем, не только Пушкин изредка ещё употреблял эту форму: „может *обойтиться*" (в письмах), „не *разойтиться* ль полюбовно?" (в „Евгении Онегине"), но и писатели более позднего времени вплоть до Герцена.

§ 111. Супин. Кроме инфинитива, во всех славянских языках с доисторической эпохи была в употреблении очень похожая на него в морфологическом отношении форма так называемого „достигательного наклонения" (как назвал её А. Х. Востоков), или „супина" (supinum), как его чаще называют. Супин оканчивался на ***-тъ***: *пастъ, спатъ, проситъ, воеватъ, битъся* и т. д.

Он употреблялся при глаголах, выражавших движение (например, *иду* и т. п.), для обозначения цели движения: „иду на вы

воевать" (с вами воевать) и т. п. Так, в „Повести временных лет": „идет рыбъ *ловитъ*, посла Ярополкъ *искатъ* брата" и др.; в Смоленской грамоте 1229 г.: „русину не звати латина на поле *битъся*"; в Новгородских грамотах 1265, 1308 и других годов: „ездити звѣрии *гонитъ*"; 1270 г.: „приехаша послы... *сажатъ* Ярослава" и др. Супин и в синтаксическом отношении отличался от инфинитива: дополнение при нём употреблялось в форме родительного падежа, например, в сочинениях Владимира Мономаха: „(идохъ) мира *творитъ*".

Но уже в ранних памятниках и в книжном, и в деловом литературном языке супин явно вытесняется инфинитивом. Например, в той же Смоленской грамоте 1229 г. читаем: „ехали тамо *твердити* миръ" (после глагола движения вместо ожидаемого *твердитъ*). Тем не менее можно полагать, что в некоторых русских говорах, в течение всего XIV столетия, супин ещё мог употребляться в качестве живой формы в разговорном языке. Об этом, между прочим, свидетельствуют и любопытные записи на полях некоторых псковских рукописей, в частности Шестоднева 1374 г.: „поѥхати *питъ* в Зрѧковици" [т. е. „поехать (вы)пить(?)". „Зряковичи" — местечко под Псковом], „полести *мытъсѧ*" (т. е. „пойти помыться")[1] и т. п. Повидимому, только к концу XV в. прекратилось повсюду в живой речи употребление супина как одного из элементов грамматической системы русского языка.

6. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 112. Пережиточные формы изменяемых именных и глагольных слов, сохранившиеся в функции наречий. Кроме общеславянских наречий с местоименным корнем: *так, там, здесь* (из *сь-дѣ-сь*), *куда, туда,* при *куды туды,* теперь известных только в говорах, но ещё в XVIII в. нередких и в Москве, и в литературном языке, и т. д., кроме наречий на *-о, -е: сильно* и пр., на *-ски: по-русски* и т. п., имеется много наречий, теперь широко распространённых в русском языке, литературном и диалектальном, которые возникли в историческое время из изменяемых слов, склоняемых или спрягаемых.

Так, например, наречия нередко представляют собою застывшие косвенные падежные формы существительных или кратких прилагательных, причём в одних случаях такое происхождение наречий ясно для всякого и не нуждается в исторических комментариях (*шагом, вечером, вслух, вдали, снизу*

[1] Slavia, 1927, VI, кн. I.

и т. п., иногда с другим ударением: *кругóм*, при *крýгом* — твор. ед. и т. п.), тогда как в других случаях дело обстоит иначе. Например, *пешком*, так же как и *шагом*, восходит к твор. ед., но от слова, которое не сохранилось как склоняемое существительное. Оно должно было звучать примерно *пѣшькъ* (образец склонения *стол*). Это слово (некогда известное и в других славянских языках) сохраняется в сербском: *пјешак* (пешеход, пехотинец). У нас удержалась только женская форма этого слова *пешка* (ср. в говорах *ужина* вм. *ужин* и т. п.). Такого же происхождения, повидимому, *босиком*, *нагишом* и т. п.

Во многих случаях, однако, происхождение наречий не является столь прозрачным. Сюда относятся, например, наречия *домой* и *долой*. Первоначально они представляли собою форму дательного ед. от существительных *дом*, *дол* (склонявшихся, хотя и непоследовательно, по образцу *сынъ*): *домови, долови*. Так, в „Повести временных лет" (по Лавр. списку): „идѣте с данью *домови*" (домой). В древнерусском языке дательный ед. без предлога часто употреблялся для обозначения цели движения. Например, в той же „Повести": „Ольгъ бѣжа *Тмутороканю*, Мстислав же възвративъся вспять *Суздалю*, Ольга приде *Царюгороду*" и т. д. Такого же рода дательным цели движения являлся и *домови*. Отсюда впоследствии в некоторых говорах *домовь*: „отпусти я *домовь*" — I Новг. летопись по Синод. списку; „понесеть его *домовь*" — Смоленская грамота 1230 г. и др. В Москве форма *домовь* или *домовъ* (и теперь ещё кое-где сохраняющаяся на севере, например в говорах Шенкурского р-на Арханг. обл. и др.) была нормальной ещё в XVII в. Например, в Уложении 1649 г.: „збѣжитъ к себѣ *домовъ*"; в сочинении Котошихина „О России" и пр.: „отпустить его к себе *домовь*" и т. д. Новая форма *домой*, возникшая (в других говорах), повидимому, также фонетически из *домови (домо|в|и > домои > домой)*, вытеснила форму *домовь* не раньше петровского времени.

Одинаковую судьбу имело наречие *долови*. Первоначальное значение этого слова было другое, не „прочь", а „вниз". С этим значением оно встречается ещё в XVII в. Например, в „Сказании о самозванце": „убиша тамо же вверху и скинуша его *доловь* на землю".

Некоторые наши наречия (иногда употребляемые и в функции предлогов) восходят к винительному ед. Например, *меж*, возникшее фонетически из *межу* при церковнославянском *между*, от *межа, межда*. К этой же группе наречий следует отнести, например, у писателей начала XIX в. *вечор* (например, у Пушкина: „*Вечор*, ты помнишь, вьюга злилась. . .") в смысле „вчера вечером", в говорах: *ночесь* (из *ночь-сь*) и т. д. Возможно, такого же происхождения *около* от *коло* (круг, ср. *колесо*.) Первоначальное значение: вокруг, кругом: „шесть *кругов*, три *около* солнця" — в I Новг. летописи по Синод. списку. С этим первоначальным значением наречие-предлог *около* употреблялось ещё в начале прошлого столетия. Например, в „Северном Вестнике" за 1804 г., № 2 напечатана „Инструкция Академии наук профессору Тилезиусу для путешествия *около* свѣта". Впрочем и значение „вблизи", „подле" известно с давнего времени.

Таким образом, процесс превращения существительных в косвенных падежах в наречия иногда обусловливается тем обстоятельством, что некоторые старые формы, как, например, беспредложный дательный цели при глаголах движения, выходят из употребления. То же следует сказать о „мест-

ном падеже". С исчезновением местного падежа связано появление целого ряда наречий. Например, *кроме* (из *кромѣ* в старину с ударением на конце; ср. ещё у Грибоедова: „скромна, а ничего, *кромѐ* проказ и ветру на уме"). По происхождению оно является местным падежом от существительного *кромá* — край, предел, граница. Следовательно, *кроме* первоначально значило „на краю", „на грани"; а потом уже получило значение „вне". В старом книжно-литературном языке сюда же относится наречие *горѣ* (вверху); в говорах: *ýтре* (< *утрѣ*), или *утресь, зúме* (< *зимѣ*) и т. п.

Утрата склонения краткими непритяжательными прилагательными способствовала возникновению многих наречий: *справа, слева, сгоряча, досыта, сослепу, помалу, наготове, вдалеке* (также заимствованное из церковнославянского языка: *вкратце*, из *въ кратьцѣ*) и пр.

Загадочным является наречие *очень*. В старину оно употреблялось, а в говорах и до сих пор употребляется в форме *очунь*. С *ю* после *ч* это наречие неоднократно встречается в Книге о ратном строе 1647 г.: „только *не очюнь* бы долги были" и пр. Оно было известно в литературном языке и позже. Тредиаковский в сочинении „Езда в остров любви" говорит: „язык славенский... *очюнь* темен". Можно думать, что это наречие восходит к краткому прилагательному *очуньнь*, при полной форме *учуньний* или *очуньный* (с корнем *чу*) — истый, настоящий) от *очунѣть* и т. п. Стало быть, „*очуньнь* добръ человѣкъ" сначала могло значить „по-настоящему добрый" и т. д.

Наречие *лишь* восходит к сравнительной степени от *лихъ* (лишний) и сначала значило „больше". Например, в Московской уставной грамоте Василия Дмитриевича 1392 г.: „а *лише* того оброка не имати" (т. е. больше, сверх). *Лише* или *лишо* в Москве употреблялось ещё в XVII в.: „ты *лишо* мне везде убыль чинишь" — в бумагах боярина Б. Морозова. Ср. в „Житии" Аввакума: „и он *лишо* излаял меня" и пр.

Некоторые наречия по происхождению являются словосочетаниями. Так, наречие *теперь* возникло из первоначального словосочетания *то пьрво (то перво, то перьво),* что значило „в первый раз", „впервые", или „сначала". Отсюда, уже в древнерусскую эпоху, развилось значение „только что", а потом и значение „в настоящее время". Позже произошло сокращение *топере* > *топерь* и, вследствие межслоговой ассимиляции гласных, вместо *то* получилось *те: теперь*. В Москве *топерво* и другие варианты этого наречия: *теперво, топере, топерь, тепере* — были возможны ещё в XVII в.: „*топерво* говорить, *теперво* ожидают" и т. п., — в документах Посольского приказа 1654—1656 гг. и т. д.; „лихорадка де знобит и *топере*" — в письмах царя Алексея.

Наречие-союз *пока* также восходит к целому словосочетанию *по ка мѣста* (где *ка* является местоимением в форме винительного мн.; ср. *къ-то, ко-го* и пр.). Так, в Уложении 1649 г.: „а *покамѣста* они долговъ своихъ свободятся, и имъ служить" или: „отсрочить до тѣхъ мѣстъ, *покамѣста*..." и т. п. Ещё в начале XVII в. можно было сказать; „*пока* я *мѣста* живъ буду, мнѣ ходить" („Пам. дипл. сн. моск. Руси с Персией", III, 447). Но в Книге о ратном строе 1647 г. уже встречается *пока*. Впоследствии более краткая форма этого наречия вытеснила более длинную, как и во многих других случаях.

В этом отношении представляет интерес также история некоторых других союзов и частиц. Так, например, частицы, которыми мы и теперь ещё

пользуемся при пересказе чужой речи, ***де, мол*** являются сильно сокращёнными формами полных слов, выражавших понятие „говорит" или „говорят". Частица *де* восходит к форме *дѣеть* от *дѣяти* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) — глагола, который употреблялся в древности не только со значением „действовать", „делать", но и со значением „говорить" (как и в латинском facere): „аже *дѣеши*: ты мой еси отьць" и пр.) (смысл: „если ты скажешь...") — в Ипатьевском списке летописи (под 6658 г.). В начале XVII в. в Москве ещё говорили *дее*, или *деи*: „и они *деи* прежъ того били челомъ", „они *деи* на Устюге купили" и пр. — в Жалованной грамоте царя Василия Ивановича 1606 г. После Смутного времени устанавливается форма *де* вместо *деи*. Что касается частицы *мол*, то она, повидимому, восходит к *молвить* (3-е л. ед. ч. наст. вр.). С исчезновением аориста (ср. *чухъ, чу* и т. д.) в русском языке многие связывают происхождение частицы *чу*, нередко встречающейся у писателей первой половины XIX в.: „Тише, *чу*, гитары звон!" (Пушкин). Более вероятно, что эта частица восходит к *чую* или к *чуй* — 2-е л. повелительного наклонения от *чути* (слышать). Ср. в говорах Костромской обл.: „я *чу* ты придёшь". В пользу этого предположения свидетельствует позднее появление этого *чу*.

Не совсем выяснено происхождение частицы ***су***. Например, в „Житии" Аввакума: „Никон говорит... *знаю-су* я пустосвятов тех" и т. п. В фольклоре: „*выходили-су* девушки, *выходили-су* красные" и пр. Возможно, из *слышу*, как *чай* (частица) из *чаю* (жду, надеюсь). Некоторые языковеды пытаются вывести ***су*** из *сударь* (уже без всякого основания), как и частицу угодливо-почтительного обращения *с*: *извольте-с, да-с, нет-с* и т. п. Эта последняя частица, не имеющая ничего общего (ни по значению, ни по происхождению) с ***су***, появилась на рубеже XVIII — XIX столетий, сначала как принадлежность жаргона верхушечных слоёв имущих классов (ср. у Пушкина в „Евгении Онегине": „Сосед наш неуч... не скажет *да-с* иль *нет-с*"), а потом получила широкое распространение в разговорной речи городского населения особенно чиновничества. В говорах этой частицы никогда не было. После Великой Октябрьской социалистической революции она вообще вышла из употребления.

§ 113. Некоторые выводы. История грамматического строя русского языка снова позволяет сделать прежде всего тот вывод, что развитие всякого языка представляет собою движение вперёд, в направлении улучшения, совершенствования языка. В данном случае прогресс можно видеть прежде всего в ликвидации тех лишних вариантных грамматических форм, которые не могли получить нового применения, и вообще лишних грамматических категорий и форм, ставших ненужными в связи с развитием человеческого мышления, с развитием культуры и форм общественной жизни. Ликвидация двойственного числа в склонении и спряжении и особой звательной формы, устранение параллелизма в склонении существительных одного рода, изъятие некоторых категорий прошедшего времени (аорист, имперфект, плюсквамперфект), ликвидация склоняемых кратких прилагательных, крат-

ких порядковых числительных и кратких причастий, ставших лишними при наличии полных прилагательных и пр., можно рассматривать как упорядочение грамматического строя русского языка, его грамматики, благодаря которой язык получает „стройный, осмысленный характер“ [1]. Чем проще и в то же время выразительнее грамматическая структура языка, чем меньше загромождена она параллельными грамматическими формами, не используемыми данным языковым коллективом в процессе речи, чем меньше в ней пережиточных категорий, тем она удобнее как инструмент мысли, как орудие, помогающее превращать слова в речь. Устранение лишних, ненужных, без нужды загромождающих язык дублетных грамматических форм, как и лишних слов, не есть обеднение языка, а, напротив, помогает языку лучше справляться с его назначением в общественной жизни людей — служить средством общения и обмена мыслями [2].

Едва ли можно оспаривать тот очевидный факт, что современная русская система склонения существительных с распределением склоняемых форм по родам в соответствии с родовыми формами прилагательных, причастий и пр. является гораздо более простой и удобной, чем в древнерусском языке XI — XIX вв., — главным образом благодаря устранению таких морфологических дублетов, как, например, параллельные падежные формы, которые не могли быть использованы ни в семантическом, ни в стилистическом планах. Вместо четырёх склонений мужского рода на согласный (оказавшийся конечным после падения глухих): *стол*, *конь*, *гость*, *камень*, установилось одно, правда, с твёрдой и мягкой основами, но уже без расхождения в окончаниях, как в старину. Если вместо пяти способов выражения прошедшего времени, существовавших в древнерусском языке, у нас остался только один (*нёс*, *просил*), то это нельзя рассматривать как „ущерб“. То, что было утрачено в отношении оттенков значения прошедшего времени, вследствие исчез-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 23.

[2] Не следует, однако, думать, что в тех родственных языках, где некоторые старые грамматические категории и формы, исчезнувшие в русском языке, сохранились, не имеется движения вперёд, улучшения и совершенствования. Прогресс имеет место в развитии каждого языка, но он осуществляется по-разному, в соответствии с внутренними законами развития каждого языка.

новения форм аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, было сторицей восполнено благодаря развитию форм вида. Краткие формы прилагательных и порядковых числительных, после того как они перестали отличаться по значению от соответствующих полных форм, оказались на положении „грамматического балласта“, который только затруднял пользование языком, затруднял выражение мысли. Поэтому они были устранены, причём краткие формы качественных прилагательных были использованы как предикативные формы, как новые специальные формы выражения сказуемого. Не бессмысленным является (с исторической точки зрения) также исчезновение энклитических личных местоимений (*ми, мя* и т. п.) при наличии полных личных местоимений, исчезновение супина при наличии инфинитива и т. д.

Название предмета мысли (например, лица), к которому обращаются с речью, в разговорном языке не выражается только с помощью особой падежной формы, но обязательно также и синтаксически, и средствами ритмико-мелодического характера. Употребление особой звательной формы в русском языке всегда играло второстепенную роль тем более, что во множественном числе, а в известных случаях и в единственном в обращении употреблялся именительный падеж. Поэтому звательная форма с известного времени стала ненужной и исчезла.

С другой стороны, такие явления, как исчезновение конкретной категории двойственного числа и вытеснение её отвлечённой категорией множественности, как развитие категории одушевлённости, как утрата конкретного значения глагольными приставками (*написать, сделать* и т. п.) в связи с развитием форм вида, как превращение возвратного местоимения ***ся*** в залоговую частицу и развитие залоговых значений, как усиление отвлечённости количественных числительных в связи с упорядочением их склонения (история числительных 2, 3, 4, 10, 40 и др.: *та пять деревень > те пять деревень*) и т. д.,— всё это можно рассматривать как проявление длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления.

Это движение от частного и конкретного к общему и абстрактному является характернейшею чертою движения языка вперёд в течение „целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется“ [1].

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 9.

Б. ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА

1. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 114. Формы простого предложения. Многие синтаксические особенности древнерусского языка в пределах простого предложения уже были отмечены выше, в учении о частях речи. Например, многое из того, что было сказано о двойственном числе в склонении и спряжении, о категории одушевлённости, о звательной форме, об отношениях именительного и винительного падежей, имеет прямое отношение и к синтаксису, к учению о строе предложения, о структуре фразы. Отсутствие предлога в таких словосочетаниях, как „сѣде *Кыевѣ*" (в Киеве), т. е. употребление так называемого местного падежа, конечно, прямым образом касается выражения второстепенных членов предложения, как и употребление кратких прилагательных в косвенных падежах. Наличие в древнерусском языке спрягаемого глагола *есмь* позволяло нашим предкам (или, лучше сказать, з а с т а в л я л о их) вообще иначе строить предложения, иначе выражать мысль, чем это делаем мы. И т. д.

Но синтаксический строй древнерусского языка отличался от синтаксического строя современного русского ещё во многих д р у г и х отношениях, вне какой-либо связи с частями речи.

Славянские языки, как и другие индоевропейские, характеризуются н о м и н а т и в н ы м с т р о е м предложения, т. е. таким построением предложения, когда подлежащее при переходных и непереходных глаголах, как правило, имеет форму именительного падежа и, значит, формально отличается от дополнения, которое выражается косвенными падежами, в частности, от прямого дополнения в винительном падеже без предлога.

Сказуемое при этом выражается или личной формой глагола: „изгнаша новъгородьци князя Ярослава" и т. п. (простое сказуемое), „и бы вода велика въ Волхове" (составное сказуемое), или только вторым номинативом: „ты нашь князь" и т. п. (Примеры из I Новгородской летописи по Синодальному списку.)

В древнерусском языке не было каких-либо особых форм (видов) простого предложения, кроме тех, которые известны и в современном русском, если не в литературном, то в говорах. В современном русском литературном языке „форм" предложе-

ния, т. е. способов выражения законченной мысли, вообще больше, и они более удобны.

а) Можно отметить, например, что в древнерусском языке очень редко наблюдается употребление назывных предложений (т. е. именных, односоставных, с одним главным членом, выраженным формой им. пад. существительного), — предложений, получивших такое широкое распространение в русском литературном языке XIX в. [например: „*Гроза!* Побежали домой!" (А. Островский). „*Зима*!.. Крестьянин торжествуя,/ На дровнях обновляет путь". (А. Пушкин). „*Поздняя осень.* Грачи улетели". (Н. Некрасов) и пр.] и в современном.

Примеры подобных образований, изредка отмечаемые некоторыми исследователями в памятниках древней письменности, по большей части являются случаями неполных предложений с приглагольными второстепенными членами предложения, свидетельствующими об опущении сказуемого. Например, в „Повести временных лет": „живяху в лѣсѣ ... *срамословье в них предъ отци и предъ снохами*, браци не бываху въ них" (очевидно, с пропуском глагольной формы, вместо: *срамословье* ***бывает*** *в них,* или *у них* и пр.).

Правда, в грамотах, например новгородских, в качестве условной формулы „зачина" иногда встречаются, по всей видимости, назывные предложения: „*Благословение от владыкы... къ князю Ярославу*" (1265 г.) или: „*Поклонъ от князя от Михаила къ отьцю ко владыцѣ*" (около 1301 г.). Но это ещё не даёт основания говорить о назывных предложениях как о факте живого древнерусского языка.

Очень напоминают современные назывные предложения такие примеры, встречающиеся в I Новгородской летописи: „Въ лѣто 6651 стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна, *тепло дъжгь*"; и сташа дныо зли; *мразъ вьялица* страшно зѣло.

Таким образом, можно полагать, что назывные предложения получили развитие в русском языке (литературном и в говорах) только с течением времени. В XVII в. они уже были широко распространены. Например, у Аввакума в „Житии": „В памети Никонъ пишетъ. *Год и число*. По преданию" (и пр.). Сюда же относятся междометные предложения типа: „*И горе, и смѣх*! иногда ребенка погонят" и т. п.

б) Безличные предложения в древнерусском языке отличались почти таким же разнообразием, как и в современном русском.

Примеры из I Новгородской летописи по Синодальному списку: „загорѣся на Ильинѣ улици", „невѣдомо, камо ю дѣша" (куда её дели), „а с встока свѣтло", „а жаль ми своея отцины", „а намъ не надобе" и т. д. Сюда относятся и предложения инфинитивные: „о семь бы разумети комуждо насъ" и т. п. В грамотах (новгородских и др.) инфинитивных предложений встречается особенно много: „а Новъгородъ ти держати в старинѣ (1265 г.)" и т. д. Тем не менее можно говорить о развитии и безличных предложений в более поздние эпохи и даже о некотором распространении безличных предложений за счёт двусоставных личных. Такие предложения, как *лодку унесло ветром,* ещё не являются обычными в древнерусском языке.

в) В памятниках древнерусской письменности не получили отражения некоторые теперь очень распространённые (особенно в разговорной речи) формы двусоставных предложений, может быть, именно потому, что в древней Руси они являлись достоянием только разговорной речи. Сюда можно отнести предложения типа: „И царица *хохотать*,/ И плечами *пожимать*" (и пр.) у Пушкина, или: „Увидевши Слона, ну на него *метаться*" у Крылова, т. е. со сказуемым, выраженным формой инфинитива.

Во всяком случае в древнерусском языке не были редкостью двусоставные несогласованные предложения. В „Повести временных лет" по Лавр. списку встречаются, например, такие случаи отсутствия согласования глагольного сказуемого с подлежащим в лице, числе, роде: „от них же *есть поляне* в Киевѣ, въ Торжку *туча* на одном часу ровъ *учинило*, хоромовъ несколько *снесло*, *згорѣ*... *городa мало* не половину". Ср. в I Новгородской летописи по Синод. списку: „и *бысть сѣчи* злѣ" (*сѣчи* — им. мн.).

Особый интерес в „Повести временных лет" представляют такие предложения, как: „*поручено* же *бысть* ему стража морьская" (с безличной формой на *о* кратких страдательных причастий). Ср. в современных севернорусских говорах: „сапоги куплено", „сахарница куды-то дёвано" и т. п.

Отсюда в дальнейшем развился очень распространённый на севере, особенно на северо-западе, оборот типа „у него *уехано*" (он уехал), „у волков тут *хожено*" (волки ходили тут) и т. п. (с устранением номинативного подлежащего). Ср. в „Беломорских былинах": „а не скольки у ей шито, вдвое плакано" и т. п.

§ 115. „Второй именительный". Во многих случаях, когда в современном русском языке употребляется творительный падеж имени существительного в составе сказуемого, в древнерусском языке оказывается именительный. Это явление наблюдается главным образом в тех случаях, когда сказуемое выражено знаменательным или полузнаменательным глаголом со значением „слыть", „именоваться", „называться" и т. п. Например, в „Повести временных лет": „(они) нарицахуся *Поляне*; и нарекошася *Сѣверъ*; на горѣ еже ныне зоветь *Угорское*; что ради (монастырь) зоветься *Печерский*" и т. п.; в сочинениях Владимира Мономаха: „азъ... нареченѣмь въ кр[е]щ[е]нии *Василий*".

К словосочетаниям со „вторым именительным" в синтаксическом отношении близки такие случаи, как (в „Повести временных лет"): „и паде *мертвъ* (мёртвым), я *живъ* не иду из своеѣ волости, едва слѣзуть ле *живи*" (еле́ живыми) и др. „Второй именительный" выражается здесь к р а т к о й формой прилагательного. В современном русском языке в этих случаях, примерно с XVII в., употребляется творительный падеж полных прилагательных.

От „второго именительного" следует отличать именительный падеж имени сущ. в с о с т а в н о м с к а з у е м о м, в сочетании со спрягаемыми формами прошедшего и будущего времени от глагола *быти*, как ещё в значительной степени и в современном русском (именительный предикативный): „*бѣ* Каинъ *ратай*; Кий *есть перевозникъ былъ*" и т. п. — в „Повести временных лет"; „а вѣ ему *будевѣ местника*" (мы с тобой будем мстителями; „вѣ" и „местника" им. дв.) — в сочинениях Владимира Мономаха и т. д. Также в новгородских и прочих грамотах. Например, в духовной Ивана Калиты 1339 г.: „ты имъ *будешь печалникъ*" (и т. п.). Ср. у Пушкина в „Полтаве": „Ты *будешь царь* земли родной" (не царём).

Отметим также употребление именительного падежа имени сущ. в сочетании с инфинитивом *быти*, примыкающим к знаменательному глаголу: „н а у ч и с я... *быти* благочестью *делатель*" — в сочинениях Владимира Мономаха. Ср. в поэме „Пётр Великий" Ломоносова: „И каждая волна *быть* к а ж е т с я *гора*, что с ревом падает обрушась на Петра".

Наряду с именительным предикативным с древнейшего времени во всех славянских языках и, стало быть, в языке восточных славян, было возможно употребление и творительного.

Например, в „Повести временных лет“: „бѣ была мати его *черницею*“ и т. п. С течением времени т в о р и т е л ь н ы й предикативный получил распространение за счёт и м е н и т е л ь н о г о предикативного.

§ 116. „Второй винительный“. Похожим на „второй именительный“ явлением можно считать оборот „второй винительный“, которому в современном русском языке также соответствует словосочетание с творительным падежом. Это явление, заключающееся в том, что при глаголах, выражающих понятие *говорить, считать, делать* и т. п., кроме первого дополнения в винительном падеже, допускалось ещё употребление второго винительного (беспредложного), по значению напоминающего творительный образа действия, наблюдается в древнерусском языке не очень часто, например в „Повести временных лет“: „*постави* Мефодья *епископа* в Паннонии (епископом); *поставлю* уношю *князя* им“ (князем). К этой конструкции очень близки словосочетания с кратким прилагательным, являющиеся не столько определениями, сколько дополнениями вместо существительного: „кони мѣдяны... *мнять* я *мрамаряны* суща (считают их мраморными); *налѣзоша* Тугоркана *мертва*“ (нашли... мёртвыми); в I Новгородской летописи: „а сына моего... *примите* собе *князя* (князем); и *въвьргоша* и в грѣблю *мьртвъ*“ (ввергнули его мёртвым); в сочинениях Владимира Мономаха: „тебе (вин. ед.) бо *имуще помощницю* (помощницей); *не лѣнива мя былъ сотворилъ*“ (не ленивым) и т. п.

§ 117. Краткие причастия действительного залога в составе сказуемого. Одною из важнейших особенностей выражения составного сказуемого в древнерусском языке следует считать употребление кратких причастий действительного залога в качестве именной части составного сказуемого в сочетании со спрягаемыми формами глагола *быти* или с другими глаголами. Это явление характерно главным образом для книжно-литературного языка древней Руси; в грамотах и других памятниках деловой речи оно отражено очень слабо. Возможно, однако, что до некоторой степени оно также было известно и народным говорам.

Примеры из „Повести временных лет“ (по Лаврент. списку): „и *есть* ц(ь)рки та *стоящи* въ Корсунѣ градѣ (та церковь стоит); *суть* же кости его и доселѣ тамо *лежаче* (кости его лежат); в Печеру (в) люди еже *суть* дань *дающе* (к людям, которые дань дают); *бѣ* бо Володимеръ *любя* дружину

(любил), *бяхуть* бо борци *стояще* горѣ во броня [х] и *стрѣляюще*" (стояли и стреляли) и т. п.

Краткое причастие действительного залога в некоторых случаях могло и самостоятельно, т. е. без сопровождения связки *есмь* и пр., выступать в роли сказуемого, особенно в придаточных предложениях. Например, в той же „Повести": „прозвашась имены своими, гдѣ *сѣдше* (где сели); умыкаху жены собѣ съ нею же кто *свѣщався* (с которою кто уговорился); не вѣдяху, камо *бежаще*", и т. п.

Такое причастие употреблялось и в сочетании с другими глаголами, знаменательными или полузнаменательными, с собственным реальным значением. Например, в „Повести временных лет": „*измывшеся* придите ко мнѣ (вымывшись, придите); *убояся* побѣже Олегъ; сѣде *княжя* ту въ Переяславци, *емля* дань на грьцѣх" (сидел, княжа и собирая дань). Сюда же относится первая фраза Мстиславовой грамоты: „Се азъ Мьстиславъ ... *дьржа* русьску землю... повелѣлъ есмь...". По своей синтаксической роли такое причастие очень напоминает наше обособленное деепричастие и поэтому обычно переводится с помощью деепричастного оборота, который действительно и развился в связи с утратой причастием его согласования с подлежащим в предложениях такого типа.

Глагольность кратких причастий действительного залога в сочетании со знаменательными глаголами была настолько велика, что словосочетания с такими причастиями могли отрываться от глагольного сказуемого и получали значение как бы самостоятельных предложений-спутников, но без собственного подлежащего, причём выражением этой самостоятельности служило употребление сочинительных союзов, особенно ***и***. Например, в Синодальном списке I Новгородской летописи: а) „и *створше* вѣче на Ярославли дворѣ. и *поидоша* на владыцьнь дворъ (сотворили вече и пошли), тъгда *увѣдавъше* татари. оже идуть роустии князи противу имъ. и *прислаша* послы" (узнали и прислали послов); „а они *исѣкше* полонъ вcь, **а** сами *побѣгоша*" (изрубили пленников, а сами побежали); б) „и иде Ростовоу... **а** сынъ *оставивъ* Новѣгородѣ" (пошел в Ростов, а сына оставил).

В „Слове о полку Игореве": „Ярославна рано плачетъ... а *ркучи*" (рекучи). Нередко и в грамотах. Например, в Московской договорной 1368 г.: „а который бояринъ поѣдеть исъ кормленья... а службы не *отслуживъ* тому дати коръмленье — по исправѣ".

В Ярославской грамоте ок. 1497 г.: „и судья *възрѣвъ* в грамоту и пишет".

Иногда подобные словосочетания с кратким причастием действ. залога в памятниках имеют даже собственное подлежащее (иногда лишь подразумеваемое). Так, например, в I Новгород. летописи по Синод. списку: „той же нощи *просивъше* мира, и не *да* имъ посадни (к)" (они просили мира, а посадник не дал). Также изредка в новгородских грамотах, например в грамоте 1305 г.: „*дали* (новгородские власти) Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ, и он ѣдъ хлѣбъ" (они дали... и он ел).

С течением времени согласование таких кратких причастий с подлежащим, в связи с утратой ими склонения и превращения их в деепричастия, мало-помалу прекращается. Поэтому для более позднего времени следует уже говорить о свободном употреблении не причастий, а деепричастий. Так, в Москве деепричастие свободно употреблялось ещё в XVII в., и это явление не сразу прекратилось после XVII в. В Уложении 1649 г. таких случаев можно отметить немало, причём подлежащее является или общим с глагольным сказуемым, или не совпадает с ним, или может даже вовсе отсутствовать: а) „будетъ кто... *хотя* московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злово умышления, начнеть рать збирать, и такова измѣнника казнить"; б) „а которые сторонние люди *слышачи* крикъ и вопъ... и тѣ люди на крикъ и на вопъ не пойдутъ... а про то сыскати"; в) „а будетъ кто *стреляючи* ис пищали, или из лука... и стрела или пулька... убьетъ кого... и за такое убийство... не казнити"; г) при отсутствии подлежащего: „и тѣхъ людей *взявъ* у него, и отдать тому, чьи тѣ люди". Свободное употребление деепричастия до сих пор ещё пережиточно сохраняется в современных говорах, например подмосковных: „ни *стирпя* серцъм, и ушол домой" (д. Парфенки, Ново-Петр. р-на).

В связи со сказанным выше, следует отметить, что в говорах вообще широко распространено употребление деепричастных форм, но только на ***ши, вши, мши*** и только совершенного вида в функции сказуемого (иногда составного сказуемого со связкой *был* и реже *буду*): он *уехавши*, мы *выпивши*, она *обумши* (обувшись, обулась), што ш ты *растигнумши* (расстегнулась), мы не *выспавшись;* в других говорах: он *ушодци*, никак сонце-та *севши*, что ты *задумавши*, окно было *заткнувши* и т. п.

§ 118. Согласование сказуемого с подлежащим. Из области согласования сказуемого с подлежащим следует отметить явление согласования во множественном числе по смыслу в таких, например, случаях, как: „*рекоша дружина* Игореви" (т. е. дружина не „сказала", а „сказали") — в „Повести временных лет". Ср. в „Слове о полку Игореве": „не ваю ли храбрая *дружина рыкають* акы тури". Это явление обыкновенно наблюдается при условии, если подлежащее выражено собирательным существительным, обозначавшим лиц, людей: „*начаша братья* просити, *приходиша Русь, воеваша Литва*" и т. п. Так в Синод. списке I Новгород. летописи: „и весь *Новъгородъ* съ честью *посадиша* и (его); *ходиша* вся *роус(сь)ска земля*" и пр., но: „и *конь* мъножьство *помре* (не *помроша*), и *скоть помре* рогатый" и т. п.

В современном русском языке согласование по смыслу также известно, хотя и в более ограниченных размерах. В литературном: „*большинство зрителей ушли* из театра" и т. п. Но уже нельзя согласовать „*стража... держат*", как мог ещё сказать Пушкин в „Сказке о рыбаке и рыбке": „Вкруг её стоит грозная *стража*. | На плечах топорики *держат*".

В говорах это явление встречается гораздо чаще: „*весь народ* на пожар *побежали*" и т. п.

§ 119. Оборот типа „земля пахати". Именительный ед. женского р. на ***-а, -я*** в роли прямого дополнения в сочетании с инфинитивом переходных глаголов (оборот: „*земля пахати*", „*косити трава*" и т. п.).

В древнерусском языке этот оборот являлся особенностью, главным образом северо-западной группы восточнославянских говоров (словенских и, повидимому, западнокривичских). Он часто встречается в письменных памятниках древненовгородского наречия. Например, в „Русской Правде" („пространной" редакции): „уставиша (сыновья Ярослава I) ... *взяти гривна* коунъ за соромъ" и т. п.; в I Новгород. летописи по Синод. списку: „дай богъ *исправити правда* новгородская" и т. п.; в новгородских грамотах (только в инфинитивных предложениях): „а *та грамота*, княже, *дати* ти назадъ" (ок. 1270 г.) и др., а также в Смоленской грамоте 1229 г.: „боудѣте холъпъ оубитъ *одна гривна* серебра *заплатити*" и т. д. В более позднее время этот оборот получил распространение и в других говорах. С давнего времени он был известен и в Москве и держался там до первых десятилетий XVIII в. Так, в Уложении 1649 г.: „и того казнити,

отсѣчь рука; и *та записка... подъклеити*; а сажень чѣмъ *мѣрить земля* дѣлать в три аршины; *учинить торговая казнь;* и ему *та мелница строити* волно; а велено имъ *служить городовая осадная служба*", и т. п. В Книге о ратном строе 1647 г.: „*торговля* ему... *надобно вѣдати*"; в Московской грамоте 1601 г.: „и наша царская жаловальная *грамота велѣти имъ дати*" и т. д.

Как видно из примеров, инфинитив в словосочетаниях этого типа сам может быть зависимым от глагольного сказуемого (*уставиша... взяти*), или от наречного сказуемого в безличном предложении (*велено... служить, вольно... строити, надобно... вѣдати).*

Очень возможно, что первоначально (по крайней мере, во многих говорах) этот оборот был распространён преимущественно в безличных предложениях со сказуемым, от которого зависел инфинитив, в особенности со сказуемым *надобе, надо* (из *надобѣ*), *нужно, придётся* и т. п. До сих пор нередко на севере конструкция типа *пахать земля* наблюдается именно при этих условиях: „*надо земля подборанивать, надо баня топить*" и т. п. Ср. также: „Не плюй в колодец — *случится вода напиться*". В других говорах употребление этого оборота, видимо, не зависит от упомянутого условия: „чтоб тебе *голова сломить*", „некому *пецка истопить*", „*потерять*-то нам будет *слава добрая*", „где бы мне *живая вода достать?*"

О раннем разложении этого оборота (ещё в древнерусскую эпоху) свидетельствуют такие случаи, как, например, в Полоцкой грамоте ок. 1300 г.: „а нынѣ есть у в ѣ д а л ъ *любовь ваша правая*" (им. п. при л и ч н о м глаголе). В современных севернорусских говорах это явление уже получило широкое распространение.

По большей части словосочетания типа *земля пахать* и т. п. употребляются для выражения долженствования или повеления, возможности или необходимости. Поэтому можно считать правдоподобным предположение, выдвинутое некоторыми учёными (Шахматов и др.), что оборот типа *земля пахать* по своему происхождению находится в связи с оборотом: „именительный женского р. на **-а, -я** при сказуемом *надо, нужно*.: (мне) *надо земля*" (нужна́).

Во многих севернорусских говорах в сочетании с *надо, нужно* с давнего времени употребляется именительный падеж существительного в неопределённой роли не то подлежащего, не то

дополнения: „мне *надо коса,* мне *деньги не надо,* нам *нужно дом*“ и т. п.

Оборот с *надобѣ* и им. падежом существительных обычен в древнерусском языке: „*послуси* (свидетели) ему (купцу) *не надобѣ*“ — в „Русской Правде“ (пространной редакции); „тъть *товаръ* не *надобѣ* боле“ — в Смоленской грамоте 1230 г. и т. д. Также и много спустя, в московском приказном языке, например в Книге о ратном строе 1647 г.: „в иномъ мѣстѣ *многолюдная сторожа надобѣ*, в ротѣ *надобно лѣкарь*“ и пр.

Можно полагать, что в словосочетаниях типа „*мънѣ земля (есть) надобѣ*“ первоначально существительное в им. падеже было подлежащим, а *надобѣ* (*на добе*, от *доба* — польза, необходимость, „добрый час“ и пр.) — сказуемым. Но так как *на добѣ* или *есть на добѣ* могло употребляться ещё и как сказуемое безличного предложения в сочетании с инфинитивом, например: „*мънѣ на добѣ* (есть) *пахати*“, то с течением времени обе конструкции стали смешиваться, и появился оборот „*мънѣ земля* (есть) *на добѣ пахати*“, откуда: „*мне надо земля пахать*“, и т. п. Потом произошло выделение словосочетаний типа *земля пахать* из предложений с *надо*. Стали говорить: „*велено земля пахать, можно земля пахать, хочу земля пахать*“ и т. д. Безличные инфинитивные предложения типа: „а та *грамота* (ти) *дати*“ и т. п., с их обычным значением долженствования, сами по себе оказались важной „питательной средой“, способствовавшей дальнейшему распространению этого оборота.

Конечно, такие словосочетания могли возникнуть только при условии, если именительный падеж существительных отличался от винительного (*вода, земля* и т. п. при винительном *воду, землю* и т. п.) [1], потому что в противном случае он воспринимался бы как винительный: *надо хлеб купить* (и т. п.), поскольку система языка вообще допускала здесь употребление формы им. -вин. В таких же случаях, как: *надо отец спросить,* — система языка не допускала употребления формы *отец*, потому что в данном случае существительное обозначает о д у ш е в л ё н н ы й предмет.

В Москве и её окрестностях оборот типа *земля пахать* держался примерно до первых десятилетий XVIII в. Он изредка встречается ещё в „Письмах и бумагах Петра Великого“,

[1] В таких случаях, как „учинити ему торговая казнь“ и т. п., следует видеть более позднюю ступень в развитии этого оборота.

например: „*давать* из адмиралтейства в годъ *пара* рубахъ... а *шуба*-въ три“ (в три года; т. IV, стр. 456) и др.

§ 120. Повторение предлогов и сочинительных союзов. Любопытной особенностью народного древнерусского языка с древнейшего времени можно также считать повторение предлогов. Речь идёт об употреблении предлогов как перед определением, так и перед определяемым словом, в особенности, если оно предшествует определению, и вообще перед однородными членами предложения. Например, в „Русской Правде“: „а *за* тиунъ *за* огнищный... 80 гривенъ; *на* гостинци *на* велицѣ“ и др.; в „Слове о полку Игореве“: „*на* рѣцѣ *на* Каялѣ тьма свѣтъ покрыла“; в новгородских грамотах, например, в грамоте около 1301 г.: „поклон *от* князя *от* Михаила, *къ* отьцю *ко* вл[ады]це; *с* братомь своимь *съ* старейшимь *с* Даниломь одинъ есмь“ и т. п.; в московских грамотах, например, в духовной Ивана Калиты 1328 г.: „а *исъ* судовъ *исъ* серебрьных“ и т. д.

В Москве, судя по данным памятников московского приказного языка, повторение предлогов было обычным явлением в течение всего XVII в.: „а *в* угодьях, *во* всякихъ, и *в* лѣсахъ *в* хоромных и *въ* дровяных, тѣ села... не изверстаны; а быть имъ *за* городомъ *за* Землянымъ; *в* голодное или *в* иное *в* какое время; *с* литовскими и *с* немецкими *с* порубежными людями живутъ смежно; осталися матери... *з* дѣтьми *съ* сыновьями *с* недоросльми“ и т. д. (Примеры из Уложения 1649 г.) Так же и на периферии. Встречается повторение предлогов и в „Житии“ протопопа Аввакума: „скаску имъ тутъ *з* бранью *з* болшою написалъ, потужить надобно *о* нихъ *о* бѣдныхъ“, и т. д. И в наши дни на родине Аввакума, в говоре села Григорова Лысковского р-на Горьковской обл.: „он, слышь, *по* покойной *по* бабе *по* первой мне-ка тесть“ и т. д. Вообще это явление широко распространено в народной речи. Примеры имитации этой особенности находим у Пушкина (в „Сказке о медведихе“): „Что *из* лесу, *из* лесу *из* дремучего“, „*ко* тому ли медведю, *ко* боярину“; в песнях о Стеньке Разине: „*во* городе было *во* Астрахане“, „я *со* Камы *со* реки, Сеньки Разина сынок“; у Лермонтова („Песня о купце Калашникове“): „Будто сосенка, во сыром бору. | *Под* смолистый *под* корень подрубленная“ и т. п.

Всё сказанное относится и к таким случаям, когда предлог повторяется также при наличии сочинительного союза между однородными членами предложения. Например, в книжно-литера-

турном языке в сочинениях Владимира Мономаха: „и ѣхахо(м)... *с* детми *и с* женами; а въ вятичи ходихом... *на* Ходоту *и на* сына его; и много бѣды прияхом *от* рати *и от* голода" и т. п.; также в „Молении" Даниила Заточника: „помышляю *на* татбу *и на* разбой"; в „Слове *о* полку Игореве": „половци идуть *и отъ* Дона *и отъ* моря *и отъ* всѣхъ странъ" и пр. Так же и в более позднее время, например в Соборном Уложении: „кто стрѣляючи *ис* пищали *или из* лука *по* звѣрю *или по* птицѣ, *или по* примѣте, убьетъ кого *за* горою *и за* городбою; *с* польскимъ *и с* литовскимъ *и с* немецкимъ *и с* иными окрестными государствы у государя... вѣчный миръ" и т. д.

В такой же мере можно считать характерной особенностью древнерусского языка повторение соединительных союзов перед однородными членами предложения. Например, в новгородских грамотах: „на цемь то цѣловали [крест] дѣди *и* о[т]ци *и* о[т]ець твой Ярославъ" (около 1265 г.; мы бы сказали: деды, отцы и Ярослав), „а в Бѣжицахъ тобѣ княже *и* твоимъ бояромъ *и* твоеи княгыни, *и* твоимъ слугамъ селъ не держати" (около 1327 г.) и др. Так же в московских грамотах. Позже в московском Соборном Уложении: „учнуть *в* золото *или в* серебро мешати медь *и* олово *и* свинецъ" (мы бы сказали: в золото или серебро... медь, олово и свинец); „кто... на своих водахъ... заведет мыты *и* перевозы, *и* мост, *и* мелницу; судити бояромъ и околничимъ, *и* думнымъ людемъ, *и* дьякомъ, *и* всякимъ приказнымъ людемъ, *и* судьямъ... в правду" и т. д.

Вскоре после XVII в. это явление (т. е. повторение союзов и предлогов), причину которого следует видеть не столько в стремлении к выделению отдельных членов предложения, сколько в характере мышления древнерусских людей, в русском литературном языке исчезло.

§ 121. Словосочетания с приставочным глаголом и с беспредложным дополнением. Одним из древнейших явлений славянского синтаксиса (начиная с памятников старославянского языка) и, следовательно, синтаксиса древнерусского языка можно считать отсутствие некоторых предлогов, особенно *от*, перед дополнением в форме родительного падежа в том случае, если глагольное сказуемое, обозначающее „удаление", „отделение" и т. п., начинается с этого или близкого к нему по значению предлога-приставки. Например, в I Новгородск. летописи: „отступи Кыева" (и др.); в новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „тѣхъ всѣхъ от-

ступился есмь Новугороду" (ок. 1300 г.); в Рязанской грамоте 1381 г.: „князь великий Олегъ ступился тѣхъ мѣстъ ... Дмитрию Ивановичю".

Это явление наблюдается ещё в XVII столетии в московском приказном языке, например в Уложении 1649 г.: „(дети) учнутъ... *отцовъ* своихъ и *матерей... отпиратися* (от отцов), *матерня имѣния* учнутъ ихъ (детей) *отлучать*" (от имения) и пр. Ср. в былинах: „Добрыня *того не отпирается*". Пережитки подобного словоупотребления ещё встречаются у наших писателей XIX в. Например, у Жуковского: „И вы *меня* согласны уж *отречься*" и т. п.

Отсутствие предлога при дополнении в таких случаях, как *отступи Киева* и т. п., когда глагол обозначает „удаление", „отделение" и т. п., можно рассматривать как явление родительного отложительного. Следует, однако, помнить, что это явление имеет место не только при условии предложности глагола, но и в таких словосочетаниях, как *бежать* кого-чего и т. п. Например, в Изборнике 1073 г.: „*бѣжа* же *Саула Давидъ*" и т. д. Ср. ещё у Пушкина: „Зачем *бежала* своенравно| Она *семейственных оков*"; „её *постели* сон *бежит*" и т. п.

В древнерусском языке предлог при дополнении мог отсутствовать и во многих других случаях. Например, при глаголах движения, сложенных с приставкой ***на-***: в „Повести временных лет": „иде (Святослав) и *налѣзе вятичи*" (набрёл на...); в „Хожении" Афанасия Никитина: „и ту *наѣхали нас* три татарины" (наехали на нас), или с предлогом ***до:*** „да слухъ *насъ* тотъ *дошелъ*, что у вас часто сполохи живут" (Акты ист., II, 333, 1611 г.). Ср. в пословицах и поговорках XVII—XVIII столетий: „по нитке и *клубка доходят*"; „лишняя говоря (болтовня) *сорома доводит*" и т. п.

Отметим здесь же, что многие глаголы, которые в наши дни требуют дополнения с предлогом, в древнерусском языке имели беспредложное дополнение. Так, мы теперь говорим „играть на чём-нибудь", „играть во что", а по-древнерусски говорили: „повелѣ и *органы играти*" — Изборник 1073 г. (орга́нами); „они *зернью* и *карты играют*" — Уложение 1649 г. (вм. в *зернь* и в *карты*).

Мы говорим: „воевать с кем-нибудь", а по-древнерусски можно было сказать: „воевать кого-что", правда, в этом случае со значением „разорять": „приходиша емь и *воеваша область*

новгородьскую" — I Новг. летопись; „не *воевати отчины их* ни *ихъ людии*" — Договорная грамота Дмитрия Донского 1372 г. Если же глагол имел значение „воевать с кем-нибудь", то говорили „воевать на кого-нибудь"; „Игорь *воева на печенѣгы*" — „Повесть временных лет", и. т. д.

В соответствии с современным словоупотреблением „мстить кому за кого-что" по-древнерусски говорили „мстить кому кого-что": „ажь убьеть мужь мужа, то *мьстити брату брата*" — „Русская Правда"; „и тако *мьсти имъ кровь* христьяньскуя..." — I Новг. летопись и др.

По-древнерусски говорили также: „смеяться кому-чему", в соответствии с нашим „смеяться над кем-чем": „очима бо плачютъ со мною, а сердцемъ *смѣютъ ми ся*" — „Моление" Даниила Заточника (смеются мне). Ср. у Пушкина, в поэме „Цыганы": „Как *смеялись* тогда| Мы *твоей седине*"! И т. д.

Следует помнить при этом, что в древнерусском языке вплоть до петровского времени глаголы часто имели другое управление (т. е. требовали дополнения в другом косвенном падеже), чем в современном русском. Вот несколько примеров из Уложения 1649 г.: докладывать кого-нибудь: „и о тѣхъ мастеровыхъ людехъ *докладывать государя* именно"; извещать кому-нибудь: „про то *извѣщати государю...* или его *государевымъ бояромъ* и *ближнимъ людемъ*"; ручаться по ком-нибудь: „слатца на того, кто *по отвѣтчике* его *ручался*". И т. д.

§ 122. Оборот „дательный самостоятельный". Некоторые синтаксические конструкции в древнерусскую эпоху употреблялись только в книжно-литературном языке, особенно церковном, и впоследствии долгое время жили только в литературной речи, будучи чужды (и раньше и в новое время) живому разговорному языку. Поэтому их можно считать заимствованными из старославянского языка. Наиболее распространённым в древней Руси и устойчивым из таких оборотов является так называемый дательный самостоятельный.

Сущность этого явления заключается в том, что иногда законченная мысль, хотя и второстепенная по отношению к той мысли, которая выражается с помощью подлежащего и сказуемого, в древнерусскую эпоху могла быть выражена простым сочетанием имени существительного или местоимения в дательном падеже и согласованного с ним причастия (преимущественно в краткой форме) действительного или (реже) страдательного залога. На-

пример, в „Повести временных лет“ по Лаврент. списку: „*деревяномъ пришедъшимъ* повелѣ Ольга мовь створити“; „*Мстиславу сѣдящему* на обѣдѣ, приде ему вѣсть“; „надолзѣ *борющемася има* нача изнемогати Мьстиславъ“.

В первых двух примерах дательный самостоятельный имеет значение придаточного предложения — временного („когда древляне пришли“, „когда Мстислав обедал“ и т. д.), а в третьем — причинного („так как они долго боролись“, и т. д.). В некоторых случаях в „Повести“ словосочетание с дательным самостоятельным отделяется сочинительным союзом от главного предложения: „*недошедшю ему* града и прободенъ бы[сть] от проклятаго Нерадьца“; „*Аньдрѣеви* же *немогущю* супротивити имъ, а от братьи не бы[сть] ему помоцн“ и т. д.

Примерно с таким же значением и в тех же условиях этот оборот употреблялся и в других памятниках. Например, в I Новгородск. летописи по Синод. списку: „оубиша Володимири кн[я]зя Андрея ... въ нощь *спящю ему;* стояша и до замороза, а *Михаилу кн*[я]*зю* тогда *сущю* въ ордѣ“ и т. д.

Однако ещё в древнерусскую эпоху, в связи с утратой склонения краткими причастиями, в словосочетаниях этого типа дательный падеж причастия мог заменяться именительным: „*идучи ми* сѣмо, видѣхъ бани древены“ — в „Повести временных лет“. Чем дальше шло время, тем больше наблюдалось отступлений от правильного употребления этого оборота. Например, в „Степенной книге“ дьяка Фёдора Грибоедова при дательном самостоятельном употребляется союз „егда“ (когда): „*а егда* ж *сему ... великому князю ... преставльшуся* ... и по нем бысть наслѣдник“ и т. д.

В книжно-литературной (неканцелярской) речи, в частности в Москве, дательный самостоятельный всё же продолжал употребляться. Он изредка возможен ещё в повествовательной литературе и в переводных сочинениях конца XVII — начала XVIII в. Напр. в „Гистории о российском матросе Василии Кариотском“: „*Минувшу* же *дни,* по утру рано, прибежал от моря есаул“ (*дни* — старый дательный ед.); „потом *стоящу ему* на острове, много мысляще и осмотряюще семо и овамо“ и пр.

Об „остатках“ этого оборота в новом книжно-литературном языке находим упоминание у Ломоносова в его „Российской грамматике“ (1755) „В высоких стихах, — говорит он, — можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые

(„остатки". — *П. Ч.*) принять. Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится" (§ 533). Действительно, дательный самостоятельный в известных жанрах литературного языка у некоторых писателей встречается и в стихах, и в прозе в конце XVIII в., например, неоднократно в „Путешествии из Петербурга в Москву" Радищева: „*едущу мне* из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила" и др. Одним из последних по времени (за рамками стилизованной речи) случаев употребления „дательного самостоятельного" можно считать следующее место из стихотворения Жуковского „Цеикс и Гальциона" (1819 г.):

Мчится трахинское легкое судно игралищем бури ...
Вдруг с волной упадет и, кругом *взгроможденному морю*,
Видит как будто из адския бездны далекое небо.

2. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 123. Структура сложного предложения в древнерусском языке также отличалась целым рядом особенностей по сравнению со строем сложного предложения в современном русском. Конечно, и в этом отношении следует учитывать, во-первых, ту разницу, которая существовала между литературным языком древней Руси и разговорной, живой восточнославянской речью, а во-вторых, различия и в пределах литературного языка — между языком книжной литературы и языком актовой письменности, а также между языком церковных книг и языком таких произведений, как, скажем, летопись или „Слово о полку Игореве". Необходимо также учитывать и наличие диалектальных расхождений.

В общем можно сказать, что в древнерусском языке момент подчинения одних предложений другим, как и подчинения вообще (или так называемого управления) одних членов предложения другим, не играл такой роли и не был так резко отграничен от сочинения, как в современном русском; ещё не существовало той богатой и искусно разработанной системы средств подчинения придаточных предложений главному, которая так характерна для современного русского литературного языка.

Впрочем, в памятниках древнерусского языка можно наблюдать употребление самых разнообразных приёмов подчинения.

Нередко придаточные предложения присоединяются к главным без помощи каких-либо союзов, как это наблюдается и в наши дни в разговорной, особенно диалектальной речи. Например, в „Повести временных лет“ по Лавр. списку: „не бяше льзѣ коня напоити. На Лыбеди печенѣзи“ (потому что на Лыбеди стояли печенеги). И позже, например в „Хожении за три моря“ Афанасия Никитина: „а ходять на гору день по единому человеку. дорога тѣсна“ (потому что дорога тесна). Ещё позже — в „Житии“ протопопа Аввакума: „тутъ же на чепи кинули в темную палатку, ушла в землю“ (которая ушла) и т. д. Ср. в современной григоровской речи (на родине Аввакума): „вы не видели иголку, тут лежала?“, „на стоялым дворе рассказывали, в Уральско ездил“ (когда я ездил).

§ 124. Развитие средств подчинения. Но было известно и подчинение с помощью союзов, причём не обязательно только подчинительных. Когда тот же Афанасий Никитин пишет: „а жити в Гундустанѣ ино вся собина исхарчити“, он выражает мысль, которую можно выразить и посредством придаточного условного: „если жить. . . , то на харчи уйдет все имущество“. Между тем он обходится здесь с помощью лишь сочинительных союзов: ***а, ино*** (но, однако; ср. местоимение *инъ, ина, ино)*.

Обычно же подчинение осуществлялось при помощи специальных подчинительных союзов, которые не были вполне одинаковыми в книжно-литературном и в разговорном языке. Такие союзы, как: *чьто* (> *что),* очень распространённый с дописьменной эпохи, употреблявшийся для присоединения к главному придаточных предложений, преимущественно изъяснительных, *чьтобы* (> *чтобы,* с XIV в.), *къто* (> *кто*), *какъ* (возможно, и *яко;* ср. украинское *як*), *коли, доколе, который, аче* и др., встречаются и в разных жанрах древнерусской литературы, и в разговорном языке, тогда как союзы вроде *аще,* союзные слова вроде *иже, яже, еже* и др. обыкновенно не выходят за пределы книжнолитературной речи.

Развитие средств подчинения прежде всего выражается в расширении группы подчинительных союзов. К XVII в. подчинительных союзов насчитывалось (как утверждают исследователи) уже до 80.

§ 125. Условные, временные и пр. придаточные предложения. Чтобы составить некоторое понятие о развитии средств подчинения в русском языке,

остановимся на истории условных и временных придаточных предложений в литературной речи.

В новгородских грамотах XIII — XIV вв. условные придаточные предложения могут соединяться с главным, если оно следует за ними, без помощи специальных подчинительных союзов (как это и до сих пор наблюдается в говорах). Например, в грамоте около 1327 г.: „*холопъ или роба почнеть вадити на государя*. тому ти вѣры не яти“ (если обвинит) и т. п.; или с помощью союза ***а:*** „*а вынесуть тобѣ из Орды княжение великое*, намъ еси князь великий“ (в другой грамоте — 1371 г.); или в грамоте 1304 г.: „*а холопъ или половникъ забѣжить в тферьскую волость*, а тѣхъ княже выдавати“ и т. д. Иногда союзу ***а*** придаточного предложения в главном соответствуют ***то, ино:*** „***а*** *исплатить Новъгородъ* то серебро ... ***то*** великому князю грамота изрѣзати“ (в грамоте 1314 г.) и т. д. Что касается собственно подчинительных союзов, то в новгородских грамотах употребляются только ***аже*** (тот же соединительный союза ***а*** в сложении с частицей ***же***) и ***оже*** (первая часть которого восходит к местоимению *jэ*; ср. в старославянском иже): „*аже* будеть тягота мнѣ от Андрея ... вамъ потянути со мною“ (1301 г.); „*аже* възыдеть к тобѣ княже. на мужа обада (из *объвада* — обвинение). тому ти вѣры не яти“ (около 1305 г.); „*оже* будеть не чистъ путь. въ рѣчкахъ. князь велить ... проводити сий гость“ (1301 г.). Иногда в роли подчинительного союза находим частицу ***ли:*** „истьца *ли* не будеть ... целовати ему хрестъ“ (1305—1308) и т. д.

В новгородской же „Русской Правде“, по списку 1282 г., кроме этих способов выражения условности, ещё употребляется ***аче:*** „*аче* ли будеть русинъ любо гридь ... *то* 40 грив(е)нъ, *аче* же и кръвавъ придеть... *то* ему за платежь“ и т. д. Только один раз в этом памятнике употреблено ***аще*** (старославянский вариант *аче*): „*аще ли* утнеть руку... тъ полъ виры“. Зато в I Новгородск. летописи по Синод. списку старославянское ***аще*** встречается не реже, чем соответствующие древнерусские союзы, причём не только в тех местах рукописи, которые написаны в „высоком“ стиле: „да *аще* кто из ыстъбы (из избы) вылезеть, напрасно убьенъ бываше“ и т. п. Примерно так же в то же время обстояло дело и в Москве, судя по памятникам старомосковского языка XIV—XV вв.

Совсем другую картину представляет, например, язык Москвы в середине XVII столетия. В деловом приказном московском языке в качестве условного союза обычно употребляется ***будет*** или его более поздний вариант ***буде.*** В Уложении 1649 г. — только ***будеть:*** „*будеть* у кого воры животы покрадутъ... и в томъ подавати явки письменные; да *будет* сыщется допряма, что они про измѣну того измѣнника вѣдали, и ихъ казнити смертию; *будеть* судья исцу или отвѣтчику недругъ и на него бити челомъ государю“. Иногда ***будет*** употребляется в одном придаточном предложении и в старом значении (3-е л. ед. ч. буд. вр.), и в новом (условный союз): „а чего *будеть* на немъ доправить *будет* немощно, и то велѣть доправить на порутчикахъ его“. В других памятниках московского приказного языка в это время уже употреблялось ***буде:*** „а *буде* сыщутъ какое дурно, и имъ быть в наказаньи“ (пометы на Донских делах, сделанные в Москве в 1648 г.), „*буде* по списку тѣ люди объявятся... и тѣх людей имать“ (документы 1649 г.) и т. д. Во второй половине XVII столетия *будет* в качестве союза было вытеснено вариантом *буде.*

В Уложении 1649 г. не встречается союза *если*, который, однако, в то время уже входил в употребление в деловой речи и встречается, между прочим, в указных книгах приказов, являющихся одним из главных источников Уложения. Любопытны случаи, когда ещё сравнительно новый условный союз *если* (из *есть ли*) соединяется с уже привычным союзом *будет*: „пожалуй нас... тою примѣрною землею, *если будет* ... объявитца примѣрная земля" (в Указной книге Поместного приказа первой половины XVII в.). Другие примеры: „а *если* кто въ прискѣ тителъ объявитца... каженъ *будетъ*" (в документахъ Посольского приказа 1654 г.), „*если* де ты не *будешь*... н ты" (в документах Посольского приказа 1656 г.). Во второй половине XVII в. этот союз уже получил широкое распространение.

Кроме *будет* > *буде* и *если*, в памятниках приказного языка Москвы встречается ещё условное *токо* (из *только* или *токмо*): „*токо* въ дорогу до Дону дать сухарей... ино тѣхъ запасовъ и не останетца" и др. (в отписках и челобитных московского служилого человека Лазарева 1648—1649 гг.).

Таким образом, в конце сороковых годов и в начале пятидесятых XVII столетия вошли или уже входили в употребление новые условные союзы. С другой стороны, в это время уже повсеместно вышли из обихода столь распространённые в древнерусскую эпоху союзы: ***аже, оже, аче***, а также ***ли*** (и сложные с ***ли: или, али***). Союз ***буде*** долго сохранялся в канцелярском языке, но в других жанрах литературного языка рано был вытеснен союзом *если*, который появился в письменности Московской Руси только в XVI—XVII вв., хотя в говорах, возможно, начал распространяться значительно раньше.

Союз ***аще*** продолжал употребляться беспрерывно, но только как принадлежность „высокого" слога. И не только в стихотворениях Симеона Полоцкого (вторая половина XVII в.), написанных на церковнославянском языке: „Монаху подобаетъ въ келии сѣдѣти ... *Аще* хощетъ въ небеси мзду вѣчную взяти", и т. п., но и в повестях петровского времени: „*Аще* хощеши в Цесарию или во Францию азъ тя имамъ отвезти" („Гистория о Василии Кариотском"), в письмах Петра: „*Аще* потребно есть, то ничто же лучше могло быть, еже воевать моремъ" и пр. Только к середине XVIII столетия вне сферы церковного влияния прекращается употребление этого союза. Сумароков в „Епистоле о русском языке" (1748 г.) отмечает этот факт: „Коль *аще*, *точию* обычай истребил, | Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?"

В XVII в. появился ещё один условный союз — ***ежели***, повидимому, из церковнославянского ***еже*** в сочетании с ***ли***. На первых порах он употреблялся в тех литературных произведениях, которые знают и ***еже***. Этот союз получил особенное распространение в конце XVII — начале XVIII в. В письмах Петра встречаем: „въ первыхъ числахъ марта, *ежели* чего жестокого не будетъ, может паки домой быть" (и т. п.). Ср. там же: „*еже* хто уйдетъ, то всѣмъ быть в казни" (и пр.).

Сравнительно поздно вошли в употребление в нашем литературном языке в качестве условных другие союзы, по происхождению временные, например ***коли, когда***. Со значением „когда" союз *коли* употребляется в Мстиславовой грамоте: „на обѣдѣ *коли* игуменъ обѣдаеть" и позже. С этим значением, как и со значением „если", он и теперь ещё живёт в русских говорах, особенно севернорусских. В современном книжно-литературном русском языке теперь его употребление, пожалуй, прекратилось, но в про-

шлом столетии он встречается нередко, причём не только в таких художественных произведениях, как сказки Пушкина (например, „О мёртвой царевне": „*Коли* парень ты румяный, | Братец будешь нам названый" и т. п.), но и в других случаях, у таких поэтов, как А. К. Толстой: „*Коль* любить, так без рассудку; | *Коль* грозить, так не на шутку" и т. д.

Поздно вошёл в обращение в разговорной речи в качестве условного и другой временной союз *когда:* „Когда бы вверх могла поднять ты рыло, | Тебе бы видно было" (Крылов).

То же следует сказать и о ***кабы*** (из ***как бы***, ср. укр. ***як бы***). В значении „если" в письменном языке он стал употребляться не раньше XVII в. и продержался здесь недолго. Уже в пушкинское время он воспринимался как принадлежность народного просторечия. Как известно, в черновых набросках первых стихов сказки „О царе Салтане" у Пушкина сначала был употреблён союз *если:* „*Если б* я была царица, | Говорит одна девица" и т. д. Но поэт заменил это *если б* союзом *кабы,* который казался ему более народным.

В развитии средств подчинения, в истории подчинительных союзов имеется много общего. Это общее заключается прежде всего в том, что одни подчинительные союзы, некогда повсеместно употребительные в древнерусском литературном языке, впоследствии исчезли бесследно. Например, ***оли*** (когда, если) и пр.; так, в Новгородской грамоте 1371 г.: „а *оли* будеть Новугороду размирье... пособляти ти княже по Новѣгородѣ бес хытрости"; ***доньдеже*** из ***до-и-де-же,*** с протетическим ***н*** перед местоимением ***и < jь,*** в значении „когда", „пока", например, в „Повести временных лет" (по Лавр. списку): „на вся лѣта *дондеже* сьяеть солнце"; в I Псковской летописи: „*дондеже* услышимъ въ Новгородской земли великого князя, тогда на конь всядемъ" (и пр.); ***донелѣ*** — „пока", например, в Мстиславовой грамоте: „*донелѣ же* ся миръ състоить. молите б[ог]а" (и пр.); ***яко*** (ср. украинское ***як***), ***бо*** и пр.

Другие союзы сохраняются теперь только в говорах: ***ино*** (но, то, так как, чтобы, итак; от *инъ, ина, ино*), например, в старомосковской речи середины XVII столетия: „да будетъ дадутъ подводы... *ино* ѣхати на подводахъ" (документы Посольского приказа 1654 г.), в письмах Н. Одоевского: „велятъ деньги править... *ино* бъ (чтобы) отъ воеводы для денегъ и присылки не было" (и пр.); в грамотах Б. Морозова: „а будетъ не скажетъ, *ино* его и пытать" (и т. д.), но в Уложении 1649 г. этого союза нет. С начала XVIII в. он исчез в литературном языке.

Некоторые союзы изменились до неузнаваемости: нашему ***пока*** в старом русском языке соответствует ***покамес па***: „а *покамѣста* они отъ долговъ своихъ свободятся, и имъ служить" (и пр., в Уложении 1649 г.). Первоначально это *покамѣста* представляло собою целое словосочетание, которое могло быть разделено вставными словами. Так, в одном дипломатическом документе 1618 г. читаем: „да сказалъ де мнѣ шахъ, что и впредь, *по ка* я *мѣста* живъ буду, мнѣ ходить к царскому величеству" („Памятн. дипломат. и торг. снош. с Персией", III, 447).

Союз временных придаточных предложений ***когда*** как подчинительный союз, встречающийся уже в летописных текстах, например в I Новгородской летописи по Синодальному списку, только в XVII в. получил широкое распространение и быстро стал вытеснять другие синонимические средства подчинения: ***как, егда, покамѣста*** и др.

§ 126. Определительные придаточные предложения с *который* и пр., столь привычные для современного русского литературного языка, окончательно оформились только в новое время. Во всяком случае, в середине XVII столетия, триста лет назад, в области сложных предложений с определительными придаточными ещё не наблюдалось никакой устойчивости и порядка. Можно было, во-первых, ещё сказать (как в Уложении 1649 г.): „*которые* люди всякихъ чиновъ учнутъ...; а будетъ кто ни буди пришедъ въ *которой* приказъ;... будетъ посланъ приставъ въ *которой* городъ“ и т. д., т. е. местоимение *который* можно было употребить в значении „какой“ или „какой-нибудь“ или „некоторый“, что невозможно в современном русском литературном языке. Ср. также: „и темъ людемъ... *никоторыхъ* убытковъ не чинити“ (никаких) и т. д. Во-вторых, можно было сказать: „*которыми* реками суды ходятъ, и на тѣхъ рѣкахъ... плотинъ не дѣлати“ (7),— т. е. построить фразу так, чтобы между соединяемыми предложениями совсем не ощущалось подчинительной связи. Ср. ещё в одном из документов боярина Б. И. Морозова (1659 г.): „а которые плотники... присланы были..., и те все плотники... отпущены“. С течением времени определительные придаточные предложения с *который* были закреплены в положении только после главного предложения, и прекратилось повторение в придаточном предложении того члена главного предложения, который определялся придаточным (как в предыдущем примере). Следует, однако, оговориться, что в Уложении 1649 г. (как и в более древних памятниках) во многих случаях определительные придаточные предложения употребляются п р а в и л ь н о (с нашей точки зрения), т. е. совершенно так же, как и мы их т е п е р ь употребляем. Например, „и тѣмъ людемъ, *которые* учнутъ бити челом... отказывать, а жать тот хлѣбъ тѣмъ же крестьяномъ, *которые* тотъ хлѣбъ сѣяли“ и пр.

С другой стороны, развитие сложного предложения по способу подчинения сопровождалось устранением элементов с о ч и н е н и я, т. е. устранением сочинительных союзов в т а к о м сложном предложении. Почти до самого XVIII в. с глубокой древности наблюдается в письменных памятниках употребление сочинительных союзов в предложениях, где они теперь, в современном русском литературном языке, уже не допускаются. В редкой указной грамоте XVII столетия не окажется фразы, построенной по такой модели: „а *как* к вам (или к тебе) ся наша великого государя грамота придет, *и* вы б (или *и* ты б) — ... (то-то и то-то сделали)“. Сочинительный союз *и* в начале главного предложения употребляется и в других случаях. Например: „буде по списку тѣ люди объявятся... *и* тѣхъ людей имать“ (документ 1649 г.); „а покамѣста бѣглецы не сыщутся, и у нихъ имать людей ихъ и крестьянъ“ (документ 1615 г.).

С этим явлением, свидетельствующим о слабости синтаксического подчинения, до некоторой степени находится в связи

также сравнительно свободное местоположение подчинительного союза в придаточном предложении. Примеры: „а Олай (сокол) *какъ* выздоровеетъ, *и* Олаемъ промышлять бы вамъ...“ (письмо ц. Алексея Мих.), „на церковный соборъ мало ходитъ, а придетъ *когда, и* то пьянъ“ (Челобитная 1666 г.) и т. п.

§ 127. Приёмы связи самостоятельных предложений в сложном целом. Наконец, следует отметить ещё одну важную особенность древнерусской манеры изложения мыслей. Речь идёт об обилии сочинительных, точнее — соединительных союзов ***да, и, а,*** с помощью которых одни предложения, выражавшие законченную мысль, нанизывались на другие. Например, в I Новгородской летописи (по Синод. списку): „вода бяше велика въ Волховѣ, *и* хоромъ много сноси, *и* князь полотьский умре“. В „Хожении“ А. Никитина: „а тутъ есть индѣйская страна, *и* люди ходять наги всѣ, *а* голова не покрыта, *а* груди голы, *а* волосы в одну косу плетены... *а* мужи и жены всѣ черны“ (и т. д.).

С помощью этих союзов соединялись и более крупные „синтаксические целые“ (сложные предложения), и то, что мы теперь называем абзацами. Этот способ сочетания самостоятельных предложений сохранялся в течение всего XVII века в различных жанрах литературы и в московском приказном языке. Хорошие примеры имеются в „Житии“ протопопа Аввакума, им самим написанном: „Таже сѣлъ опять на корабль свой... поехалъ на Лѣну. *а* какъ приехалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велено в Дауры вести — дватцеть тысящъ и болши будетъ от Москвы. *и* отдали меня Афонасью Пашкову в полкъ, — людей с нимъ было 600 человѣкъ. *и* грѣхъ ради моихъ суровъ человѣкъ: беспрестанно людей жжетъ и мучитъ и бьетъ. *и* я ево много уговаривалъ да и самъ в руки попалъ. *а* с Москвы от Никона приказано ему мучить меня“ и т. д.

Более того, этот приём сочетания предложений в форме н а н и з ы в а н и я одного предложения на другое в некоторых жанрах литературы держался ещё в начале XVIII столетия.

IV. РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

§ 128. Основной словарный фонд. Словарный состав всякого языка состоит, с одной стороны, из основного словарного фонда, с другой,— из слов и целых лексических пластов, находящихся вне основного словарного фонда. „Главное в словарном составе языка,— говорит И. В. Сталин,— основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов" [1].

Сам по себе основной словарный фонд изменяется очень медленно, накапливаясь веками.

Основной словарный фонд современных славянских языков, в том числе и русского, в своей древнейшей части состоит из общеславянских слов. Это такие слова (они даются здесь в древнерусском фонетическом оформлении), связанные с элементарным мироощущением человека, обозначающие жизненно-важные понятия, которые употреблялись, например, для обозначения явлений внешнего мира и отношения к ним человека: *вода, земля, гора, небо, сълньце, дьнь, ночь, звѣзды, вѣтръ, дерево, лѣсъ, трава, звѣрь, вълкъ, заяць, рыба, пъта* (или *пътица*), *моровий* (впоследствии *муравей*); *человѣкъ, жена*; *жити, дѣлати, видѣти, ѣсти, дойти, ходити, мълвити, речи; высокъ, добръ, старъ, красьнъ* (светлый, прекрасный) и т. д.; в качестве названий частей тела: *рука, нога, голова, очи*

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 23.

и т. д.; как термины материальной культуры: (жилище) *домъ, истъба > изба* (возможно, одно из древнейших заимствований с запада; ср. древневерхненемецк. stuba > нем. stube), *клѣть, стѣна, окно, свѣча* (в смысле „светильник", например, горящая лучина, факел и пр.), *кровъ* (крыша), *стрѣха* и др.; (одежда) *рубъ* (откуда рубище, рубаха и пр.), *сапогъ;* (пища и посуда) *хлѣб, коровай* (неизвестное западнославянским языкам), *гърнъ* (горшок), с производными: *гърньць, гърньчаръ* (горшечник) и пр., *кърчага, лъжица* или *лъжька* (ложка) и др.

История застаёт славян на стадии разложения первобытно-общинного строя, патриархально-родовых отношений, на стадии формирования классового общества. Отражением этой ступени общественного развития является очень развитая терминология родственных отношений, например по прямой линии: *отьць, мати, дѣдъ, сынъ, дъчи, сестра, братъ, стрый* (дядя по отцу), *уй* (дядя по матери), тогда как слово с более общим значением *дядя* относится к более позднему времени (XIV в.), *свекры* (свекровь) и т. д., а также такие термины, характеризующие общественные отношения и известные с древнейшего времени, как: *родъ, народъ* (первоначально: „то, что нарождается, народилось"), *племя* (из „пледмен", ср. „плодъ"), *родина* (семья), *обчина* (община; из *обтјина*, ср. *оптом* из *обтом*), *вѣче* (при ст.-сл. вѣштє), *кънязь* (как полагают, из др.-герм. kuning-), *староста, старѣйшина, господь* (или *господинь, господарь,* откуда: *государь* и дальше *сударь*), *робъ, робыня, робичичь* (сын рабыни) и пр., *челядь* и др.

Значительную часть древнерусского словаря (в самой древней его части) составлял производственный словарь. Уже для ранней ступени культурного развития славянских народов следует считать характерной чертой обилие терминов, относящихся к земледельческому труду: *рало, орати* (пахать), *соха, зьрно, ръжь, пьшено, овьсъ, гумьно, токъ, жьрны* (> жернов), *мука,* или связанных со скотоводством: *конь, корова, быкъ, овьца, скотъ, пасти* и др. Терминология ткацкого дела: *тъкати, прясти, веретено, кудель, льнъ, сукно, полотьно* и др.

Из названий орудий производства, обороны и нападения общеславянскими с древнейшего времени являются: *секыра* (топор), *ножь, пила, игъла, стрѣла, лукъ, щитъ, кый* (палка; ср. биллиардный *кий*, хотя здесь не подлежит сомнению и связь с французским queue) и пр.

С древнейшего времени во всех славянских языках, в частности восточнославянских, были в употреблении слова, характеризующие военный быт: *воевати, рать, пълкъ, воевода, вой, труба, знамя, мечь, сабля, лукъ, стрѣла, копье* и пр.

Этот краткий перечень основных семантических категорий общеславянских слов в древнерусском языке можно дополнить ещё некоторыми терминами из области религиозного языческого культа. Сюда относятся такие слова, как, например, *капище* (языческий храм), *требище, божьница, вълхвъ* (неизвестное, однако, современным западнославянским языкам), и т. п.; слова, относящиеся к области искусства: *гусли, гудьба* (музыка), *скрипа* (откуда *скрипъка*), *сопѣль, плясати, зьдати, зъдчий* и др.

К общеславянской эпохе относится появление и целого ряда отвлечённых слов: *умъ, истина, добро, мълва* и др.

Но наряду с общеславянскими словами, с основным общеславянским лексическим фондом, в древнерусском языке с доисторического времени находились в употреблении (причём, надо думать, в употреблении, как общие для всех восточнославянских или для многих восточнославянских племён) слова, неизвестные другим славянским языкам, но в своём большинстве возникшие на основе общеславянских слов.

Так, очень рано, вероятно, в связи с формированием рабовладельческого общества, в древнерусском языке появилось *сѣмья* (по памятникам известное уже с XI в.), употреблявшееся сначала со значением *челядь, прислуга* (*сѣминъ, сѣмьянин* — слуга, работник), позднее — со значением *семья*.

Возникли новые названия для зверей и домашних животных: наряду с *вѣкъша, вѣверица* очень рано и только у восточных славян вошло в употребление *бѣла, бѣлъка*, может быть, сначала как название какой-нибудь (теперь уже вымершей) редкой породы этого пушного зверя, если не белой, то, например, так называемой „голубой" белки. К восточнославянским исконным словам можно также отнести *колоколъ*.

Во всех славянских языках испокон веков употреблялось слово *пьсъ*. На восточнославянской почве очень рано получило широкое распространение новое слово *собака*, возможно, скифо-сарматского происхождения.

Таких слов было много, но трудно с уверенностью сказать, что все они употреблялись в языке восточного славянства (и только восточного) с доисторического времени и на всей

восточнославянской территории. По памятникам письменности многие из этих слов пока ещё не обнаружены раньше XIII — XIV вв., хотя имеются все основания полагать, что они восходят к доисторическому времени. Сюда, между прочим, относится прилагательное *хороший*, которое, как думают, является по своему происхождению притяжательным прилагательным *(хорош, -я, -е)* от *Хорсъ, Хоросъ* — имени одного из восточнославянских (но не общеславянских) языческих богов.

Мы видим, таким образом, что из основного словарного фонда древнерусского языка почти ничего не отсеялось с течением времени, хотя и нельзя сказать, что этот фонд остался совершенно неизменным. Во-первых, как уже было отмечено выше, основной словарный фонд, накапливаясь постепенно, пополнился новыми словами.

Во-вторых, имели место частичные замены. Например, вместо *око* или наряду с ним стали говорить *глаз* (не раньше XIII столетия, а в Москве — XVI). Первоначально это слово, повидимому, значило „камень-кругляк", „голыш", как и до сих пор в польском, или „шарик", „бусина". Слово *секыра* было почти повсюду вытеснено словом *топор*, также очень старым, общеславянским; наряду с *пьсъ* стали ещё пользоваться словом *собака*, и т. д. В этом смысле, конечно, можно говорить об исчезновении ряда слов: *котора* (ссора, распри), *вѣжа* (шатёр: „*вежи* ся половецкии подвизошася" — в „Слове о полку Игореве"), *налѣзти* (встретить, найти: „Святославъ... *налѣзе* вятичи" — в „Повести временных лет") и пр.

Но исчезновение слов не всегда сопровождалось вытеснением одних слов другими с тем же значением: *вълхвъ, капище* и т. п.

Так или иначе обогащение словаря, увеличение его объёма осуществляется главным образом за счёт слов и лексических пластов, находящихся вне основного словарного фонда.

Если в эпоху первобытно-общинных отношений на древнейшей, первоначальной, стадии развития языка до эпохи рабства объём основного словарного фонда, надо полагать, совпадал с объёмом словарного состава языка, вследствие чего И. В. Сталин и именует этот фонд (для этого времени) „словарным фондом", а не „основным словарным фондом", то в дальнейшем, в связи с развитием мышления и культуры людей, в связи с возникновением письменности и развитием литературных жанров языка, по мере обогащения языка новыми словами,

постепенно в словаре начинается отслоение лексических пластов, формирующихся на базе корневых слов основного фонда, но за его пределами. Чем дальше идёт время, тем всё сильнее увеличивается разница в объёме между словарным составом языка и основным словарным фондом.

§ 129. Развитие словаря. Товарищ Сталин учит, говоря о развитии языка в историческое время, что имеется целый ряд факторов, обусловливающих движение языка вперёд:

„Дальнейшее развитие производства,— указывает он,— появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка"[1].

Воздействие этих факторов следует учитывать также при изучении словарного состава русского языка в его развитии.

При этом чаще всего имеют место три процесса: вытеснение одних слов другими, синонимическими; изменение значения слова; появление производных слов от данного корневого[2].

Приведем несколько примеров.

Так, слово *рало*, название древнейшего орудия пахоты, было почти вытеснено ко времени возникновения Киевского государства и утверждения феодально-крепостнических отношений (в связи с усовершенствованием орудия пахоты) словом *плуг* (возможно, заимствованным), как названием рала с железным наконечником, а позже — словом *соха* („двузубое рало"). Это последнее слово является общеславянским, но первоначально оно употреблялось с другим значением: кол, сук с развильем (ср. *посох*). Со значением „кол", „палка" это слово было употребительно ещё в XII в.: „приде с мечи и *с сохами*" и т. п. Оно употреблялось также со значением письменного знака в виде римской цифры V, — иногда перевёрнутой („соха к земли рогами"). Как название орудия пахоты *соха* появляется в памятниках письменности только с XIV в., а в московских грамотах с XV в.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 26—27.

[2] Мы ограничиваемся, по необходимости, лишь очень краткой и самой общей характеристикой древнерусского словаря и изменений, относящихся к допетровскому времени. Новые явления в лексике рассматриваются в курсе „История русского литературного языка".

Социальные сдвиги, связанные с формированием, расцветом и падением Киевской державы, также не могли не отразиться на развитии словаря. Социальная терминология особенно заметно меняется в течение XIII—XV столетий.

Термин *княжие мужи* исчезает, появляется термин (возможно, неславянского происхождения) *бояре*, откуда *боляре*, вследствие сближения с *болий* (больший; привилегированные землевладельцы, высшая группа служилого класса). Младшая *дружина*, носившая прежде название *детских* или *отроков*, а также *гриди*, теперь начинает именоваться *детьми боярскими* и *слугами дворовыми*, или *дворянами*. Также и неслужилое население в актах удельного времени получает новые названия. Сначала эта основная часть свободного населения называлась просто *людьми* (ср. в „Повести временных лет“: „рѣша боляре и *людие*“) и распадалась на две группы: *горожан* и *смердов* (*смьрдъ*), т. е. сельских жителей (термин невыясненного происхождения).

С XV столетия входит в употребление термин *крестьянин* (из „христианин“, в противоположность „нехристям“, татаро-монгольским захватчикам), термин, возникший, надо полагать, в Москве (в то время, когда в Новгороде ещё продолжали пользоваться старым) и совершенно вытеснивший старое общевосточнославянское название этого класса *смерды* и местное московское XIV в. — *сельчанин*.

Если далее лексические средства древнерусской эпохи сравнить с тем, что мы находим в XVII в., то снова наблюдается заметная разница. Правда, много социальных терминов сохраняется с древнерусской эпохи: *князь, боярин, дворянин, гость, купец, дети боярские, крестьянин, холоп* и некоторые другие, но многих уже нет: *дружина, вѣче, полюдье* (сбор дани), *костки* (пошлина), *тиун* и т. д., много появилось и нового: *царь* (возможно, из *цьсарь* < *цесарь*), *боярская дума, земский собор, приказ, дьяк, подьячий, биричь* (полицейский чиновник, глашатай), *посадские люди, работные* или *мастеровые люди, стрельцы* и т. д.

С развитием торговли находится в связи развитие денежной терминологии. Древнейшие названия денежных единиц восходят к словам с предметным значением. Крупнейшая денежная единица в XI в.: *гривьна* (более раннее значение — ожерелье, потом: браслет; ср. *грива* с древнейшим значением — шея). Более мелкие деньги, в порядке убывающей стоимости: *ногата, куна, рѣзана, веве-*

рица, въкъша. Термины *куна, веверица, въкъша* представляют собою названия пушных зверей: *куна, куница* — соболь, иногда: лисица и пр.; два последние слова — названия белки. Само слово *бѣла, бѣлка, бѣлъка* также могло употребляться в значении „деньги". *Ногата* иногда толкуют как название цельной шкурки пушного зверя (с лапами; ср. в эстонском nahat (мех) — из древнерусского; ср. также *мордъка*, т. е. шкурка с мордой), но более вероятно, что это слово заимствовано откуда-то с востока. *Рѣзана*, повидимому, часть разрезанной шкурки. *Вѣкъша* была самой мелкой денежной единицей: в одном „Прологе" XIII в. читаем о монахах: „ни *векши* имуть в келье" (т. е. ни полушки, ничего). Слова *бѣлка, куна* и *вѣкша* ещё в XIV — XV вв. обычны в новгородских грамотах, но отсутствуют в московских (ср., однако, *мордка*: „с воза по *морткѣ*" — в договорной 1396 г.).

Среди названий денежных единиц в древней Руси встречаются и явно заимствованные: *златица* (византийский червонец), *диргем* (арабская монета), *пенязь* (германского происхождения).

Любопытно употребление слова *скот* в значении и м у щ е с т в о, к а з н а, д е н ь г и. Отсюда *скотьница* — казнохранилище, *скотьникъ* — казначей, *скотолюбие* — корыстолюбие. В западнорусских грамотах встречается уменьшительное *скотьць* — грош.

Гораздо позже, к концу древнерусской эпохи, возникли такие названия монет, обычные в московских грамотах XIV в., как: *рубль* (первоначально: обрубок, кусок, потом: кусок серебра), *копейка* (видимо, от изображения всадника с копьём, сменившего изображение пушного зверя на московских монетах XVI в.); *полушка* (которое иногда толкуют, как „пол-уха" куньего), *грош* заимствованное из немецкого языка, через польское посредство, и др.

Слово *деньги* (неславянского происхождения) — с общим, отвлечённым значением — получило у нас распространение также только с XIV столетия.

Развитие значений слов, как правило, протекает в направлении от конкретного, предметно-обиходного, к отвлечённому, абстрактному. В этом отношении представляет интерес также история некоторых названий мер длины.

В IX—XIII столетиях мерами длины были *сажень*, или, как уже в надписи на Тмутороканском камне 1068 г., *сяжень* (корень ***сяг***, ср. *до-сяг-ать* и т. п.), что значило собственно „размах рук". „Сяжень" делилась на три „локтя" (*локъть*),

а „локоть" — на две „пяди" (*пядь* — расстояние между краем большого пальца и краем среднего пальца раскрытой ладони). Половина „сяжени" называлась *поясъ*.

Сравнительно новая, более точная система мер длины: *сажень* = 3 *аршина* = 16 *вершков* была выработана позже в связи с дальнейшим развитием материальной культуры, особенно зодчества. Слово *аршин* — по своему происхождению нерусское, восточное, в русском языке получило распространение не раньше XIII—XIV вв.

В связи с развитием материальной культуры словарный состав русского языка обогатился целым рядом новых слов: *ковшь, скамья, стулъ, слуда* или *слюда, дъстканъ* (стакан), *рукавицы, пьрщатъка* (от *пьрстъ* — палец), откуда потом *перчатка, чулокъ, пугъвица,* откуда *пуговица, струна* и т. д. По памятникам одни из этих слов известны с XII в. (напр. *скатерть, слуда*), другие — с XIII в. (*рукавицы* — уже в Смоленской грамоте 1229 г.), третьи — с XIV в. (напр. *ковшь, дъстканъ* или *достокан,* встречающееся во второй духовной в. кн. Ивана Ивановича 1358 г.: „чашка золота, *достоканъ*"; ср. у Державина в „Видении мурзы": „И в *досканцах* червонцы шлют"; отсюда: *стакан*). Слово *стул* впервые встречается в памятниках времён Ивана Грозного; сначала в этом значении употреблялось слово *стол*; „Мьстиславъ... сѣде на *столѣ* Черниговѣ" — в „Повести временных лет" под 6532 г.; ср. также *престол, столица;* ср. укр. *стілець* — стул; болг. *стол* — стул. Слово *чулок* известно с XVI в. со значением исподняя мягкая обувь: „чулки сдѣлати сафьянъ свѣтлозеленъ" — в описи 1593 г. Слово *струна* сначала значило „волос", откуда в памятниках *струнная одежда* — власяница.

Одним из следствий появления у нас огнестрельного оружия в XIV в. можно считать постепенное изменение значений таких слов, как *стрелять* (от *стрѣла*), *зелье* (порох), *порох* (ср. *прах*, т. е. порошок, пыль), *пушка* (из *пущька*, от *пущати*, — первоначально метательное орудие, метательный снаряд), *ружьё*, из *оружье*, первоначально употреблявшееся как собирательное: „*а ружья́* мне купити: лук да 20 стрел да копье да топорок" (Поручная 1608 г.), *наряд* (в смысле „артиллерия") и др.

§ 130. Семантические изменения. Когда мы говорим о лексических изменениях, о возникновении новых слов, мы должны иметь в виду не только появление слов, новых по форме, по их фонетическому облику. Слова могут оставаться старыми по

форме, но они входят в обращение с новым значением и поэтому воспринимаются как новые.

Можно привести много примеров изменений основного значения (главным образом на почве ассоциативных сцеплений) слова в истории русского языка. О некоторых случаях переосмысления слов мы уже говорили выше.

Потебня, наш первый крупный этимолог, таким образом объяснял развитие значения слова *погост*, по корню явно связанного со словом *гость* (в старом значении также „купец"): сначала — место гощения, постоялый двор где-нибудь на отшибе; потом — стан для князей, княжих мужей и тиунов, в период сбора дани; далее — посёлок на проезжей дороге; наконец, кладбище при церкви и вообще сельское кладбище. По большей части именно правильное вскрытие корня слова помогает установить первоначальное и вообще более раннее значение слова. Так, слово *деревня*, как показывает его корень *(дер-:деру-:драть)*, должно было значить нечто вроде „целина", „вытеребленное и очищенное от леса... место для нивы" — ср. в Домострое: „пашет *деревню*"; ср. литовск. dirva — нива. Потом возникло значение „двор" и дальше „село". Так и слово *пошлина*, по свидетельству его корня (**ш** из **шьд**), связано со словом *пошлый*, теперь также имеющим другое значение, первоначально значило „обычай" (то, что пошло исстари), „традиция" („а Новгородъ ти дьржати по *пошлинѣ*" — в грамоте 1304 г.). Слово *горница*, от *горний* (т.е. верхний), по корню связанное со словами *гора*, *горный* и т. п., означавшее в старину „комната верхней части здания", первоначально могло также значить „плоская крыша дома (на востоке), как часть жилья" („*Взыде* Петръ на *горницу* помолитися" — в Деяниях апостольских, гл. 10, 9).

В некоторых случаях, однако, установить первоначальный смысл слова представляет большие затруднения. Древнейшее значение слова *синий* в славянских языках — *сияющий, сверкающий* (корень **си-**; ср. *сияти*; в „Слове о полку Игореве": „трепещут синии млъниии" и т. п.). Надо полагать также, что это слово могло значить и *чёрный* („синя яко сажа" — в „Житии" Андрея Юродивого и др.). Прилагательное *опасный* (ср. *пас-ти*) значило сначала осторожный, тщательный (отсюда *опасная грамота*, т. е. охранительная, и т. п.). Глагол *бросать, бросить* сначала употреблялся только в форме *бръснути* и только со значением „брить" („да не *бръснете* брадъ вашихъ" — в Изборнике ок. 1300 г.;

но ср. в говорах: *броснуть* — оголять лён, снимать головку льна). Ещё в XVII в. говорили: в тюрьму *мечут* (бросают), они лошади *пометали* (побросали лошадей).

Таким образом, при изучении древних памятников письменности мы постоянно сталкиваемся с одним и тем же явлением: слова могут иметь другое значение, чем то, с которым они теперь употребляются.

Очень часто семантические изменения протекают в направлении от частного и конкретного к общему и абстрактному. Например, *понять, пойму* первоначально значило *взять, схватить;* ср. *пойма*. Слово *веремя* из* *верт-мен* (ст.-сл. врѣмѧ), повидимому, имеет тот же корень, что и *вертеть*, и некогда значило „нечто вращающееся", „колесо" > „след колеса", далее — „путь видимого вращения солнца с востока на запад" > „время такого вращения", день; *правьда* сначала значило *управа, суд*; ср. „Русская *правда*", от *правити — управлять, судить* и т. д.

§ 131. К вопросу о древнерусских диалектах. Среди слов, с доисторического времени употребительных в языке восточных славян, конечно, были и такие, распространение которых было более или менее ограничено пределами территории того или иного племени или определённой племенной группировки. Однако в связи с ранним разложением племенного быта в древней Руси мы располагаем слишком скудными данными, чтобы можно было совершенно определённо сказать, что такое-то слово является словенским или кривичским по своему употреблению, такое-то вятичским, а такое-то древлянским и т. п.

Надо полагать, на севере, главным образом на словенской новгородской земле, употреблялись такие слова, как *обилье* (хлеб на корню), *рьль* (заливной луг), *буй* (кладбище), *соломя* (пролив), *(о)лоньсь* (в прошлом году), откуда *лоньщина* (годовалый телёнок; например, в I Новгородской летописи по Синод. списку: „а за *лоньщину* полъ гривнѣ..."), *шнека* (или *снека* — небольшое судно), *паробокъ* (слуга), *тировати* (жить) и некоторые другие слова, встречающиеся преимущественно или исключительно в новгородских и псковских памятниках письменности — летописных сводах, грамотах. Почти все эти слова (за вычетом таких, как *тировати*) до сих пор употребляются в севернорусских говорах.

О некоторых словах мы можем только сказать, что они не могли быть ни северными, ни западными, ни юго-запад-

ными по происхождению, как, например, слово *лошадь*. Возможно, что это слово, заимствованное, как полагают, из тюркских языков, где-то на юго-востоке, сначала употреблялось вятичами, а от них потом перешло к радимичам, к кривичам; может быть, к полянам, в древний Киев и т. д.

Если имя *Москва* (сначала: река, потом — город) восходит к слову *москы*, род. *москъве* (ср. *свекры*, *свекръве; тыкы*, *тыкъве* и пр.), что значит *влага*, а имя *Волга* к слову *вълга* (совр. *волглый*), что значит также *влага*, то, принимая во внимание, что Москва-река является „вятичской" рекой, т. е. протекает по бывшей территории вятичей, а Волга в её верховьях искони была занята кривичами, которые потом мало-помалу спускались по этой реке, и что, следовательно, Москве, реке и городу, имя могли дать вятичи, а Волге — кривичи, можно предположить, что понятие *влага*, *вода* передавалось у вятичей словом *москы*, а у кривичей — *вълга*.

Как уже отчасти было отмечено выше, в письменных памятниках новгородского, псковского, смоленского происхождения получили отражение не только лексические особенности словенского и западнокривичского диалектов, но также и фонетические. Уже новгородские рукописные книги XI в. характеризуются смешением букв ***ц*** и ***ч***, отражающим или смешение соответствующих звуков, или совпадение ***ч*** с ***ц*** в произношении — ***цистый*** и т. п., а также некоторыми другими особенностями: употреблением ***и*** вместо ***ѣ***: ***лицемирьствовати*** и т. п., ***жг'*** вместо ***жд'***: ***дъжгь*** и др. Псковские письменные памятники XIV—XV вв., кроме смешения ***ц*** и ***ч***, отличаются ещё смешением ***с*** и ***ш***, ***з*** и ***ж***: *здати* (ждать), *вешна* (весна), употреблением ***кл***, ***гл*** вместо ***л*** в причастных формах прошедшего времени: ***привегли*** и т. п., и другими особенностями. Смоленские грамоты XIII в. отличаются от новгородских этого времени тем, что, кроме смешения ***ц*** и ***ч***, они знают ещё употребление ***у*** вместо ***в*** в таких случаях, как *у Ризѣ* (в Риге), и т. д. Памятники северо-восточного происхождения (Ростов, Суздаль, Владимир, Москва и др.) характеризуются отсутствием тех диалектальных черт, которые являются типичными для памятников новгородских, псковских, смоленских.

Труднее установить, какие из древнерусских слов, известных нам по письменным памятникам, были первоначально распространены только на юге, особенно в Киеве и его окрестностях. Благодаря тому обстоятельству, что литературный древнерусский язык, как общий (не областного значения) в древней Руси, сложился и получил развитие главным образом на юге, в Киеве, южные по происхождению слова получили широчайшее распространение и стали употребляться в письменности не только на юге, но и на севере, в Новгороде, в Пскове, также в Смоленске

и других древнерусских городах. Можно полагать, например, что слово *веверица* (кстати сказать, известное и в инославянских языках в значении „белка") в древней Руси сначала употреблялось только в южных диалектах древнерусского языка (ср. в украинском: *вивiрка*), но через посредство литературного языка впоследствии (ещё в древнерусскую эпоху) попало на север. В „Слове о полку Игореве" — произведении, сложенном и написанном где-то на юге, встречается слово *лѣпо* („*Не лѣпо* ли ны бяшетъ...") в смысле: пристойно, красиво. Можно думать, что это слово также южное по происхождению, как и *чага* (рабыня), *кащей* (пленник, иноплеменник, раб), употреблённые тем же автором „Слова о полку Игореве". Южными или юго-восточными можно считать и некоторые другие слова, получившие впоследствии распространение и в Москве, и на севере. Известно, например, что киевлянин Владимир Мономах на Долобском совещании князей в 1103 г. в своей речи употребил слово *лошадь*: „половчинъ... *лошадь* его (смерда) поиметь". Теперь это слово на юге (на Украине) уже не употребляется. В Москве, как и вообще на севере, в это время и позже говорили *конь*.

В языке старой Москвы (в период до начала образования великорусской нации) было много общего с севернорусскими диалектами. Вместо *пахать* говорили *орать*: „а луга... ни косити, ни *орати*" — в договорной в. кн. Василия Дмитриевича 1390 г., и др. Употребляли слово *одернь* (навеки): „кто ся будеть продалъ... *одернь*" — в договорной Дмитрия Донского 1375 г. По-видимому, было известно слово *ушь* (вид сорной травы), часто наблюдающееся в I Новгородск. летописи. Все эти слова, если они вообще ещё сохраняются, в наши дни встречаются только на далёком севере и в Сибири.

§ 132. Формы словообразования. Товарищ Сталин учит, что основной словарный фонд заключает в себе все корневые слова, составляющие его ядро, и, таким образом, является базой для образования новых слов в ходе исторического развития того или другого языка.

Что касается славянских языков, то здесь основным способом образования новых слов с древнейшего времени является суффиксация. Это не был единственный способ. Иногда пользовались и другими приёмами: не говоря уже о префиксации (*народъ, написать* и пр.), следует отметить и сложение основ: *медвѣдь, Мьстиславъ, Добромыслъ,* особенно с соединительными

гласными ***о***: ***е***: *листопадъ* (название мссяца), *сѣножать, земледьржьць* и т. п., и даже удвоение корня: *веверица* (белка; из *вер-вер-*); преимущественно звукоподражательные: *колоколъ, глаголъ* (из *гол-гол-*; известно лишь в старославянском, в чешском: hlahol; ср. в русском: *голк, голчить* и пр.); такого же происхождения *гоголь* (из *гол-гол*; род нырка), также: *прапоръ* (из *пор-пор-* — знамя), *перепелъ* (из *пел-пел-* с диссимиляцией плавных); с неполным удвоением: *папороть*, откуда впоследствии *папоротник* (из *па-пор*); *попелъ, пепелъ* и др. Ср. в глагольных основах: *дā-д-мь,* откуда *дамь, дадимъ* и т. д. Перенос ударения также является одним из очень древних способов образования новых слов — *мукá: мýка* и т. п.

Но наиболее распространённым и обычным способом образования новых слов следует считать образование с помощью суффиксальных элементов. Необходимо при этом учитывать, что некоторые суффиксы, в своё время не только живые, но и очень распространённые в славянских языках, с течением времени „омертвели“ и слились с корнем, что с давнего времени они воспринимаются как принадлежность корня. Например: ***в*** *(пиво, мѣсиво)*, ***т*** *(жито)*, ***к*** (*знакъ, злакъ* и др.), ***н****: станъ, сънъ* (из *сън-нъ*, ср. *съпати*), *сукно* (ср. *сучити*), ***р****: даръ* и пр., ***ть***: *съмьрть;* в общеславянскую эпоху: *могть* (откуда в древнерусском *мочь*) и т. д.

Некоторые суффиксы вследствие фонетических изменений могли и вовсе исчезать в языке. Почти исчезнувшим суффиксом, между прочим, можно считать и тот *j*, о котором так часто приходилось говорить в „Фонетике“: *свѣтjа > свеча, хотjǫ > хочу* и пр., но *стая* (т. е. *стаjа*), *знаю* и т. д.

История суффиксальных образований заключается в том, что одни суффиксы исчезают, другие, новые, появляются. Эти новые суффиксы обыкновенно представляют собою те же общеславянские суффиксы, но с разного рода „наращениями“, главным образом за счёт основы или корня (в результате переразложения основы), или других суффиксов. Так, ещё в эпоху общеславянского языкового единства наряду с суффиксом ***-к*** появились новые суффиксы, обозначающие действующих лиц („агентивные“): ***-ак(ъ)*** (*рыбак*), ***-ач(ь)*** (*тъкачь*), ***-ик(ъ)*** (*старикъ*), а потом и другие.

Повидимому, в историческое время возник суффикс действующего лица (nomen agentis) ***-ник(ъ)***, как следствие переразложения основы: *началь-ник-ъ, посад-никъ* и пр. Многие из

старых слов с этим суффиксом теперь вышли из обращения: *мечникъ, мытникъ, стольникъ* и другие. Определённо в историческое время и только на древнерусской почве появился новый агентивный суффикс ***-чик(ъ),*** с ***ч,*** отвлечённым от основы, сначала в таких образованиях, как *мальць*: *мальч-ик-ъ* и пр. Едва ли не одновременно (с XIII в.; на территории северо-восточной Руси) появился ***-щик(ъ)***: *даньщик, зажигальщик,* позже *заговорщик* (1639 г.) и т. д., сначала вследствие переразложения основы в таких образованиях, как ***приказчик*** (***при-каш'ч'ик***). Чем дальше идёт время, тем всё больше случаев употребления этого суффикса за счёт суффикса ***-ник*** наблюдается в памятниках письменности. Так, в связи с ростом государства, с развитием культуры в XV—XVI столетиях возникло множество новых слов с этим суффиксом для обозначения различных профессиональных групп: *зелейщик* (от „зелье" — порох), *басманщик* (от *басман* — хлеб), *затинщик* (от „тин" — забор), *наборщик* (с XVI в.), *литаврщик, барабанщик* и т. д. Суффикс ***-щик*** может в свою очередь „обрастать" за счёт основы. Так появляется, повидимому, не только в литературном языке, суффикс ***-овщик***: ***-евщик***: *бунтовщик* (уже в XVII в.), *зверовщик, межевщик* и т. п.

В связи с появлением и распространением новых суффиксов ***-чик,-щик*** находится сокращение сферы употребления некоторых других суффиксов действующих лиц, например ***тел-ь,*** в прошлом особенно применявшегося в книжно-литературном языке: *дѣятель* и пр. Сопутствующим явлением можно считать и полное омертвение некоторых суффиксов этой группы: ***-ич*** (*биричь* — скороход, глашатай), ***-ит*** (*кърчьмитъ, наймитъ*), ***-тух*** (*пастухъ, питухъ*), ***-ар-ь*** (*господарь*) и т. д.

Подобным образом появление и распространение в новое время суффикса ***-к-а*** (***-ък-а***) для обозначения орудий действия: *вилка, жнейка, сеялка* и пр., повлекло за собою вытеснение и омертвение старых суффиксов: ***-л-о***: *било, точило* и т. п., ***-иц-а***: *вилица* (вилка), *лъжица* (ложка) и т. п.

Некоторые суффиксы с давнего времени составляют особенность только русского (великорусского) языка или только восточнославянской языковой группы. Сюда относятся, кроме упомянутых ***-чик*** и ***-щик*** для обозначения действующих лиц мужского пола, также и некоторые другие, например, ***-ък-а*** для обозначения определённого действия: *возъка* (от *возить*),

уборка и т. п., и суффикс прилагательных ***-чив-ъ*** (в современном русском: *уступчивый, опрометчивый* и т. п.).

Сначала прилагательные этой группы имели суффиксы: по большей части ***-ив-*** [*грязивый:* „по грязивымъ мѣстомъ" — в „Слове о полку Игореве"; *струпивый, памятивый* (ныне: *памятливый)* и пр., в современном русском *спесивый* и т. д.], отчасти ***-ав-, -яв-*** (*лукавый, буявый,* теперь уже вышедшее из употребления, и пр.); потом ***-лив-*** (*л*+*ив*), как следствие переразложения основы: *бодль* (шип): *бодл-ив-ый* > *бод-лив-ый* (при наличии „бодати"), далее: *гнѣвливый, завистливый* и т. д. Наконец, позже других суффиксов, к XVI в., на русской почве возникает суффикс ***-чив-*** (*ч* + *ив*), также в результате переразложения основы: *лайца* (ругатель, от „лаяти"), *лайч-ив-ый* > *лай-чив-ый* (из употребления вышли), далее: *заносчивый, доверчивый* и т. д.

Новые суффиксы ***-лив-*** и особенно ***-чив-*** в современном русском языке явно вытесняют старый суффикс ***-ив-*** в словах этой группы — в древнерусском языке один из самых продуктивных суффиксов прилагательных.

Мы знаем немало случаев слияния суффиксов, усложнённого ещё фонетическими изменениями. Так, суффикс ***-(ь)ство,*** употреблявшийся для обозначения отвлечённых понятий: *богатство* и т. п., надо полагать, возник в результате „обрастания" суффикса ***-в-о*** (*чьтиво* и пр.) другими суффиксами: сначала ***-тв*** + *о* (*жьнитво,* при *жьниво* и т. д.), потом ***-(ь)ство,*** возможно вследствие переразложения основы и фонетического упрощения в таких словах, как: *дѣтьскство* от *дѣтьск-ый,* при наличии *дѣти*, откуда: *дѣтьство* и т. п.

В старославянском языке этот суффикс был известен и в виде ***-(ь)ствие***: *царьствие, страньствие* и т. п., т. е. в сочетании с другим суффиксом отвлечённых существительных ***-ье*** > ***-ие***. Отсюда — его употребление и в древнерусском книжном литературном языке, и в современном русском литературном. Ср. кстати: *царствие* и *царство, бедствие* и *бедство* (например, у Пушкина в „Сказке о попе и работнике его Балде": „Знаю средство, | Как удалить от нас такое бедство").

Как уже было отмечено выше, в истории языков нередки случаи, когда в прошлом живой суффикс, хорошо различавшийся в составе слова как его отдельный элемент, перестаёт различаться в качестве форманта и, следовательно, „умирает". Так, слово ***дар***, сначала распадавшееся в сознании говорящих на

корень ***да*** (*да-ти*) и суффикс ***-р*** (ср. *пи-р-ъ* и пр.), с давнего времени перестало распадаться на эти составные части. Это очень распространённое явление. Слово *сокровище* сначала распадалось следующим образом: *съ-кров-ищ-е*, причём суффикс ***-ищ-е*** здесь имеет „местное" значение (ср.: *кладбище, стойбище, пожарище* и т. п., место кладьбы, место стоянки и пр.). Таким образом, это слово значило: „место сокрытия", „тайники" (ср. в древнерусском „вълѣзѣте въ *съкровища* ваше"). В связи с изменением значения этого слова (*драгоценность*, т. е. то, что нуждается в сокрытии) произошло „опрощение" основы: она превратилась в непроизводную основу. Слово *зодчий* находится в связи (по своему суффиксу) с такими словами, как *кормчий* и т. п., и с такими, как *казначий* (> *казначей*) и др. В результате опрощения основы и омертвения суффикса ***-чий*** это слово и подобные получили совсем новое склонение по типу прилагательных: *зодчего, зодчему* и т. д.

Суффиксы иногда заимствуются из других языков. У нас, в русском языке, имеется целый ряд заимствованных суффиксов для выражения отвлечённых понятий, суффиксов, попавших к нам, разумеется, вместе с заимствованными словами, но впоследствии отвлечённых от них. Кроме старославянских заимствований на ***-ствие*** (*шествие* и т. п., в говорах: *лекарствие* и некоторые другие), ***-знь*** (*жизнь* и пр.) и др., можно отметить западноевропейские, заимствованные в новое время: ***-изм*** (*большевизм* и др.), ***-ация*** (*яровизация* и т. п.), ***-аж*** (*листаж* и т. п.) и пр., иногда в сочетании с русскими суффиксами: *игнорировать* (***-ир-ова-ть***) и т. д.

При изучении суффиксов имён существительных в их истории необходимо учитывать, от какой основы, именной или глагольной, образовано то или другое слово. Имеется целый ряд суффиксов, употребляемых теперь только в отглагольных по происхождению существительных. Сюда, в частности, относятся суффиксы ***-нье, -енье, -тье*** (восходящие к ***-ье***), которые служат для выражения отвлечённых глагольных понятий. Например, в современном русском: *спасение, чтение, взятие, питьё* и т. п.

Представляет интерес история суффикса отвлечённости ***-ость***, который первоначально мог сцепляться только с основой прилагательных: *старость, мудрость* и пр., но позже (особенно с XIX в.) стал допускаться и в таких образованиях от глагольной основы, как *видимость, успеваемость* и др.

§ 133. „Славянизмы". В лексическом отношении старославянский язык заметно отличался от языка восточнославянских племён. Разница заключалась не только в том, что общеславянские слова по-разному з в у ч а л и в старославянском и в древнерусском языках: *градъ: городъ* и пр., или *азъ: язъ, я,* или *седмь: семь* и т. д.; не только в том, что в старославянском языке некоторые слова образовались с помощью суффиксов, не употреблявшихся в древнерусском: *пришьствие, царьствие* (при древнерусском *царьство*) и т. д.

В литературном старославянском языке, сложившемся при иных этнических, внешнеполитических и культурных условиях, чем литературный язык древней Руси, и на основе другого, хотя и родственного языка, употреблялось немало слов, чуждых языку восточного славянства: кроме собственно болгарских, македоно-болгарских, употреблялось немало других, издавна неизвестных болгарскому языку, попавших в язык старославянских книг в связи с деятельностью славянских первоучителей в Моравии и Паннонии: например, *балии* (врач), *къмотръ* (кум), *локъва* (дождь), *рѣснота* (истина) и др.

Кроме этих славянских слов, здесь находилось в употреблении большое количество слов иного, неславянского, происхождения, преимущественно культовых: греческого происхождения: *евангелие, ересь, иерей, икона* и т. п., отчасти латинского: *алтарь* (лат. altus — высокий), *оцьтъ* (уксус; лат. acetum) и др. и (в незначительной мере) готского: *цьркы* (церковь) и др. и немецкого: *попъ, постъ* и пр.

Старославянский язык можно считать одним из богатейших литературных языков Европы IX—XI столетий в отношении лексических средств, особенно для выражения отвлечённых понятий: *пространьство, разумъ, истина, общество, въселенная* и т. д., не говоря об иноязычных словах этой категории: *аеръ* (воздух), *философия* и пр.

Благодаря тому, что старославянский язык в IX—XI столетиях являлся орудием международного литературного общения на огромной славянской территории, его словарь в течение столетий беспрерывно обогащался за счёт других языков славянских и неславянских народов. В связи с этим обстоятельством находится, между прочим, такое важное преимущество старославянского языка (как литературного), сравнительно с другими славянскими языками этого времени, как обилие синонимических средств для выражения

одного и того же понятия или близких понятий: *видѣти: зърѣти, врачь: балии, истина: рѣснота, остров: отокъ, часъ: година* и т. д., не говоря уже о таких синонимах, как *аеръ: въздухъ, анагностъ: чьтець, иерей: попъ, священникъ* и т. п.

С течением времени огромные словарные запасы старославянского языка стали достоянием древнерусских людей, которые сумели хорошо воспользоваться этим лексическим богатством для того, чтобы свой литературный язык сделать ещё более богатым, гибким и выразительным.

§ 134. Заимствованные слова. Невозможно представить себе племя, народность, настолько изолированные от своих соседей, чтобы между этим племенем, народностью и их соседями не существовало никаких взаимоотношений ни в какой области. Понятно поэтому, что не существует и таких языков, которые в лексическом отношении отличались бы абсолютной чистотой, языков, в лексике которых вовсе не заключалось бы слов, заимствованных из других языков в разное время и при различных обстоятельствах.

Товарищ Сталин, говоря о „скрещивании“ с русским языком в ходе исторического развития других языков иных народов в отдалённом прошлом, подчёркивает, что „словарный состав русского языка пополнялся при этом за счёт словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык“ [1].

Заимствованные слова в древнерусском народном языке относятся к разным периодам его самостоятельного существования. Имеются очень древние заимствования. В их число входит, например, слово *кънęзь* (князь), с производными: *кънęгыни* и др., заимствованное у германцев (повидимому, из древневерхненемецкого kuning-, откуда в новом немецком König). Сюда же относятся и другие слова и, между прочим, слово *мастер*, встречающееся уже в „Повести временных лет“.

Кроме этих и некоторых других слов западного — древненемецкого и готского происхождения, усвоенных восточными славянами через посредство других славян, можно указать ещё некоторые заимствования с севера.

С IX в. в жизни восточного славянства начинают играть известную роль варяги, наёмные варяжские дружины, состав которых не был однороден, а руководство, повидимому, менялось, переходя от западных славян (с балтийского Поморья) к норманам (древним шведам и норвежцам) и обратно, пока не закрепилось за норманами. Не была одинаковой и роль варяжских дружин в общественной жизни древней Руси. Иногда они просто несли пограничную службу; нередко древнерусские князья пользовались услугами предводителей

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 30.

этих отрядов для охраны внутреннего порядка. Бывали случаи, когда варягам удавалось время от времени захватывать верховную власть на местах. Если верить летописи, то в середине IX в. варягам (повиднмому, уже в значительной мере, ославянившимся) удалось даже обосноваться в Киеве, в период объединения восточнославянских земель вокруг этого центра.

В культурном отношении варяги-норманны, как и германцы на западе, не были выше восточных славян. Они очень скоро ассимилировались, слились со славянским населением древней Руси, растворились в нём. Вот почему в современном русском языке не сохранилось ни одного достоверно норманского слова, если не считать некоторых личных имён: *Ольга, Игорь, Свенелд*, возможно, *Олег.*

Незначительное количество, видимо, норманских, слов некоторое время держалось в древней Руси, особенно на севере: *вира* — денежная пеня за убийство свободного человека, *гридь* или *гридьня* — младшие дружинники, откуда *гридьница* — помещение для *гриди* в княжеском тереме (ср. у Пушкина: „С друзьями в *гриднице* высокой | Владимир-солнце пировал"), *тиун* и некоторые другие. Они почти все вышли из употребления уже к концу древнерусской эпохи. К сохранившимся „норманизмам", повидимому, относится *ябеда*, откуда: *ябедник* (из œmbœtte — служба; ср. нем. Amt) — слово, примерно с XVI в. изменившее значение (клевета).

На юге наши предки с давнего времени находились в добрососедских отношениях с греческим населением бывших причерноморских колоний Греции, и уже в ту эпоху некоторые греческие по происхождению слова могли быть усвоены восточными славянами. Позже, в период военных походов на Византию и особенно после крещения Руси, когда Рюриковичам, наконец, удалось наладить нормальные, мирные отношения с Византией, в литературном и народном языке появилось и получило распространение немало заимствованных греческих слов. Это были не только слова церковного, ритуального жанра, попавшие к нам, надо полагать, через посредство старославянского языка: *евангелие, икона, монастырь, иерей, диакон, игумен, монах, ангел, сатана, диавол, ересь* и пр., но и другие слова, в частности имеющие отношение к древнерусскому быту, характеризующие высокий уровень древнерусской культуры: *грамота, хартия, тетрадь, философ, терем, палата, известь, крин* (лилия), *фонарь, кровать, паполома* (покрывало; например, в „Слове о полку Игореве": „одѣвахуть мя... чръною *паполомою* на кровати тисовѣ"), *аксамит* (дорогая шёлковая ткань; например, в том же „Слове": „драгыя *аксамиты*"), *леньтие*, откуда *лента* и др. Многие из этих греческих слов, обычных в литературном языке древней Руси, со временем вышли из обращения; преимущественно это такие слова, как *аер* — воздух, *анагност* — чтец и т. п., выражавшие понятия, для обозначения которых у восточных славян имелись свои слова. С другой стороны, некоторые греческие (или латино-греческие) слова впоследствии в русском (великорусском) языке вытеснили соответствующие славянские. Сюда относятся, например, названия месяцев: *январь, февраль* и пр. вместо древнерусских: *просиньць* (ср. в Остромировом евангелии: „до мѣсяца ѥнуара просиньца рекомааго 25б"), *сѣчьнъ, сухый, брезозоръ* (или: *брезозолъ*, с корнем *зел*; ср. *зелёный, зелень*), *травьнъ, изокъ* (по-древнерусски это слово значило „кузнечик") и т. д., ср. в украинском. *січень* — январь, *лютий* — февраль, *березень, квітень, травень* и т. д.

На юго-восточных границах своих поселений наши предки с давнего времени соприкасались с кочевыми народами тюркского происхождения: сначала печенегами, потом половцами, ещё позже татарами, и вели с ними тяжёлую борьбу, защищая с переменным успехом независимость, целостность и славу созданного ими обширного государства.

Таким образом, ещё в эпоху до татаро-монгольского нашествия единичные тюркские слова (или, через тюркское посредство, — арабские, персидские и другие ближневосточные) получили некоторое употребление в древней Руси. В „Слове о полку Игореве", написанном вскоре после неудачного похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г., встречается несколько таких тюркских слов: *орьтъма* — покрывало, *япончица* — верхняя одежда, плащ, *харалугъ* — булат, сталь, *когань* — царь, *ногата* — монета (см. об этом слове выше), *чага* — невольница, *жемчюгъ* и др. Из этих ранних заимствований из тюркского источника сохранились только отдельные слова, например *жемчуг*. К периоду татаро-монгольского ига относится распространение таких татарских по происхождению слов, как: *орда* (с производными, теперь уже вышедшими из оборота, например *ординец* — татарский пленник, выкупленный на волю), *тамга* (с XIII в.) — подать, откуда потом *таможня, денга, деньга* (с XIV в.) — оба слова восходят к тюркскому *дамга*: *тамга; ям* — денежный сбор на гоньбу, откуда потом *ямской, ямщик* и пр., *караул* (с XIV в.) — пограничный сторожевой пункт (происходит от *кара* — смотреть, наблюдать и *аул* — селение, населённый пункт), *кирпич, ярлык* (ханская грамота на княжение; сохраняется с изменением значения) и др.; многие из татарских и вообще тюркских и ближневосточных слов, заимствованных в это и более позднее время, впоследствии вышли из оборота: *баскак* (татарский чиновник, сборщик дани), *тюфяк* — род пушки и др. Некоторые дошли в переработанном виде: *вьюк* из *юк* (влияние: *вью* и т. п.). Ср. в „Хожении" Афанасия Никитина: „взялъ *юкъ* яхонтовъ" и т. п. Некоторые из восточных слов, вышедших из оборота в новое время, снова попали к нам через западное посредство; например *джунгли* из персидского *дженгель*. Ср. в том же „Хожении": „со одну стороиу *женьгъль* злый и з другую долъ" и т. д. Едва ли тюркского (скорее западного) происхождения слово *карман* (польск. korman). Старое значение: „кошелёк". Ср. в газете „СПБ Ведомости" за 1798 г., от 1/VI: „Некая барыня... шедшая по Фонтанке... обронила *карман* с разными записками". То же можно сказать и о старомосковском слове *калита* в том же значении: „поясъ золотъ с калитою" — в Духовной Дмитрия Донского 1389 г.

На севере и востоке древней Руси, особенно в процессе расселения и освоения новых земель, восточные славяне (словене, кривичи, отчасти вятичи) оказались в соседстве с племенами угро-финской группы языков, восточными (меря, весь, мещера, мордва и др.) и западными: сумь (суоми), корела, водь и пр. Эти племена с древнейшего времени начали усиленно перенимать отдельные слова у восточных славян и усваивать их язык. В своей значительной части они позднее даже ассимилировались, слились со славянами, стоявшими на более высокой ступени культурного развития. Но и в русский язык время от времени попадали некоторые слова из угро-финских языков. В севернорусских говорах до сих пор употребляется немало бытовых слов, вероятно, финского происхождения: *баса* (красота, добротность), откуда: *баской, баско*; *конда, кондовый лес* (отборный, строевой лес), *елань* (луг, лужайка в лесу), *кокора* (коряга), *лыва*-

(1) лужа, топкое место в лесу, 2) поросль в болотных местах, лес; с этим последним значением слово встречается у Ломоносова: „из *лыв* густых выходит волк“, „Ода на взятие Хотина“), *салма* (пролив), *шаньга* (лепёшка или хлебец, намазанный сметаной) и т. д. Следует, однако, учесть, что эти севернорусские слова финского происхождения в наших древнейших памятниках письменности раньше XIV в. не встречаются (между прочим, *лыва* отмечено в одной новгородской купчей XIV в.). Финских же слов, вошедших в общий восточнославянский словарный фонд древнерусской эпохи, почти невозможно указать. Полагают, что сюда относится *колдун*.

Что касается прибалтийских соседей восточного славянства, предков нынешних литовцев и латышей (по-древнерусски: литва, ятвяги, жмудь, льтьгола и др.), то и здесь положение создалось в основном такое же, как в области славяно-финских отношений. Балтийцы больше заимствовали слов у восточных славян, чем передали им из собственного лексического фонда. Надо полагать, из литовского языка попало в русский слово *ендова* или *яндова* — чаша, кружка, ковш; ср. у Ершова в „Коньке-Горбунке“: „Постучали *ендовой* и отправились домой“. Однако в древнейших памятниках нашей письменности (до XVI в.) этого слова не обнаружено.

Так в общих чертах обстоит дело с заимствованными словами в древнерусском языке. Разумеется, эти чужие, неславянские слова усваивались в древней Руси не только в процессе непосредственного общения наших предков с другими народами и отдельными их представителями. Некоторая часть иноязычных слов была усвоена книжным путём (особенно греческие слова). В более позднее время этот источник заимствования стал играть роль гораздо большую, чем в древнерусскую эпоху.

Изучение этих заимствованных слов, попавших в русский язык главным образом через посредство книги и в своём большинстве не вышедших за пределы собственно литературной речи, неизвестных в говорах, относится уже к истории литературного русского языка.

Не следует, однако, преувеличивать значительность этого чужеязычного вклада в словарном составе древнерусского языка. Многие слова, которые иногда считаются заимствованными в славянских языках из других языков, неславянских, на самом деле, при более спокойном и объективном изучении этих слов, допускают объяснение на славянской почве. Например, слово *блюдо*, часто рассматриваемое (явно без достаточного основания) как древнее заимствование из готского языка, оказалось возможным сблизить с общеславянским глаголом *блюсти*. Не так ещё давно общеславянское слово *скот* (употреблявшееся в древнерусском языке также со вторичным значением „имущество“, „деньги“) были склонны считать заимствованным из древнегерманских диалектов (из готского *skatts* — деньги). Было доказано, однако, что оно не является германизмом и что, наоборот, готы заимствовали это слово у славян. То же можно сказать и о некоторых более поздних словах. Например, едва ли имеется необходимость возводить, как это обычно делается, древнерусское *варяг* к древнеисландскому *væringr* (мн. ч. *væringiar*), что значит, повидимому, „союзник“ или „защитник“ (первоначальное значение этого термина точно не установлено). Слово *варяг* (др.-русск. *варягъ*) можно объяснить и на древнерусской почве. Его корень *вар-*, тот же, что в *варяти, варити, варовати* — беречь, хранить, верить, в словах, которые до сих пор сохраняются

в других славянских языках и отчасти у нас, особенно в былинном языке на севере, а с приставкой *пред: предварять, предварить* и пр. — и в литературном русском; суффикс же ***-яг*** засвидетельствован древнерусским словом *работягъ* (откуда потом — *работяга*). Чаще, однако, с этим суффиксом употреблялись неодушевлённые существительные: *соснягъ* и т. п. (ср. в современных говорах: *сосняг, ельняг* и т. п.).

С другой стороны, никогда не нужно забывать, что в древности не только в славянские языки и древнерусский язык попадали слова, заимствованные из других языков, но и, наоборот, из славянских языков и древнерусского немало слов перешло в другие языки, в частности, западные, германские (например, в готском, кроме упомянутого ***skatts***, к заимствованиям из общеславянского языка древнейшей эпохи относится также ***plinsjan*** — плясать и др.). Процесс языкового общения не был односторонним.

Выше было упомянуто об единичных норманских словах в древнерусском языке. Но, разумеется, и норманны кое-что позаимствовали у наших предков.

В шведском языке, т. е. в языке потомков древних норманнов, до сих пор и с давнего времени употребляется немало восточнославянских слов: ***lodja*** — ладья, барка, ***torg*** — площадь, ***pitschaft*** — печать и другие.

Константин Багрянородный в своём сочинении „О народах", написанном ок. 949 г., утверждает, что печенеги употребляли слово *закон*, заимствованное у древнерусов. Греки-византийцы воспользовались у наших предков названиями некоторых овощей: *aguron* (огурец), *seuklon* (свёкла) и др. Надо полагать, что из древнерусского языка попало в болгарский и вообще на Балканы слово *роб*, с начальным сочетанием ***ро***, вместо ожидаемого по-южнославянски *раб*.

Особенно много восточнославянских слов (отчасти ещё в эпоху до развития полногласия) было заимствовано финнами и балтийскими народами, напр., фин.-суоми: *artti* (ссора, из *рать*), *varpu* (воробей), *talkoo* (толока) и пр. В языке эстов сюда относятся: *tapper* (топор), *sahs* (соха) и др., в том числе, повидимому, и *mogel* или *mugel* (мыло; едва ли не из древнерусского *мыгло*). В литовском сюда относятся: *čerpė* — черепица, *karvojus* (коровай) и др.

Известны такие заимствования из языка восточных славян в древности и у народов Кавказа: *книга* и *печать* — в осетинском языке; *сало*, как принадлежность туалета, отмечено было в одном древнеармянском памятнике — описании хозарской трапезы VII века.

Подобным образом и позже отдельные слова из русского языка заимствовались и продолжают заимствоваться в другие языки, в частности, западноевропейские, и становятся международными словами. В эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции к этой группе слов относятся: *совет, большевик, пионер, пятилетка, колхоз* и некоторые другие.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА И О НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ПОСОБИЯХ ДЛЯ УГЛУБЛЁННОГО ИЗУЧЕНИЯ КУРСА

Историческое изучение языка возникло в начале прошлого столетия, одновременно в ряде европейских стран, в частности, и в России. По своему происхождению и в дальнейшем своём развитии историческое изучение таких языков, как русский, неразрывно связано со „сравнительной грамматикой“ родственных языков той группы, той семьи, к которой относится данный, исторически изучаемый язык. Так, история русского языка и основная её часть — историческая грамматика русского языка, теснейшим образом связана со сравнительной грамматикой славянских языков.

История русского языка в течение XIX в. развивалась как отрасль сравнительно-исторической грамматики славянской семьи языков. Успехи этой новой научной дисциплины были связаны с разработкой сравнительно-исторического метода.

Много потрудились на этом поприще такие крупнейшие наши языковеды прошлого времени, как А. Х. Востоков (1781—1864), И. И. Срезневский (1812—1880), работавшие в Петербурге, Ф. И. Буслаев (1818—1897), жизнь и деятельность которого протекала в Москве. Они наметили задачи и программу исторического изучения русского языка, указали главные источники такого изучения и начали их разработку (главным образом по линии письменных памятников), создали первые пособия по истории русского языка (например, Буслаев — „Историческую грамматику русского языка“, 1858, и „Историческую хрестоматию“, 1861), подготовили первые научные кадры.

Самым талантливым из представителей следующего поколения русских языковедов был профессор Харьковского универси-

тета А. А. Потебня (1835—1891), интересовавшийся главным образом вопросами философского языкознания, но оставивший также ряд очень ценных лекций и исследований по исторической фонетике („К истории звуков русского языка") и особенно по историческому синтаксису русского языка („Из записок по русской грамматике"), положивший начало историческому изучению словарного состава русского языка.

К последней четверти XIX и к началу XX в. относится расцвет научной деятельности двух самых видных историков русского языка, — воспитанников Московского университета: акад. А. И. Соболевского (1856—1929) и акад. А. А. Шахматова (1864—1920), виднейшего из учеников акад. Ф. Ф. Фортунатова. Благодаря необыкновенной работоспособности, неутомимой научной деятельности этих талантливых языковедов и их учеников историческое изучение русского языка было поднято на значительную высоту. Созданные этими учёными общие университетские курсы исторической грамматики русского языка: „Лекции по истории русского языка" А. И. Соболевского (4-е, последнее издание вышло в 1907 г.) и „Курс истории русского языка", тт. I — III (литографированное издание, повторно вышедшее в 1912 г.) и „Очерк древнейшего периода истории русского языка" („Энциклопедия славянской филологии", т. 11, П. 1915) А. А. Шахматова до сих пор являются важнейшими и незаменимыми пособиями, хотя во многих отношениях (не только методологическом) они уже давно устарели.

В особенности это следует сказать о „Лекциях" Соболевского. При всём том, однако, материал по истории звуков и по истории форм склонения и спряжения — обильные выписки из памятников письменности, расположенные в хронологическом порядке по отдельным явлениям (например, „исчезновение глухих", „смешение падежей" и т. п.), и иногда объяснение этих данных, заключающиеся здесь,— до сих пор ещё не утратили научного значения.

Именно для А. И. Соболевского и его школы (проф. Н. М. Каринский, Леонид Васильев и др.) можно считать характерной чертой некоторую переоценку роли и значения письменных источников исторического изучения языка и излишне сдержанное отношение к данным сравнительной грамматики.

Напротив, Шахматов является представителем той школы русских языковедов (она называется „школой Фортунатова", или „московской школой"), с деятельностью которой главным обра-

зом и связана у нас разработка сравнительно-исторического метода в языкознании. Историческое изучение русского языка в трудах Шахматова, его учеников (С. П. Обнорский и др.) и вообще близких к нему в методологическом отношении языковедов (проф. Е. Ф. Будде) строится на основе диалектологических данных и вообще данных живой речи, на основе сравнительного изучения диалектов русского языка и сравнительного изучения русского языка и других славянских, материал же письменных памятников древнерусского языка берётся лишь как источник вспомогательный. Шахматов, как историк языка, занимался изучением главным образом звуковой стороны языка, разработкой исторической фонетики русского языка и оставил блестящие образцы применения сравнительно-исторического метода в этой области.

В эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с общим подъёмом научной жизни в СССР сравнительно-историческое изучение русского языка продолжало развиваться в направлении, намеченном этими двумя языковедами.

Акад. С. П. Обнорский, энергично продолжавший работу своего учителя Шахматова, перенёс внимание на разработку исторической морфологии русского языка, на изучение форм именного склонения и глагольных форм в их историческом развитии. Он является автором двухтомного труда „Именное склонение в современном русском языке" (т. I — 1927, т. II — 1931) и книги „Очерки по истории русского литературного языка" (1946), удостоенной Сталинской премии. В этой книге заключается описание языка некоторых древнерусских литературных произведений („Русской Правды", сочинений Владимира Мономаха, „Моления" Даниила Заточника и „Слова о полку Игореве") и излагается новая теория происхождения литературного языка в древней Руси, возникшего на народной, восточнославянской, а не на старославянской, основе.

Большие заслуги в области исторического изучения русского литературного языка и стилей художественной речи, в области исторической лексикологии позднего времени принадлежат акад. В. В. Виноградову.

Развитие исторической грамматики русского языка многим обязано также крупнейшим советским славяноведам — Б. М. Ляпунову, А. М. Селищеву и Л. А. Булаховскому.

Проф. А. М. Селищев (1883—1942) является автором пособия „Западнославянские языки", 1941, составляющего первый том капитального труда „Славянское языкознание", имеющего большое значение для углублённого исторического изучения русского языка. То же следует сказать и о двухтомном пособии Селищева „Старославянский язык". Этому автору принадлежит ещё целый ряд книг (в частности, „Диалектологический очерк Сибири", 1921), статей и рецензий, имеющих непосредственное отношение к исторической грамматике русского языка.

Украинский академик Л. А. Булаховский, известный исследователь в области истории русского и украинского языков, является автором учебного пособия „Исторический комментарий к русскому литературному языку" (3-е издание вышло в 1950 г., во время дискуссии), в некоторых отношениях (главы IV — ударение и V — синтаксис) наиболее полного из существующих пособий этого типа. Полезным пособием по истории русского языка является также книга Булаховского „Русский литературный язык первой половины XIX века", т. II, 1948.

Кроме упомянутых выше трудов, имеется ещё целый ряд пособий по истории русского языка (Брандта, Будде, Поржезинского, Дурново и др.), которых мы здесь не перечисляем.

Лучшей хрестоматией по нашему курсу является „Хрестоматия по истории русского языка" С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова. Первая часть, заключающая тексты XI — XVII столетий, вышла в свет в 1938 г. (в настоящее время переиздаётся). Часть вторая — в двух выпусках (в. 1 — 1948 и в. 2 — 1950) — относится к истории литературного русского языка в XVIII в.

Для справок лексикологического характера по истории отдельных слов следует пользоваться монументальным трудом акад. И. И. Срезневского „Материалы для словаря древнерусского языка", в трёх томах (1897—1907), и более поздним, советского времени, словарём общественно-политической и экономической терминологии Г. Е. Кочина „Материалы для терминологического словаря древней Руси", 1937.

Незаменимым до сих пор остаётся „Этимологический словарь русского языка" А. Г. Преображенского. Большая часть (от „а" до „сулея") этого ценнейшего пособия по истории русского языка была напечатана в дореволюционное время (1910—1914), окончание („тело" — „ящур") с большими пропусками вышло в

свет в 1949 г. в „Трудах Института русского языка АН СССР“, т. I.

Одной из важных вспомогательных (по отношению к исторической грамматике языка) научных дисциплин является палеография. Наиболее полным пособием по кирилловской палеографии следует считать книгу акад. Е. Ф. Карского „Славянская кирилловская палеография“, Л. 1928.

Возникновение в середине двадцатых годов вульгарно-материалистической теории развития языка акад. Н. Я. Марра, так называемого „нового учения о языке“, и утверждение аракчеевского режима в языкознании нанесло серьёзный ущерб дальнейшему развитию у нас лингвистических дисциплин исторического цикла. Сравнительно-историческое изучение русского языка и других славянских к сороковым годам у нас начало свёртываться.

Выступление И. В. Сталина в июне — августе 1950 г. по вопросу о марксизме в языкознании, завершившее свободную лингвистическую дискуссию на страницах „Правды“ (с 9 мая по 27 июня 1950 г.), и опубликование гениального труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ положило конец „аракчеевскому режиму“ в языкознании и ознаменовало собою начало нового периода в истории науки о языке и в истории общественных наук и вообще в развитии философской мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. ВВЕДЕНИЕ

III. РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Историческая морфология

Б. Из исторического синтаксиса

IV. РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Редактор *Н. М. Шанский*. Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*.
Корректоры *Т. А. Пирязева* и *В. А. Соловова*.

Подписано к печати 27/II 1952 г. А-01576. Тираж 75 тыс. экз. Бумага $60\times92^1/_{16}=9^3/_4$ бум. л.+0,11 л. вкл.—$19^1/_2$ печ. л.+0,22 л. вкл. Учётно-изд. л. 17,83+0,15 л. вкл. Цена без переплёта 3 р. 65 к., переплёт 1 р. 50 к. (Номинал по прейскуранту 1952 г.). Заказ № 190.

Набрано и отматрицировано в первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с готовых матриц во 2-й типографии «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Надо
32	13 сверху	*мећа*	*међа*
91	12 сверху	алеѯ̆андръ, ѯ̆орѯ̆ъ,	алеѯандръ, ѯорѯъ,
108	13 снизу	пустое	простое
113	16 сверху	не возможно	невозможно
123	4 снизу	, возможно,	возможно
131	10 снизу	*в > у, у*	*в > у̯, у*
255	18 снизу	населення	населення,
308	6 снизу	*gj*	*đj*

Типография „ПЕЧАТНЫЙ ДВОР"
им. А. М. ГОРЬКОГО
Ленинград, 3. Гатчинская, 26

КОНТРОЛЕР № 89

При обнаружении дефекта в книге, просим возвратить книгу с ярлыком для обмена

